Цѣна 1 руб.

Цѣна 2 р.

Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Критически провѣрен. текстъ, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда

Томъ шестой

1/36

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій проспектъ, собств. домъ, № 75

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“.
С.-Петербургъ, Забалканскій проспектъ, соб. домъ № 75.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

I-ая серія:

Собраніе сочиненій

А. В. Амфитеатрова.

Съ портретомъ автора.

25 томовъ по 1 р. 50 к., въ изящныхъ коленкор. переплетахъ 50 р.

Допускается разсрочка платежа отъ 2 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Л. Н. Андреева.

Съ портретомъ автора и вступит. статьей проф. **М. А. Рейснера.**

10 томовъ по 1 р. 25 к., въ изящныхъ коленкор. перепл. 17 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Н. А. Добролюбова.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. *М. А. Рейснера;*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ *автора;*
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ *автора.*

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И Введенскаго;*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго;*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Айхенвальда;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ *З. А. Венгеровой,*
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова;*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

112/54-6

Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Критико-біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, библіографическій указатель, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою....
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбовъ.

БИБЛИОТЕКА
Техникума точной механики и оптики
Ленинград, Демидов, 10.

Томъ VI.

1/36.

С.-Петербургъ.
Типо-лит. Акціонернаго О-ва „Самообразованіе",
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе тома VI.

Стр.

Предисловіе редактора къ тому VI 1

Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ („Гроза", драма А. Островскаго) („Современникъ" 1860, № 10) . 15

Забитые люди (сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, два тома. — Униженные и оскорбленные, романъ Ѳ. М. Достоевскаго) („Современникъ" 1861, № 9). . . 141

Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности („Современникъ" 1859, № 12) 227

О значеніи авторитета въ воспитаніи („Современникъ" 1857, № 5) 257

Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова („Современникъ" 1859, № 2) 293

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ („Современникъ" 1860, № 1) 310

Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами („Современникъ" 1860, № 1) 322

Отъ дождя да въ воду („Современникъ" 1861, № 8) . 362

Отъ редактора.

Предисловіе къ тому VI.

Статья Добролюбова «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», являющаяся критическимъ разборомъ лучшей изъ драмъ Островскаго «Грозы», находится въ тѣсной связи не только съ «Темнымъ царствомъ», но также и со статьей критика «Черты для характеристики русскаго простонародья», которой закончился предыдущій, пятый томъ настоящаго изданія.

Непосредственная связь этой статьи съ «Темнымъ царствомъ» очевидна сама собою. Обстановка, въ которой протекаетъ дѣйствіе пьесы, представляетъ собою все то же «темное царство» произвола,— самодурства, — которое, пользуясь произведеніями Островскаго, критикъ съ такимъ неподражаемымъ мастерствомъ характеризовалъ въ двухъ своихъ прежнихъ статьяхъ. Но критикъ усиленно подчеркиваетъ теперь для тѣхъ, кто не догадался раньше, что не купцы только имѣлись въ виду въ произведеніяхъ драматурга и въ его собственныхъ критическихъ статьяхъ. Тамъ были захвачены основныя черты всего нашего быта. И вотъ теперь въ «Грозѣ» или, точнѣе, въ лицѣ главной героини драмы Катерины, Островскій сумѣлъ отмѣтить такія общія

стремленія и потребности, которыми проникается опять таки не одна какая-нибудь соціальная группа, а все русское общество; голосъ которыхъ слышится во всѣхъ явленіяхъ русской жизни и удовлетвореніе которыхъ составляетъ необходимое условіе нашего дальнѣйшаго развитія. Это голосъ, это требованія права, законности и уваженія къ человѣку, — требованія, которыя явственно начинаютъ звучать изъ глубины того безобразія взаимныхъ отношеній, какимъ переполнено темное царство.

Словомъ, подчеркивая, что темное царство надо разсматривать какъ символъ старой, отмирающей Россіи, Добролюбовъ тѣмъ самымъ показываетъ, что и Катерина «Грозы» — тоже символъ, но символъ новой, возрождающейся Россіи.

Въ предисловіи къ пятому тому настоящаго изданія я указалъ уже, съ какой упорной настойчивостью, съ какимъ упованіемъ Добролюбовъ искалъ въ литературѣ — и въ художествѣ и въ публицистикѣ — подтвержденія своей горячей вѣрѣ въ освободительную энергію народа. Натолкнувшись въ этихъ поискахъ на произведенія Марко Вовчка, критикъ закрылъ глаза на слащавую романтику этой писательницы и, утверждая зыбкій реализмъ сочиненныхъ ею образовъ, старался утвердить такимъ образомъ свою собственную идеалистическую позицію, не находившую сколько-нибудь твердой опоры въ фактахъ современной ему жизни и литературы. Но чуткій критикъ не могъ не сознавать, что и кабинетное сочинительство Марка Вовчка — опора весьма ненадежная для тѣхъ построекъ, какія онъ воздвигъ на немъ.

И вотъ передъ нимъ обаятельный и живой образъ Катерины, образъ простой русской дѣвушки, ко-

торая и въ удушливой атмосферѣ темнаго царства сохранила въ себѣ столько моральной красоты и силы, что могла бы смѣло помѣряться съ идеальными женскими типами Тургенева изъ среды русской дворянской интеллигенціи. Вѣдь въ женскихъ типахъ Тургенева есть нѣчто обломовское, заставляющее ихъ тянуться и лѣпиться къ предполагаемой или дѣйствительной силѣ другого пола. Тогда какъ Катерина въ «Грозѣ» всецѣло предоставлена самой себѣ.

Неудивительно поэтому, что Добролюбовъ цѣликомъ былъ захваченъ этимъ новымъ въ русской литературѣ образомъ и въ своей блестящей статьѣ вознесъ Катерину на высоту, о которой, конечно, не мечталъ ея творецъ Островскій, и вдохнулъ въ нее свою собственную полную вѣры и мятежныхъ устремленій душу. Катерина для Добролюбова это прежде всего — русскій сильный характеръ. Онъ «поражаетъ насъ своею противоположностью всякимъ самодурнымъ началамъ. Онъ сосредоточенно рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью естественной правды, исполненъ вѣры въ новые идеалы и самоотверженъ въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тѣхъ началахъ, которыя ему противны».

Теперь, противопоставляя образъ Катерины, какъ пробуждающагося народа, положительнымъ типамъ интеллигентской среды, Добролюбовъ сравниваетъ эти послѣдніе съ «фонтанчиками, бьющими довольно красиво и бойко, но зависящими въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма». Тогда какъ Катерина, напротивъ, «можетъ быть уподоблена большой многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; она не останавливается передъ препятствіями, но беретъ ихъ, потому

что «это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій, для дальнѣйшаго теченія».

Пять лѣтъ спустя противъ Добролюбовскаго истолкованія Катерины горячо вооружился Д. И. Писаревъ. Этотъ писатель, котораго часто и въ большинствѣ случаевъ преднамѣренно сливаютъ съ Добролюбовымъ въ одинъ общій образъ «критика 60-хъ годовъ», на самомъ дѣлѣ многими сторонами своей мысли и своихъ умонастроеній рѣзко отличался отъ Добролюбова. Писаревъ самъ утверждалъ, что если бы онъ могъ «съ глазу на глазъ и съ полной откровенностью» поговорить съ Добролюбовымъ полчаса, то они не сошлись бы «почти ни въ одномъ пунктѣ». Отношеніе обоихъ критиковъ къ Катеринѣ показываетъ, въ какой степени былъ правъ Писаревъ. Писаревъ, можно сказать, возмущенъ оцѣнкой, какую далъ Катеринѣ его предшественникъ.

«Художественное чувство — говоритъ Писаревъ въ статьѣ «Посмотримъ!» — завлекаетъ Добролюбова очень далеко, даже изъ рукъ вонъ далеко. Онъ ставитъ Катеринѣ въ заслугу то, что она чистила и мыла благородною мечтою *грубые, суевѣрные разсказы и безсмысленныя бредни странницъ*. Порывъ художественнаго чувства миритъ Добролюбова со всѣмъ, даже съ мистицизмомъ, если онъ облекается въ красивую форму золотыхъ, поэтическихъ, ясныхъ и добрыхъ словъ. Имѣйте при этомъ въ виду, что Добролюбовъ обѣщаетъ показать намъ въ Катеринѣ «характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ со старыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями къ жизни». Не правда ли, какіе богатые задатки *рѣшительнаго разрыва* скрываются въ такой личности, которая сама заражена

до мозга костей всѣми нелѣпостями понятій, господствующихъ въ обществѣ самодуровъ... И отъ такой-то безнадежно-зачумленной личности Добролюбовъ ждетъ рѣшительнаго разрыва» [1].

Съ одной стороны, полная обаятельной прелести «русская живая натура» у Добролюбова, съ другой — «безнадежно-зачумленная личность» у Писарева. Дальше такого расхожденія идти некуда. И трудно было бы понять это расхожденіе двухъ критиковъ, которыхъ все же многое роднитъ другъ съ другомъ, если не принять въ разсчетъ историческую обстановку, среди которой они дѣйствовали.

Не надо забывать, что между литературной дѣятельностью Добролюбова съ одной стороны и Писарева съ другой, несмотря на ничтожную раздѣляющую ихъ разницу лѣтъ, легло огромное историческое событіе — освобожденіе крестьянъ.

Съ тревожнымъ ожиданіемъ всматривается Добролюбовъ наканунѣ эмансипаціи въ русскую жизнь, отыскивая въ ней элементы, которые способны создать грядущую освобожденную и свободную Россію. «Обломовщина», владѣющая даже лучшими представителями дворянскаго класса, не внушаетъ ему никакихъ надеждъ на ихъ возможную активность. Идущая на смѣну интеллигенціи дворянской, интеллигенція разночинная пока еще слишкомъ незначительна въ своемъ числѣ, чтобы можно было разсчитывать на ея силы. А реакція со стороны всполошившагося помѣстнаго дворянства принимаетъ, между тѣмъ, все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. И вотъ въ жадныхъ поискахъ силы, на которую можно было бы опереться, Добролюбовъ обращается

[1] „Соч. Д. И. Писарева", Спб. 1894 г., т. V, стр. 109. Курсивъ принадлежитъ Писареву.

къ народу. Разсказы Славутинскаго и Марко Вовчка, отрывочныя газетныя извѣстія о крестьянскихъ обществахъ трезвости, — все это служитъ Добролюбову матеріаломъ для поисковъ, пока, наконецъ, не блеснулъ передъ нимъ изъ самыхъ нѣдръ темнаго русскаго царства свѣтлый лучъ, показанный Островскимъ въ «Грозѣ».

Литературная дѣятельность Писарева началомъ своимъ почти совпадаетъ съ крестьянской реформой. Передъ нимъ уже нѣтъ тѣхъ тревогъ и опасеній, которыя до конца жизни такъ сильно смущали Добролюбова. Писаревъ бодръ и жизнерадостенъ. Главная забота избыта, — крестьянство освобождено. И, поручая дальнѣйшую его судьбу попеченіямъ правительственной власти, какъ это откровенно и сдѣлалъ Писаревъ въ «Реалистахъ» (т. IV, стр. 4), разночинецъ разрѣшилъ себѣ теперь заняться исключительно устроеніемъ собственной жизни для того, какъ поясняетъ тотъ же Писаревъ, чтобы «сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда» [1].

Поэтому, нападая на статью «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ», Писаревъ возмущается не столько даже идеализаціей Добролюбовымъ *невѣжественной* Катерины, сколько умаленіемъ ради нея заслугъ и достоинствъ лучшихъ представителей *образованнаго* русскаго общества. «Чтобы возвеличить Катерину,—негодуетъ Писаревъ, Добролюбовъ повергаетъ въ прахъ всѣ сильные характеры, изображавшіеся въ нашей современной литературѣ, и эту гру-

[1] Подробнѣе это противопоставленіе Писарева Добролюбову см. въ моей статьѣ „Д. И. Писаревъ", въ „Исторіи русской литературы XIX вѣка" подъ редакціей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, т. III, стр. 218—231.

ду поверженныхъ фигуръ превращаетъ въ пьедесталъ для своей любимой героини».

Начатый Писаревымъ споръ по поводу Катерины Островскаго продолжается въ русской литературѣ и понынѣ, хотя, казалось бы, въ условіяхъ современной жизни можно было бы съ полной объективностью разрѣшить его. Конечно, Добролюбовъ идеализировалъ Катерину. Конечно, образъ, созданный Добролюбовымъ, и выше, и глубже, и шире образа, даннаго въ «Грозѣ». Реальная фигура впечатлительной и даровитой дѣвушки драмы превратилась подъ перомъ Добролюбова въ символъ цѣлаго народа, протестующаго противъ надѣтыхъ на него цѣпей.

Но въ этомъ углубленіи художественнаго образа нѣтъ ничего противнаго задачамъ критики. Напротивъ, Катерина Островскаго стала понятнѣе, ближе и дороже намъ послѣ того, какъ въ ней съ душой, вложенной въ нее художникомъ, сочеталась и частица души очарованнаго ею критика.

Статья «Забитые люди» написана Добролюбовымъ въ 1861 г., вскорѣ послѣ того, какъ въ журналѣ «Время» закончился печатаніемъ романъ Достоевскаго «Униженные и оскорбленные». Достоевскій далеко еще не опредѣлился къ этому времени. Лучшія его произведенія, его шедевры, начиная съ «Преступленія и наказанія» (1866) и кончая «Братьями Карамазовыми» (1879—1880) были созданы уже послѣ смерти Добролюбова. И, конечно, въ своей статьѣ критикъ не могъ дать исчерпывающаго истолкованія того Достоевскаго, котораго знаемъ мы, но котораго онъ еще не зналъ.

И, однако, имѣя передъ собою лишь нѣсколько

раннихъ произведеній Достоевскаго, критикъ сумѣлъ подойти къ этому художнику такъ близко, какъ не подходилъ къ нему никто, не исключая даже всѣхъ современныхъ его истолкователей. Добролюбовъ съ удивительной чуткостью подслушалъ основной мотивъ, которымъ характеризуется все творчество Достоевскаго.

«Въ произведеніяхъ Достоевскаго — замѣчаетъ критикъ — мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ или наконецъ даже не въ правѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ». Словомъ, можемъ мы продолжить теперь, — это боль Достоевскаго о самомъ себѣ — боль о раздвоенномъ интеллигентѣ-разночинцѣ, который вышелъ на историческую арену съ большими ожиданіями и надеждами, но, въ силу своей матеріальной оторванности отъ общества, отсутствія экономической связи съ послѣднимъ, чувствуетъ себя вынужденнымъ стоять въ сторонѣ, отказавшись отъ всякаго участія въ соціальномъ процессѣ производства и распредѣленія. Въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго, съ которыми Добролюбовъ собственно и имѣлъ дѣло, эта специфическая интеллигентская проблема, только еще возникавшая въ условіяхъ русской жизни того времени, не могла быть, конечно, трактована ни художникомъ, ни критикомъ съ достаточной широтой. Проблема эта тогда еще только намѣчалась, и скромный Голядкинъ, въ двухъ своихъ совершенно разныхъ и въ то же время совершенно схожихъ лицахъ, могъ быть лишь отдаленнымъ прообразомъ другого Голядкина, — Ивана Карамазова, — раздво-

ніе котораго между небомъ и адомъ достигло послѣднихъ предѣловъ [1].

Но тѣмъ удивительнѣе проницательность Добролюбова, для котораго достаточно было незаконченныхъ и не вездѣ ясныхъ образовъ Голядкина и Дѣвушкина, чтобъ опредѣлить творчество Достоевскаго въ основномъ его моментѣ.

Къ сожалѣнію, позднѣйшая критика сошла съ пути, по которому съ такимъ успѣхомъ шелъ Добролюбовъ. Вмѣсто того, чтобъ разсматривать героевъ Достоевскаго въ связи съ той соціальной подпочвой, на которой они выросли, критики и историки литературы стали подходить къ произведеніямъ Достоевскаго съ иными пріемами. И оттого у Н. К. Михайловскаго, напримѣръ, герои Достоевскаго превратились въ уродливыхъ психопатовъ, интересныхъ уже не для соціолога, а только для психіатра, тогда какъ у Мережковскаго, напротивъ, они приняли видъ какихъ-то сверхъ-человѣковъ, или по крайней мѣрѣ ихъ провозвѣстниковъ, знаменующихъ наступленіе новой антропологической эры.

По существу слѣдующей затѣмъ публицистической статьи Добролюбова — «Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности» — намъ прибавить нечего. Статья говоритъ сама за себя, и кромѣ того отголоски той же темы читатель найдетъ и въ «Свисткѣ»: странное участіе «русской словесности» въ дѣлѣ, ей совершенно неподвѣдомственномъ, очевидно, сильно взволновало Добролюбова, если онъ надолго сохранилъ воспоминаніе о «любопытномъ пассажѣ».

---

[1] Объ эволюціи Достоевскаго въ связи съ историческими судьбами русской интеллигенціи, см. мою статью: „Пророчество Достоевскаго“ въ „Современномъ Мірѣ“ за 1911 г., кн. 5.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ лишь въ поясненіе мѣста, которое занимаетъ въ собраніи сочиненій какъ данная статья, такъ равно и всѣ послѣдующія статьи трехъ заключительныхъ томовъ. Дѣло въ томъ, что статьей «Забитые люди» кончаются критическія статьи Добролюбова, которыя легко, за нѣкоторыми исключеніями, располагались въ хронологическомъ порядкѣ. Остаются теперь статьи публицистическія, сатира и лирика. Для этой части литературнаго наслѣдства Добролюбова удобнѣе всего оказалось установить особый порядокъ въ размѣщеніи, выдѣляя, гдѣ можно, самостоятельныя группы. Въ общемъ и здѣсь сохраняется планъ Чернышевскаго лишь съ незначительными отъ него отступленіями, вызванными главнымъ образомъ соображеніями чисто техническаго характера.

Такими именно соображеніями, между прочимъ, объясняется и перемѣщеніе въ этотъ, шестой, томъ (изъ перваго тома изданія Чернышевскаго) группы статей, написанныхъ въ періодъ между 1857 и 1861 гг. и объединенныхъ общностью содержанія. Всѣ онѣ трактуютъ педагогическія темы и кромѣ того связаны именемъ извѣстнаго педагога-врача Н. И. Пирогова.

Самъ прошедшій тяжелую школу, сначала схоластической семинарской выучки, а потомъ казенной рутины Педагогическаго института, Добролюбовъ очень живо интересовался вопросами педагогики. По этимъ вопросамъ имъ написано множество статей и замѣтокъ, которыя могли бы составить отдѣльный томъ. Но такъ какъ основные взгляды его на воспитаніе, высказываемые имъ по разнымъ поводамъ въ литературныхъ статьяхъ, съ

достаточной полнотою раскрываются въ подобранной Чернышевскимъ группѣ, которая воспроизводится нами въ этомъ шестомъ томѣ, то и мы рѣшили ограничиться только ею.

Какъ уже сказано, предлагаемая группа статей Добролюбова объединяется именемъ Пирогова. Въ первой изъ этихъ статей («О значеніи авторитета въ воспитаніи») Добролюбовъ высказываетъ нѣсколько соображеній по поводу книги Пирогова «Вопросы жизни», при чемъ о самой книгѣ онъ отзывается почти восторженно. Статьи, составившія эту книгу, «поразили, по словамъ Добролюбова, всѣхъ — и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса». Съ такимъ же восторгомъ привѣтствуетъ онъ во второй замѣткѣ «Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова». Выдѣливъ изъ «Собранія» педагогическія статьи, критикъ замѣчаетъ: «всѣ онѣ представляютъ требованія столь простыя и разумныя, и въ то же время столь высокія, что передъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношеніи воспитанія».

Такъ высоко оцѣнивъ теоретическія статьи Пирогова, статьи, многія положенія которыхъ формулировали завѣтныя мысли самого Добролюбова, — критикъ долженъ былъ почувствовать личное оскорбленіе послѣ того, какъ Пироговъ, бывшій въ то время попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, издалъ знаменитыя «Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ», не устранявшія, а только регламентировавшія тѣлесныя наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ. Что изъ того, что «Правила» эти яви-

лись въ результатѣ не личной инициативы Пирогова, а были съ его стороны лишь уступкой коллегіальному рѣшенію кіевскихъ педагоговъ? Вѣдь Пироговъ не только скрѣпилъ ихъ своей подписью; въ предисловіи къ «Правиламъ» онъ пишетъ отъ своего собственнаго имени: «я предлагаю дирекціямъ... слѣдующія положенія комитета, *вполнѣ раздѣляемыя и мною*».

Значитъ, Пироговъ не сумѣлъ удержаться на высотѣ исповѣдуемыхъ имъ принциповъ и, при первомъ же столкновеніи съ практикой, отступилъ отъ нихъ? Такъ только и могъ отнестись Добролюбовъ къ «Правиламъ»и отвѣтилъ на нихъ злой и рѣзкой статьей: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», съ эпиграфомъ, очень характерно отражавшимъ его настроеніе: — «И ты, Брутъ!»

Статья Добролюбова произвела огромное впечатлѣніе и особенно, конечно, въ кіевскомъ округѣ. Статью, по словамъ одного современника Добролюбова, читали нарасхватъ. Пѣлись также стихи Конрада Лиліеншвагера изъ «Свистка» на мотивъ «Выхожу одинъ я на дорогу». Педагогическому авторитету Пирогова былъ нанесенъ сильный ударъ, и, конечно, поклонники Пирогова ставили это въ вину Добролюбову. Негодованіе ихъ противъ Добролюбова было такъ велико, что даже черезъ полтора года слишкомъ, по случаю перемѣщенія Пирогова изъ Кіева на другой постъ, пресса снова съ негодованіемъ заговорила о старой Добролюбовской статьѣ. Добролюбовъ отвѣтилъ на эти нападки новой статьей на ту же тему: «Отъ дождя да въ воду». И какъ ни убѣдительны сдѣланныя имъ здѣсь возраженія, нѣкоторые историки литературы (Ивановъ, Волынскій и др.) и понынѣ готовы обвинять

Добролюбова въ легкомысленномъ и даже злостномъ отношеніи его къ педагогическимъ заслугамъ Пирогова.

Мы уже знаемъ изъ двухъ первыхъ статей Добролюбова, что къ теоретической дѣятельности Пирогова критикъ, вообще говоря не склонный слѣдовать за признанными авторитетами, относился даже съ извѣстнымъ піэтетомъ. А что касается возникшаго между нимъ и Пироговымъ спора о практическомъ примѣненіи принциповъ воспитанія, то здѣсь мы предпочитаемъ предоставить слово современнику критика — П. А. Бибикову, автору изданной въ 1862 г. книги «О литературной дѣятельности Добролюбова». Защищая Добролюбова отъ нападокъ, Бибиковъ пишетъ: «Всѣ посланные ему (Добролюбову) упреки, перемѣшанные съ извѣстнымъ количествомъ брани, главнымъ образомъ состоялн въ томъ, что Добролюбовъ нападалъ въ своей статьѣ на Пирогова, какъ будто измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ вовсе имъ не измѣнялъ, а только уступилъ, во-первыхъ большинству комитета, а во-вторыхъ статьямъ училищнаго устава, котораго онъ не вправѣ былъ отмѣнить» . . . Утверждали, что подчиненіе Пирогова рѣшенію коллегіи — не только не порокъ, а даже добродѣтель; защищали Пирогова съ грошово-либеральной точки зрѣнія, требовавшей, чтобъ администраторъ всегда подчинялся требованію большинства. Говорили, что вся административная дѣятельность Пирогова основана именно на проведеніи въ жизнь коллегіальнаго начала, и обвиняли Добролюбова въ «либеральномъ деспотизмѣ», требующемъ, чтобы попечитель отвергъ мнѣніе комитета и насильно заставилъ большинство педагоговъ быть ру-

манными. «Вотъ въ томъ-то и дѣло — возражаетъ Бибиковъ, — что все это не только несправедливо, но и недобросовѣстно. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился передъ необходимостью. Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненія къ таблицѣ наказаній? Пироговъ. Отъ чьего лица пишетъ онъ? Коллективно или нѣтъ? Нѣтъ, онъ говоритъ: я предлагаю, я нахожу... Пироговъ могъ уступить мнѣнію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить свои пункты несогласія съ нимъ. Тогда вышло бы совсѣмъ другое. Къ тому же Пироговъ мотивировалъ ненавистный параграфъ о розгахъ не желаніемъ комитета удержать ихъ, а тѣмъ, что нельзя вдругъ вывести розгу изъ употребленія и проч. Много ли требовалъ Добролюбовъ отъ Пирогова на основаніи своей теоріи либеральнаго деспотизма?»

Конечно, разсматриваемый въ надлежащей исторической перспективѣ этотъ эпизодъ съ розгами не кладетъ на административную дѣятельность Пирогова той мрачной тѣни, въ какой она представилась негодующему взору Добролюбова. Но въ той же перспективѣ, въ какой мы можемъ теперь смотрѣть на розгу Пирогова, слѣдуетъ разсматривать и гнѣвъ Добролюбова.

Тогда мы взглянемъ, быть можетъ, и на «Правила» и на «Всероссійскія иллюзіи» съ меньшей нервностью, чѣмъ глядѣли на нихъ современники Добролюбова, но соотношеніе между ними все-таки останется такимъ же.

Вл. Кранихфельдъ.

Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ [1].

(**Гроза.** Драма въ пяти дѣйствіяхъ. *А. Н. Островскаго.* Спб. 1860.)

Незадолго до появленія на сценѣ «Грозы» мы разбирали очень подробно всѣ произведенія Островскаго. Желая представить характеристику таланта автора, мы обратили тогда вниманіе на явленія русской жизни, воспроизводимыя въ его пьесахъ, старались уловить ихъ общій характеръ и допытаться, таковъ ли смыслъ этихъ явленій въ дѣйствительности, какимъ онъ представляется намъ въ произведеніяхъ нашего драматурга. Если читатели не забыли, — мы пришли тогда къ тому результату, что Островскій обладаетъ глубокимъ пониманіемъ русской жизни и великимъ умѣньемъ изображать рѣзко и живо самыя существенныя ея стороны. «Гроза» вскорѣ послужила новымъ доказательствомъ справедливости нашего заключенія. Мы хотѣли тогда же говорить о ней, но почувствовали, что намъ необходимо пришлось бы при этомъ повторить многія изъ прежнихъ нашихъ соображеній, и потому рѣшились молчать о «Грозѣ», предоставивъ читате

[1] См. статьи „Темное царство". въ „Современникѣ" 1859 г. № VII IX. (Томъ IV стр. 1 настоящаго изданія.)

лямъ, которые поинтересовались нашимъ мнѣніемъ, повѣрить въ ней тѣ общія замѣчанія, какія мы высказали объ Островскомъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія этой пьесы. Наше рѣшеніе утвердилось въ насъ еще болѣе, когда мы увидѣли, что по поводу «Грозы» появляется во всѣхъ журналахъ и газетахъ цѣлый рядъ большихъ и маленькихъ рецензій, трактовавшихъ дѣло съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Мы думали, что въ этой массѣ статеекъ скажется наконецъ объ Островскомъ и о значеніи его пьесъ что-нибудь побольше того, нежели что мы видѣли въ критикахъ, о которыхъ упоминали въ началѣ первой статьи нашей о «Темномъ царствѣ». Въ этой надеждѣ и сознаніи того, что наше собственное мнѣніе о смыслѣ и характерѣ произведеній Островскаго высказано уже довольно опредѣленно, мы и сочли за лучшее оставить разборъ «Грозы».

Но теперь, снова встрѣчая пьесу Островскаго въ отдѣльномъ изданіи и припоминая все, что было о ней писано, мы находимъ, что сказать о ней нѣсколько словъ съ нашей стороны будетъ совсѣмъ не лишнее. Она даетъ намъ поводъ дополнить кое-что въ нашихъ замѣткахъ о «Темномъ царствѣ», провести далѣе нѣкоторыя изъ мыслей, высказанныхъ нами тогда, и — кстати — объясниться въ короткихъ словахъ съ нѣкоторыми изъ критиковъ, удостоившихъ насъ прямою или косвенною бранью.

Надо отдать справедливость нѣкоторымъ изъ критиковъ: они умѣли понять различіе, которое раздѣляетъ насъ съ ними. Они упрекаютъ насъ въ томъ, что мы приняли дурную методу — разсматривать произведеніе автора и затѣмъ, какъ результатъ этого разсмотрѣнія, говорить, что въ немъ со-

держится и каково это содержимое. У нихъ совсѣмъ другая метода: они прежде говорятъ себѣ — что *должно* содержаться въ произведеніи (по ихъ понятіямъ, разумѣется) и въ какой мѣрѣ все *должное* дѣйствительно въ немъ находится (опять сообразно ихъ понятіямъ). Понятно, что при такомъ различіи воззрѣній они съ негодованіемъ смотрятъ на наши разборы, уподобляемые однимъ изъ нихъ «пріисканію морали къ баснѣ». Но мы очень рады тому, что наконецъ разница открыта, и готовы выдержать какія угодно сравненія. Да, если угодно, нашъ способъ критики походитъ и на пріисканіе нравственнаго вывода въ баснѣ: разница, — напримѣръ въ приложеніи къ критикѣ комедій Островскаго, — и будетъ лишь настолько велика, насколько комедія отличается отъ басни, и насколько человѣческая жизнь, изображаемая въ комедіяхъ, важнѣе и ближе для насъ, нежели жизньословъ, лисицъ, тростинокъ и прочихъ персонажей, изображаемыхъ въ басняхъ. Во всякомъ случаѣ гораздо лучше, по нашему мнѣнію, разобрать басню и сказать: «вотъ какая мораль въ ней содержится, и эта мораль кажется намъ хороша, или дурна, и вотъ почему», — нежели рѣшить съ самаго начала: въ этой баснѣ должна быть такая-то мораль (напр. почтеніе къ родителямъ), и вотъ какъ должна она быть выражена (напр. въ видѣ птенца, ослушавшагося матери и выпавшаго изъ гнѣзда); но эти условія не соблюдены, мораль не та (напр. небрежность родителей о дѣтяхъ), или высказана не такъ (напр. въ примѣрѣ кукушки, оставляющей свои яйца въ чужихъ гнѣздахъ), — значитъ, басня не годится. Этотъ способъ критики мы видѣли не разъ въ приложеніи къ Островскому, хотя никто, разумѣется, и не захочетъ

въ томъ признаться, а еще на насъ же, съ больной головы на здоровую, свалятъ обвиненіе, что мы приступаемъ къ разбору литературныхъ произведеній съ заранѣе принятыми идеями и требованіями. А между тѣмъ чего же яснѣе, — развѣ не говорили славянофилы: слѣдуетъ изображать русскаго человѣка добродѣтельнымъ и доказывать, что корень всякаго добра—жизнь по старинѣ; въ первыхъ пьесахъ своихъ Островскій этого не соблюлъ, и потому «Семейная картина» и «Свои люди» недостойны его и объясняются только тѣмъ, что онъ еще подражалъ тогда Гоголю. А западники развѣ не кричали: слѣдуетъ научать въ комедіи, что суевѣріе вредно, а Островскій колокольнымъ звономъ спасаетъ отъ погибели одного изъ своихъ героевъ; слѣдуетъ вразумлять всѣхъ, что истинное благо состоитъ въ образованности, а Островскій въ своей комедіи позоритъ образованнаго Вихорева передъ неучемъ Бородкинымъ; ясно, что «Не въ свои сани не садись» и «Не такъ живи, какъ хочется» плохія пьесы. А приверженцы художественности развѣ не провозглашали: искусство должно служить вѣчнымъ и всеобщимъ требованіямъ эстетики, а Островскій въ «Доходномъ мѣстѣ» низвелъ искусство до служенія жалкимъ интересамъ минуты; потому «Доходное мѣсто» недостойно искусства и должно быть причислено къ обличительной литературѣ! . . . А г. Некрасовъ изъ Москвы развѣ не утверждалъ: Большовъ не долженъ въ насъ возбуждать сочувствія, а между тѣмъ 4-й актъ «Своихъ людей» написанъ для того, чтобы возбудить въ насъ сочувствіе къ Большову; стало быть четвертый актъ лишній! . . А г. Павловъ (Н. Ф.) развѣ не извивался, давая разумѣть такія положенія: русская народная жизнь можетъ дать

матеріалъ только для балаганныхъ представленій; въ ней нѣтъ элементовъ для того, чтобы изъ нея построить что-нибудь сообразное «вѣчнымъ» требованіямъ искусства; очевидно поэтому, что Островскій, беруціи сюжеты изъ простонародной жизни, есть не болѣе какъ балаганный сочинитель . . . А еще одинъ московскій критикъ развѣ не строилъ такихъ заключеній: драма должна представлять намъ героя, проникнутаго высокими идеями; героиня «Грозы», напротивъ, вся проникнута мистицизмомъ, слѣдовательно не годиться для драмы, ибо не можетъ возбуждать нашего сочувствія; слѣдовательно «Гроза» имѣетъ только значеніе сатиры, да и то неважной, и пр. и пр. . . .

Кто слѣдилъ за тѣмъ, что писалось у насъ по поводу «Грозы», тотъ легко припомнитъ и еще нѣсколько подобныхъ критикъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ онѣ были написаны людьми совершенно убогими въ умственномъ отношеніи; чѣмъ же объяснить то отсутствіе прямого взгляда на вещи, которое во всѣхъ нихъ поражаетъ безпристрастнаго читателя? Безъ всякаго сомнѣнія, его надо приписать старой критической рутинѣ, которая осталась во многихъ головахъ отъ изученія художественной схоластики въ курсахъ Кошанскаго, Ивана Давыдова Чистякова и Зеленецкаго. Извѣстно, что по мнѣнію сихъ почтенныхъ теоретиковъ критика есть приложеніе къ извѣстному произведенію общихъ законовъ, излагаемыхъ въ курсахъ тѣхъ же теоретиковъ: подходитъ подъ законы — отлично; не подходитъ — плохо. Какъ видите, придумано недурно для отживающихъ стариковъ: покамѣстъ такое начало живетъ въ критикѣ, они могутъ быть увѣрены, что не будутъ считаться совсѣмъ отста

ными, что бы ни происходило въ литературномъ мірѣ. Вѣдь законы прекраснаго установлены ими въ ихъ учебниковъ, на основаніи тѣхъ произведеній, въ красоту которыхъ они вѣруютъ; пока все новое будутъ судить на основаніи утвержденныхъ ими законовъ, до тѣхъ поръ изящнымъ и будетъ признаваться только то, что съ ними сообразно, ничто новое не посмѣетъ предъявить своихъ правъ; старички будутъ правы, вѣруя въ Карамзина и не признавая Гоголя, какъ думали быть правыми почтенные люди, восхищавшіеся подражателями Расина и ругавшіе Шекспира пьянымъ дикаремъ, вслѣдъ за Вольтеромъ, или преклонявшіеся предъ «Мессіадой» и на этомъ основаніи отвергавшіе «Фауста». Рутинерамъ даже самымъ бездарнымъ нечего бояться критики, служащей пассивною повѣркою неподвижныхъ правилъ тупыхъ школяровъ, и въ то же время нечего надѣяться отъ нея самымъ даровитымъ писателямъ, если они вносятъ въ искусство нѣчто новое и оригинальное. Они должны идти наперекоръ всѣмъ нареканіямъ «правильной» критики, на зло ей составить себѣ имя, на зло ей основать школу и добиться того, чтобы съ ними сталъ соображаться какой-нибудь теоретикъ, при составленіи новаго кодекса искусства. Тогда и критика смиренно признаетъ ихъ достоинства; а до тѣхъ поръ она должна находиться въ положеніи несчастныхъ неаполитанцевъ, въ началѣ нынѣшняго сентября, — которые хоть и знаютъ, что не нынче такъ завтра къ нимъ Гарибальди придетъ, а все-таки должны признавать Франциска своимъ королемъ, пока его королевскому величеству не угодно будетъ оставить свою столицу.

Мы удивляемся, какъ почтенные люди рѣшаются

признавать за критикою такую ничтожную, такую унизительную роль. Вѣдь ограничивая ее приложеніемъ «вѣчныхъ и общихъ» законовъ искусства къ частнымъ и временнымъ явленіямъ, черезъ это самое осуждаютъ искусство на неподвижность, а критикѣ даютъ совершенно приказное и полицейское значеніе. И это дѣлаютъ многіе отъ чистаго сердца! Одинъ изъ авторовъ, о которомъ мы высказали свое мнѣніе нѣсколько непочтительно, напомнилъ намъ, что неуважительное обращеніе судьи съ подсудимымъ есть преступленіе. О наивный авторъ! Какъ онъ преисполненъ теоріями Кошанскаго и Давыдова! Онъ совершенно серьезно принимаетъ пошлую метафору, что критика есть трибуналъ, предъ которымъ авторы являются въ качествѣ подсудимыхъ! Вѣроятно, онъ принимаетъ также за чистую монету и мнѣніе, что плохіе стихи составляютъ грѣхъ предъ Аполлономъ, и что плохихъ писателей въ наказаніе топятъ въ рѣкѣ Летѣ! . . Иначе — какъ же не видѣть разницы между критикомъ и судьею? Въ судъ тянутъ людей по подозрѣнію въ проступкѣ или преступленіи, и дѣло судьи рѣшить, правъ или виноватъ обвиненный; а писатель развѣ обвиняется въ чемъ-нибудь, когда подвергается критикѣ? Кажется, тѣ времена, когда занятіе книжнымъ дѣломъ считалось ересью и преступленіемъ, давно уже прошли. Критикъ говоритъ свое мнѣніе, нравится или не нравится ему вещь; и такъ какъ предполагается, что онъ не пустозвонъ, а человѣкъ разсудительный, то онъ и старается представить резоны, почему онъ считаетъ одно хорошимъ, а другое дурнымъ. Онъ не считаетъ своего мнѣнія рѣшительнымъ приговоромъ, обязательнымъ для всѣхъ; если ужъ брать сравне-

ніе изъ юридической сферы, то онъ скорѣе адвокатъ, нежели судья. Ставши на извѣстную точку зрѣнія, которая ему кажется наиболѣе справедливою, онъ излагаетъ читателямъ подробности дѣла, какъ онъ его понимаетъ, и старается имъ внушить свое убѣжденіе въ пользу или противъ разбираемаго автора. Само собою разумѣется, что онъ при этомъ можетъ пользоваться всѣми средствами, какія найдетъ пригодными, лишь бы они не искажали сущности дѣла: онъ можетъ васъ приводить въ ужасъ или умиленіе, въ смѣхъ или въ слезы, заставлять автора дѣлать невыгодныя для него признанія или доводить его до невозможности отвѣчать. Изъ критики, исполненной такимъ образомъ, можетъ произойти вотъ какой результатъ: теоретики, справясь съ своими учебниками, могутъ все-таки увидѣть, согласуется ли разобранное произведеніе съ ихъ неподвижными законами, и, исполняя роль судей, порѣшатъ, правъ или виноватъ авторъ. Но извѣстно, что въ гласномъ производствѣ нерѣдки случаи, когда присутствующіе въ судѣ далеко не сочувствуютъ тому рѣшенію, какое произносится судьею сообразно съ такими-то статьями кодекса: общественная совѣсть обнаруживаетъ въ этихъ случаяхъ полный разладъ со статьями закона. То же самое еще чаще можетъ случаться и при обсужденіи литературныхъ произведеній: когда критикъ-адвокатъ надлежащимъ образомъ поставитъ вопросъ, сгруппируетъ факты и броситъ на нихъ свѣтъ извѣстнаго убѣжденія, — общественное мнѣніе, не обращая вниманія на кодексы критики, будетъ уже знать, чего ему держаться.

Если внимательно присмотрѣться къ опредѣленію критики «судомъ» надъ авторами, то мы най-

демъ, что оно очень напоминаетъ то понятіе, какое соединяютъ съ словомъ «*критика*» наши провинціальныя барыни и барышни и надъ которымъ такъ остроумно подсмѣивались, бывало, наши романисты. Еще и нынѣ не рѣдкость встрѣтить такія семейства, которыя съ нѣкоторымъ страхомъ смотрятъ на писателя, потому что онъ «на нихъ критику напишетъ». Несчастные провинціалы, которымъ разъ забрела въ голову такая мысль, дѣйствительно представляютъ изъ себя жалкое зрѣлище подсудимыхъ, которыхъ участь зависитъ отъ почерка пера литератора. Они смотрятъ ему въ глаза, конфузятся, извиняются, оговариваются, какъ будто въ самомъ дѣлѣ виноваты, ожидающіе казни или милости. Но надо сказать, что такіе наивные люди начинаютъ выводиться теперь и въ самыхъ далекихъ захолустьяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ право «смѣть свое сужденіе имѣть» перестаетъ быть достояніемъ только извѣстнаго ранга или положенія, а дѣлается доступно всѣмъ и каждому, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ частной жизни появляется болѣе солидности и самостоятельности и менѣе трепета предъ всякимъ посторонним судомъ. Теперь уже высказываютъ свое мнѣніе просто затѣмъ, что лучше его объявить, нежели скрывать, высказываютъ потому, что считаютъ полезнымъ обмѣнъ мыслей, признаютъ за каждымъ право заявлять свой взглядъ и свои требованія, наконецъ считаютъ даже обязанностью каждаго участвовать въ общемъ движеніи, сообщая свои наблюденія и соображенія, какія кому по силамъ. Отсюда далеко до роли судьи. Если я вамъ скажу, что вы по дорогѣ платокъ потеряли или что вы идете не въ ту сторону, куда вамъ нужно и т. п., — это еще не значитъ, что вы мой

подсудимый. Точно также не буду я вашимъ подсудимымъ и въ томъ случаѣ, когда вы начнете описывать меня, желая дать обо мнѣ понятіе вашимъ знакомымъ. Входя въ первый разъ въ новое общество, я очень хорошо знаю, что надо мною дѣлаютъ наблюденія и составляютъ мнѣнія обо мнѣ; но неужели мнѣ поэтому слѣдуетъ воображать себя передъ какимъ-то ареопагомъ и заранѣе трепетать, ожидая приговора? Безъ всякаго сомнѣнія, замѣчанія обо мнѣ будутъ сдѣланы: одинъ найдетъ, что у меня носъ великъ, другой — что борода рыжая, третій — что галстухъ дурно повязанъ, четвертый — что я угрюмъ, и т. д. Ну, и пусть ихъ замѣчаютъ, мнѣ-то что за дѣло до этого? Вѣдь моя рыжая борода — не преступленіе, и никто не можетъ спросить у меня отчета, какъ я смѣю имѣть такой большой носъ. Значитъ, тутъ мнѣ и думать не о чемъ: нравится или нѣтъ моя фигура, это дѣло вкуса, и высказывать мнѣнія о ней я никому запретить не могу; а съ другой, меня и не убудетъ оттого, что замѣтятъ мою неразговорчивость, ежели я дѣйствительно молчаливъ. Такимъ образомъ первая критическая работа (въ нашемъ смыслѣ) — подмѣчаніе и указаніе фактовъ — совершается совершенно свободно и безобидно. Затѣмъ другая работа — сужденіе на основаніи фактовъ — продолжаетъ также держать того, кто судитъ, совершенно въ равныхъ шансахъ съ тѣмъ, о комъ онъ судитъ. Это потому, что, высказывая свой выводъ изъ извѣстныхъ данныхъ, человѣкъ всегда и самого себя подвергаетъ суду и повѣркѣ другихъ относительно справедливости и основательности его мнѣнія. Если, напримѣръ, кто-нибудь на основаніи того, что мой галстухъ повязанъ не совсѣмъ изящно,

рѣшитъ, что я дурно воспитанъ, то такой судья рискуетъ дать окружающимъ не совсѣмъ высокое понятіе о его логикѣ. Точно такъ, если какой-нибудь критикъ упрекаетъ Островскаго за то, что лицо Катерины въ «Грозѣ» отвратительно и безнравственно, то онъ не внушаетъ особеннаго довѣрія къ чистотѣ собственнаго нравственнаго чувства. Такимъ образомъ, пока критикъ указываетъ факты, разбираетъ ихъ и дѣлаетъ свои выводы, авторъ безопасенъ, и самое дѣло безопасно. Тутъ можно претендовать только на то, когда критикъ искажаетъ факты, лжетъ. А если онъ представляетъ дѣло вѣрно, то какимъ бы тономъ онъ ни говорилъ, къ какимъ бы выводамъ онъ ни приходилъ, отъ его критики, какъ отъ всякаго свободнаго и фактами подтверждаемаго разсужденія, всегда будетъ болѣе пользы, нежели вреда — для самого автора, если онъ хорошъ, и во всякомъ случаѣ для литературы — даже если авторъ окажется и дуренъ. Критика — не судейская, а обыкновенная, какъ мы ее понимаемъ, — хороша уже и тѣмъ, что людямъ, не привыкшимъ сосредоточивать своихъ мыслей на литературѣ, даетъ, такъ сказать, экстрактъ писателя и тѣмъ облегчаетъ возможность понимать характеръ и значеніе его произведеній. А какъ скоро писатель понятъ надлежащимъ образомъ, мнѣніе о немъ не замедлитъ составиться, и справедливость будетъ ему отдана, безъ всякихъ разрѣшеній со стороны почтенныхъ составителей кодексовъ.

Правда, иногда, объясняя характеръ извѣстнаго автора или произведенія, критикъ самъ можетъ найти въ произведеніи то, чего въ немъ вовсе нѣтъ. Но въ этихъ случаяхъ критикъ всегда самъ выдастъ себя. Если онъ вздумаетъ придать разбираемому

творенію мысль болѣе живую и широкую, нежели какая дѣйствительно положена въ основаніе его авторомъ, то очевидно онъ не въ состояніи будетъ достаточно подтвердить свою мысль указаніями на самое сочиненіе, и такимъ образомъ критика, показавши, чѣмъ бы могло быть разбираемое произведеніе, чрезъ то самое только яснѣе выкажетъ бѣдность его замысла и недостаточность исполненія. Въ примѣръ подобной критики можно указать, напримѣръ, на разборъ Бѣлинскимъ «Тарантаса»; написанный съ самой злой и тонкой ироніей, разборъ этотъ многими принимаемъ былъ за чистую монету, но и эти многіе находили, что смыслъ, приданный «Тарантасу» Бѣлинскимъ, очень хорошо проводится въ его критикѣ, но съ самымъ сочиненіемъ графа Сологуба ладится плохо. Впрочемъ такого рода критическія утрировки встрѣчаются очень рѣдко. Гораздо чаще другой случай — что критикъ дѣйствительно не пойметъ разбираемаго автора и выведетъ изъ его сочиненія то, чего совсѣмъ и не слѣдуетъ. Такъ и тутъ бѣда невелика: способъ разсужденій критика сейчасъ покажетъ читателю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и будь только факты налицо въ критикѣ, — фальшивыя умствованія не надуютъ читателя. Напримѣръ, одинъ, г. П—ій, разбирая «Грозу», рѣшился послѣдовать той же методѣ, какой мы слѣдовали въ статьяхъ о «Темномъ царствѣ»; и, изложивши сущность содержанія пьесы, принялся за выводы. Оказалось, по его изображеніямъ, что Островскій въ «Грозѣ» вывелъ на смѣхъ Катерину, желая въ ея лицѣ опозорить русскій мистицизмъ. Ну, разумѣется, прочитавши такой выводъ, сейчасъ и видишь, къ какому разряду умовъ принадлежитъ г. П—ій и можно ли

полагаться на его соображенія. Никого такая критика не собьетъ съ толку, никому она не опасна . . .

Совсѣмъ другое дѣло та критика, которая приступаетъ къ авторамъ, точно къ мужикамъ, приведеннымъ въ рекрутское присутствіе, съ форменною маркою, и кричитъ то «лобъ!», то «затылокъ!», смотря по тому, подходитъ новобранецъ подъ мѣру или нѣтъ. Тамъ расправа короткая и рѣшительная; и если вы вѣрите въ вѣчные законы искусства, напечатанные въ учебникѣ, то вы отъ такой критики не отвертитесь. Она по пальцамъ докажетъ вамъ, что то, чѣмъ вы восхищаетесь, никуда не годится, а отъ чего вы дремлете, зѣваете или получаете мигрень, это то и есть настоящее сокровище. Возьмите, напримѣръ, хоть Грозу»: что это такое? Дерзкое оскорбленіе искусства, ничего больше, — и это очень легко доказать. Раскройте «Чтенія о словесности» заслуженнаго профессора и академика Ивана Давыдова, составленныя имъ съ помощью перевода лекцій Блэра, или загляните хоть въ кадетскій корпусъ словесности г. Плаксина, — тамъ ясно опредѣлены условія образцовой драмы. Предметомъ драмы непремѣнно должно быть событіе, гдѣ мы видимъ борьбу страсти и долга, — съ несчастными послѣдствіями побѣды страсти, или съ счастливыми, когда побѣждаетъ долгъ. Въ развитіи драмы должно быть соблюдаемо строгое единство и послѣдовательность; развязка должна естественно и необходимо вытекать изъ завязки; каждая сцена должна непремѣнно способствовать движенію дѣйствія и подвигать его къ развязкѣ; поэтому въ пьесѣ не должно быть ни одного лица, которое прямо и необходимо не участвовало бы въ развитіи драмы, не должно быть ни одного разгово-

ра, не относящагося къ сущности пьесы. Характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть ярко обозначены и въ обнаруженіи ихъ должна быть необходима постепенность, сообразно съ развитіемъ дѣйствія. Языкъ долженъ быть сообразенъ съ положеніемъ каждаго лица, но не удаляться отъ чистоты литературной и не переходить въ вульгарность.

Вотъ, кажется, всѣ главныя правила драмы. Приложимъ ихъ къ «Грозѣ».

«Предметъ драмы дѣйствительно представляетъ борьбу въ Катеринѣ между чувствомъ долга супружеской вѣрности и страсти къ молодому Борису Григорьевичу. Значитъ, первое требованіе найдено. Но затѣмъ, отправляясь отъ этого требованія, мы находимъ, что другія условія образцовой драмы нарушены въ «Грозѣ» самымъ жестокимъ образомъ.

«И во-первыхъ — «Гроза» не удовлетворяетъ самой существенной внутренней цѣли драмы — внушить уваженіе къ нравственному долгу и показать пагубныя послѣдствія увлеченія страстью. Катерина, эта безнравственная, безстыжая (по мѣткому выраженію Н. Ф. Павлова) женщина, выбѣжавшая ночью къ любовнику, какъ только мужъ уѣхалъ изъ дому, эта преступница представляется намъ въ драмѣ не только не въ достаточно мрачномъ свѣтѣ, но даже съ какимъ-то сіяніемъ мученичества вокругъ чела. Она говоритъ такъ хорошо, страдаетъ такъ жалобно, вокругъ нея все такъ дурно, что противъ нея у насъ нѣтъ негодованія, вы ее сожалѣете, вы вооружаетесь противъ ея притѣснителей, и такимъ образомъ въ ея лицѣ оправдываете порокъ. Слѣдовательно, драма не выполняетъ своего высокаго назначенія и дѣлается если не вреднымъ примѣромъ, то по крайней мѣрѣ праздною игрушкой.

«Далѣе, съ чисто-художественной точки зрѣнія находимъ также недостатки весьма важные. Развитіе страсти представлено недостаточно: мы не видимъ, какъ началась и усиливалась любовь Катерины къ Борису и чѣмъ именно была она мотивирована; поэтому и самая борьба страсти и долга обозначается для насъ не вполнѣ ясно и сильно.

«Единство впечатлѣнія также не соблюдено: ему вредитъ примѣсь посторонняго элемента — отношеній Катерины къ свекрови. Вмѣшательство свекрови постоянно препятствуетъ намъ сосредоточивать наше вниманіе на той внутренней борьбѣ, которая должна происходить въ душѣ Катерины.

«Кромѣ того, въ пьесѣ Островскаго замѣчаемъ ошибку противъ первыхъ и основныхъ правилъ всякаго поэтическаго произведенія, непростительную даже начинающему автору. Эта ошибка спеціально называется въ драмѣ «двойственностью интриги»; здѣсь мы видимъ не одну любовь, а двѣ,—любовь Катерины къ Борису и любовь Варвары къ Кудряшу. Это хорошо только въ легкихъ французскихъ водевиляхъ, а не въ серьезной драмѣ, гдѣ вниманіе зрителей никакъ не должно быть развлекаемо по сторонамъ.

«Завязка и развязка также грѣшатъ противъ требованій искусства. Завязка заключается въ простомъ случаѣ— въ отъѣздѣ мужа; развязка также совершенно случайна и произвольна: эта гроза, испугавшая Катерину и заставившая ее все разсказать мужу, есть не что иное какъ deus ex machina, не хуже водевильнаго дядюшки изъ Америки.

«Все дѣйствіе идетъ вяло и медленно, потому что загромождено сценами и лицами, совершенно ненужными. Кудряшъ и Шапкинъ, Кулигинъ, Феклуша, барыня съ двумя лакеями, самъ Дикой, — все

это лица, существенно не связанныя съ основою пьесы. На сцену безпрестанно входятъ ненужныя лица, говорятъ вещи, неидущія къ дѣлу, и уходятъ, опять неизвѣстно зачѣмъ и куда. Всѣ декламаціи Кулигина, всѣ выходки Кудряша и Дикого, не говоря уже о полусумасшедшей барынѣ и о разговорахъ городскихъ жителей во время грозы, могли бы быть выпущены безъ всякаго ущерба для сущности дѣла.

«Строго опредѣленныхъ и отдѣльныхъ характеровъ въ этой толпѣ ненужныхъ лицъ мы почти не находимъ, а о постепенности въ ихъ обнаруживаніи нечего и спрашивать. Они являются намъ прямо ex abrupto, съ ярлычками. Занавѣсъ открывается; Кудряшъ съ Кулигинымъ говорятъ о томъ, какой ругатель Дикой, вслѣдъ за тѣмъ является и Дикой, и еще за кулисами ругается . . . То же и Кабанова. Такъ же точно и Кудряшъ съ перваго слова даетъ знать себя, что онъ «лихъ на дѣвокъ»; и Кулигинъ при самомъ появленіи рекомендуется какъ самоучка-механикъ, восхищающійся природою. Да такъ съ этимъ они и остаются до самаго конца: Дикой ругается, Кабановъ ворчитъ, Кудряшъ гуляетъ ночью съ Варварой . . . А полнаго всесторонняго развитія ихъ характеровъ мы не видимъ во всей пьесѣ. Сама героиня изображается весьма неудачно: какъ видно, самъ авторъ не совсѣмъ опредѣленно понималъ этотъ характеръ, потому что, не выставляя Катерину лицемѣркою, заставляетъ ее однакоже произносить чувствительные монологи, а на дѣлѣ показываетъ ее намъ какъ женщину безстыжую, увлекаемую одною чувственностью. О героѣ нечего и говорить, — такъ онъ безцвѣтенъ. Сами Дикой и Кабанова, характеры наиболѣе въ

genre г. Островскаго, представляютъ (по счастливому заключенію г. Ахшарумова или кого-то другого въ этомъ родѣ) намѣренную утрировку, близкую къ пасквилю, и даютъ намъ не живыя лица, а «квинтъ-эссенцію уродствъ» русской жизни.

«Наконецъ и языкъ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, превосходитъ всякое терпѣніе благовоспитаннаго человѣка. Конечно, купцы и мѣщане не могутъ говорить изящнымъ литературнымъ языкомъ; но вѣдь нельзя же согласиться и на то, что драматическій авторъ, ради вѣрности, можетъ вносить въ литературу всѣ площадныя выраженія, которыми такъ богатъ русскій народъ. Языкъ драматическихъ персонажей, кто бы они ни были, можетъ быть простъ, но всегда благороденъ, и не долженъ оскорблять образованнаго вкуса. А въ «Грозѣ» послушайте, какъ говорятъ всѣ лица: «Пронзительный мужикъ! что ты съ рыломъ-то лѣзешь! Всю внутренность разжигаешь! Женщины себѣ тѣла никакъ нагулять не могутъ! . .» Что это за фразы, что за слова? Поневолѣ повторишь съ Лермонтовымъ:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Можетъ быть, «въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги», и есть люди, которые говорятъ такимъ образомъ, но что же намъ-то за дѣло до этого?»

Читатель понимаетъ, что мы не употребляли особенныхъ стараній, чтобъ сдѣлать убѣдительною эту критику; оттого въ ней легко примѣтить въ иныхъ мѣстахъ живыя нитки, которыми она сшита.

Но увѣряемъ, что ее можно сдѣлать чрезвычайно убѣдительною и побѣдоносною, можно ею уничтожить автора, разъ ставши на точку зрѣнія школьныхъ учебниковъ. И если читатель согласится дать намъ право приступить къ пьесѣ съ заранѣе приготовленными требованіями относительно того, что и какъ въ ней *должно* быть, — больше намъ ничего не нужно: все, что не согласно съ принятыми у насъ правилами, мы сумѣемъ уничтожить. Выписки изъ комедіи явятся весьма добросовѣстно для подтвержденія нашихъ сужденій; цитаты изъ разныхъ ученыхъ книгъ, начиная съ Аристотеля и кончая Фишеромъ, составляющимъ, какъ извѣстно, послѣдній, окончательный моментъ эстетической теоріи, докажутъ вамъ солидность нашего образованія; легкость изложенія и остроуміе помогутъ намъ увлечь ваше вниманіе, и вы, сами не замѣчая, придете къ полному согласію съ нами. Только пусть ни на минуту не заходитъ въ нашу голову сомнѣніе въ нашемъ полномъ правѣ предписывать автору обязанности и затѣмъ *судить* его, вѣренъ ли онъ этимъ обязанностямъ, или провинился передъ ними . . .

Но вотъ въ этомъ-то и горе, что отъ подобнаго сомнѣнія не убережется теперь ни одинъ читатель. Презрѣнная толпа, прежде благоговѣйно, разинувъ ротъ, внимавшая нашимъ вѣщаніямъ, теперь представляетъ плачевное и опасное для нашего авторитета зрѣлище массы вооруженной, по прекрасному выраженію г. Тургенева, «обоюдоострымъ мечомъ анализа». Всякій говоритъ, читая нашу громоносную критику: «Вы предлагаете намъ свою «бурю», увѣряя, что въ «Грозѣ» то, что есть, — лишнее, а чего нужно, того недостаетъ. Но вѣдь автору «Грозы», вѣроятно, кажется совсѣмъ противное;

позвольте намъ разобрать васъ. Разскажите, анализируйте намъ пьесу, покажите ее, какъ она есть, и дайте намъ ваше мнѣніе о ней на основаніи ея же самой, а не по какимъ-то устарѣлымъ соображеніямъ, совсѣмъ ненужнымъ и постороннимъ. По-вашему, того-то и того-то не должно быть; а можетъ быть оно въ пьесѣ-то и хорошо приходится, такъ тогда почему жъ не должно?» Такъ осмѣливается резонировать теперь всякій читатель, и этому обидному обстоятельству надо приписать то, что напримѣръ великолѣпныя критическія упражненія Н. Ф. Павлова по поводу «Грозы» потерпѣли такое рѣшительное фіаско. Въ самомъ дѣлѣ, на критика «Грозы» въ «Нашемъ Времени» подялись всѣ — и литераторы и публика, и конечно не за то, что онъ осмѣлился показать недостатокъ уваженія къ Островскому, а за то, что въ своей критикѣ онъ выразилъ неуваженіе къ здравому смыслу и доброй волѣ русской публики. Давно уже всѣ видятъ, что Островскій во многомъ удалился отъ старой сценической рутины, что въ самомъ замыслѣ каждой изъ его пьесъ есть условія, необходимо увлекающія его за предѣлы извѣстной теоріи, на которую указали мы выше. Критикъ, которому эти уклоненія не нравятся, долженъ былъ начать съ того, чтобъ ихъ отмѣтить, охарактеризовать, обобщить, и затѣмъ прямо и откровенно поставить вопросъ между ними и старой теоріей. Это была обязанность критика не только передъ разбираемымъ авторомъ, но еще больше передъ публикой, которая такъ постоянно одобряетъ Островскаго, со всѣми его вольностями и уклоненіями, и съ каждой новой пьесой все больше къ нему привязывается Если критикъ находитъ, что публика заблуждается

въ своей симпатіи къ автору, который оказывается преступникомъ противъ его теоріи, то онъ долженъ былъ начать съ защиты этой теоріи и съ серьезныхъ доказательствъ того, что уклоненія отъ нея — не могутъ быть хороши. Тогда онъ можетъ быть и успѣлъ бы убѣдить нѣкоторыхъ, и даже многихъ, такъ какъ у Н. Ф. Павлова нельзя отнять того, что онъ владѣетъ фразою довольно ловко. А теперь — что онъ сдѣлалъ? Онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на тотъ фактъ, что старые законы искусства, продолжая существовать въ учебникахъ и преподаваться съ гимназическихъ и университетскихъ каѳедръ, давно ужъ однако потеряли святыню неприкосновенности въ литературѣ и въ публикѣ. Онъ отважно принялся разбивать Островскаго по пунктамъ своей теоріи, насильно заставляя читателя считать ее неприкосновенною. Онъ счелъ удобнымъ только поиронизировать насчетъ господина, который, будучи «ближнимъ и братомъ» г. Павлова по мѣсту въ первомъ ряду креселъ и по «свѣжимъ» перчаткамъ, осмѣлился однако восхищаться пьесою, которая была такъ противна Н. Ф. Павлову. Такое пренебрежительное обращеніе съ публикою, да и съ самымъ вопросомъ, за рѣшеніе котораго критикъ взялся, естественно должно было возбудить большинство читателей скорѣе противъ него, нежели въ его пользу. Читатели дали замѣтить критику, что онъ съ своей теоріей вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, и потребовали, чтобъ онъ вышелъ изъ колеса на прямую дорогу. Округленная фраза и ловкій силлогизмъ показались имъ недостаточными; они потребовали серьезныхъ подтвержденій для самыхъ посылокъ, изъ которыхъ г. Павловъ дѣлалъ свои заключенія и которыя вы-

давалъ какъ аксіомы. Онъ говорилъ: это дурно, потому что много лицъ въ пьесѣ, не содѣйствующихъ прямому развитію хода дѣйствія. А ему упорно возражали: да почему же въ пьесѣ не можетъ быть лицъ, не участвующихъ прямо въ развитіи драмы? Критикъ увѣрялъ, что драма потому уже лишена значенія, что ея героиня безнравственна; читатели останавливали его и задавали вопросъ: съ чего же вы берете, что она безнравственна? и на чемъ основаны ваши нравственныя понятія? Критикъ считалъ пошлостью и сальностью, недостойною искусства, — и ночное свиданіе, и удалой свистъ Кудряша, и самую сцену признанія Катерины передъ мужемъ; его опять спрашивали: отчего именно находитъ онъ это пошлымъ, и почему свѣтскія интрижки и аристократическія страсти достойнѣе искусства, нежели мѣщанскія увлеченія? Почему свистъ молодого парня болѣе пошлъ, нежели раздирательное пѣніе итальянскихъ аріи какимъ-нибудь свѣтскимъ юношей. Н. Ф. Павловъ, какъ верхъ своихъ доводовъ, рѣшилъ свысока, что пьеса, подобная «Грозѣ», есть не драма, а балаганное представленіе. Ему и тутъ отвѣтили: а почему же вы такъ презрительно относитесь о балаганѣ? Еще это вопросъ, точно ли всякая прилизанная драма, даже хоть бы въ ней всѣ три единства соблюдены были, лучше всякаго балаганнаго представленія. Относительно роли балагана въ исторіи театра и въ дѣлѣ народнаго развитія мы еще съ вами поспоримъ. Послѣднее возраженіе было довольно подробно развито печатно. И гдѣ же раздалось оно? Добро бы въ «Современникѣ», который, какъ извѣстно, самъ имѣетъ при себѣ «Свистокъ», слѣдовательно не можетъ скандализироваться свистомъ

Кудряша и вообще долженъ быть наклоненъ ко всякому балаганству. Нѣтъ, мысли о балаганѣ высказаны были въ «Библіотекѣ для Чтенія», извѣстной поборницѣ всѣхъ правъ «искусства», высказаны г. Анненковымъ, котораго никто не упрекнетъ въ излишней приверженности къ «вульгарнымъ» началамъ. Если мы вѣрно поняли мысль г. Анненкова (за что, конечно, никто поручиться не можетъ), онъ находитъ, что современная драма съ своей теоріей дальше отклонилась отъ жизненной правды и красоты, нежели первоначальные балаганы, и что для возрожденія театра необходимо прежде возвратиться къ балагану и сызнова начинать путь драматическаго развитія. Вотъ съ какими мнѣніями столкнулся г. Павловъ даже въ почтенныхъ представителяхъ русской критики, не говоря уже о тѣхъ, которые благомыслящими людьми обвиняются въ презрѣніи къ наукѣ и въ отрицаніи всего высокаго! Понятно, что здѣсь уже нельзя было отдѣлаться болѣе или менѣе блестящими репликами, а надо было приступить къ серьезному пересмотру основаній, на которыхъ утверждался критикъ въ своихъ приговорахъ. Но какъ скоро вопросъ перешелъ на эту почву, критикъ «Нашего Времени» оказался несостоятельнымъ и долженъ былъ замять свои критическія разглагольствія.

Очевидно, что критика, дѣлающаяся союзницей николяровъ и принимающая на себя ревизовку литературныхъ произведеній по параграфамъ учебниковъ, должна очень часто ставить себя въ такое жалкое положеніе: осудивъ себя на рабство предъ господствующей теоріей, она обрекаетъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ и на постоянную, безплодную вражду ко всякому прогрессу, ко всему новому и ориги-

нальному въ литературѣ. И чѣмъ сильнѣе новое литературное движеніе, тѣмъ болѣе она противъ него ожесточается и тѣмъ яснѣе выказываетъ свое беззубое безсиліе. Отыскивая какого-то мертваго совершенства, выставляя намъ отжившіе, индифферетные для насъ идеалы, швыряя въ насъ обломками, оторванными отъ прекраснаго цѣлаго, адепты подобной критики постоянно остаются въ сторонѣ отъ живого движенія, закрываютъ глаза отъ новой, живущей красоты, не хотятъ понять новой истины, результата новаго хода жизни. Они смотрятъ свысока на все, судятъ строго, готовы обвинить всякаго автора, за то, что онъ не равняется съ ихъ chefs d'oeuvre'ами, и нахально пренебрегаютъ живыми отношеніями автора къ своей публикѣ и къ своей эпохѣ. Это все, видите ли, «интересы минуты», — можно ли серьезнымъ критикамъ компрометировать искусство, увлекаясь такими интересами! Бѣдные, бездушные люди! какъ они жалки въ глазахъ человѣка, умѣющаго дорожить дѣломъ жизни, ея трудами и благами! Человѣкъ обыкновенный, здравомыслящій, беретъ отъ жизни, что она даетъ ему, и отдаетъ ей, что можетъ; но педанты всегда забираютъ свысока и парализируютъ жизнь мертвыми идеалами и отвлеченіями. Скажите, что подумать о человѣкѣ, который, при видѣ хорошенькой женщины, начинаетъ вдругъ резонировать, что у нея станъ не таковъ, какъ у Венеры Милосской, очертаніе рта не такъ хорошо, какъ у Венеры Медицейской, взглядъ не имѣетъ того выраженія, какое находимъ мы у рафаэлевскихъ мадоннъ, и т. д., и т. д. Всѣ разсужденія и сравненія подобнаго господина могутъ быть очень справедливы и остроумны; но къ чему могутъ привести они? Докажутъ

ли они вамъ, что женщина, о которой идетъ рѣчь, не хороша собой? Въ состояніи ли они убѣдить васъ даже въ томъ, что эта женщина менѣе хороша, чѣмъ та или другая Венера? Конечно, нѣтъ, потому что красота заключается не въ отдѣльныхъ чертахъ и линіяхъ, а въ общемъ выраженіи лица, въ томъ жизненномъ смыслѣ, который въ немъ проявляется. Когда это выраженіе симпатично мнѣ, когда этотъ смыслъ доступенъ и удовлетворителенъ для меня, тогда я просто отдаюсь красотѣ всѣмъ сердцемъ и смысломъ, не дѣлая никакихъ мертвыхъ сравненій, не предъявляя претензій, освященныхъ преданіями искусства. И если вы хотите живымъ образомъ дѣйствовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту, то умѣйте уловить въ ней этотъ общій смыслъ, это вѣяніе жизни, умѣйте указать и растолковать его мнѣ: тогда только вы достигните вашей цѣли. То же самое и съ истиною: она не въ діалектическихъ тонкостяхъ, не въ вѣрности отдѣльныхъ умозаключеній, а въ живой правдѣ того, о чемъ разсуждаете; дайте мнѣ понять характеръ явленія, его мѣсто въ ряду другихъ, его смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни, и повѣрьте, что этимъ путемъ вы приведете меня къ правильному сужденію о дѣлѣ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ посредствомъ всевозможныхъ силлогизмовъ, подобранныхъ для доказательства вашей мысли. Если до сихъ поръ невѣжество и легковѣріе такъ еще сильны въ людяхъ, это поддерживается именно тѣмъ способомъ критическихъ разсужденій, на который мы нападаемъ. Вездѣ и во всемъ преобладаетъ синтезъ; говорятъ заранѣе: это полезно, и бросаются во всѣ стороны, чтобы прибрать доводы, почему полезно; оглушаютъ васъ сентенціей:

вотъ какова должна быть нравственность, — и затѣмъ осуждаютъ, какъ безнравственное, все, что не подходитъ подъ сентенцію. Такимъ образомъ постоянно и искажается человѣческій смыслъ, и отнимается охота и возможность разсуждать каждому самому. Совсѣмъ не то выходило бы, когда бы люди пріучились къ аналитическому способу сужденій: вотъ какое дѣло, вотъ его послѣдствія, вотъ его выгоды и невыгоды; взвѣсьте и разсудите, въ какой мѣрѣ оно будетъ полезно. Тогда люди постоянно имѣли бы передъ собою данныя, и въ своихъ сужденіяхъ исходили бы изъ фактовъ, не блуждая въ синтетическихъ туманахъ, не связывая себя отвлеченными теоріями и идеалами, когда-то и кѣмъ-то составленными. Чтобы достигнуть этого, надобно, чтобы всѣ люди получили охоту жить своимъ умомъ, а не полагаться на чужую опеку. Этого, конечно, еще не скоро дождемся мы въ человѣчествѣ. Но та небольшая часть людей, которую мы называемъ «читающей публикой», даетъ намъ право думать, что въ ней эта охота къ самостоятельной умственной жизни уже пробудилась.

Поэтому мы считаемъ весьма неудобнымъ третировать ее свысока и надменно бросать ей сентенціи и приговоры, основанные Богъ знаетъ на какихъ теоріяхъ. Самымъ лучшимъ способомъ критики мы считаемъ изложеніе самого дѣла такъ, чтобы читатель самъ, на основаніи выставленныхъ фактовъ, могъ сдѣлать свое заключеніе. Мы группируемъ данныя, дѣлаемъ соображенія объ общемъ смыслѣ произведенія, указываемъ на отношеніе его къ дѣйствительности, въ которой мы живемъ, выводимъ свое заключеніе и пытаемся обставить его возможно лучшимъ образомъ, но при этомъ все-

гда стараемся держаться такъ, чтобы читатель могъ совершенно удобно произнести свой судъ между нами и авторомъ. Намъ не разъ случалось принимать упреки за нѣкоторые иронические разборы: «изъ вашихъ же выписокъ и изложенія содержанія видно, что этотъ авторъ плохъ или вреденъ, — говорили намъ, — а вы его хвалите, — какъ вамъ не стыдно». Признаемся, подобные упреки нимало насъ не огорчали: читатель получалъ не совсѣмъ лестное мнѣніе о нашей критической способности, — правда; но главная цѣль была все-таки достигнута, — негодная книга (которую иногда мы и не могли прямо осудить) такъ и показалась читателю негодною, благодаря фактамъ, выставленнымъ предъ его глазами. И мы всегда были того мнѣнія, что только фактическая, реальная критика и можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ для читателя. Если въ произведеніи есть что-нибудь, то покажите намъ, что въ немъ есть; это гораздо лучше, чѣмъ пускаться въ соображенія о томъ, чего въ немъ нѣтъ и что бы должно было въ немъ находиться.

Разумѣется, есть общія понятія и законы, которые всякій человѣкъ непремѣнно имѣетъ въ виду, разсуждая о какомъ бы то ни было предметѣ. Но нужно различать между этими естественными законами, вытекающими изъ самой сущности дѣла, и между положеніями и правилами, установленными въ какой-нибудь системѣ. Есть извѣстныя аксіомы, безъ которыхъ мышленіе невозможно, и ихъ всякій авторъ предполагаетъ въ своемъ читателѣ такъ же, какъ всякій разговаривающій въ своемъ собесѣдникѣ. Довольно сказать о человѣкѣ, что онъ горбатъ или кось, чтобы всякій увидѣлъ въ этомъ

недостатокъ, а не преимущество его организаціи. Такъ точно, достаточно замѣтить, что такое-то литературное произведеніебезграмотно или исполнено лжи, чтобы этого никто не счелъ достоинствомъ. Но когда вы скажете, что человѣкъ ходитъ въ фуражкѣ, а не въ шляпѣ, этого еще недостаточно для того, чтобы я получилъ о немъ дурное мнѣніе, хотя въ извѣстномъ кругу и принято, что порядочный человѣкъ не долженъ фуражку носить. Такъ и въ литературномъ произведеніи — если вы находите несоблюденіе какихъ-нибудь единствъ, или лица не необходимыя для развитія интриги, такъ это еще ничего не говоритъ для читателя, непредубѣжденнаго въ пользу вашей теоріи. Только то, что каждому читателю должно показаться нарушеніемъ естественнаго порядка вещей и оскорбленіемъ простого здраваго смысла, могу я считать не требующимъ отъ меня опроверженій, предполагая, что эти опроверженія сами собою явятся въ умѣ читателя, при одномъ моемъ указаніи на фактъ. Но никогда не нужно слишкомъ далеко простирать подобное предположеніе. Критики, подобные Н. Ф. Павлову, г. Некрасову изъ Москвы, г. Пальховскому и пр., тѣмъ и грѣшатъ особенно, что предполагаютъ безусловное согласіе между собою и общимъ мнѣніемъ гораздо въ большемъ количествѣ пунктовъ, чѣмъ слѣдуетъ. Иначе сказать, они считаютъ непреложными, очевидными для всѣхъ аксіомами множество такихъ мнѣній, которыя только имъ кажутся абсолютными истинами, а для большинства людей представляютъ даже противорѣчіе съ нѣкоторыми общепринятыми понятіями. Напримѣръ, всякому понятно, что авторъ, желающій сдѣлать что-нибудь порядочное, не долженъ искажать

дѣйствительность: въ этомъ требованіи согласны и теоретики, и общее мнѣніе. Но теоретики въ то же время требуютъ, и тоже полагаютъ какъ аксіому, — что авторъ долженъ совершенствовать дѣятельность, отбрасывая изъ нея все ненужное и выбирая только то, что спеціально требуется для развитія интриги и для развязки произведенія. Сообразно съ этимъ вторымъ требованіемъ, на Островскаго напускались много разъ съ великою яростью; а между тѣмъ оно не только не аксіома, но даже находится въ явномъ противорѣчіи съ требованіемъ относительно вѣрности дѣйствительной жизни, которое всѣми признано какъ необходимое. Какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, заставите меня вѣрить, что въ теченіе какого-нибудь получаса въ одну комнату, или въ одно мѣсто на площади, приходятъ одинъ за другимъ десять человѣкъ, именно тѣ, кого нужно, именно въ то время, какъ ихъ тутъ нужно, встрѣчаютъ кого имъ нужно, начинаютъ ex abrupto разговоръ о томъ, что нужно, уходятъ и дѣлаютъ что нужно, потомъ опять являются, когда ихъ нужно. Дѣлается ли это такъ въ жизни, похоже ли это на истину? Кто не знаетъ, что въ жизни самое трудное дѣло подогнать одно къ другому благопріятныя обстоятельства, устроивъ теченіе дѣлъ сообразно съ логической надобностью. Обыкновенно человѣкъ знаетъ, что ему дѣлать, да не можетъ такъ потрафить, чтобы направить на свое дѣло всѣ средства, которыми такъ легко распоряжается писатель. Нужныя лица не приходятъ, письма не получаются, разговоры идутъ не такъ, чтобъ подвинуть дѣло . . . У всякаго въ жизни много своихъ дѣлъ, и рѣдко кто служитъ, какъ въ нашихъ драмахъ, машиною, которою двигаетъ авторъ, какъ ему удобнѣе, для дѣй-

ствія его пьесы. То же надо сказать и о завязкѣ съ развязкою. Много ли мы видимъ случаевъ, которые бы въ своемъ концѣ представляли чистое, логическое развитіе начала? Въ исторіи мы еще можемъ примѣтить это въ теченіе вѣковъ; но въ частной жизни не то. Правда, что историческіе законы и здѣсь тѣ же самые, но разница въ разстояніи и размѣрѣ. Говоря абсолютно и принимая въ соображеніе безконечно малыя величины, конечно мы найдемъ, что шаръ — тотъ же многоугольникъ; но попробуйте играть на бильярдѣ многоугольниками, — совсѣмъ не то выйдетъ. Такъ точно и историческіе законы о логическомъ развитіи и необходимомъ возмездіи — представляются въ происшествіяхъ частной жизни далеко не такъ ясно и полно, какъ въ исторіи народовъ. Придавать имъ нарочно эту ясность значитъ насиловать и искажать существующую дѣйствительность. Будто бы въ самомъ дѣлѣ всякое преступленіе носитъ въ себѣ самомъ свое наказаніе? Будто оно всегда сопровождается мученіями совѣсти, если не внѣшнею казнью? Будто бережливость всегда ведетъ къ достатку, честность награждается общимъ уваженіемъ, сомнѣніе находитъ свое разрѣшеніе, добродѣтель доставляетъ внутреннее довольство? Не чаще ли видимъ противное, хотя съ другой стороны и противное не можетъ быть утверждаемо, какъ общее правило . . . Нельзя сказать, чтобъ люди были злы по природѣ, и потому нельзя принимать для литературныхъ произведеній принциповъ въ родѣ того, что, напримѣръ, порокъ всегда торжествуетъ, а добродѣтель наказывается. Но невозможно, даже смѣшно сдѣлалось строить драмы и на торжествѣ добродѣтели! Дѣло въ томъ, что отношенія чело-

вѣческія рѣдко устраиваются на основаніи разумнаго разсчета, а слагаются большею частью случайно, и затѣмъ значительная доля поступковъ однихъ съ другими совершается какъ бы безсознательно, по рутинѣ, по минутному расположенію, по вліянію множества посторонннхъ причинъ. Авторъ, рѣшающійся отбросить въ сторону всѣ эти случайности, въ угоду логическимъ требованіямъ развитія сюжета, обыкновенно теряетъ среднюю мѣру и дѣлается похожъ на человѣка, который все измѣряетъ на maximum. Онъ, напримѣръ, нашелъ, что человѣкъ можетъ, безъ непосредственнаго вреда для себя, работать пятнадцать часовъ въ сутки, и на этомъ разсчетѣ основываетъ свои требованія отъ людей, которые у него работаютъ. Само собою разумѣется, что разсчетъ этотъ, возможный для экстренныхъ случаевъ, для двухъ-трехъ дней, оказывается совершенно нелѣпымъ какъ норма постоянной работы. Таковымъ же нерѣдко оказывается и логическое развитіе житейскихъ отношеній, требуемое теоріею отъ драмы.

Намъ скажутъ, что мы впадаемъ въ отрицаніе всякаго творчества и не признаемъ искусства иначе какъ въ видѣ дагерротипа. Еще больше, насъ попросятъ провести дальше наши мнѣнія и дойти до крайнихъ ихъ результатовъ, то есть, что драматическій авторъ, не имѣя права ничего отбрасывать и ничего подгонять нарочно для своей цѣли, оказывается въ необходимости просто записывать всѣ ненужные разговоры всѣхъ встрѣчныхъ лицъ, такъ что дѣйствіе, продолжавшееся недѣлю, потребуетъ и въ драмѣ ту же самую недѣлю для своего представленія на театрѣ, а для иного происшествія потребуется присутствіе всѣхъ тысячъ людей, прогу-

ливающихся по Невскому проспекту или по Англійской набережной. Да, оно такъ и придется, если оставить высшимъ критеріумомъ въ литературѣ все-таки ту теорію, которой положенія мы сейчасъ оспаривали. Но мы вовсе не къ тому идемъ; не два-три пункта теоріи хотимъ мы исправить; нѣтъ, съ такими исправленіями она будетъ еще хуже, запутаннѣе и противорѣчивѣе; мы просто не хотимъ ея вовсе. У насъ есть для сужденія о достоинствѣ авторовъ и произведеній другія основанія, держась которыхъ мы надѣемся не придти ни къ какимъ нелѣпостямъ и не разойтись съ здравымъ смысломъ массы публики. Объ этихъ основаніяхъ мы уже говорили и въ первыхъ статьяхъ объ Островскомъ, и потомъ въ статьѣ о «Наканунѣ»; но можетъ быть нужно еще разъ вкратцѣ изложить ихъ.

Мѣрою достоинства писателя или отдѣльнаго произведенія мы принимаемъ то, насколько служатъ они выраженіемъ естественныхъ стремленій извѣстнаго времени и народа. Естественныя стремленія человѣчества, приведенныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: «чтобъ всѣмъ было хорошо». Понятно, что, стремясь къ этой цѣли, люди, по самой сущности дѣла, сначала должны были отъ нея удалиться: каждый хотѣлъ, чтобъ ему было хорошо, и, утверждая свое благо, мѣшалъ другимъ; устроиться же такъ, чтобъ одинъ другому не мѣшалъ, еще не умѣли. Такъ неопытные танцоры не умѣютъ распорядиться своими движеніями и безпрестанно сталкиваются съ другими парами, даже въ довольно пространной залѣ. Послѣ, понривыкнии, они станутъ лучше расходиться даже и въ залѣ меньшаго объема и при большемъ количествѣ тан-

цующихъ. Но пока они не пріобрѣли ловкости, до тѣхъ поръ, разумѣется, и невозможно допустить, чтобы въ залѣ пускались въ вальсъ многія пары; чтобы не переколотиться другъ объ друга, необходимо многимъ пережидать, а самымъ неловкимъ и вовсе отказаться отъ танцевъ и, можетъ быть, сѣсть за карты, проиграть, и даже много... Такъ было и въ устройствѣ жизни: болѣе ловкіе продолжали отыскивать свое благо, другіе сидѣли, принимались за то, что не слѣдовало, проигрывали; общій праздникъ жизни нарушался съ самаго начала; многимъ стало не до веселья; многіе пришли къ убѣжденію, что къ веселью только тѣ и призваны, кто ловко танцуетъ. А ловкіе танцоры, устроившіе свое благосостояніе, продолжали слѣдовать естественному влеченію и забирали себѣ все больше простора, все больше средствъ для веселья. Наконецъ они теряли мѣру; остальнымъ становилось отъ нихъ очень тѣсно, и они вскакивали съ своихъ мѣстъ и подпрыгивали — уже не за тѣмъ, чтобы танцовать хотѣли, а просто потому, что имъ даже сидѣть-то стало неловко. А между тѣмъ въ этомъ движеніи оказалось, что и между ними есть люди, не лишенные нѣкоторой легкости, — и тѣ пробовали вступить въ кругъ веселящихся. Но привилегированные, первоначальные танцоры смотрѣли на нихъ уже очень непріязненно, какъ на непризванныхъ, и не пускали ихъ въ кругъ. Начиналась борьба, разнообразная, долгая, большею частью неблагопріятная для новичковъ: ихъ осмѣивали, отталкивали, ихъ осуждали платить издержки праздника, у нихъ отнимали ихъ дамъ, а у дамъ кавалеровъ, ихъ совсѣмъ прогнали съ праздника. Но чѣмъ хуже становится людямъ, тѣмъ они сильнѣе чув-

ствуютъ нужду, чтобъ было хорошо. Лишеніями не остановишь требованій, а только раздражишь; только принятіе пищи можетъ утолить голодъ. До сихъ поръ поэтому борьба не кончена; естественныя стремленія, то какъ будто заглушаясь, то появляясь сильнѣе, все ищутъ своего удовлетворенія. Въ этомъ состоитъ сущность исторіи.

Во всѣ времена и во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественныя стремленія говорили въ нихъ чрезвычайно сильно, незаглушаемо Въ практической дѣятельности они часто дѣлались мучениками своихъ стремленій, но никогда не проходили безслѣдно, никогда не оставались одинокими, въ общественной дѣятельности они пріобрѣтали партію, въ чистой наукѣ дѣлали открытія, въ искусствахъ, въ литературѣ образовывали школу. Не говоримъ о дѣятеляхъ общественныхъ, которыхъ роль въ исторіи всякому должна быть понятна послѣ того, что мы сказали на предыдущей страницѣ. Но замѣтимъ, что и въ дѣлѣ науки и литературы за великими личностями всегда сохранялся тотъ характеръ, который мы обозначили выше, — сила естественныхъ, живыхъ стремленій. Съ искаженіемъ этихъ стремленій въ массѣ совпадаетъ водвореніе многихъ нелѣпыхъ понятій о мірѣ и о человѣкѣ; эти понятія въ свою очередь мѣшали общему благу. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ, сколько зла причинили человѣчеству нелѣпости фетишизма и всякаго рода космогоническія бредни, а потомъ астрологическія и кабалистическія мистеріи на разные лады. Люди чистой науки, дѣлавшіе астрономическія и физическія открытія,

или установлявшіе новыя философскія начала, умѣли слушать голосъ естественныхъ, здравыхъ требованій ума и помогали человѣчеству избавляться отъ тѣхъ или другихъ искусственныхъ комбинацій, вредившихъ устройству общаго благоденствія. Съ каждымъ изъ этихъ людей человѣчество дѣлало новый шагъ въ развитіи правильныхъ, естественныхъ понятій, и по важности этихъ шаговъ можемъ мы опредѣлить личное достоинство каждаго дѣятеля. То же самое прилагается и къ людямъ прикладныхъ знаній, техникамъ, механикамъ, агрономамъ, врачамъ и пр. То же видимъ и въ области искусствъ, и въ литературѣ.

Литератору до сихъ поръ предоставлена была небольшая роль въ этомъ движеніи человѣчества къ естественнымъ началамъ, отъ которыхъ оно отклонилось. По существу своему, литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія, она только или предполагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ, то, что уже дѣлается или сдѣлано. Въ первомъ случаѣ, то есть въ предположеніяхъ будущей дѣятельности, она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки; во второмъ—изъ самыхъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою силу служебную, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ. Въ литературѣ, впрочемъ, явилось до сихъ поръ нѣсколько дѣятелей, которые въ своей пропагандѣ стоятъ такъ высоко, что ихъ не превзойдутъ ни практическіе дѣятели для блага человѣчества, ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены такъ богато природою, что умѣли какъ бы по инстинкту приблизиться къ естественнымъ

понятіямъ и стремленіямъ, которыхъ еще только искали современные имъ философы съ помощью строгой науки. Мало того, то, что философы только предугадывали въ теоріи, геніальные писатели умѣли это схватывать въ жизни и изображать въ дѣйствіи. Такимъ образомъ, служа полнѣйшими представителями высшей степени человѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху и съ этой высоты обозрѣвая жизнь людей и природы и рисуя ее передъ нами, они возвышались надъ служебною ролью литературы и становились въ рядъ историческихъ дѣятелей, способствовавшихъ человѣчеству въ яснѣйшемъ сознаніи его живыхъ силъ и естественныхъ наклонностей. Таковъ былъ Шекспиръ. Многія изъ его пьесъ могутъ быть названы открытіями въ области человѣческаго сердца; его литературная дѣятельность подвинула общее сознаніе людей на нѣсколько ступеней, на которыя до него никто не поднимался и которыя только были издали указываемы нѣкоторыми философами. И вотъ почему Шекспиръ имѣетъ такое всемірное значеніе: имъ обозначается нѣсколько новыхъ ступеней человѣческаго развитія. Но зато Шекспиръ и стоитъ внѣ обычнаго ряда писателей; имена Данте, Гёте, Байрона часто присоединяются къ его имени, но трудно сказать, чтобъ въ каждомъ изъ нихъ такъ полно обозначалась цѣлая новая фаза общечеловѣческаго развитія, какъ въ Шекспирѣ. Что же касается до обыкновенныхъ талантовъ, то для нихъ именно остается та служебная роль, о которой мы говорили. Не представляя міру ничего новаго и невѣдомаго, не намѣчая новыхъ путей въ развитіи всего человѣчества, не двигая его даже и на принятомъ пути, они должны ограничиваться болѣе частнымъ,

спеціальнымъ служеніемъ: они проводятъ въ сознаніе массъ то, что открыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываютъ и проясняютъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно. Обыкновенно это происходитъ не такъ впрочемъ, чтобы литераторъ заимствовалъ у философа его идеи, потомъ проводилъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ, оба они дѣйствуютъ самостоятельно, оба исходятъ изъ одного начала — дѣйствительной жизни, но только различнымъ образомъ принимаются за дѣло. Мыслитель, замѣчая въ людяхъ, напримѣръ, недовольство настоящимъ ихъ положеніемъ, соображаетъ всѣ факты и старается отыскать новыя начала, которыя бы могли удовлетворить возникающія требованія. Литераторъ-поэтъ, замѣчая то же недовольство, рисуетъ его картину такъ живо, что общее вниманіе, остановленное на ней, само собою наводитъ людей на мысль о томъ, что же именно имъ нужно. Результатъ одинъ, и значеніе двухъ дѣятелей было бы одно и то же; но исторія литературы показываетъ намъ, что, за немногими исключеніями, литераторы обыкновенно опаздываютъ. Тогда какъ мыслители, привязываясь къ самымъ незначительнымъ признакамъ и неотступно преслѣдуя попавшуюся мысль до самыхъ послѣднихъ ея основаній, нерѣдко подмѣчаютъ новое движеніе въ самомъ еще ничтожномъ ея зародышѣ, — литераторы по большей части оказываются менѣе чуткими: они подмѣчаютъ и рисуютъ возникающее движеніе тогда уже, когда оно довольно явственно и сильно. За то, впрочемъ, они ближе къ понятіямъ массы и больше имѣютъ въ ней успѣха; они подобны барометру, съ которымъ всякій справляется, между

тѣмъ какъ метеорологo-астрономическихъ выкладокъ и предвѣщаній никто не хочетъ знать. Такимъ образомъ, признавая за литературою главное значеніе пропаганды, мы требуемъ отъ нея одного качества, безъ котораго въ ней не можетъ быть никакихъ достоинствъ, именно — *правды*. Надо, чтобы факты, изъ которыхъ исходитъ авторъ и которые онъ представляетъ намъ, были переданы вѣрно. Какъ скоро этого нѣтъ, литературное произведеніе теряетъ всякое значеніе, оно становится вреднымъ, потому что служитъ не къ просвѣтленію человѣческаго сознанія, а, напротивъ, еще къ большему помраченью. И тутъ уже напрасно стали бы мы отыскивать въ авторѣ какой-нибудь талантъ, кромѣ развѣ таланта враля. Въ произведеніяхъ историческаго характера правда должна быть фактическая; въ беллетристикѣ, гдѣ происшествія вымышлены, она замѣняется логическою правдою, то есть разумной вѣроятностью и собразностью съ существующимъ ходомъ дѣлъ.

Но правда есть необходимое условіе, а еще не достоинство произведенія. О достоинствѣ мы судимъ по широтѣ взгляда автора, вѣрности пониманія и живости изображенія тѣхъ явленій, которыхъ онъ коснулся. И прежде всего, по принятому нами критерію, мы различаемъ авторовъ, служащихъ представителями естественныхъ, правильныхъ стремленій народа, отъ авторовъ, служащихъ органами разныхъ искусственныхъ тенденцій и требованій. Мы уже видѣли, что искусственныя общественныя комбинаціи, бывшія слѣдствіемъ первоначальной неумѣлости людей въ устройствѣ своего благосостоянія, во многихъ заглушили сознаніе естественныхъ потребностей. Въ литературахъ всѣхъ народовъ мы

находимъ множество писателей, совершенно преданныхъ искусственнымъ интересамъ и нимало не заботящихся о нормальныхъ требованіяхъ человѣческой природы. Эти писатели могутъ быть и не лжецы; но произведенія ихъ тѣмъ не менѣе ложны, и въ нихъ мы не можемъ признать достоинствъ, развѣ только относительно формы. Всѣ, напримѣръ, пѣвцы иллюминацій, военныхъ торжествъ, рѣзни и грабежа по приказу какого-нибудь честолюбца, сочинители льстивыхъ дивирамбовъ, надписей и мадригаловъ — не могутъ имѣть въ нашихъ глазахъ никакого значенія, потому что они весьма далеки отъ естественныхъ стремленій и потребностей народныхъ. Въ литературѣ они то же въ сравненіи съ истинными писателями, что въ наукѣ астрологи и алхимики предъ истинными натуралистами, что сонники предъ курсомъ физіологіи, гадательныя книжки предъ теоріей вѣроятностей. Между авторами, не удаляющимися отъ естественныхъ понятій, мы различаемъ людей, болѣе или менѣе глубоко проникнутыхъ насущными требованіями эпохи, болѣе или менѣе широко обнимающихъ движеніе, совершающееся въ человѣчествѣ, болѣе или менѣе сильно ему сочувствующихъ. Тутъ степени могутъ быть безчисленны. Одинъ авторъ можетъ исчерпать одинъ вопросъ, другой десять, третій можетъ всѣ ихъ подвести подъ одинъ высшій вопросъ и его поставить на разрѣшеніе, четвертый можетъ указать на вопросы, которые поднимаются еще за разрѣшеніемъ этого высшаго вопроса, и т. д. Одинъ можетъ холодно, эпически излагать факты, другой съ лирической силой ополчаться на ложь и воспѣвать добро и правду. Одинъ можетъ брать дѣло съ поверхности и указывать надобность внѣшнихъ и част-

ныхъ поправокъ; другой можетъ забирать все съ корня и выставлять на видъ внутреннее безобразіе и несостоятельность предмета, или внутреннюю силу и красоту новаго зданія, воздвигаемаго при новомъ движеніи человѣчества. Сообразно съ широтою взгляда и силою чувства авторовъ будетъ разниться и способъ изображенія предметовъ, и самое изложеніе у каждаго изъ нихъ. Разобрать это отношеніе внѣшней формы къ внутренней силѣ уже не трудно; самое главное для критики — опредѣлить, стоитъ ли авторъ въ уровень съ тѣми естественными стремленіями, которыя уже пробудились въ народѣ или должны скоро пробудиться по требованію современнаго порядка дѣлъ; затѣмъ — въ какой мѣрѣ умѣлъ онъ ихъ понять и выразить, и взялъ ли онъ существо дѣла, корень его, или только внѣшность, обнялъ ли общность предмета или только нѣкоторыя его стороны.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что мы здѣсь разумѣемъ не теоретическое обсужденіе, а поэтическое представленіе фактовъ жизни. Въ прежнихъ статьяхъ объ Островскомъ мы достаточно говорили о различіи отвлеченнаго мышленія отъ художническаго способа представленія. Повторимъ здѣсь только одно замѣчаніе, необходимое для того, чтобы поборники чистаго искусства не обвинили насъ опять въ навязываніи художнику «утилитарныхъ темъ». Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи не потому, что авторъ за-

дался этой идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ, напр., философія Сократа и комедіи Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той же общей идеи — разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиною греческихъ нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло; т. е. онъ практически приводитъ насъ къ тому, что Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова и вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній поэтическихъ и собственно теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщить, слить частные признаки въ общей формулѣ. Но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и истинной поэзіей быть не можетъ: талантъ есть принадлежность натуры человѣка и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе нормальнаго порядка вещей должно быть въ немъ ясно и живо, идеалъ его простъ и разуменъ, и онъ не отдастъ себя на

служеніе неправдѣ и безсмыслицѣ, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ, — не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ и вздумаетъ понасиловать свой талантъ. Подобно Валааму, захочетъ онъ проклинать Израиля, и противъ его воли въ торжественную минуту вдохновенія въ его устахъ явятся благословенія вмѣсто проклятій. А если и удастся ему выговорить слово проклятія, то оно лишено будетъ внутренняго жара, будетъ слабо и невразумительно. Намъ нечего ходить далеко за примѣрами: наша литература изобилуетъ ими едва ли не болѣе всякой другой. Возьмите хоть Пушкина и Гоголя: какъ бѣдны и трескучи заказныя стихотворенія Пушкина; какъ жалки аскетическія попытки Гоголя въ литературѣ! Доброй воли было у нихъ много, но воображеніе и чувство не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать истинно поэтическую вещь на заказныя, искуственныя темы. Да и немудрено: дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ поэтъ свои матеріалы и свои вдохновенія, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ-то остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе вмѣсто естественнаго смысла придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности.

Но, какъ мы уже сказали, естественныя стремленія человѣка и здравыя, простыя понятія о вещахъ искажены и почти заглушены во многихъ. Вслѣдствіе неправильнаго развитія, часто людямъ представляется совершенно нормальнымъ и естественнымъ то, что въ сущности составляетъ нелѣпѣйшее насиліе природы. Съ теченіемъ времени че-

ловѣчество все болѣе и болѣе освобождается отъ искусственныхъ искаженій и приближается къ естественнымъ требованіямъ и воззрѣніямъ: мы уже не видимъ таинственныхъ силъ въ каждомъ лѣсѣ и озерѣ, въ громѣ и молніи, въ солнцѣ и звѣздахъ; мы уже не имѣемъ въ образованныхъ странахъ касть и паріевъ; мы не перемѣшиваемъ отношеній двухъ половъ, подобно народамъ востока; мы не признаемъ класса рабовъ существенной принадлежностью государства, какъ было у грековъ и римлянъ; мы отрицаемся отъ инквизиціонныхъ началъ, господствовавшихъ въ средневѣковой Европѣ. Если все это еще и встрѣчается нынѣ по мѣстамъ, то не иначе какъ въ видѣ исключенія; общее же положеніе измѣнилось къ лучшему. Но все-таки и теперь еще люди далеко не пришли къ ясному сознанію всѣхъ естественныхъ потребностей, и даже не могутъ еще согласиться въ томъ, что для человѣка естественно, что нѣтъ. Общую формулу — что человѣку естественно стремиться къ лучшему — всѣ принимаютъ; но разногласія возникаютъ изъза того, что же должно считать благомъ для человѣчества. Мы полагаемъ, напримѣръ, что благо въ трудѣ, и потому трудъ считаемъ естественнымъ для человѣка; а «Экономическій Указатель» увѣряетъ, что людямъ естественно лѣниться, ибо благо состоитъ въ пользованіи капиталомъ. Мы думаемъ, что воровство есть искусственная форма пріобрѣтенія, къ которой человѣкъ вынуждается крайностью; а Крыловъ говоритъ, что это есть естественное качество иныхъ людей и что —

Вору дай хоть милліонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

А между тѣмъ Крыловъ — знаменитый баснописецъ, а «Экономическій Указатель» издается г. Вернадскимъ, докторомъ и статскимъ совѣтникомъ: мнѣніями ихъ пренебрегать невозможно. Что тутъ дѣлать, какъ рѣшить? Намъ кажется, что окончательнаго рѣшенія тутъ никто не можетъ брать на себя; всякій можетъ считать свое мнѣніе самымъ справедливымъ, но рѣшеніе въ этомъ случаѣ, болѣе нежели когда-нибудь, надо предоставить публикѣ. Это дѣло до нея касается, и только во имя ея можемъ мы утверждать наши положенія. Мы говоримъ обществу: «намъ кажется, что вы вотъ къ чему способны, вотъ что чувствуете, вотъ чѣмъ недовольны, вотъ чего желаете». Дѣло общества сказать намъ, ошибаемся мы или нѣтъ. Тѣмъ болѣе въ такомъ случаѣ, какъ разборъ комедіи Островскаго, мы прямо можемъ положиться на общій судъ. Мы говоримъ: «вотъ что авторъ изобразилъ; вотъ что означаютъ, по нашему мнѣнію, воспроизведенные имъ образы, вотъ ихъ происхожденіе, вотъ смыслъ; мы находимъ, что все это имѣетъ живое отношеніе къ вашей жизни и нравамъ и объясняетъ вотъ какія потребности, которыхъ удовлетвореніе необходимо для вашего блага». Скажите, кому же иначе судить о справедливости нашихъ словъ, какъ не тому самому обществу, о которомъ идетъ рѣчь и къ которому она обращается? Его рѣшеніе должно быть одинаково важно и окончательно — и для насъ и для разбираемаго автора.

Авторъ нашъ принимается публикою очень хорошо; значитъ, одна половина вопроса рѣшается положительнымъ образомъ: публика признаетъ, что онъ вѣрно понимаетъ и изображаетъ ее. Остает-

ся другой вопросъ: вѣрно ли мы понимаемъ Островскаго, приписывая его произведеніямъ извѣстный смыслъ? Нѣкоторую надежду на благопріятный отвѣтъ подаетъ намъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что критики, противоположныя нашему воззрѣнію, не были особенно одобряемы публикой, и во-вторыхъ то, что самъ авторъ оказывается согласнымъ съ нами, такъ какъ въ «Грозѣ» мы находимъ новое подтвержденіе многихъ изъ нашихъ мыслей о талантѣ Островскаго и о значеніи его произведеній. Впрочемъ, еще разъ, — наши статьи и самыя основанія, на которыхъ мы утверждаемъ свои сужденія, у всѣхъ предъ глазами. Кто не захочетъ согласиться съ нами, тотъ, читая и повѣряя наши статьи по своимъ наблюденіямъ, можетъ придти къ собственному заключенію. Мы и тѣмъ будемъ довольны.

Теперь, объяснившись относительно основаній нашей критики, просимъ читателей извинить намъ длинноту этихъ объясненій. Ихъ бы, конечно, можно было изложить на двухъ-трехъ страницахъ, но тогда бы этимъ страницамъ долго не пришлось увидѣть свѣта. Длинота происходитъ оттого, что часто безконечнымъ перифразомъ объясняется то, что можно бы обозначить просто однимъ словомъ; но въ томъ-то и бѣда, что эти слова, весьма обыкновенныя въ другихъ европейскихъ языкахъ, русской статьѣ даютъ обыкновенно такой видъ, въ которомъ она не можетъ явиться предъ публикой. И приходится поневолѣ перевертываться всячески съ фразой, чтобы ввести какъ-нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли.

Но обратимся же къ настоящему предмету нашему — къ автору «Грозы».

Читатели «Современника» помнятъ, можетъ быть, что мы поставили Островскаго очень высоко, находя, что онъ очень полно и многосторонне умѣлъ изобразить существенныя стороны и требованія русской жизни. Другіе авторы брали частныя явленія, временныя, внѣшнія требованія общества и изображали ихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, какъ, напр., требованіе правосудія, вѣротерпимости, здравой администраціи, уничтоженія откуповъ, отмѣненія крѣпостного права и пр. Иные авторы брали болѣе внутреннюю сторону жизни, но ограничивались очень тѣснымъ кругомъ и подмѣчали такія явленія, которыя далеко не имѣли общенароднаго значенія. Таково, напр., изображеніе, въ безчисленномъ множествѣ повѣстей, людей, ставшихъ по развитію выше окружающей ихъ среды, но лишенныхъ энергіи воли и погибающихъ въ бездѣйствіи. Повѣсти эти имѣли значеніе, потому что ясно выражали собою негодность среды, мѣшающей хорошей дѣятельности, и хотя смутно-сознаваемое требованіе энергическаго примѣненія на дѣлѣ началъ, признаваемыхъ нами за истину въ теоріи. Смотря по различію талантовъ, и повѣсти этого рода имѣли больше или меньше значенія; но всѣ онѣ заключали въ себѣ тотъ недостатокъ, что попадали лишь въ небольшую (сравнительно) часть общества и не имѣли почти никакого отношенія къ большинству. Не говоря о массѣ народа, даже въ среднихъ слояхъ нашего общества мы видимъ гораздо больше людей, которымъ еще нужно пріобрѣтеніе и уясненіе правильныхъ понятій, нежели такихъ, которыя съ пріобрѣтенными идеями не знаютъ, куда дѣваться. Поэтому значеніе указанныхъ повѣстей и романовъ остается весьма спе-

ціальнымъ, и чувствуется болѣе для кружка извѣстнаго сорта, нежели для большинства. Нельзя не сознаться, что дѣло Островскаго гораздо плодотворнѣе: онъ захватилъ такія общія стремленія и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которыхъ голосъ слышится во всѣхъ явленіяхъ нашей жизни, которыхъ удовлетвореніе составляетъ необходимое условіе нашего дальнѣйшаго развитія. Мы не станемъ теперь повторять того, о чемъ говорили подробно въ нашихъ первыхъ статьяхъ; но кстати замѣтимъ здѣсь странное недоумѣніе, происшедшее относительно нашихъ статей у одного изъ критиковъ «Грозы» — г. Аполлона Григорьева. Нужно замѣтить, что г. А. Григорьевъ одинъ изъ восторженныхъ почитателей таланта Островскаго; но, — должно быть отъ избытка восторга, — ему никогда не удается высказать съ нѣкоторой ясностью, за что же именно онъ цѣнитъ Островскаго. Мы читали его статьи и никакъ не могли добиться толку. Между тѣмъ, разбирая «Грозу», г. Григорьевъ посвящаетъ намъ нѣсколько страничекъ, и обвиняетъ насъ въ томъ, что мы прицѣпили ярлычки къ лицамъ комедіи Островскаго, раздѣлили всѣ ихъ на два разряда — *самодуровъ* и *забитыхъ личностей*, и въ развитіи отношеній между ними, обычныхъ въ купеческомъ быту, заключили все дѣло нашего комика. Высказавъ это обвиненіе, г. Григорьевъ восклицаетъ, что нѣтъ, не въ этомъ состоитъ особенность и заслуга Островскаго, а въ *народности*. Но въ чемъ же состоитъ народность, г. Григорьевъ не объясняетъ, и потому его реплика показалась намъ очень забавною. Какъ будто мы не признавали народности у Островскаго! Да мы именно съ нея и начали, ею

продолжали и кончили. Мы искали, какъ и насколько произведенія Островскаго служатъ выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій: что это, какъ не народность? Только что мы не кричали про нее съ восклицательными знаками черезъ каждыя двѣ строки, а постарались опредѣлить ея содержаніе, чего г. Григорьеву не заблагоразсудилось ни разу сдѣлать. А если бъ онъ это попробовалъ, то, можетъ быть, пришелъ бы къ тѣмъ же результатамъ, которые осуждаетъ у насъ, и не сталъ бы попусту обвинять насъ, будто мы заслугу Островскаго заключаемъ въ вѣрномъ изображеніи семейныхъ отношеній купцовъ, живущихъ по старинѣ. Всякій, кто читалъ наши статьи, могъ видѣть, что мы вовсе не купцовъ только имѣли въ виду, указывая на основныя черты отношеній, господствующихъ въ нашемъ бытѣ и такъ хорошо воспроизведенныхъ въ комедіяхъ Островскаго. Современныя стремленія русской жизни, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, находятъ свое выраженіе въ Островскомъ, какъ комикѣ, съ отрицательной стороны. Рисуя намъ въ яркой картинѣ ложныя отношенія, со всѣми ихъ послѣдствіями, онъ черезъ то самое служитъ отголоскомъ стремленій, требующихъ лучшаго устройства. Произволъ съ одной стороны и недостатокъ сознанія правъ своей личности, съ другой, вотъ основанія, на которыхъ держится все безобразіе взаимныхъ отношеній, развиваемыхъ въ большей части комедій Островскаго; требованія права, законности, уваженія къ человѣку — вотъ что слышится каждому внимательному читателю изъ глубины этого безобразія. Что же, развѣ вы станете отрицать обширное значеніе этихъ требованій въ русской жизни? Развѣ вы не сознаетесь, что подоб-

ный фонъ комедій соотвѣтствуетъ состоянію русскаго общества болѣе, нежели какого бы то ни было другого въ Европѣ? Возьмите исторію, вспомните свою жизнь, оглянитесь вокругъ себя,—вы вездѣ найдете оправданіе нашихъ словъ. Не мѣсто здѣсь пускаться намъ въ историческія изысканія; довольно замѣтить, что наша исторія до новѣйшихъ временъ не способствовала у насъ развитію чувства законности (съ чѣмъ и г. Пироговъ согласенъ; зри Положеніе о наказаніяхъ въ Кіевскомъ округѣ), не создавала прочныхъ гарантій для личности и давала обширное поле произволу. Такого рода историческое развитіе, разумѣется, имѣло слѣдствіемъ упадокъ нравственности общественной: уваженіе къ собственному достоинству потерялось, вѣра въ право, а слѣдовательно и сознаніе долга — ослабли, произволъ попиралъ право, подъ произволъ подтачивалась хитрость. Нѣкоторые писатели, лишенные чутья нормальныхъ потребностей и сбитые съ толку искусственными комбинаціями, признавая эти несомнѣнные факты, хотѣли ихъ узаконить, прославить, какъ норму жизни, а не какъ искаженіе естественныхъ стремленій, произведенное неблагопріятнымъ историческимъ развитіемъ. Такъ, напримѣръ, произволъ хотѣли присвоить русскому человѣку, какъ особенное, естественное качество его природы — подъ названіемъ «широты натуры»; плутовство и хитрость тоже хотѣли узаконить въ русскомъ народѣ подъ названіемъ смѣтливости и лукавства. Нѣкоторые критики хотѣли даже въ Островскомъ видѣть пѣвца широкихъ русскихъ натуръ; оттого-то и поднято было однажды такое бѣснованіе изъ-за Любима Торцова, выше котораго ничего не находили у нашего автора. Но Островскій, какъ чело-

вѣкъ съ сильнымъ талантомъ и слѣдовательно съ чутьемъ истины, съ инстинктивною наклонностью къ естественнымъ здравымъ требованіямъ, не могъ поддаться искушенію, и произволъ, даже самый широкій, всегда выходилъ у него, сообразно дѣйствительности, произволомъ, тяжелымъ, безобразнымъ, беззаконнымъ, — и въ сущности пьесы всегда слышался протестъ противъ него. Онъ умѣлъ почувствовать, что такое значитъ подобная широта натуры, и заклеймилъ, ошельмовалъ ее нѣсколькими типами и названіемъ самодурства.

Но не онъ сочинилъ эти типы, такъ точно, какъ не онъ выдумалъ и слово «самодуръ». То и другое взялъ онъ въ самой жизни. Ясно, что жизнь, давшая матеріалы для такихъ комическихъ положеній, въ какихъ ставятся часто самодуры Островскаго, жизнь, давшая имъ и приличное названіе, не поглощена уже вся ихъ вліяніемъ, а заключаетъ въ себѣ задатки болѣе разумнаго, законнаго, правильнаго порядка дѣлъ. И дѣйствительно, послѣ каждой пьесы Островскаго, каждый чувствуетъ внутри себя это сознаніе, и, оглядываясь кругомъ себя, замѣчаетъ то же въ другихъ. Слѣдя пристальнѣе за этой мыслью, всматриваясь въ нее дольше и глубже, замѣчаешь, что это стремленіе къ новому, болѣе естественному устройству отношеній заключаетъ въ себѣ сущность всего, что мы называемъ прогрессомъ, составляетъ прямую задачу нашего развитія, поглощаетъ всю работу новыхъ поколѣній. Куда вы ни оглянетесь, вездѣ вы видите пробужденіе личности, предъявленіе ею своихъ законныхъ правъ, протестъ противъ насилія и произвола, большею частью еще робкій, неопредѣленный, готовый спрятаться, но все-таки уже дающій замѣтить свое существованіе.

Возьмите хоть законодательную и административную сторону, которая хотя въ частныхъ своихъ проявленіяхъ всегда имѣетъ много случайнаго, но въ общемъ своемъ характерѣ все-таки служитъ указателемъ положенія народа. Особенно этотъ указатель вѣренъ тогда, когда законодательныя мѣры запечатлѣны характеромъ льготъ, уступокъ и расширенія правъ. Мѣры обременительныя, стѣсняющія народъ въ его правахъ, могутъ быть вызваны, вопреки требованію народной жизни, просто дѣйствіемъ произвола, сообразно выгодамъ привилегированнаго меньшинства, которое пользуется стѣсненіемъ другихъ; но мѣры, которыми уменьшаются привилегіи и расширяются общія права, не могутъ имѣть свое начало не въ чемъ иномъ, какъ въ прямыхъ и неотступныхъ требованіяхъ народной жизни, неотразимо дѣйствующихъ на привилегированное меньшинство, даже вопреки его личнымъ, непосредственнымъ выгодамъ. Взгляните же, что у насъ дѣлается въ этомъ отношеніи: крестьяне освобождаются, и сами помѣщики, утверждавшіе прежде, что еще рано давать свободу мужику, теперь убѣждаются и сознаются, что пора развязаться съ этимъ вопросомъ, что онъ дѣйствительно созрѣлъ въ народномъ сознаніи. . . А что же иное лежитъ въ основаніи этого вопроса, какъ не уменьшеніе произвола и не возвышеніе правъ человѣческой личности? То же самое и во всѣхъ другихъ реформахъ и улучшеніяхъ. Въ финансовыхъ реформахъ, во всѣхъ этихъ комиссіяхъ и комитетахъ, разсуждавшихъ о банкахъ, о податяхъ и пр., что видѣло общественное мнѣніе, чего отъ нихъ надѣялось, какъ не опредѣленія болѣе правильной, отчетливой системы финансоваго управленія, и слѣдовательно, введенія законности вмѣсто всякаго

произвола? Что заставило предоставить нѣкоторыя права гласности, которой прежде такъ боялись, — что, какъ не сознаніе силы того общаго протеста противъ безправія и произвола, который въ теченіе многихъ лѣтъ сложился въ общественномъ мнѣніи и наконецъ не могъ себя сдерживать? Что сказалось въ полицейскихъ и административныхъ преобразованіяхъ, въ заботахъ о правосудіи, въ предположеніяхъ гласнаго судопроизводства, въ уменьшеніи строгостей къ раскольникамъ, въ самомъ уничтоженіи откуповъ?.. Мы не говоримъ о практическомъ значеніи всѣхъ этихъ мѣръ, мы только утверждаемъ, что самая попытка приступить къ нимъ доказываетъ сильное развитіе той общей идеи, на которую мы указали: хотя бы всѣ онѣ рушились или остались безуспѣшными, это бы могло показать только — недостаточность или ложность средствъ, принятыхъ для ихъ исполненія, но не могло бы свидѣтельствовать противъ потребностей, ихъ вызвавшихъ. Существованіе этихъ требованій такъ ясно, что въ литературѣ нашей они выразились немедленно, какъ только оказалась фактическая возможность ихъ проявленія. Сказались они и въ комедіяхъ Островскаго, съ полнотою и силою, какую мы встрѣчали у немногихъ авторовъ. Но не въ одной только степени силы достоинство комедій его: для насъ важно и то, что онъ нашелъ сущность общихъ требованій жизни еще въ то время, когда они были скрыты и высказывались весьма немногими и весьма слабо. Первая его пьеса появилась въ 1847 г.; извѣстно, что съ того времени до послѣднихъ годовъ даже лучшіе наши авторы почти потеряли слѣдъ естественныхъ стремленій народныхъ и даже стали сомнѣваться въ ихъ существованіи, а если

иногда и чувствовали ихъ вѣяніе, то очень слабо, неопредѣленно, только въ какихъ-нибудь частныхъ случаяхъ, и, за немногими исключеніями, почти никогда не умѣли найти для нихъ истиннаго и яркаго выраженія. Общее положеніе отразилось, разумѣется, отчасти и на Островскомъ; оно, можетъ быть, во многомъ объясняетъ ту долю неопредѣленности нѣкоторыхъ его пьесъ, которая подала поводъ къ такимъ нападкамъ на него въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Но теперь, внимательно соображая совокупность его произведеній, мы находимъ, что чутье истинныхъ потребностей и стремленій русской жизни никогда не оставляло его; оно иногда и не показывалось на первый взглядъ, но всегда находилось въ корнѣ его произведеній. Зато — кто хотѣлъ безпристрастно доискаться коренного ихъ смысла, тотъ всегда могъ найти, что дѣло въ нихъ представляется не съ поверхности, а съ самаго корня. Эта черта удерживаетъ произведенія Островскаго на ихъ высотѣ и теперь, когда уже всѣ стараются выражать тѣ же стремленія, которыя мы находимъ въ его пьесахъ. Чтобы не распространяться объ этомъ, замѣтимъ одно: требованіе права, уваженіе личности, протестъ противъ насилія и произвола вы находите во множествѣ нашихъ литературныхъ произведеній послѣднихъ лѣтъ; но въ нихъ большею частью дѣло не произведено жизненнымъ, практическимъ образомъ, почувствована отвлеченная, философская сторона вопроса и изъ нея все выведено, указывается *право*, а оставляется безъ вниманія реальная *возможность*. У Островскаго не то: у него вы находите не только нравственную, но и житейскую, экономическую сторону вопроса, а въ этомъ-то и сущность дѣла. У него вы ясно видите,

какъ самодурство опирается на толстой мошнѣ, которую называетъ «Божіимъ благословеніемъ», и какъ безотвѣтность людей передъ нимъ опредѣляется матеріальною отъ него зависимостью. Мало того, вы видите, какъ эта матеріальная сторона во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ господствуетъ надъ отвлеченною, и какъ люди, лишенные матеріальнаго обезпеченія, мало цѣнятъ отвлеченныя права и даже теряютъ ясное сознаніе о нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сытый человѣкъ можетъ разсуждать хладнокровно и умно, слѣдуетъ ли ему ѣсть такое-то кушанье; но голодный рвется къ пищѣ, гдѣ ни завидитъ ее и какова бы она ни была. Это явленіе, повторяющееся во всѣхъ сферахъ общественной жизни, хорошо замѣчено и понято Островскимъ, и его пьесы яснѣе всякихъ разсужденій показываютъ внимательному читателю, какъ система безправія и грубаго, мелочного эгоизма, водворенная самодурствомъ, прививается и къ тѣмъ самымъ, которые отъ него страдаютъ; какъ они, если мало мальски сохраняютъ въ себѣ остатки энергіи, стараются употребить ее на пріобрѣтеніе возможности жить самостоятельно, и уже не разбираютъ при этомъ ни средствъ, ни правъ. Мы слишкомъ подробно развивали эту тему въ прежнихъ статьяхъ нашихъ, чтобы опять къ ней возвращаться; при томъ же мы, припомнивши стороны таланта Островскаго, которыя повторялись въ «Грозѣ», какъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ, должны все-таки сдѣлать коротенькій обзоръ самой пьесы и показать, какъ мы ее понимаемъ.

По настоящему, этого бы и не нужно; но критики, до сихъ поръ написанныя на «Грозу», показываютъ намъ, что наши замѣчанія не будутъ лишни.

Уже и въ прежнихъ пьесахъ Островскаго мы

замѣчали, что это не комедіи интригъ и не комедіи характеровъ собственно, а нѣчто новое, чему мы дали бы названіе «пьесъ жизни», если бы это не было слишкомъ обширно и потому не совсѣмъ опредѣленно. Мы хотимъ сказать, что у него на первомъ планѣ является всегда общая, не зависящая ни отъ кого изъ дѣйствующихъ лицъ, обстановка жизни. Онъ не караетъ ни злодѣя, ни жертву; оба они жалки вамъ, нерѣдко оба смѣшны, но не на нихъ непосредственно обращается чувство, возбуждаемое въ васъ пьесою. Вы видите, что ихъ положеніе господствуетъ надъ ними, и вы вините ихъ только въ томъ, что они не выказываютъ достаточно энергіи для того, чтобы выйти изъ этого положенія. Сами самодуры, противъ которыхъ естественно должно возмущаться ваше чувство, по внимательномъ разсмотрѣніи оказываются болѣе достойны сожалѣнія, нежели вашей злости: они и добродѣтельны, и даже умны по-своему, въ предѣлахъ, предписанныхъ имъ рутиною и поддерживаемыхъ ихъ положеніемъ; но положеніе это таково, что въ немъ невозможно полное, здоровое, человѣческое развитіе. Мы видѣли это особенно въ анализѣ характера Русакова.

Такимъ образомъ борьба, требуемая теоріею отъ драмы, совершается въ пьесахъ Островскаго не въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, а въ фактахъ, господствующихъ надъ ними. Часто сами персонажи комедіи не имѣютъ яснаго, или и вовсе никакого, сознанія о смыслѣ своего положенія и своей борьбы; но зато борьба весьма отчетливо и сознательно совершается въ душѣ зрителя, который невольно возмущается противъ положенія, порождающаго такіе факты. И вотъ почему мы никакъ не рѣшаемся считать ненужными и лишними тѣ лица пьесъ

Островскаго, которыя не участвуютъ прямо въ интригѣ. Съ нашей точки зрѣнія, эти лица столько же необходимы для пьесы, какъ и главныя: они показываютъ намъ ту обстановку, въ которой совершается дѣйствіе, рисуютъ положеніе, которымъ опредѣляется смыслъ дѣятельности главныхъ персонажей пьесы. Чтобы хорошо узнать свойства жизни растенія, надо изучать его на той почвѣ, на которой оно растетъ; оторвавши отъ почвы, вы будете имѣть форму растенія, но не узнаете вполнѣ его жизни. Точно такъ не узнаете вы жизни общества, если вы будете разсматривать ее только въ непосредственныхъ отношеніяхъ нѣсколькихъ лицъ, пришедшихъ почему-нибудь въ столкновеніе другъ съ другомъ: тутъ будетъ только дѣловая, официальная сторона жизни, между тѣмъ какъ намъ нужна будничная ея обстановка. Посторонніе, недѣятельные участники жизненной драмы, повидимому, занятые только своимъ дѣломъ каждый, — имѣютъ часто однимъ своимъ существованіемъ такое вліяніе на ходъ дѣла, что его ничѣмъ и отразить нельзя. Сколько горячихъ идей, сколько обширныхъ плановъ, сколько восторженныхъ порывовъ рушится при одномъ взглядѣ на равнодушную, прозаическую толпу, съ презрительнымъ индифферентизмомъ проходящую мимо насъ! Сколько чистыхъ и добрыхъ чувствъ замираетъ въ насъ, изъ боязни, чтобы не быть осмѣяннымъи поруганнымъ этой толпой! А съ другой стороны, и сколько преступленій, сколько порывовъ произвола и насилія останавливается предъ рѣшеніемъ этой толпы, всегда какъ будто равнодушной и податливой, но въ сущности весьма неуступчивой въ томъ, что разъ ею признано. Поэтому чрезвычайно важно для насъ знать, каковы понятія этой

толпы о добрѣ и злѣ, что у ней считается за истину и что за ложь. Этимъ опредѣляется нашъ взглядъ на положеніе, въ какомъ находятся главныя лица пьесы; а слѣдовательно, и степень нашего участія къ нимъ.

Въ «Грозѣ» особенно видна необходимость такъ называемыхъ «ненужныхъ» лицъ: безъ нихъ мы не можемъ понять лица героини, и легко можемъ исказить смыслъ всей пьесы, что и случилось съ большею частью критиковъ. Можетъ быть, намъ скажутъ, что все-таки авторъ виноватъ, если его такъ легко не понять; но мы замѣтимъ на это, что авторъ пишетъ для публики, а публика, если не сразу овладѣваетъ вполнѣ сущностью его пьесъ, то и не искажаетъ ихъ смысла. Что же касается до того, что нѣкоторыя подробности могли быть отдѣланы лучше, — мы за это не стоимъ. Безъ сомнѣнія, мотивцики въ «Гамлетѣ» болѣе кстати и ближе связаны съ ходомъ дѣйствія, нежели, напримѣръ, полусумасшедшая барыня въ «Грозѣ»; но мы вѣдь не то толкуемъ, что нашъ авторъ — Шекспиръ, а только то, что его постороннія лица имѣютъ резонъ своего появленія и оказываются даже необходимыми для полноты пьесы, разсматриваемой какъ она есть, а не въ смыслѣ абсолютнаго совершенства.

«Гроза», какъ вы знаете, представляетъ намъ идиллію «темнаго царства», которое мало-по-малу освѣщаетъ намъ Островскій своимъ талантомъ. Люди, которыхъ вы здѣсь видите, живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами; лѣтній благодатный день такъ и манитъ на берегъ, на воздухъ, подъ открытое небо, подъ этотъ вѣтерокъ,

освѣжительно вѣющій съ Волги. . . И жители, точно, гуляютъ иногда по бульвару надъ рѣкой, хоть ужъ и приглядѣлись къ красотамъ волжскихъ видовъ; вечеромъ сидятъ на завалинкахъ у воротъ и занимаются благочестивыми разговорами; но больше проводятъ время у себя дома, занимаются хозяйствомъ, купаютъ, спятъ, — спать ложатся очень рано, такъ что непривычному человѣку трудно и выдержать такую сонную ночь, какую они задаютъ себѣ. Но что же имъ дѣлать, какъ не спать, когда они сыты? Ихъ жизнь течетъ такъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣниться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ, — обитатели городка Калинова будутъ себѣ существовать попрежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ. Изрѣдка забѣжитъ къ нимъ неопредѣленный слухъ, что Наполеонъ съ двадесятью языкъ опять подымается, или что антихристъ народился; но и это они принимаютъ болѣе какъ курьезную штуку, въ родѣ вѣсти о томъ, что есть страны, гдѣ всѣ люди съ песьими головами: покачаютъ головой, выразятъ удивленіе къ чудесамъ природы, и пойдутъ себѣ закусить . . . Смолоду еще показываютъ нѣкоторую любознательность, но нынѣ взять ей неоткуда: свѣдѣнія заходятъ къ нимъ, точно въ древней Руси временъ Даніила Паломника, только отъ странницъ, да и тѣхъ ужъ нынче немного настоящихъ-то; приходится довольствоваться такими, которыя «сами, по немощи своей, далеко не ходили, а слыхать много слыхали», какъ Ѳеклуша въ «Грозѣ». Отъ нихъ только и узнаютъ жители Калинова о томъ, что на

свѣтѣ дѣлается; иначе они думали бы, что весь свѣтъ таковъ же, какъ и ихъ Калиновъ, и что иначе жить, чѣмъ они, совершенно невозможно. Но и свѣдѣнія, сообщаемыя Ѳеклушами, таковы, что неспособны внушить больного желанія промѣнять свою жизнь на иную. Ѳеклуша принадлежитъ къ партіи патріотической и въ высшей степени консервативной; ей хорошо среди благочестивыхъ и наивныхъ Калиновцевъ: ее и почитаютъ, и угощаютъ, и снабжаютъ всѣмъ нужнымъ; она пресерьезно можетъ увѣрять, что самые грѣшки ея происходятъ отъ того, что она выше прочихъ смертныхъ: «простыхъ людей, говоритъ, каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено, вотъ и надо ихъ всѣхъ побороть». И ей вѣрятъ. Ясно, что простой инстинктъ самосохраненія долженъ заставить ее не сказать хорошаго слова о томъ, что въ другихъ земляхъ дѣлается. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ разговорамъ купечества, мѣщанства, мелкаго чиновничества въ уѣздной глуши, — сколько удивительныхъ свѣдѣній о невѣрныхъ и поганыхъ царствахъ, сколько разсказовъ о тѣхъ временахъ, когда людей жгли и мучили, когда разбойники города грабили, и т. п.— и какъ мало свѣдѣній о европейской жизни, о лучшемъ устройствѣ быта! Даже въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ, въ объевропившихся людяхъ, на множество энтузіастовъ, восхищающихся новыми парижскими улицами и мабилемъ, развѣ вы не найдете почти такое же множество солидныхъ цѣнителей, которые запугиваютъ своихъ слушателей тѣмъ, что нигдѣ, кромѣ Австріи, во всей Европѣ порядка нѣтъ и никакой управы найти нельзя!... Все это и ведетъ къ тому, что Ѳеклуша высказыва-

етъ такъ положительно: «бла-алѣніе, милая, бла-алѣніе, красота дивная! Да что ужъ и говорить, — въ обѣтованной землѣ живете!» Оно несомнѣнно такъ и выходитъ, какъ сообразить, что въ другихъ-то земляхъ дѣлается. Послушайте-ко Ѳеклушу:

Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ Махнутъ турецкій, а въ другой — султанъ Махнутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надъ всѣми людьми, и что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая дѣвушка, ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужъ имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ. И всѣ судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: „суди меня, судья неправедный!“ А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами.

«За что же такъ съ песьими?» спрашиваетъ Глаша. «За невѣрность», коротко отвѣчаетъ Ѳеклуша, считая всякія дальнѣйшія объясненія излишними. Но Глаша и тому рада; въ томительномъ однообразіи ея жизни и мысли, сей пріятно услышать сколько-нибудь новое и оригинальное. Въ ея душѣ смутно пробуждается уже мысль, «что вотъ однако же живутъ люди и не такъ, какъ мы; оно, конечно, у насъ лучше, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ! Вѣдь и у насъ нехорошо; а про тѣ земли-то мы еще и не знаемъ хорошенько; кое-что только услышишь отъ добрыхъ людей...» И желаніе знать побольше да поосновательнѣе закрадывается въ душу. Это для насъ ясно изъ словъ Глаши, по уходѣ странницы: «Вотъ еще какія земли есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ, ничего не

знаемъ. Еще хорошо, что добрые люди есть: пѣть, пѣть, да и услышишь, что на бѣломъ свѣту дѣлается; а то бы такъ дураками и померли». Какъ видите, неправедность и невѣрность чужихъ земель не возбуждаетъ въ Глашѣ ужаса и негодованія; ее занимаетъ только новое свѣдѣніе, которое представляется ей чѣмъ-то загадочнымъ, — «чудесами», какъ она выражается. Вы видите, что она не довольствуется объясненіями Феклуши, которыя возбуждаютъ въ ней только сожалѣніе о своемъ невѣжествѣ. Она очевидно на полдорогѣ къ скептицизму. Но гдѣ жъ ей сохранить свое недовѣріе, когда оно безпрестанно подрывается разсказами, подобными Феклушинымъ? Какъ ей дойти до правильныхъ понятій, даже просто до разумныхъ вопросовъ, когда ея любознательность заперта въ такомъ кругѣ, который очерченъ около нея въ городѣ Калиновѣ? Да еще мало того, какъ бы она осмѣлилась не вѣрить да допытываться, когда старшіе и лучшіе люди такъ положительно успокаиваются въ убѣжденіи, что принятыя ими понятія и образъ жизни — наилучшіе въ мірѣ, и что все новое происходитъ отъ нечистой силы? Страшна и тяжела для каждаго новичка попытка идти наперекоръ требованіямъ и убѣжденіямъ этой темной массы, ужасной въ своей наивности и искренности. Вѣдь она проклянетъ насъ, будетъ бѣгать, какъ зачумленныхъ, не по злобѣ, не по разсчетамъ, а по глубокому убѣжденію въ томъ, что мы сродни антихристу; хорошо еще, если только полоумнымъ сочтетъ и будетъ подсмѣиваться... Она ищетъ знанія, любитъ разсуждать, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, предписанныхъ ей основными понятіями, въ которыхъ путается разсудокъ. Вы можете сообщить калиновскимъ жителямъ нѣ-

которыя географическія знанія; но не касайтесь того, что земля на трехъ китахъ стоитъ и что въ Іерусалимѣ есть пупъ земли — этого они вамъ не уступятъ, хотя о пупѣ земли имѣютъ такое же ясное понятіе, какъ о Литвѣ, въ «Грозѣ». «Это, братецъ ты мой, что такое?» спрашиваетъ одинъ мирный гражданинъ у другого, показывая на картину.—А это литовское разореніе, отвѣчаетъ тотъ. Битва! видишь! Какъ наши съ Литвой бились.—«Что жъ это такое Литва?»—Такъ она Литва и есть, отвѣчаетъ объясняющій. — «А говорятъ, братецъ ты мой, она на насъ съ неба упала», продолжаетъ первый: но собесѣднику его мало до того нужды: «ну, съ неба, такъ съ неба», отвѣчаетъ онъ... Тутъ женщина вмѣшивается въ разговоръ: «Толкуй еще! Всѣ знаютъ, что съ неба; и гдѣ былъ какой бой съ ней, тамъ для памяти курганы насыпаны». А что, братецъ ты мой! Вѣдь это такъ точно! восклицаетъ вопрошатель, вполнѣ удовлетворенный. И послѣ этого спросите его, что онъ думаетъ о Литвѣ! Подобный исходъ имѣютъ всѣ вопросы, задаваемые здѣсь людямъ естественной любознательностью. И это вовсе не оттого, чтобы люди эти были глупѣе, безтолковѣе многихъ другихъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ академіяхъ и ученыхъ обществахъ. Нѣтъ, все дѣло въ томъ, что они своимъ положеніемъ, своей жизнью подъ гнетомъ произвола, всѣ пріучены уже видѣть безотчетность и безсмысленность, и потому находятъ неловкимъ и даже дерзкимъ настойчиво доискиваться разумныхъ основаній въ чемъ бы то ни было. Задать вопросъ, — на это ихъ еще станетъ; но если отвѣтъ будетъ таковъ, что «пушка сама по себѣ, а мортира сама по себѣ», то они уже не смѣютъ пытать дальше и смиренно

довольствуются даннымъ объясненіемъ. Секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается прежде всего въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ. Ключъ этой тайны даетъ намъ, напримѣръ, слѣдующая реплика Дикого, въ «Грозѣ». Кулигинъ, въ отвѣтъ на его грубости, говоритъ: «За что, сударь Савелъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?» Дикой отвѣчаетъ вотъ что:

Отчетъ, что ли, я стану тебѣ давать? Я и поважиѣе тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю! Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, — вотъ и все. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что жъ ты судиться, что ли, со мной будешь? Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу - помилую, захочу — раздавлю.

Какое теоретическое разсужденіе можетъ устоять тамъ, гдѣ жизнь основана на такихъ началахъ! Отсутствіе всякаго закона, всякой логики — вотъ законъ и логика этой жизни. Это не анархія, но нѣчто еще гораздо худшее (хотя воображеніе образованнаго европейца и не умѣетъ представить себѣ ничего хуже анархіи). Въ анархіи такъ ужъ и нѣтъ никакого начала: всякъ молодецъ на свой образецъ, никто никому не указъ, всякій на приказаніе другого можетъ отвѣчать, что я, молъ, тебя знать не хочу, и такимъ образомъ всѣ озорничаютъ и ни въ чемъ согласиться не могутъ. Положеніе общества, подверженнаго такой анархіи (если только она возможна), дѣйствительно ужасно. Но вообразите, что это самое анархическое общество раздѣлилось на двѣ части:—одна оставила за собою право озорничать и не знать никакого закона, а другая прину-

ждена признавать закономъ всякую претензію первой и безропотно сносить всѣ ея капризы, всѣ безобразія... Не правда ли, что это было бы еще ужаснѣе? Анархія осталась бы та же, потому что въ обществѣ все-таки разумныхъ началъ не было бы, озорничества продолжались бы попрежнему; но половина людей принуждена была бы страдать отъ нихъ и постоянно нитать ихъ собою, своимъ смиреніемъ и угодливостью. Ясно, что при такихъ условіяхъ озорничество и беззаконіе приняли бы такіе размѣры, какихъ никогда не могли бы они имѣть при всеобщей анархіи. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говорите, а человѣкъ одинъ, предоставленный самому себѣ, не много надуетъ въ обществѣ и очень скоро почувствуетъ необходимость согласиться и сговориться съ другими въ видахъ общей пользы. Но никогда той необходимости не почувствуетъ человѣкъ, если онъ во множествѣ подобныхъ себѣ находитъ обширное поле для упражненія своихъ капризовъ, и если въ ихъ зависимомъ, униженномъ положеніи видитъ постоянное подкрѣпленіе своего самодурства. Такимъ образомъ, имѣя общимъ съ анархіею отсутствіе всякаго закона и права, обязательнаго для всѣхъ, самодурство въ сущности несравненно ужаснѣе анархіи, потому что даетъ озорничеству больше средствъ и простора и заставляетъ страдать большее число людей, — и опаснѣе ея еще въ томъ отношеніи, что можетъ держаться гораздо дальше. Анархія (повторимъ, если только она возможна вообще) можетъ служить только переходнымъ моментомъ, который самъ себя съ каждымъ шагомъ долженъ образумливать и приводить къ чему-нибудь болѣе здравому; самодурство, напротивъ, стремится узаконить себя и установить какъ незыблемую систему. Оттого оно,

вмѣстѣ съ такимъ широкимъ понятіемъ о своей собственной свободѣ, старается однако же принять всѣ возможныя мѣры, чтобы оставить эту свободу навсегда только за собой, чтобы оградить себя отъ всякихъ дерзкихъ попытокъ. Для достиженія этой цѣли оно признаетъ какъ будто нѣкоторыя высшія требованія, и хотя само противъ нихъ тоже проступается, но предъ другими стоитъ за нихъ твердо. Нѣсколько минутъ спустя послѣ реплики, въ которой Дикой такъ рѣшительно отвергалъ, въ пользу собственнаго каприза, всѣ нравственныя и логическія основанія для сужденія о человѣкѣ, — этотъ же самый Дикой напускается на Кулигина, когда тотъ для объясненія грозы выговорилъ слово электричество. «Ну, какъ же ты не разбойникъ, — кричитъ онъ: — гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то — прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А, говори: татаринъ?» И ужъ тутъ Кулигинъ не смѣетъ отвѣтить ему: «хочу такъ думать, и думаю, и никто мнѣ не указъ». Куда тебѣ, — онъ и объясненій-то своихъ представить не можетъ: принимаютъ съ ругательствами, да и говорить-то не даютъ. Поневолѣ тутъ резонировать перестанешь, когда на всякій резонъ кулакъ отвѣчаетъ, и всегда въ концѣ концовъ кулакъ остается правымъ . . .

Но — чудное дѣло! — въ своемъ неперекаемомъ, безотвѣтственномъ темномъ владычествѣ, давая полную свободу своимъ прихотямъ, ставя ни во что всякіе законы и логику, самодуры русской жизни начинаютъ однако же ощущать какое-то недовольство и страхъ, сами не зная передъ чѣмъ и почему. Все, кажется, попрежнему, все хорошо: Ди-

кой ругаетъ, кого хочетъ; когда ему говорятъ: «какъ это на тебя никто въ цѣломъ домѣ угодить не можетъ!» — онъ самодовольно отвѣчаетъ: «вотъ ложи жъ ты!» Кабанова держитъ попрежнему въ страхъ своихъ дѣтей, заставляетъ невѣстку соблюдать всѣ этикеты старины, бьетъ ее какъ ржа желѣзо, считаетъ себя вполнѣ непогрѣшимой и ублажается разными Ѳеклушами. А все какъ-то неспокойно, нехорошо имъ. Помимо ихъ, не спросясь ихъ, выросла другая жизнь, съ другими началами, и хоть далеко она, еще и не видна хорошенько, но уже даетъ себя предчувствовать и посылаетъ нехорошія видѣнія темному произволу самодуровъ. Они ожесточенно ищутъ своего врага, готовы напуститься на самаго невиннаго, на какого-нибудь Кулигина; но нѣтъ ни врага, ни виновнаго, котораго могли бы они уничтожить: законъ времени, законъ природы и исторіи береть свое, и тяжело дышатъ старые Кабановы, чувствуя, что есть сила выше ихъ, которой они одолѣть не могутъ, къ которой даже и подступить не знаютъ какъ. Они не хотятъ уступать (да никто покамѣсть и не требуетъ отъ нихъ уступокъ), но съеживаются, сокращаются; прежде они хотѣли утвердить свою систему жизни на вѣки нерушимую, и теперь тоже стараются проповѣдывать; но уже надежда измѣняетъ имъ, и они въ сущности хлопочутъ только о томъ, какъ бы на ихъ вѣкъ стало... Кабанова разсуждаетъ о томъ, что «послѣдніе времена приходятъ», и когда Ѳеклуша разсказываетъ ей о разныхъ ужасахъ настоящаго времени — о желѣзныхъ дорогахъ и т. п., она пророчески замѣчаетъ: «И хуже, милая, будетъ». Намъ только не дожить до этого, со вздохомъ отвѣчаетъ Ѳеклуша. «Можетъ и доживемъ», фаталистически говоритъ

опять Кабанова, обнаруживая свои сомнѣнія и неувѣренность. А отчего она тревожится? Народъ по желѣзнымъ дорогамъ ѣздитъ, — да ей-то что отъ этого? А вотъ видите ли: она, «хоть ты ее всю золотомъ осыпь», не поѣдетъ по дьявольскому изобрѣтенію; а народъ ѣздитъ, все больше и больше, не обращая вниманія на ея проклятія; развѣ это не грустно, развѣ не служитъ свидѣтельствомъ ея безсилія? Объ электричествѣ провѣдали люди, — кажется, что тутъ обиднаго для Дикихъ и Кабановыхъ? Но видите ли, Дикой говоритъ, что «гроза въ наказаніе намъ посылается, чтобъ мы чувствовали», а Кулигинъ не чувствуетъ, или чувствуетъ совсѣмъ не то, и толкуетъ объ электричествѣ. Развѣ это не своеволіе, не пренебреженіе власти и значенія Дикого? Не хотятъ вѣрить тому, чему очъ вѣритъ, — значитъ и ему не вѣрятъ, считаютъ себя умнѣе его; разсудите, къ чему же это поведетъ? Недаромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ: «Вотъ времена-то пришли, какіе учители проявились! Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!» И Кабанова очень серьезно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила. Она предвидитъ конецъ ихъ, старается поддержать ихъ значеніе, но уже чувствуетъ, что нѣтъ къ нимъ прежняго почтенья, что ихъ сохраняютъ уже неохотно, только поневолѣ, и что при первой возможности ихъ бросятъ. Она уже и сама какъ-то потеряла часть своего рыцарскаго жара; уже не съ прежней энергіей заботится она о соблюденіи старыхъ обычаевъ, во многихъ случаяхъ она ужъ махнула рукой, поникла предъ невозможностью остановить потокъ, и только съ отчаяніемъ смотритъ, какъ онъ затопляетъ мало-по-малу пе-

стрые цвѣтники ея прихотливыхъ суевѣрій. Точно послѣдніе язычники предъ силою христіанства, такъ поникаютъ и стираются порожденія самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни. Даже рѣшимости вступить на прямую открытую борьбу въ нихъ нѣтъ они только стараются какъ-нибудь обмануть время, да разливаются въ безплодныхъ жалобахъ на новое движеніе. Жалобы эти всегда слышались отъ стариковъ, потому что всегда новыя поколѣнія вносили въ жизнь что-нибудь новое, противное прежнимъ порядкамъ; но теперь жалобы самодуровъ принимаютъ какой-то особенно мрачный, похоронный тонъ. Кабанова только тѣмъ и утѣшается, что еще какъ-нибудь, съ ея помощью, продлинятъ старые порядки до ея смерти; а тамъ пусть будетъ что угодно, — она уже не видитъ. Провожая сына въ дорогу, она замѣчаетъ, что все дѣлается не такъ, какъ нужно по ея: сынъ ей и въ ноги не кланяется, —надо этого именно потребовать отъ него, а самъ не догадался и женѣ своей онъ не «приказываетъ», какъ жить безъ него, да и не умѣетъ приказать, и при прощаніи не требуетъ отъ нея земного поклона; и невѣстка, проводивши мужа, не воетъ и не лежитъ на крыльцѣ, чтобы показать свою любовь. По возможности, Кабанова старается водворить порядокъ, но уже чувствуетъ, что невозможно вести дѣло совершенно по старинѣ; напримѣръ, относительно выгья на крыльцѣ она уже только замѣчаетъ невѣсткѣ въ видѣ совѣта, но не рѣшается настоятельно требовать... Зато проводы сына внушаютъ ей такія грустныя размышленія:

Молодость-то что значитъ: Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! Кабы не свои, насмѣялась бы досыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Простившись-то путемъ не

умѣютъ. *Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть,* — ими домъ-то и держится, пока живы. *А вѣдь тоже, глупые, на свою волю хотятъ:* а выйдутъ на волю-то, такъ и путаются на позоръ, на смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя; гостей позовутъ — посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! *Такъ-то вотъ старина-то и выводится.* Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь, да вонъ скорѣе. *Что будетъ, какъ стрики-то перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ я и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего.*

Пока старики перемрутъ, до тѣхъ поръ молодые успѣютъ состарѣться, — на этотъ счетъ старуха могла бы и не безпокоиться. Но ей, видите ли, важно не то собственно, чтобы всегда было кому смотрѣть за порядкомъ и научать неопытныхъ; ей нужно, чтобы всегда нерушимо сохранялись именно тѣ порядки, остались неприкосновенными именно тѣ понятія, которыя она признаетъ хорошими. Въ узости своего эгоизма она не можетъ возвыситься даже до того, чтобы помириться на торжествѣ принципа, хотя бы и съ пожертвованіемъ существующихъ формъ; да и нельзя отъ нея ожидать этого, такъ какъ у нея собственно нѣтъ никакого принципа, нѣтъ никакого общаго убѣжденія, которое бы управляло ея жизнью. Она въ этомъ случаѣ гораздо ниже того сорта людей, которыхъ принято называть просвѣщенными консерваторами. Тѣ расширили нѣсколько свой эгоизмъ, слившій съ нимъ требованіе порядка общаго, такъ что для сохраненія порядка они способны даже жертвовать нѣкоторыми личными вкусами и выгодами. На мѣстѣ Кабановой они бы, напримѣръ, не стали предъявлять уродливыхъ и унизительныхъ требованій земныхъ по-

клоновъ и оскорбительныхъ «наказовъ» отъ мужа женѣ, а озаботились бы только о сохраненіи общей идеи, — что жена должна бояться своего мужа и покорствовать свекрови. Невѣстка не испытывала бы такихъ тяжелыхъ сценъ, хотя и была бы точно такъ же въ полной зависимости отъ старухи. И результатъ былъ бы тотъ, что какъ бы ни плохо было молодой женщинѣ, но терпѣніе ея продолжалось бы несравненно дольше, будучи испытываемо медленнымъ и ровнымъ гнетомъ, нежели когда оно раздражалось рѣзкими и жестокими выходками. Отсюда ясно разумѣется, что для самой Кабановой и для той старины, которую она защищаетъ, гораздо выгоднѣе было бы отказаться отъ нѣкоторыхъ пустыхъ формъ и сдѣлать частныя уступки, чтобы удержать сущность дѣла. Но порода Кабановыхъ не понимаетъ этого: они не дошли даже до того, чтобы представлять или защищать какой-нибудь принципъ внѣ себя, — они сами принципъ, и потому все, касающееся ихъ, они признаютъ абсолютно важнымъ. Имъ нужно не только чтобъ ихъ уважали, но чтобъ уваженіе это выражалось именно въ извѣстныхъ формахъ: вотъ еще на какой степени стоятъ они! Оттого, разумѣется, внѣшній видъ всего, на что простирается ихъ вліяніе, болѣе сохраняетъ въ себѣ старины и кажется болѣе неподвижнымъ, чѣмъ тамъ, гдѣ люди, отказавшись отъ самодурства, стараются уже только о сохраненіи сущности своихъ интересовъ и значенія; но въ самомъ-то дѣлѣ внутреннее значеніе самодуровъ гораздо ближе къ своему концу, нежели вліяніе людей, умѣющихъ поддерживать себя и свой принципъ внѣшними уступками. Оттого-то такъ и печальна Кабанова, оттого-то такъ и бѣшенъ Дикой: они до

послѣдняго момента не хотѣли укоротить своихъ широкихъ замашекъ, и теперь находятся въ положеніи богатаго купца наканунѣ банкротства. Все у него попрежнему, и праздникъ онъ задаетъ сегодня, и милліонный оборотъ порѣшилъ по-утру, и кредитъ еще не подорванъ; но уже ходятъ какіе-то темные слухи, что у него нѣтъ наличнаго капитала, что его аферы ненадежны, и завтра нѣсколько кредиторовъ намѣрены предъявить свои требованія; денегъ нѣтъ, отсрочки не будетъ, и все зданіе шарлатанскаго призрака богатства будетъ завтра опрокинуто. — Дѣло прохо... Разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ купецъ устремляетъ всю свою заботу на то, чтобы надуть своихъ кредиторовъ и заставить ихъ вѣрить въ его богатство: такъ точно Кабановы и Дикіе хлопочутъ теперь о томъ, чтобы только продолжилась вѣра въ ихъ силу. Поправить свои дѣла они ужъ и не разсчитываютъ; но они знаютъ, что ихъ своевольство еще будетъ имѣть довольно простора до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ робѣть передъ ними; и вотъ почему они такъ упорны, такъ высокомѣрны, такъ грозны даже въ послѣднія минуты, которыхъ уже немного осталось имъ, какъ они сами чувствуютъ. Чѣмъ менѣе чувствуютъ они дѣйствительной силы, тѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ вліяніе свободнаго, здраваго смысла, доказывающее имъ, что они лишены всякой разумной опоры, тѣмъ наглѣе и безумнѣе отрицаютъ они всякія требованія разума, ставя себя и свой произволъ на ихъ мѣсто. Наивность, съ которою Дикой говоритъ Кулигину: «хочу считать тебя мошенникомъ, такъ и считаю; и дѣла мнѣ нѣтъ до того, что ты честный человѣкъ, и отчета никому не даю, почему такъ думаю», — эта наивность не

могла бы высказаться во всей своей самодурной нелѣпости, если бы Кулигинъ не вызвалъ ее скромнымъ вопросомъ: «да за что же вы обижаете честнаго человѣка? . . .». Дикой хочетъ, видите, съ перваго же раза оборвать всякую попытку требовать отъ него отчета, хочетъ показать, что онъ выше не только отчетности, но и обыкновенной логики человѣческой. Ему кажется, что если онъ признаетъ надъ собою законы здраваго смысла, общаго всѣмъ людямъ, то его важность сильно пострадаетъ отъ этого. И вѣдь въ большей части случаевъ такъ дѣйствительно и выходитъ, — потому что его претензіи бываютъ противны здравому смыслу. Отсюда и развивается въ немъ вѣчное недовольство и раздражительность. Онъ самъ объясняетъ свое положеніе, когда говоритъ о томъ, какъ ему тяжело деньги выдавать. «Что ты мнѣ прикажешь дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь ужъ знаю, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутреную разжигать станетъ; всю нутреную разжигаетъ, да и только . . . Ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка». Отдача денегъ, какъ фактъ матеріальный и наглядный, даже въ сознаніи самого Дикого пробуждаетъ нѣкоторое размышленіе: онъ сознаетъ, какъ онъ нелѣпъ, и сваливаетъ вину на то, что «сердце у него такое!» Въ другихъ случаяхъ онъ даже и не сознаетъ хорошенько своей нелѣпости; но, по сущности своего характера, непремѣнно долженъ при всякомъ торжествѣ здраваго смысла чувствовать такое же раздраженіе, какъ и тогда,

когда приходитъ необходимость выдавать деньги. Ему тяжело расплачиваться вотъ почему: по естественному эгоизму онъ желаетъ, чтобы ему было хорошо; все окружающее его убѣждаетъ, что это хорошее достается деньгами; отсюда прямая привязанность къ деньгамъ. Но тутъ его развитіе останавливается, эгоизмъ его остается въ предѣлахъ отдѣльной личности и знать не хочетъ ея отношеній къ обществу, къ своимъ ближнимъ. Ему надо побольше денегъ, — это онъ знаетъ, и потому желалъ бы ихъ только получать, а не отдавать. Когда же, по естественному ходу дѣлъ, доходитъ до отдачи, то онъ сердится и ругается: онъ принимаетъ это какъ несчастіе, наказаніе, въ родѣ пожара, наводненія, штрафа, а не какъ должную, законную расплату за то, что для него дѣлаютъ другіе. Такъ и во всемъ: по желанію себѣ добра, онъ хочетъ простора, независимости; но знать не хочетъ закона, опредѣляющаго пріобрѣтеніе и пользованіе всякими правами въ обществѣ. Онъ только хочетъ больше, какъ можно больше правъ для себя; когда же нужно признать ихъ и за другими, онъ считаетъ это посягательствомъ на его личное достоинство, и сердится, и старается всячески оттянуть дѣло и воспрепятствовать ему. Даже когда онъ и знаетъ, что ужъ непремѣнно надо уступить, и уступитъ потомъ, а все-таки прежде постарается напакостить. «Я отдать отдамъ, а обругаю!» И надо полагать, что чѣмъ значительнѣе выдача денегъ и чѣмъ настоятельнѣе необходимость ея, тѣмъ сильнѣе ругается Дикой... Изъ этого слѣдуетъ, что — во-первыхъ, ругательство и все бѣшенство его хотя и непріятны, но не особенно страшны, и кто, убоявшись ихъ, отступился бы отъ денегъ и подумалъ,

что ихъ ужъ и получить нельзя, тотъ поступилъ бы очень глупо; во-вторыхъ, что напрасно было бы надѣяться на исправленіе Дикого посредствомъ какихъ-нибудь вразумленій: привычка дурить ужъ въ немъ такъ сильна, что онъ подчиняется ей даже вопреки голосу собственнаго здраваго смысла. Ясно, что его никакія разумныя убѣжденія не остановятъ до тѣхъ поръ, пока съ ними не соединяется осязательная для него, внѣшняя сила: Кулигина онъ ругаетъ, не внимая никакимъ резонамъ; а когда его самого однажды на перевозѣ, на Волгѣ, гусаръ обругалъ, такъ онъ съ гусаромъ не посмѣлъ связаться, и опять-таки выместилъ свою обиду дома: двѣ недѣли послѣ этого всѣ прятались отъ него по чердакамъ да по чуланамъ...

Всѣ подобныя отношенія даютъ вамъ чувствовать, что положеніе Дикихъ, Кабановыхъ и всѣхъ подобныхъ имъ самодуровъ далеко уже не такъ спокойно и твердо, какъ было нѣкогда, въ блаженныя времена патріархальныхъ нравовъ. Тогда, если вѣрить сказаніямъ старыхъ людей, Дикой могъ держаться въ своей высокомѣрной прихотливости не силою, а всеобщимъ согласіемъ. Онъ дурилъ, не думая встрѣтить противодѣйствія, и не встрѣчалъ его: все окружающее было проникнуто одной мыслью, однимъ желаніемъ — угодить ему; никто не представлялъ другой цѣли своего существованія, кромѣ исполненія его прихотей. Чѣмъ больше сумасбродствовалъ какой-нибудь дармоѣдъ, чѣмъ нагляе попиралъ онъ права человѣчества, тѣмъ довольнѣе были тѣ, которые своимъ трудомъ кормили его и которыхъ онъ дѣлалъ жертвами своихъ фантазій. Благоговѣйные разсказы старыхъ лакеевъ о томъ, какъ ихъ вельможные бары травили

мелкихъ помѣщиковъ, надругались надъ чужими женами и невинными дѣвушками, сѣкли на конюшнѣ присланныхъ къ нимъ чиновниковъ и т. п., — разсказы военныхъ историковъ о величіи какого-нибудь Наполеона, безстрашно жертвовавшаго сотнями тысячъ людей для забавы своего генія, воспоминанія галантныхъ стариковъ о какомъ-нибудь Донъ-Жуанѣ ихъ времени, который «никому спуску не давалъ» и умѣлъ опозорить всякую дѣвушку и перессорить всякое семейство, — всѣ подобные разсказы доказываютъ, что еще и не очень далеко отъ насъ это патріархальное время. Но, къ великому огорченію самодуровъ-дармоѣдовъ, — оно быстро отъ насъ удаляется, и теперь положеніе Дикихъ и Кабановыхъ далеко не такъ пріятно: они должны заботиться о томъ, чтобы укрѣпить и оградить себя, потому что отовсюду возникаютъ требованія, враждебныя ихъ произволу и грозящія имъ борьбою съ пробуждающимся здравымъ смысломъ огромнаго большинства человѣчества. — Отсюда возникаетъ постоянная подозрительность, щепетильность и придирчивость самодуровъ: сознавая внутренно, что ихъ не за что уважать, но не признаваясь въ этомъ даже самимъ себѣ, они обнаруживаютъ недостатокъ увѣренности въ себѣ мелочностью своихъ требованій и постоянными, кстати и некстати, напоминаніями и внушеніями о томъ, что ихъ должно уважать. Эта черта чрезвычайно выразительно проявляется въ «Грозѣ», въ сценѣ Кабановой съ дѣтьми, когда она, въ отвѣтъ на покорное замѣчаніе сына: «могу ли я, маменька, васъ ослушаться» возражаетъ: «не очень-то нынче старшихъ-то уважаютъ»! — и затѣмъ начинаетъ пилить сына и невѣстку, такъ что душу вытягиваетъ у посторонняго зрителя.

Кабановъ. Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

Кабанова. Повѣрила бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

Кабановъ. Я, маменька...

Кабанова. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ, я думаю, можно бы перенести! А, — какъ ты думаешь?

Кабановъ. Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

Кабановъ (вздыхая, – въ сторону). Ахъ ты Господи! (Матери) Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

Кабанова. Вѣдь отъ любви родитель и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ... А сохрани Господи, какимъ-нибудь словомъ сноха не угодитъ ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ. Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова. Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужъ кабы я слышала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила.

И послѣ этого сознанія старуха все-таки продолжаетъ на цѣлыхъ двухъ страницахъ пилить сына. Она не имѣетъ на это никакихъ резоновъ, но у нея сердце неспокойно: сердце у ея вѣщунъ, оно даетъ ей чувствовать, что что-то неладно, что внутренняя, живая связь между нею и младшими членами семьи давно рушилась, и теперь они только

механически связаны съ нею и рады были бы всякому случаю развязаться.

Мы очень долго останавливались на господствующихъ лицахъ «Грозы», потому что, по нашему мнѣнію, исторія, разыгравшаяся съ Катериною, рѣшительно зависитъ отъ того положенія, какое неизбѣжно выпадаетъ на ея долю между этими лицами, въ томъ быть, который установился подъ ихъ вліяніемъ. «Гроза» есть, безъ сомнѣнія, самое рѣшительное произведеніе Островскаго; взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведены въ ней до самыхъ трагическихъ послѣдствій; и при всемъ томъ большая часть читавшихъ и видѣвшихъ эту пьесу соглашается, что она производитъ впечатлѣніе менѣе тяжкое и грустное, нежели другія пьесы Островскаго (не говоря, разумѣется, объ его этюдахъ чисто-комическаго характера). Въ «Грозѣ» есть даже что-то освѣжающее и ободряющее. Это «что-то» и есть, по нашему мнѣнію, фонъ пьесы, указанный нами и обнаруживающій шаткость и близкій конецъ самодурства. Затѣмъ самый характеръ Катерины, рисующійся на этомъ фонѣ, тоже вѣетъ на насъ новою жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели.

Дѣло въ томъ, что характеръ Катерины, какъ онъ исполненъ въ «Грозѣ», составляетъ шагъ впередъ не только въ драматической дѣятельности Островскаго, но и во всей нашей литературѣ. Онъ соотвѣтствуетъ новой фазѣ нашей народной жизни, онъ давно требовалъ своего осуществленія въ литературѣ, около него вертѣлись наши лучшіе писатели; но они умѣли только понять его надобность и не могли уразумѣть и почувствовать его сущности: это сумѣлъ сдѣлать Островскій. Ни одна изъ кри-

тикъ на «Грозу» не хотѣла или не умѣла представить надлежащей оцѣнки этого характера; поэтому мы рѣшаемся еще продлить нашу статью, чтобы съ нѣкоторой обстоятельностью изложить, какъ мы понимаемъ характеръ Катерины и почему созданіе его считаемъ такъ важнымъ для нашей литературы.

Русская жизнь дошла наконецъ до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени), но и внесенія ихъ въ жизнь, въ дѣятельность. Но чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много послѣдствій, подставляемыхъ Дикими, Кабановыми, и т. п.; для преодолѣнія препятствій нужны характеры предпріимчивые, рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то общее требованіе правды и права, которое наконецъ прорывается въ людяхъ сквозь всѣ преграды, поставленныя Дикими самодурами. Теперь большая задача представлялась въ томъ, какъ же долженъ образоваться и проявиться характеръ, требуемый у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни. Задачу эту пытались разрѣшать наши писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно. Намъ кажется, что всѣ ихъ неудачи происходили оттого, что они просто логическимъ процессомъ

доходили до убѣжденія, что такого характера ищетъ русская жизнь, и затѣмъ кроили его сообразно съ своими понятіями о требованіяхъ доблести вообще и русской въ особенности. Такимъ образомъ и явился, напримѣръ, Калиновичъ, чуть не таскающій купца за бороду, чтобъ тотъ пожертвовалъ десять тысячъ на пользу общества, и истязающій въ тюрьмѣ стараго князя, на любовницѣ котораго женился, чтобъ составить себѣ карьеру. Такъ явился и Штольцъ, отлично управляющій имѣньями и умѣющій живо уничтожать фальшивые векселя при помощи благодѣтельнаго начальства. Явился Писаревъ, бросающій нѣмца въ воду, не соглашающійся жить даромъ въ гостяхъ на дачѣ у пріятеля и даже рѣшающійся жениться на любимой дѣвушкѣ!! Явилась и княжна Зинаида, нѣчто среднее между Печоринымъ и Ноздревымъ въ юбкѣ... Все это были претензіи на сильные, цѣльные характеры. Но верхъ ихъ представлялъ въ прошломъ году Ананій Яковлевъ, по поводу котораго московскій господинъ Аполлонъ Майковъ напечаталъ такую удивительную статейку въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что я не постигаю, какъ Кузьма Прутковъ до сихъ поръ не составилъ изъ нея новой серіи афоризмовъ. Вамъ извѣстно, можетъ быть, что Ананій Яковлевъ, извѣстясь о младенцѣ, котораго въ его отсутствіи прижила жена съ помѣщикомъ, воспаляется гнѣвомъ и, весьма почтительно объясняясь съ помѣщикомъ, грубитъ однакоже бурмистру, колотитъ свою жену и наконецъ, разъярившись до-нельзя, хватаетъ младенца объ уголъ головой, послѣ чего бѣжитъ въ лѣсъ, но, проголодавшись, предаетъ себя въ руки правосудія. Лицо очевидно сильное, хотя болѣе въ физическомъ,

нежели въ нравственномъ и литературномъ смыслѣ. Но не эта сила рвется наружу изъ тайниковъ русской жизни, и не таково должно быть ея проявленіе. Оттого-то мы вовсе не понимаемъ, какимъ образомъ можно «Горькую судьбину» [1] возвышать надъ уровнемъ безчисленнаго множества повѣстей, комедій и драмъ, обличающихъ крѣпостное право, тупость чиновничества и грубость русскаго мужика. Если вы даете ее намъ, какъ пьесу безъ особенныхъ претензій, просто мелодраматическій случай, въ родѣ жестокихъ произведеній Сю, то мы ничего не говоримъ и останемся даже довольны: все-таки это лучше нежели, напр., умильныя представленія г. Н. Львова и графа Соллогуба, поражающія васъ полнымъ искаженіемъ понятій о долгѣ и чести. Но если вы претендуете на какое-то болѣе высокое и общее значеніе этой пьесы, то мы рѣшительно не видимъ никакой возможности согласиться съ вами. Ананій Яковлевъ, взятый не какъ малодушное исключеніе, а какъ типъ преставляется намъ клеветою на русскую натуру и русскую жизнь, которая такъ же мало способна развивать характеры, подобные Ананію, какъ и помѣщиковъ, подобныхъ Чеглову. Одно изъ двухъ: если Ананій точно сильная натура, какъ его и хочетъ представить авторъ, — тогда онъ гнѣвъ свой долженъ обратить прямо на причину своего несчастія, либо совсѣмъ преодолѣть себя по соображенію, что тутъ никто не виноватъ; такія развязки постоянно мы и видимъ въ русской жизни, когда сильные характеры сталкиваются съ враждебными обстоятельствами. Если

[1] „Горькая судьбина" — извѣстная драма А. Ѳ. Писемскаго. Основа ея взята авторомъ изъ жизни, — изъ одного судебнаго процесса, въ которомъ онъ участвовалъ. *Вл. Кр.*

же онъ просто малодушный и безтолковый озорникъ, какъ выходитъ по сущности дѣла, то нужно признаться, что положеніе, взятое для него въ пьесѣ, вовсе нейдетъ къ этому типу, да и развито совѣмъ не такъ, чтобы ярко обозначить его существенныя черты. Впрочемъ, — Богъ съ ней, съ этой пьесой: она уже забыта теперь, какъ забытъ князь Луповицкій и другія благонамѣренныя, но фальшивыя произведенія, имѣющія претензію на представленіе характеристическихъ народныхъ типовъ. Мы остановились на минуту предъ нею потому только, что многіе принимали Ананія за чисторусскій типъ. А намъ, напротивъ, показалось, что въ немъ просто дается намъ утрировка того, что у нѣсколькихъ писателей называется «широтою русской натуры». Авторъ «Горькой судьбины», по нашему мнѣнію, ненамѣренно достигаетъ результата, подобнаго тому, какой достигался комедіями, писанными по повелѣнію Петра Великаго противъ раскольниковъ. Извѣстно, что въ тѣхъ комедіяхъ раскольникъ всегда выставлялся какимъ-то дикимъ и безсмысленнымъ чудовищемъ, и такимъ образомъ комедія говорила: «смотрите, вотъ они каковы; можно ли довѣряться ихъ ученію и соглашаться на ихъ требованія?» Такъ точно и «Горькая судьбина», рисуя намъ Ананья Яковлева, говоритъ: «вотъ каковъ русскій человѣкъ, когда онъ почувствуетъ немножко свое личное достоинство и вслѣдствіе того расходится!» И критики, признающіе за «Горькой судьбиной» общее значеніе и видящіе въ Ананіи типъ, дѣлаются соучастниками этой клеветы, конечно ненамѣренной со стороны автора.

Не такъ понятъ и выраженъ русскій сильный характеръ въ «Грозѣ». Онъ прежде всего пора-

жаетъ насъ своею противоположностью всякимъ самодурнымъ началамъ. Не съ инстинктомъ буйства и разрушенія, но и не съ практической ловкостью улаживать для высокихъ цѣлей свои собственныя дѣлишки, не съ безсмысленнымъ, трескучимъ паосомъ, но и не съ дипломатическимъ, педантскимъ разсчетомъ является онъ передъ ними. Нѣтъ, онъ сосредоточенно-рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью естественной правды, исполненъ вѣры въ новые идеалы и самоотверженъ, въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при всѣхъ началахъ, которыя ему противны. Онъ водится не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ паосомъ, а просто *натурою*, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила, и существенная необходимость его въ то время, когда старыя, дикія отношенія, потерявъ всякую внутреннюю силу, продолжаютъ держаться внѣшнею, механическою связью. Человѣкъ, только логически понимающій нелѣпость самодурства Дикихъ и Кабановыхъ, ничего не сдѣлаетъ противъ нихъ уже потому, что предъ ними всякая логика исчезаетъ; никакими силлогизмами вы не убѣдите цѣпь, чтобъ она распалась на узникѣ, кулакъ, чтобъ отъ него не было больно прибитому; такъ не убѣдите вы и Дикого поступать разумнѣе, да не убѣдите и его домашнихъ — не слушать его прихотей: приколотитъ онъ ихъ всѣхъ, да и только, что съ этимъ дѣлать будешь? Очевидно, что характеры, сильные одной логической стороной, должны развиваться очень убого и имѣть весьма слабое вліяніе на общую дѣятельность тамъ, гдѣ всею жизнью управляетъ не логика, а чистѣйшій произволъ. Не очень благопріят-

но господство Дикихъ и для развитія людей, сильныхъ такъ называемымъ практическимъ смысломъ. Что ни говорите объ этомъ смыслѣ, но въ сущности онъ есть не что иное какъ умѣнье пользоваться обстоятельствами и располагать ихъ въ свою пользу. Значитъ практическій смыслъ можетъ вести человѣка къ прямой и честной дѣятельности только тогда, когда обстоятельства располагаются сообразно съ здравой логикой и слѣдовательно съ естественными требованіями человѣческой нравственности. Но тамъ, гдѣ все зависитъ отъ грубой силы, гдѣ неразумная прихоть нѣсколькихъ Дикихъ или суевѣрное упрямство какой-нибудь Кабановой разрушаетъ самые вѣрные логическіе разсчеты и нагло презираетъ самыя первыя основанія взаимныхъ правъ, тамъ умѣнье пользоваться обстоятельствами очевидно превращается въ умѣнье примѣняться къ прихотямъ самодуровъ и подлѣзываться подъ всѣ ихъ нелѣпости, чтобы и себѣ проложить дорожку къ ихъ выгодному положенію. Подхалюзины и Чичиковы — вотъ сильные практическіе характеры «темнаго царства»: другихъ не развивается между людьми чисто-практическаго закала, подъ вліяніемъ господства Дикихъ. Самое лучшее, о чемъ можно мечтать для этихъ практиковъ, это уподобленіе Штольцу, то есть умѣнье обдѣлывать кругленько свои дѣлишки безъ подлостей; но общественный живой дѣятель изъ нихъ не явится. Не больше надежды можно полагать и на характеры патетическіе, живущіе минутою и вспышкою. Ихъ порывы случайны и кратковременны; ихъ практическое значеніе опредѣляется удачей. Пока все идетъ согласно ихъ надеждамъ, они бодры, предпріимчивы; какъ скоро противодѣйствіе сильно, они падаютъ

духомъ, охладѣваютъ, отступаются отъ дѣла и ограничиваются безплодными, хотя и громкими, восклицаніями. И такъ какъ Дикой и ему подобные вовсе неспособны отдать свое значеніе и свою силу безъ сопротивленія, такъ какъ ихъ вліяніе врѣзало уже глубокіе слѣды въ самомъ бытѣ и потому не можетъ быть уничтожено однимъ разомъ, то на патетическіе характеры нечего и смотрѣть какъ на что-нибудь серьезное. Даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда бы видимый успѣхъ ободрялъ ихъ, т. е. когда бы самодуры могли понять шаткость своего положенія и стали дѣлать уступки, — и тогда патетическіе люди не очень много бы сдѣлали! Они отличаются тѣмъ, что, увлекаясь внѣшнимъ видомъ и ближайшими послѣдствіями дѣла, никогда почти не умѣютъ заглянуть въ глубину, въ самую сущность дѣла. Оттого они очень легко удовлетворяются, обманутые какими-нибудь частными, ничтожными признаками успѣха ихъ началъ. Когда же ошибка ихъ станетъ ясною для нихъ самихъ, тогда они дѣлаются разочарованными, впадаютъ въ апатію и ничегонедѣланье. Дикой и Кабанова продолжаютъ торжествовать.

Такимъ образомъ, перебирая разнообразные типы, являвшіеся въ нашей жизни и воспроизведенные литературою, мы постоянно приходили къ убѣжденію, что они не могутъ служить представителями того общественнаго движенія, которое чувствуется у насъ теперь и о которомъ мы, — по возможности подробно, — говорили выше. Видя это, мы спрашивали себя: какъ же однако опредѣляется новыя стремленія въ отдѣльной личности? Какими чертами долженъ отличаться характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ съ ста-

рыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями жизни? Въ дѣйствительной жизни пробуждающагося общества мы видѣли лишь намеки на рѣшеніе нашихъ вопросовъ, въ литературѣ — слабое повтореніе этихъ намековъ; но въ «Грозѣ» составлено изъ нихъ цѣлое, уже съ довольно ясными очертаніями; здѣсь является передъ нами лицо, взятое прямо изъ жизни, но выясненное въ сознаніи художника и поставленное въ такія положенія, которыя даютъ ему обнаружиться полнѣе и рѣшительнѣе, нежели какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенной жизни. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ дагерротипной точности, въ которой нѣкоторые критики обвиняли Островскаго; но есть именно художественное соединеніе однородныхъ чертъ, проявляющихся въ разныхъ положеніяхъ русской жизни, но служащихъ выраженіемъ одной идеи.

Рѣшительный, цѣльный русскій характеръ, дѣйствующій въ средѣ Дикихъ и Кабановыхъ, является у Островскаго въ женскомъ типѣ, и это не лишено своего серьезнаго значенія. Извѣстно, что крайности отражаются крайностями и что самый сильный протестъ бываетъ тотъ, который поднимается наконецъ изъ груди самыхъ слабыхъ и терпѣливыхъ. Поприще, на которомъ Островскій наблюдаетъ и показываетъ намъ русскую жизнь, не касается чисто общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, а ограничивается семействомъ; въ семействѣ же кто болѣе всего выдерживаетъ на себѣ весь гнетъ самодурства, какъ не женщина? Какой приказчикъ, работникъ, слуга Дикого можетъ быть столько загнанъ, забитъ, отрѣшенъ отъ своей личности, какъ его жена? У кого можетъ накипѣть столько горя и негодованія противъ нелѣпыхъ фантазій самоду-

ра? И въ то время кто менѣе ея имѣетъ возможности высказать свой ропотъ, отказаться отъ исполненія того, что ей противно? Слуги и приказчики связаны только матеріально, людскимъ образомъ; они могутъ оставить самодура тотчасъ, какъ найдутъ себѣ другое мѣсто. Жена, по господствующимъ понятіямъ, связана съ нимъ неразрывно, духовно, посредствомъ таинства; что бы мужъ ни дѣлалъ, она должна ему повиноваться и раздѣлять съ нимъ безсмысленную жизнь. Да еслибъ наконецъ она и могла уйти, то куда она дѣнется, за что примется? Кудряшъ говоритъ: «Я нуженъ Дикому, поэтому я не боюсь его и вольничать ему надъ собою не дамъ». Легко человѣку, который пришелъ къ сознанію того, что онъ дѣйствительно нуженъ для другихъ; но женщина, жена? Къ чему нужна она? Не сама ли она, напротивъ, все береть отъ мужа? Мужъ ей даетъ жилище, поитъ, кормитъ, одѣваетъ, защищаетъ ее, даетъ ей положеніе въ обществѣ . . . Не считается ли она, обыкновенно, обремененіемъ для мужчины? Не говорятъ ли благоразумные люди, удерживая молодыхъ людей отъ женитьбы: «жена-то вѣдь не лапоть, съ ноги не сбросишь!». И въ общемъ мнѣніи самая главная разница жены отъ лаптя въ томъ и состоитъ, что она приноситъ съ собою цѣлую обузу заботъ, отъ которыхъ мужъ не можетъ избавиться, тогда какъ лапоть даетъ только удобство, а если неудобенъ будетъ, то легко можетъ быть сброшенъ . . . Находясь въ подобномъ положеніи, женщина, разумѣется, должна позабыть, что и она такой же человѣкъ, съ такими же самыми правами, какъ и мужчина. Она можетъ только деморализоваться, и если личность въ ней сильна, то получитъ наклонность

къ тому же самодурству, отъ котораго она столько страдала. Это мы и видимъ, напримѣръ, въ Кабанихѣ, точно такъ, какъ видѣли въ Уланбековой. Ея самодурство только уже и мельче и оттого, можетъ быть, еще безсмысленнѣе мужскаго: размѣры его меньше, но зато въ своихъ предѣлахъ, на тѣхъ, кто ужъ ему попался, оно дѣйствуетъ еще несноснѣе. Дикой ругается, Кабанова ворчитъ; тотъ прибьетъ, да и кончено, а эта грызетъ свою жертву долго и неотступно; тотъ шумитъ изъ-за своихъ фантазій и довольно равнодушенъ къ вашему поведенію, покамѣстъ оно до него не коснется; Кабаниха создала себѣ цѣлый міръ особенныхъ правилъ и суевѣрныхъ обычаевъ, за которые стоитъ со всѣмъ тупоуміемъ самодурства. Вообще — въ женщинѣ, даже достигшей положенія независимаго и сознающей упражняющейся въ самодурствѣ, видно всегда ея сравнительное безсиліе, слѣдствіе вѣкового ея угнетенія: она тяжеле, подозрительнѣй, бездушнѣй въ своихъ требованіяхъ; здравому разсужденію она не поддается уже не потому, что презираетъ его, а скорѣе потому, что боится съ нимъ не справиться: «начнешь, дескать, разсуждать, а еще что изъ этого выйдетъ, — оплетутъ какъ разъ» — и вслѣдствіе того она строго держится старины и различныхъ наставленій, сообщенныхъ ей какою-нибудь Ѳеклушею . . .

Ясно изъ этого, что если ужъ женщина захочетъ высвободиться изъ подобнаго положенія, то ея дѣло будетъ серьезно и рѣшительно. Какому-нибудь Кудряшу ничего не стоитъ поругаться съ Дикимъ; оба они нужны другъ другу, и стало быть со стороны Кудряша не нужно особеннаго героизма для предъявленія своихъ требованій. Зато его вы-

ходка и не поведетъ ни къ чему серьезному; поругается онъ, Дикой погрозитъ отдать его въ солдаты, да не отдастъ; Кудряшъ будетъ доволенъ тѣмъ, что отрызся, а дѣла опять пойдутъ попрежнему. Не то съ женщиной: она должна имѣть много силы характера уже и для того, чтобы заявить свое недовольство, свои требованія. При первой же попыткѣ ей дадутъ почувствовать, что она ничего, что ее раздавить могутъ. Она знаетъ, что это дѣйствительно такъ, и должна смириться; иначе надъ нею исполнятъ угрозу — прибьютъ, запрутъ, оставятъ на покаяніи, на хлѣбѣ и на водѣ, лишатъ свѣта дневного, испытаютъ всѣ домашнія исправительныя средства добраго стараго времени, и приведутъ-таки къ покорности. Женщина, которая хочетъ идти до конца въ своемъ возстаніи противъ угнетенія и произвола старшихъ въ русской семьѣ, должна быть исполнена героическаго самоотверженія, должна на все рѣшиться и ко всему быть готова. Какимъ образомъ можетъ она выдержать себя? Гдѣ взять ей столько характера? На это только и можно отвѣчать тѣмъ, что естественныхъ стремленій человѣческой природы совсѣмъ уничтожить нельзя. Можно ихъ наклонять въ сторону, давить, сжимать, но все это только до извѣстной степени. Торжество ложныхъ положеній показываетъ только, до какой степени можетъ доходить упругость человѣческой натуры; но чѣмъ положеніе неестественнѣе, тѣмъ ближе и необходимѣе выходитъ изъ него. И значитъ ужъ оно очень неестественно, когда его не выдерживаютъ даже самыя гибкія натуры, наиболѣе подчинявшіяся вліянію силы, производившей такія положенія. Если ужъ и гибкое тѣло дитяти не поддается какому-нибудь гимнастическо-

му фокусу, то очевидно, что онъ невозможенъ для взрослыхъ, которыхъ члены болѣе тверды. Взрослые, конечно, и не допустятъ съ собою такого фокуса; но надъ дитятею легко могутъ его попробовать. Гдѣ береть дитя характеръ для того, чтобы ему воспротивиться всѣми силами, хотя бы за сопротивленіе обѣщано было самое страшное наказаніе? Отвѣтъ одинъ: въ невозможности выдержать то, къ чему его принуждаютъ . . . То же самое надо сказать и о слабой женщинѣ, рѣшающейся на борьбу за свои права: дѣло дошло до того, что ей ужъ невозможно дальше выдерживать свое униженіе, вотъ она и рвется изъ него, уже не по соображенію того, что лучше и что хуже, а только по инстинктивному стремленію къ тому, что выносимо и возможно. *Натура* замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи, свободы. Здѣсь-то и заключается тайна цѣльности характеровъ, появляющихся въ обстоятельствахъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видѣли въ «Грозѣ», въ обстановкѣ, окружающей Катерину.

Такимъ образомъ возникновеніе женскаго энергическаго характера вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію, до какого доведено самодурство въ драмѣ Островскаго. Оно дошло до крайности, до отрицанія всякаго здраваго смысла; оно болѣе, чѣмъ когда-нибудь, враждебно естественнымъ требованіямъ человѣчества и ожесточеніе прежняго силится остановить ихъ развитіе, потому что въ торжествѣ ихъ видитъ приближеніе своей неминуемой гибели. Черезъ это оно еще болѣе вызываетъ ро-

потъ и протестъ даже въ существахъ самыхъ слабыхъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ самодурство, какъ мы видѣли, потеряло свою самоувѣренность, лишилось и твердости въ дѣйствіяхъ, утратило и значительную долю той силы, которая заключалась для него въ наведеніи страха на всѣхъ. Поэтому протестъ противъ него не заглушается уже въ самомъ началѣ, а можетъ превратиться въ упорную борьбу. Тѣ, которымъ еще сносно жить, не хотятъ теперь рисковать на подобную борьбу, въ надеждѣ, что и такъ не долго прожить самодурству. Мужъ Катерины, молодой Кабановъ, хоть и много терпитъ отъ старой Кабанихи, но все же онъ свободнѣе: онъ можетъ и къ Савелу Прокофьичу выпить сбѣгать, онъ и въ Москву съѣздитъ отъ матери и тамъ развернется на волѣ, а коли плохо ему ужъ очень придется отъ старухи, такъ есть на комъ вылить свое сердце — онъ на жену вскинется... Такъ и живетъ себѣ, и воспитываетъ свой характеръ, ни на что не годный, все въ тайной надеждѣ, что вырвется какъ-нибудь на волю. Женѣ его нѣтъ никакой надежды, никакой отрады, передышаться ей нельзя; если можетъ, то пусть живетъ безъ дыханья, забудетъ, что есть вольный воздухъ на свѣтѣ, пусть отречется отъ своей природы и сольется съ капризнымъ деспотизмомъ старой Кабанихи. Но вольный воздухъ и свѣтъ, вопреки всѣмъ предосторожностямъ погибающаго самодурства, врываются въ келью Катерины, она чувствуетъ возможность удовлетворить естественной жаждѣ своей души и не можетъ долѣе оставаться неподвижною: она рвется къ новой жизни, хотя бы пришлось умереть въ этомъ порывѣ. Что ей смерть? Все равно — она не считаетъ жизнью и то прозябаніе,

которое выпало ей на долю въ семьѣ Кабановыхъ.

Такова основа всѣхъ дѣйствій характера, изображеннаго въ «Грозѣ». Основа эта надежнѣе всѣхъ возможныхъ теорій и пафосовъ, потому что она лежитъ въ самой сущности даннаго положенія, влечетъ человѣка къ дѣлу неотразимо, не зависитъ отъ той или другой способности или впечатлѣнія въ частности, а опирается на всей сложности требованій организма, на выработкѣ всей натуры человѣка. Теперь любопытно, какъ развивается и проявляется подобный характеръ въ частныхъ случаяхъ. Мы можемъ прослѣдить его развитіе по личности Катерины.

Прежде всего васъ поражаетъ необыкновенная своеобразность этого характера. Ничего нѣтъ въ немъ внѣшняго, чужаго, а все выходитъ какъ-то изнутри его; всякое впечатлѣніе переработывается въ немъ и затѣмъ срастается съ нимъ органически. Это мы видимъ, напримѣръ, въ простодушномъ разсказѣ Катерины о своемъ дѣтскомъ возрастѣ и о жизни въ домѣ у матери. Оказывается, что воспитаніе и молодая жизнь ничего не дали ей: въ домѣ ея матери было то же, что у Кабановыхъ, — ходили въ церковь, шили золотомъ по бархату, слушали разсказы странницъ, обѣдали, гуляли по саду, опять бесѣдовали съ богомолками и сами молились... Выслушавъ разсказъ Катерины, Варвара, сестра ея мужа, съ удивленіемъ замѣчаетъ: «да вѣдь и у насъ то же самое». Но разница опредѣляется Катериною очень быстро въ пяти словахъ: «да здѣсь все какъ будто изъ-подъ неволи!» И дальнѣйшій характеръ показываетъ, что во всей этой внѣшности, которая такъ обыденна у насъ повсюду, Катерина умѣла

находитъ свой особенный смыслъ, примѣнять ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пока не налегла на нее тяжелая рука Кабанихи. Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда не довольнымъ, любящимъ разрушать, во что бы то ни стало. Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный. Вотъ почему она старается все осмыслить и облагородить въ своемъ воображеніи; то настроеніе, при которомъ, по выраженію поэта,

Весь міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и омытъ, —

это настроеніе до послѣдней крайности не покидаетъ Катерину. Всякій внѣшній диссонансъ она старается согласить съ гармоніей своей души, всякій недостатокъ покрываетъ изъ полноты своихъ внутреннихъ силъ. Грубые, суевѣрные разсказы и безсмысленныя бредни странницъ превращаются у ней въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые. Бѣдны ея образы, потому что матеріалы, представляемые ей дѣйствительностью, такъ однообразны; но и съ этими скудными средствами ея воображеніе работаетъ неутомимо и уноситъ ее въ новый міръ, тихій и свѣтлый. Не обряды занимаютъ ее въ церкви: она совсѣмъ и не слышитъ, что тамъ поютъ и читаютъ; у ней въ душѣ иная музыка, иныя видѣнія, для нея служба кончается непримѣтно, какъ будто въ одну секунду. Ее занимаютъ деревья, странно нарисованныя на образахъ, и она воображаетъ себѣ цѣлую страну садовъ, гдѣ все такія деревья, и все это цвѣтетъ, благоухаетъ, все полно райскаго пѣнія. А то увидитъ она, въ солнечный день, какъ «изъ ку-

пола свѣтлый такой столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака», — и вотъ она уже видитъ, «будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ». Иногда представится ей, — отчего бы и ей не летать? и когда на горѣ стоитъ, то такъ ее и тянетъ летѣть: вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки да и полетѣла. Она странная, сумасбродная съ точки зрѣнія окружающихъ; но это потому, что она никакъ не можетъ принять въ себя ихъ воззрѣнія и наклонностей. Она беретъ отъ нихъ матеріалы, потому что иначе взять ихъ неоткуда; но не беретъ выводовъ, а ищетъ ихъ сама, и часто приходитъ вовсе не къ тому, на чемъ успокоиваются они. Подобное отношеніе къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ мы замѣчаемъ и въ другой средѣ, въ людяхъ по своему воспитанію привыкшихъ къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и умѣющихъ анализировать свои чувства. Вся разница въ томъ, что у Катерины, какъ личности непосредственной, живой, все дѣлается по влеченію натуры, безъ отчетливаго сознанія, а у людей развитыхъ теоретически и сильныхъ умомъ — главную роль играетъ логика и анализъ. Сильные умы именно и отличаются той внутренней силой, которая даетъ имъ возможность не поддаваться готовымъ воззрѣніямъ и системамъ, а самимъ создавать свои взгляды и выводы, на основаніи живыхъ впечатлѣній. Они ничего не отвергаютъ сначала, но ни на чемъ и не останавливаются, а только все принимаютъ къ свѣдѣнію и переработываютъ по-своему. Аналогическіе результаты представляетъ намъ и Катерина, хотя она и не резонируетъ и даже не понимаетъ сама своихъ ощущеній, а водится прямо натурою. Въ сухой, однообразной жизни своей юности, въ

грубыхъ и суевѣрныхъ понятіяхъ окружающей среды, она постоянно умѣла брать то, что соглашалось съ ея естественными стремленіями къ красотѣ, гармоніи, довольству, счастью. Въ разговорахъ странницъ, въ земныхъ поклонахъ и причитаньяхъ она видѣла не мертвую форму, а что-то другое, къ чему постоянно стремилось ея сердце. На основаніи ихъ она строила себѣ иной міръ, безъ страстей, безъ нужды, безъ горя, міръ весь посвященный добру и наслажденью. Но въ чемъ настоящее добро и истинное наслажденіе для человѣка, она не могла опредѣлить себѣ; вотъ отчего эти внезапные порывы какихъ-то безотчетныхъ, неясныхъ стремленій, о которыхъ она вспоминаетъ: «Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, — упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила — не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно». Бѣдная дѣвочка, не получившая широкаго теоретическаго образованія, не знающая всего, что на свѣтѣ дѣлается, не понимающая хорошенько даже своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчета въ томъ, что ей нужно. Покамѣстъ она живетъ у матери, на полной свободѣ, безъ всякой житейской заботы, пока еще не обозначились въ ней потребности и страсти взрослаго человѣка, она не умѣетъ даже отличить своихъ собственныхъ мечтаній, своего внутренняго міра — отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Забываясь среди богомолокъ въ своихъ радужныхъ думахъ и гуляя въ своемъ свѣтломъ царствѣ, она все думаетъ, что ея довольство происходитъ именно отъ этихъ богомо-

локъ, отъ лампадокъ, зажженныхъ по всѣмъ угламъ въ домѣ, отъ причитаній, раздающихся вокругъ нея: своими чувствами она одушевляетъ мертвую обстановку, въ которой живетъ, и сливаетъ съ ней внутренній міръ души своей. Это періодъ дѣтства, для многихъ тянущійся долго, очень долго, но все-таки имѣющій свой конецъ. Если конецъ приходитъ очень поздно, если человѣкъ начинаетъ понимать, чего ему нужно, тогда уже, когда большая часть жизни изжита, — въ такомъ случаѣ ему ничего почти не остается, кромѣ сожалѣнія о томъ, что такъ долго принималъ онъ собственныя мечты за дѣйствительность. Онъ находится тогда въ печальномъ положеніи человѣка, который, надѣливъ въ своей фантазіи всѣми возможными совершенствами свою красавицу и связавъ съ нею жизнь свою, вдругъ замѣчаетъ, что всѣ совершенства существовали только въ его воображеніи, а въ ней самой нѣтъ и слѣда ихъ. Но характеры сильные рѣдко поддаются такому рѣшительному заблужденію: въ нихъ очень сильно требованіе ясности и реальности, и оттого они не останавливаются на неопредѣленностяхъ и стараются выбраться изъ нихъ во что бы то ни стало. Замѣтивъ въ себѣ недовольство, они стараются прогнать его; но, видя, что оно не проходитъ, кончаютъ тѣмъ, что даютъ полную свободу высказаться новымъ требованіямъ, возникающимъ въ душѣ, и затѣмъ уже не успокоются, пока не достигнутъ ихъ удовлетворенія. А тутъ и сама жизнь приходитъ на помощь — для однихъ благопріятно, расширеніемъ круга впечатлѣніями и заботами, разрушающими гармоническую стройность юныхъ фантазій. Послѣдній путь выпалъ на долю Катеринѣ, какъ выпадаетъ онъ на

долю большей части людей въ «темномъ царствѣ» Дикихъ и Кабановыхъ.

Въ сумрачной обстановкѣ новой семьи начала чувствовать Катерина недостаточность внѣшности, которою думала довольствоваться прежде. Подъ тяжелой рукою бездушной Кабанихи нѣтъ простора ея свѣтлымъ видѣніямъ, какъ нѣтъ свободы ея чувствамъ. Въ порывѣ нѣжности къ мужу, она хочетъ обнять его, — старуха кричитъ: «Что на шею виснешь, бесстыдница? Въ ноги кланяйся!» Ей хочется остаться одной и погрустить тихонько, какъ бывало, а свекровь говоритъ: «отчего не воешь?» Она ищетъ свѣта, воздуха, хочетъ помечтать и порѣзвиться, полить свои цвѣты, посмотрѣть на солнце, на Волгу, послать свой привѣтъ всему живому, — а ее держатъ въ неволѣ, въ ней постоянно подозрѣваютъ нечистые, развратные замыслы. Она ищетъ прибѣжища попрежнему въ религіозной практикѣ, въ посѣщеніи церкви, въ душеспасительныхъ разговорахъ; но и здѣсь не находитъ уже прежнихъ впечатлѣній. Убитая дневной заботой и вѣчной неволей, она уже не можетъ съ прежней ясностью мечтать объ ангелахъ, поющихъ въ пыльномъ столбѣ, освѣщенномъ солнцемъ, не можетъ вообразить себѣ райскихъ садовъ съ ихъ невозмущаемымъ видомъ и радостью. Все мрачно, страшно вокругъ нея, все вѣетъ холодомъ и какой-то неотразимой угрозой: и лики святыхъ такъ строги, и церковныя чтенія такъ грозны, и разсказы странницъ такъ чудовищны... Они все тѣ же въ сущности, они ни мало не измѣнились, но измѣнилась она сама: въ ней уже нѣтъ охоты строить воздушныя видѣнія, да ужъ и не удовлетворяетъ ее то неопредѣленное воображеніе блаженства, которымъ

она наслаждалась прежде. Она возмужала, въ ней проснулись другія желанія, болѣе реальныя; не зная иного поприща, кромѣ семьи, иного міра, кромѣ того, какой сложился для нея въ обществѣ ея городка, она, разумѣется, и начинаетъ сознавать изъ всѣхъ человѣческихъ стремленій то, которое всего неизбѣжнѣе и всего ближе къ ней, — стремленіе любви и преданности. Въ прежнее время ея сердце было слишкомъ полно мечтами, она не обращала вниманія на молодыхъ людей, которые на нее заглядывались, а только смѣялась. Выходя замужъ за Тихона Кабанова, она и его не любила, она еще и не понимала этого чувства; сказали ей, что всякой дѣвушкѣ надо замужъ выходить, показали Тихона, какъ будущаго мужа, она и пошла за него, оставаясь совершенно индифферентною къ этому шагу. И здѣсь тоже проявляется особенность характера: по обычнымъ нашимъ понятіямъ, ей бы слѣдовало противиться, если у ней рѣшительный характеръ; но она и не думаетъ о сопротивленіи, потому что не имѣетъ достаточно основаній для этого. Ей нѣтъ особенной охоты выходить замужъ, но нѣтъ и отвращенія отъ замужества; нѣтъ въ ней любви къ Тихону, но нѣтъ любви и ни къ кому другому. Ей все равно покамѣстъ, вотъ почему она и позволяетъ дѣлать съ собою что угодно. Въ этомъ нельзя видѣть ни безсилія, ни апатіи, а можно находить только недостатокъ опытности, да еще слишкомъ большую готовность дѣлать все для другихъ, мало заботясь о себѣ. У ней мало знанія и много довѣрчивости, вотъ отчего до времени она не выказываетъ противодѣйствія окружающимъ и рѣшается лучше терпѣть, нежели дѣлать на зло имъ. Но когда она пойметъ, что ей нужно, и захочетъ

чего-нибудь достигнуть, то добьется своего, во что бы то ни стало: тутъ-то и проявится вполнѣ сила ея характера, не растраченная въ мелочныхъ выходкахъ. Сначала, по врожденной добротѣ и благородству души своей, она будетъ дѣлать всѣ возможныя усилія, чтобы не нарушить мира и правъ другихъ, чтобы получить желаемое съ возможно-большимъ соблюденіемъ всѣхъ требованій, какія на нее налагаются людьми, чѣмъ-нибудь связанными съ ней; и если они сумѣютъ воспользоваться этимъ первоначальнымъ настроеніемъ и рѣшатся дать ей полное удовлетвореніе, — хорошо тогда и ей, и имъ. Но если нѣтъ, — она ни передъ чѣмъ не остановится, — законъ, родство, обычай, людской судъ, правила благоразумія — все исчезаетъ для нея предъ силою внутренняго влеченія; она не щадитъ себя и не думаетъ о другихъ. Такой именно выходъ представился Катеринѣ, и другаго нельзя было ожидать среди той обстановки, въ которой она находится.

Чувство любви къ человѣку, желаніе найти родственный отзывъ въ другомъ сердцѣ, потребность нѣжныхъ наслажденій естественнымъ образомъ открылись въ молодой женщинѣ и измѣнили ея прежнія, неопредѣленныя и безплотныя мечты. «Ночью, Варя, не спится мнѣ, — разсказываетъ она, — все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо, горячо, или ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...». Она сознала и уловила эти мечты уже довольно поздно; но, разумѣется, онѣ преслѣдовали и томили ее задолго прежде, чѣмъ она сама

могла дать себѣ отчетъ въ нихъ. При первомъ ихъ появленіи, она тотчасъ же обратила свое чувство на то, что всего ближе къ ней было, — на мужа. Она долго усиливалась сродниться съ нимъ свою душу, увѣрить себя, что съ нимъ ей ничего не нужно, что въ немъ-то и есть блаженство, котораго она такъ тревожно ищетъ. Она со страхомъ и недоумѣніемъ смотрѣла на возможность искать взаимной любви въ комъ-нибудь, кромѣ него. Въ пьесѣ, которая застаетъ Катерину уже съ началомъ любви къ Борису Григорьичу, все еще видны послѣднія, отчаянныя усилія Катерины — сдѣлать себѣ милымъ своего мужа. Сцена ея прощанія съ нимъ даетъ намъ чувствовать, что и тутъ еще не потеряно для Тихона, что онъ еще можетъ сохранить права свои на любовь этой женщины: но эта же сцена въ короткихъ, но рѣзкихъ очеркахъ передаетъ намъ цѣлую исторію истязаній, которыя заставили вытерпѣть Катерину, чтобы оттолкнуть ея первое чувство отъ мужа. Тихонъ является здѣсь простодушнымъ и пошловатымъ, совсѣмъ не злымъ, но до крайности безхарактернымъ существомъ, не смѣющимъ ничего сдѣлать вопреки матери. А мать — существо бездушное, кулакъ-баба, заключающая въ китайскихъ церемоніяхъ и любовь, и религію, и нравственность. Между нею и между своей женой Тихонъ представляетъ одинъ изъ множества тѣхъ жалкихъ типовъ, которые обыкновенно называются безвредными, хотя они въ общемъ-то смыслѣ столь же вредны, какъ и сами самодуры, потому что служатъ ихъ вѣрными помощниками. Тихонъ самъ по себѣ любитъ жену и готовъ бы все для нея сдѣлать; но гнетъ, подъ которымъ онъ выросъ, такъ его изуродовалъ, что въ немъ никакого силь-

наго чувства, никакого рѣшительнаго стремленія развиться не можетъ. Въ немъ есть совѣсть, есть желаніе добра, но онъ постоянно дѣйствуетъ противъ себя и служитъ покорнымъ орудіемъ матери, даже въ отношеніяхъ своихъ къ женѣ. Еще въ первой сценѣ появленія семейства Кабановыхъ на бульварѣ мы видимъ, каково положеніе Катерины между мужемъ и свекровью. Кабаниха ругаетъ сына, что жена его не боится; онъ рѣшается возразить: «Да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любитъ». Старуха тотчасъ же вскидывается на него: «Какъ, зачѣмъ бояться! Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рехнулся, что ли? *Тебя не станетъ бояться, меня и подавно:* какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по-вашему, законъ ничего не значитъ?» Подъ такими началами, разумѣется, чувство любви въ Катеринѣ не находитъ простора и прячется внутрь ея, сказываясь только по временамъ судорожными порывами. Но и этими порывами мужъ не умѣетъ пользоваться: онъ слишкомъ забитъ, чтобы понять силу ея страстнаго томленія. «Не разберу я тебя, Катя, — говоритъ онъ ей: — то отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то такъ сама лѣзешь». Такъ обыкновенно дюжинныя и испорченныя натуры судятъ о натурѣ сильной и свѣжей: они, судя по себѣ, не понимаютъ чувства, которое схоронилось въ глубинѣ души, и всякую сосредоточенность принимаютъ за апатію; когда же наконецъ, не будучи въ состояніи скрываться долѣе, внутренняя сила хлынетъ изъ души широкимъ и быстрымъ потокомъ, — они удивляются и считаютъ это какимъ-то фокусомъ, причудою, въ

родѣ того, какъ имъ самимъ приходитъ иногда фантазія впасть въ паѳосъ или кутнуть. А между тѣмъ эти порывы составляютъ необходимость въ натурѣ сильной и бываютъ тѣмъ разительнѣе, чѣмъ они дольше не находятъ себѣ выхода. Они не умышлены, не соображены, а вызваны естественной необходимостью. Сила натуры, которой нѣтъ возможности развиваться дѣятельно, выражается и пассивно—терпѣніемъ, сдержанностью. Но только не смѣшивайте *этого* терпѣнія съ тѣмъ, которое происходитъ отъ слабаго развитія личности въ человѣкѣ и которое кончаетъ тѣмъ, что привыкаетъ къ оскорбленіямъ и тягостямъ всякаго рода. Нѣтъ, Катерина не привыкнетъ къ нимъ никогда; она еще не знаетъ, на что и какъ она рѣшится, она ничѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей къ свекрови, дѣлаетъ все возможное, чтобы хорошо уладиться съ мужемъ, но по всему видно, что она чувствуетъ свое положеніе и что ее тянетъ вырваться изъ него. Никогда она не жалуется, не бранитъ свекрови; сама старуха не можетъ на нее взнести этого; и однакоже свекровь чувствуетъ, что Катерина составляетъ для нея что-то неподходящее, враждебное. Тихонъ, который какъ огня боится матери и при томъ не отличается особенною деликатностью и нѣжностью, совѣстится однако передъ женою, когда по повелѣнію матери долженъ ей наказывать, чтобъ она безъ него «въ окна глазъ не пялила» и «на молодыхъ парней не заглядывалась». Онъ видитъ, что горько оскорбляетъ ее такими рѣчами, хотя хорошенько и не можетъ понять ея состоянія. По выходѣ матери изъ комнаты, онъ утѣшаетъ жену такимъ образомъ: «Все къ сердцу-то принимать, такъ въ чахотку скоро попадешь.

Что ее слушать-то! Ей вѣдь что-нибудь надо жъ говорить. Ну, и пущай она говоритъ, а ты мимо ушей пропущай!» Вотъ этотъ индифферентизмъ точно плохъ и безнадеженъ; но Катерина никогда не можетъ дойти до него; хотя по наружности она даже меньше огорчается, нежели Тихонъ, меньше жалуется, но въ сущности она страдаетъ гораздо больше. Тихонъ тоже чувствуетъ, что онъ не имѣетъ чего-то нужнаго; въ немъ тоже есть недовольство; но оно находится въ немъ на такой степени, на какой, напримѣръ, можетъ быть влеченіе къ женщинѣ у десятилѣтняго мальчика съ развращеннымъ воображеніемъ. Онъ не можетъ очень рѣшительно добиваться независимости и своихъ правъ — уже и потому, что онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать; желаніе его больше головное, внѣшнее, а собственно натура его, поддавшись гнету воспитанія, такъ и осталась почти глухою къ естественнымъ стремленіямъ. Поэтому самое искаціе свободы въ немъ получаетъ характеръ уродливый и дѣлается противнымъ, какъ противенъ цинизмъ десятилѣтняго мальчика, безъ смысла и внутренней потребности повторяющаго гадости, слышанныя отъ большихъ. Тихонъ, видите, наслышанъ отъ кого-то, что онъ «тоже мужчина», и потому долженъ въ семьѣ имѣть извѣстную долю власти и значенія; поэтому онъ себя ставитъ гораздо выше жены и, полагая, что ей ужъ такъ и Богъ судилъ терпѣть и смиряться, — на свое положеніе подъ началомъ у матери смотритъ какъ на горькое и унизительное. Затѣмъ онъ наклоненъ къ разгулу, и въ немъ-то главнымъ образомъ и ставитъ свободу: точно какъ тотъ же мальчикъ, не умѣющій постигнуть настоящей сути, отчего

такъ сладка женская любовь, и знающій только внѣшнюю сторону дѣла, которая у него и превращается въ сальности! Тихонъ, собираясь уѣзжать, съ безстыднѣйшимъ цинизмомъ говоритъ женѣ, упрашивающей его взять ее съ собою: «Съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай-то: *какой ни на есть, а я все-таки мужчина,* — всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ я знаю теперича, что недѣли двѣ никакой грозы на меня не будетъ, кандаловъ этихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?» Катерина только и можетъ отвѣтить ему на это: «Какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?» Но Тихонъ не понимаетъ всей важности этого мрачнаго и рѣшительнаго упрека; какъ человѣкъ, уже махнувшій рукою на свой разсудокъ, онъ отвѣчаетъ небрежно: «Слова — какъ слова! Какія же мнѣ еще слова говорить!» — и торопится отдѣлаться отъ жены. А зачѣмъ? Что онъ хочетъ дѣлать, на чемъ отвести душу, вырвавшись на волю? Онъ объ этомъ самъ разсказываетъ потомъ Кулигину: «На дорогу-то маменька читала-читала мнѣ наставленія-то, а я какъ выѣхалъ, такъ загулялъ. *Ужъ очень радъ, что на волю-то вырвался!* И всю дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ; такъ это кучу, что на-поди! *Такъ, чтобы ужъ на цѣлый годъ отгуляться!* . .». Вотъ и все! И надо сказать, что въ прежнее время, когда еще сознаніе личности и ея правъ не поднялось въ большинствѣ, почти только подобными выходками и ограничивались протесты противъ самодурнаго гнета. Да и нынче еще можно встрѣтить множество Тихоновъ, упивающихся если не виномъ, то какими-нибудь раз-

сужденіями и спичами, и отводящихъ душу въ шумѣ словесныхъ оргій. Это именно люди, которые постоянно жалуются на свое стѣсненное положеніе, а между тѣмъ заражены гордою мыслью о своихъ привилегіяхъ и о своемъ превосходствѣ надъ другими: «какой ни на есть, а все-таки я мужчина, — такъ каково мнѣ терпѣть-то». То есть: «ты терпи, потому что ты баба и стало быть дрянь, а мнѣ надо волю, — не потому чтобъ это было человѣческое, естественное требованіе, а потому, что таковы права моей привилегированной особы...». Ясно, что изъ подобныхъ людей и замашекъ никогда и не могло, и не можетъ ничего выйти.

Но не похоже на нихъ новое движеніе народной жизни, о которомъ мы говорили выше и отраженіе котораго нашли въ характерѣ Катерины. Въ этой личности мы видимъ уже возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе права и простора жизни. Здѣсь уже не воображеніе, не наслышка, не искусственно возбужденный порывъ являются намъ, а жизненная необходимость натуры. Катерина не капризничаетъ, не кокетничаетъ своимъ недовольствомъ и гнѣвомъ, — это не въ ея натурѣ; она не хочетъ импонировать на другихъ, выставиться и похвалиться. Напротивъ, живетъ она очень мирно и готова всему подчиниться, что только не противно ея натурѣ; принципъ ея, если бъ она могла сознать и опредѣлить его, былъ бы тотъ, чтобы какъ можно менѣе своей личностью стѣснять другихъ и тревожить общее теченіе дѣлъ. Но зато, признавая и уважая стремленія другихъ, она требуетъ того же уваженія и къ себѣ, и всякое насиліе, всякое стѣсненіе

возмущаетъ ее кровно, глубоко. Если бъ она могла, она бы прогнала далеко отъ себя все, что живетъ неправо и вредитъ другимъ; но, не будучи въ состояніи сдѣлать этого, она идетъ обратнымъ путемъ — сама бѣжитъ отъ губителей и обидчиковъ. Только бы не подчиниться ихъ началамъ, вопреки своей натурѣ, только бы не помириться съ ихъ неестественными требованіями, а тамъ что выйдетъ — лучшая ли доля для нея или гибель, — на это она ужъ не смотритъ: въ томъ и другомъ случаѣ для нея избавленіе... О своемъ характерѣ Катерина сообщаетъ Варѣ одну черту еще изъ воспоминаній дѣтства; «Такая ужъ я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше, — такъ что сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужъ темно — я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужъ нашли, верстъ за десять...». Эта дѣтская горячность сохранилась въ Катеринѣ; только вмѣстѣ съ общей возмужалостью, прибавилась въ ней и сила выдерживать впечатлѣнія и господствовать надъ ними. Взрослая Катерина, поставленная въ необходимость терпѣть обиды, находитъ въ себѣ силу долго переносить ихъ, безъ напрасныхъ жалобъ, полусопротивленій и всякихъ шумныхъ выходокъ. Она терпитъ до тѣхъ поръ, пока не заговоритъ въ ней какой-нибудь интересъ, особенно близкій ея сердцу и законный въ ея глазахъ, пока не оскорблено въ ней будетъ такое требованіе ея натуры, безъ удовлетворенія котораго она не можетъ оставаться спокойною. Тогда она ужъ ни на что не посмотритъ. Она не будетъ прибѣгать къ дипломатическимъ уловкамъ, къ обманамъ и

плутнямъ, — не такова она. Если ужъ нужно непремѣнно обманывать, такъ она лучше постарается перемочь себя. Варя совѣтуетъ Катеринѣ скрывать свою любовь къ Борису; она говоритъ: «обманывать-то я не умѣю, скрыть-то ничего не могу», и вслѣдъ затѣмъ дѣлаетъ усиліе надъ своимъ сердцемъ и опять обращается къ Варѣ съ такой рѣчью: «Не говори мнѣ про него, сдѣлай милость, не говори! Я его и знать не хочу! *Я буду мужа любить. Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю!*» Но усиліе уже выше ея возможности; черезъ минуту она чувствуетъ, что ей не отдѣлаться отъ возникшей любви: «Развѣ я хочу о немъ думать, — говоритъ она :— да что дѣлать, коли изъ головы нейдетъ?» Въ этихъ простыхъ словахъ очень ясно выражается, какъ сила естественныхъ стремленій, непримѣтно для самой Катерины, одерживаетъ въ ней побѣду надъ всѣми внѣшними требованіями, предразсудками и искусственными комбинаціями, въ которыхъ запутана жизнь ея. Замѣтимъ, что теоретическимъ образомъ Катерина не могла отвергнуть ни одной изъ этихъ комбинацій, не могла освободиться ни отъ какихъ остальныхъ мнѣній; она пошла противъ всѣхъ нихъ, вооруженная единственно силою своего чувства, инстинктивнымъ сознаніемъ своего прямаго, неотъемлемаго права на жизнь, счастье и любовь... Она ни мало не резонируетъ, но съ удивительною легкостью разрѣшаетъ всѣ трудности своего положенія. Вотъ ея разговоръ съ Варварой:

Варвара. Ты какая-то мудреная. Богъ съ тобой! А по-моему — дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я такъ, да и что хорошаго! *Ужъ я лучше буду терпѣть пока терпится.*

Варвара. А не стерпится, что жъ ты сдѣлаешь?

Катерина. Что я сдѣлаю?

Варвара. Да, что сдѣлаешь?

Катерина. Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.

Варвара. Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

Катерина А что мнѣ! Я уйду, да и была такова.

Варвара. Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характера! *Конечно, не дай Богъ этому случиться, а ужъ коли очень мнѣ здѣсь опостылитъ, такъ не удержутъ меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь.*

Вотъ истинная сила характера, на которую во всякомъ случаѣ можно положиться! Вотъ высота, до которой доходитъ наша народная жизнь въ своемъ развитіи, но до которой въ литературѣ нашей умѣли подниматься весьма не многіе, и никто не умѣлъ на ней такъ хорошо держаться, какъ Островскій. Онъ почувствовалъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мыслей, не принципы, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера, и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служитъ представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе. Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой, они для нея естественны, необходимы, она не можетъ отъ ихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣд-

ствія. Претендованные въ другихъ твореніяхъ нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ; Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена большой, многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе не останавливается; ровное дно, хорошее — она течетъ спокойно, камни большіе встрѣтились — она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ — льется каскадомъ, запружаютъ ее — она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ. Не потому бурлитъ она, чтобы водѣ вдругъ захотѣлось пошумѣть или разсердиться на препятствія, а просто потому, что это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій, — для дальнѣйшаго теченія. Такъ и въ томъ характерѣ, который воспроизведенъ намъ Островскимъ: мы знаемъ, что онъ выдержитъ себя, несмотря ни на какія препятствія; а когда силъ не хватитъ, то погибнетъ, но не измѣнитъ себѣ. Высокіе ораторы правды, претендующіе на «отреченіе отъ себя для великой идеи», весьма часто оканчиваютъ тѣмъ, что отступаются отъ своего служенія, говоря, что борьба со зломъ еще слишкомъ безнадежна, что она повела бы только къ напрасной гибели, и пр. Они справедливы, и нельзя ихъ упрекать въ малодушіи; но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ этомъ, что «идея», которой они хотятъ служить, составляетъ для нихъ что-то внѣшнее, безъ чего они могутъ обойтись, что они умѣютъ очень хорошо отдѣлить отъ своихъ личныхъ, прямыхъ по-

требностей. Ясно, что какъ бы ни былъ великъ ихъ азартъ въ пользу идеи, онъ всегда будетъ гораздо слабѣе и ниже того простого, инстинктивнаго, неотразимаго влеченія, которое управляетъ поступками личностей въ родѣ Катерины, даже и не думающихъ ни о какихъ высокихъ «идеяхъ».

Въ положеніи Катерины мы видимъ, что, напротивъ, всѣ «идеи», внушенныя ей съ дѣтства, всѣ принципы окружающей среды — возстаютъ *противъ* ея естественныхъ стремленій и поступковъ. Страшная борьба, на которую осуждена молодая женщина, совершается въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи драмы, и вотъ гдѣ оказывается вся важность вводныхъ лицъ, за которыхъ такъ упрекаютъ Островскаго. Всмотритесь хорошенько: вы видите, что Катерина воспитана въ понятіяхъ одинаковыхъ съ понятіями среды, въ которой живетъ, и не можетъ отъ нихъ отрѣшиться, не имѣя никакого теоретическаго образованія. Разсказы странницъ и внушенія домашнихъ хоть и переработывались ею по-своему, но не могли не оставить безобразнаго слѣда въ ея душѣ: и дѣйствительно, мы видимъ въ пьесѣ, что Катерина, потерявъ свои радужныя мечты и идеальныя, восторженныя стремленія, сохранила отъ своего воспитанія одно сильное чувство — *страхъ* какихъ-то темныхъ силъ, чего-то невѣдомаго, чего она не могла ни объяснить себѣ хорошенько, ни отвергнуть. За каждую мысль свою она боится, за самое простое чувство она ждетъ себѣ кары; ей кажется, что гроза ее убьетъ, потому что она грѣшница: картина геенны огненной на стѣнѣ церковной представляется ей уже предвѣстіемъ ея вѣчной муки... А

все окружающее поддерживаетъ и развиваетъ въ ней этотъ страхъ: Феклуши ходятъ къ Кабанихѣ толковать о послѣднихъ временахъ; Дикой твердитъ, что гроза въ наказаніе намъ посылается, чтобъ мы чувствовали; пришедшая барыня, наводящая страхъ на всѣхъ въ городѣ, показывается нѣсколько разъ съ тѣмъ, чтобы зловѣщимъ голосомъ прокричать надъ Катериною: «всѣ въ огнѣ горѣть будете въ неугасимомъ». Всѣ окружающіе полны суевѣрнаго страха, и всѣ окружающіе, согласно съ понятіями и самой Катерины, должны смотрѣть на ея чувство къ Борису какъ на величайшее преступленіе. Даже удалой Кудряшъ, esprit fort этой среды, и тотъ находитъ, что дѣвкамъ можно гулять съ парнями сколько хочешь, — это ничего, а бабамъ надо ужъ взаперти сидѣть. Это убѣжденіе такъ въ немъ сильно, что, узнавъ о любви Бориса къ Катеринѣ, онъ, несмотря на свое удальство и нѣкотораго рода безчинство, говоритъ, что «это дѣло бросить надо». Все противъ Катерины, даже и ея собственныя понятія о добрѣ и злѣ; все должно заставить ее — заглушить свои порывы и завянуть въ холодномъ и мрачномъ формализмѣ семейной безгласности и покорности, безъ всякихъ живыхъ стремленій, безъ воли, безъ любви, — или же научиться обманывать людей и совѣсть. Но не бойтесь за нее, не бойтесь даже тогда, когда она сама говоритъ противъ себя: она можетъ на время или покориться повидимому, или даже пойти на обманъ, какъ рѣчка можетъ скрыться подъ землею или удалиться отъ своего русла; но текучая вода не остановится и не пойдетъ назадъ, а все-таки дойдетъ до своего конца, до того мѣста, гдѣ можетъ она слиться съ другими водами и вмѣстѣ бѣ-

жать къ водамъ океана. Обстановка, въ которой живетъ Катерина, требуетъ, чтобы она лгала и обманывала: «Безъ этого нельзя, — говоритъ ей Варвара, — ты вспомни, гдѣ ты живешь; у насъ на этомъ весь домъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало». Катерина поддается своему положенію, выходитъ къ Борису ночью, прячетъ отъ свекрови свои чувства въ теченіе десяти дней... Можно подумать: вотъ и еще женщина сбилась съ пути, выучилась обманывать домашнихъ и будетъ развратничать втихомолку, притворно лаская мужа и нося отвратительную маску смиренницы! Нельзя было бы строго винить ее и за это: положеніе ея такъ тяжело! Но тогда она была бы однимъ изъ дюжинныхъ лицъ того типа, который такъ уже изношенъ въ повѣстяхъ, показывавшихъ, какъ «среда заѣдаетъ хорошихъ людей». Катерина не такова: развязка ея любви при всей домашней обстановкѣ — видна заранѣе, еще тогда, какъ она только подходитъ къ дѣлу. Она не занимается психологическимъ анализомъ, и потому не можетъ высказывать тонкихъ наблюденій надъ собою; что она о себѣ говоритъ, такъ ужъ это, значитъ, сильно даетъ ей знать себя. А она, при первомъ предложеніи Варвары о свиданіи ея съ Борисомъ, вскрикиваетъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо! что ты, сохрани Господи: *если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, я ужъ не пойду домой ни за что на свѣтѣ!*» Это въ ней не разумная предосторожность говоритъ, это — страсть; и ужъ видно, что какъ она себя ни сдерживала, а страсть выше ея, выше всѣхъ ея предразсудковъ и страховъ, выше всѣхъ внушеній, слышанныхъ ею съ дѣтства. Въ этой страсти заключается для нея вся жизнь;

вся сила ея натуры, всѣ ея живыя стремленія сливаются здѣсь. Къ Борису влечетъ ее не одно то, что онъ ей нравится, что онъ и съ виду и по рѣчамъ не похожъ на остальныхъ, окружающихъ ее; къ нему влечетъ ее и потребность любви, не нашедшая себѣ отзыва въ мужѣ, и оскорбленное чувство жены и женщины, и смертельная тоска ея однообразной жизни и желаніе воли, простора, горячей, беззапретной свободы. Она все мечтаетъ, какъ бы ей «полетѣть невидимо, куда бы захотѣла»; а то такая мысль приходитъ: «кабы моя воля, каталась бы я теперь на Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись . . .» «Только не съ мужемъ», подсказываетъ ей Варя, и Катерина не можетъ скрыть своего чувства и сразу ей открывается вопросомъ: «а ты почемъ знаешь?» Видно, что замѣчаніе Варвары для него самой объяснило многое: разсказывая такъ наивно свои мечты, она еще не понимала хорошенько ихъ значенія. Но одного слова достаточно, чтобы сообщить ея мыслямъ ту опредѣленность, которую она сама боялась имъ дать. До сихъ поръ она еще могла сомнѣваться, точно ли въ этомъ новомъ чувствѣ то блаженство, которое она такъ томительно ищетъ. Но разъ произнесши слово тайны, она уже и въ мысляхъ своихъ отъ нея не отступится. Страсть сомнѣнія, мысль о грѣхѣ и о людскомъ судѣ, — все это приходитъ ей въ голову, но уже не имѣетъ надъ нею силы; это уже такъ, формальности, для очистки совѣсти. Въ монологѣ съ ключемъ (послѣднемъ во второмъ актѣ) мы видимъ женщину, въ душѣ которой опасный шагъ уже сдѣланъ, но которая хочетъ только какъ-нибудь «заговорить» себя. Она дѣлаетъ попытку стать нѣсколько въ сторону отъ

себя и судить поступокъ, на который она рѣшилась, какъ дѣло постороннее; но мысли ея всѣ направлены къ оправданію этого поступка. «Вотъ, говоритъ, долго ли погибнутъ-то... Въ неволѣ-то кому весело... Вотъ хоть я теперь — живу, маюсь, просвѣту себѣ не вижу... свекровь сокрушила меня...» и т. д. — все оправдательныя статьи. А потомъ еще облегчительныя соображенія: «Видно ужъ судьба такъ хочетъ... Да какой же и грѣхъ въ томъ, если я на него взгляну разъ... Да хоть и поговорю-то, такъ все не бѣда. А можетъ такого случая-то еще во всю жизнь не выйдетъ...» Этотъ монологъ возбудилъ въ нѣкоторыхъ критикахъ охоту иронизировать надъ Катериною, какъ надъ безстыжею покриткою; но мы не знаемъ большаго безстыдства, какъ увѣрять, будто бы мы или кто-нибудь изъ нашихъ идеальныхъ друзей—не причастны такимъ сдѣлкамъ съ совѣстью... Въ этихъ сдѣлкахъ не личности виноваты, а тѣ понятія, которыя имъ вбиты въ голову съ малолѣтства и которыя такъ часто противны бываютъ естественному ходу живыхъ стремленій души. Пока эти понятія не выгнаны изъ общества, пока полная гармонія идей и потребностей природы не возстановлена въ человѣческомъ существѣ, до тѣхъ поръ подобныя сдѣлки неизбѣжны. Хорошо еще и то, если, дѣлая ихъ, приходятъ къ тому, что представляется натурою и здравымъ смысломъ, и не падаютъ подъ гнетомъ условныхъ наставленій искусственной морали. Именно на это и стало силы у Катерины, и чѣмъ сильнѣе говоритъ въ ней натура, тѣмъ спокойнѣе смотритъ она въ лицо дѣтскимъ бредиямъ, которыхъ бояться пріучили ее окружающіе. Поэтому намъ кажется даже, что артистка, исполняющая роль Катерины на

петербургской сценѣ, дѣлаетъ маленькую ошибку, придавая монологу, о которомъ мы говоримъ, слишкомъ много жара и трагичности. Она очевидно хочетъ выразить борьбу, совершающуюся въ душѣ Катерины, и съ этой точки зрѣнія она передаетъ трудный монологъ превосходно. Но намъ кажется, что сообразнѣе съ характеромъ и положеніемъ Катерины въ этомъ случаѣ — придавать ея словамъ больше спокойствія и легкости. Борьба собственно уже кончена, остается лишь небольшое раздумье, старая ветошь покрываетъ еще Катерину, и она мало-по-малу сбрасываетъ ее съ себя... Окончаніе монолога выдаетъ ее сердце: «Будь что будетъ, а я Бориса увижу», заключаетъ она, и въ забытьи предчувствія восклицаетъ: «Ахъ, кабы ночь поскорѣй!»

Такая любовь, такое чувство не уживется въ стѣнахъ Кабановскаго дома, съ притворствомъ и обманомъ. Катерина хоть и рѣшилась на тайное свиданіе, но въ первый же разъ, въ восторгѣ любви, говоритъ Борису, увѣряющему, что никто ничего не узнаетъ: «Э, что меня жалѣть, никто не виноватъ, — сама на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю... Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людскаго суда?»

И точно, она ничего не боится, кромѣ лишенія возможности видѣть ея избраннаго, говорить съ нимъ, наслаждаться съ нимъ этими лѣтними ночами, этими новыми для нея чувствами. Пріѣхалъ мужъ, и жизнь ей стала не въ жизнь. Надо было таиться, хитрить; она этого не хотѣла и не умѣла; надо было опять воротиться къ своей черствой, тоскливой жизни, — это ей показалось горьче прež-

няго. Да еще надо было бояться каждую минуту за себя, за каждое свое слово, особенно передъ свекровью; надо было бояться еще и страшной кары для души... Такое положеніе невыносимо было для Катерины: дни и ночи она все думала, страдала, экзальтировала свое воображеніе, и безъ того горячее, и конецъ былъ тотъ, что она не могла вытерпѣть — при всемъ народѣ, столпившемся въ галлереѣ старинной церкви, покаялась во всемъ мужу. Первое движеніе его было страхъ, что скажетъ мать. «Не надо, *не говори, матушка здѣсь*», шепчетъ онъ растерявшись. Но мать уже прислушалась и требуетъ полной исповѣди, въ заключеніе которой выводитъ свою мораль: «что, сынокъ, *куда воля-то ведетъ?*»

Трудно, конечно, болѣе насмѣяться надъ здравымъ смысломъ, чѣмъ какъ дѣлаетъ это Кабаниха въ своемъ восклицаніи. Но въ «темномъ царствѣ» здравый смыслъ ничего не значитъ: съ «преступницею» приняли мѣры, совершенно ему противныя, но обычныя въ томъ быту: мужъ, по повелѣнію матери, побилъ маленько свою жену, свекровь заперла ее на замокъ и начала ѣсть поѣдомъ... Кончены воля и покой бѣдной женщины: прежде хоть ее попрекнуть не могли, хоть могла она чувствовать свою полную правоту передъ этими людьми. А теперь вѣдь, такъ или иначе, она передъ ними виновата, она нарушила свои обязанности къ нимъ, принесла горе и позоръ въ семью; теперь самое жестокое обращеніе съ ней имѣетъ уже поводы и оправданіе. Что остается ей? Пожалѣть о неудачной попыткѣ вырваться на волю и оставить свои мечты о любви и счастьи, какъ уже покинула она радужныя грезы о чудныхъ садахъ съ райскимъ

пѣніемъ. Остается ей покориться, отречься отъ самостоятельной жизни, и сдѣлаться безпрекословной угодницей свекрови, кроткою рабою своего мужа, и никогда уже не дерзать на какія-нибудь попытки опять обнаружить свои требованія... Но нѣтъ, не таковъ характеръ Катерины; не затѣмъ отразился въ ней новый типъ, создаваемый русской жизнью, — чтобы сказаться только безплодной попыткой и погибнуть послѣ первой неудачи. Нѣтъ, она уже не возвратится къ прежней жизни: если ей нельзя наслаждаться своимъ чувствомъ, своей волей вполнѣ законно и свято, при свѣтѣ бѣлаго дня, передъ всѣмъ народомъ, если у нея вырываютъ то, что нашла она и что ей такъ дорого, она ничего тогда не хочетъ въ жизни, она и жизни не хочетъ. Пятый актъ «Грозы» составляетъ апоѳеозу этого характера, столь простого, глубокаго и такъ близкаго къ положенію и къ сердцу каждаго порядочнаго человѣка въ нашемъ обществѣ. Никакихъ ходуль не подставилъ художникъ своей героинѣ, онъ не далъ ей даже героизма, а оставилъ ее той же простой, наивной женщиной, какой она являлась передъ нами и до «грѣха» своего. Въ пятомъ актѣ у ней всего два монолога да разговоръ съ Борисомъ; но они полны въ своей сжатости такой силы, такихъ многозначительныхъ откровеній, что, принявшись за нихъ, мы боимся закомментироваться еще на цѣлую статью. Постараемся ограничиться нѣсколькими словами.

Въ монологахъ Катерины видно, что у ней и теперь нѣтъ ничего формулированнаго; она до конца водится своей натурой, а не заданными рѣшеніями, потому что для рѣшеній ей бы надо было имѣть логическія, твердыя основанія, а между тѣмъ всѣ на-

чала, которыя ей даны для теоретическихъ разсужденій, рѣшительно противны ея натуральнымъ влеченіямъ. Оттого она не только не принимаетъ геройскихъ позъ и не произноситъ изреченій, доказывающихъ твердость характера, а даже напротивъ — является въ видѣ слабой женщины, не умѣющей противиться своимъ влеченіямъ, и старается *оправдывать* тотъ героизмъ, какой проявляется въ ея поступкахъ. Она рѣшилась умереть, но ее страшитъ мысль, что это грѣхъ, и она какъ бы старается доказать намъ и себѣ, что ее можно и простить, такъ какъ ей ужъ очень тяжело. Ей хотѣлось бы пользоваться жизнью и любовью; но она знаетъ, что это — преступленіе, и потому говоритъ въ оправданіе свое: «что жъ, ужъ все равно, ужъ душу свою я вѣдь погубила!» Ни на кого она не жалуется, никого не винитъ, и даже на мысль ей не приходитъ ничего подобнаго; напротивъ, она передъ всѣми виновата, даже Бориса она спрашиваетъ, не сердится ли онъ на нее, не проклинаетъ ли... Нѣтъ въ ней ни злобы, ни презрѣнія, ничего, чѣмъ такъ красуются обыкновенно разочарованные герои, самовольно покидающіе свѣтъ. Но не можетъ она жить больше, не можетъ, да и только; отъ полноты сердца говоритъ она: «Ужъ измучилась я... Долго ль мнѣ еще мучиться? Для чего мнѣ теперь жить, — ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ!— а смерть не приходитъ! Ты ее кличешь, а она не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ (показывая на сердце) больно». При мысли о могилѣ ей дѣлается легче, — спокойствіе какъ будто проникается ей въ душу. «Такъ тихо, такъ хорошо... А объ жизни и думать не хочется...

Опять жить? . . Нѣтъ, нѣтъ, не надо . . . не хорошо. И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду... Придешь къ нимъ—они ходятъ, говорятъ,—а на что мнѣ это? . .» И мысль о горечи жизни, какую надо будетъ терпѣть, до того терзаетъ Катерину, что повергаетъ ее въ какое-то полугорячечное состояніе. Въ послѣдній моментъ особенно живо мелькаютъ въ ея воображеніи всѣ домашніе ужасы. Она вскрикиваетъ: «А поймаютъ меня да воротятъ домой насильно! . . Скорѣй, скорѣй . . .» И дѣло кончено: она не будетъ болѣе жертвою бездушной свекрови, не будетъ болѣе томиться взаперти съ безхарактернымъ и противнымъ ей мужемъ. Она освобождена! . .

Грустно, горько такое освобожденіе, но что же дѣлать, когда другаго выхода нѣтъ. Хорошо, что нашлись въ бѣдной женщинѣ рѣшимость хоть на этотъ страшный выходъ. Въ томъ и сила ея характера, оттого-то «Гроза» и производитъ на насъ впечатлѣніе освѣжающее, какъ мы сказали выше. Безъ сомнѣнія, лучше бы было, если бъ возможно было Катеринѣ избавиться другимъ образомъ отъ своихъ мучителей, или ежели бы эти мучители могли измѣниться и примирить ее съ собою и съ жизнью. Но ни то, ни другое — не въ порядкѣ вещей. Кабанова не можетъ оставить того, съ чѣмъ она воспитана и прожила цѣлый вѣкъ; безхарактерный сынъ ея не можетъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, пріобрѣсти твердость и самостоятельность до такой степени, чтобы отречься отъ всѣхъ нелѣпостей, внушаемыхъ ему старухой, все окружающее не можетъ перевернуться вдругъ такъ, чтобы сдѣлать сладкою жизнь молодой женщины. Самое большее,

что они могутъ сдѣлать, — это простить ее, облегчить нѣсколько тягость ея домашняго заключенія, сказать ей нѣсколько милостивыхъ словъ, можетъ быть подарить право имѣть голосъ въ хозяйствѣ, когда спросятъ ея мнѣнія. Можетъ быть, этого и достаточно было бы для другой женщины, забитой, безсильной, и въ другое время самодурство Кабановыхъ покоилось на общемъ безгласіи и не имѣло столько поводовъ выказывать свое наглое презрѣніе къ здравому смыслу и всякому праву. Но мы видимъ, что Катерина не убила въ себѣ человѣческую природу и что она находится только внѣшнимъ образомъ, по положенію своему, подъ гнетомъ самодурной жизни; внутренно же, сердцемъ и смысломъ — сознаетъ всю ея нелѣпость, которая теперь еще увеличивается тѣмъ, что Дикіе и Кабановы, встрѣчая себѣ противорѣчіе и не будучи въ силахъ побѣдить его, но желая поставить на своемъ, прямо объявляютъ себя противъ логики, то есть ставятъ себя дураками передъ большинствомъ людей. При такомъ положеніи дѣлъ, само собою разумѣется, что Катерина не можетъ удовлетвориться великодушнымъ прощеніемъ отъ самодуровъ и возвращеніемъ ей прежнихъ правъ въ семьѣ: она знаетъ, что значитъ милость Кабановой и каковы могутъ быть права невѣстки при такой свекрови... Нѣтъ, ей бы нужно было не то, чтобъ ей что-нибудь уступили и облегчили, а то, чтобы свекровь, мужъ, всѣ окружающіе — сдѣлались способны удовлетворить тѣмъ живымъ стремленіямъ, которыми она проникнута, признать законность ея природныхъ требованій, отречься отъ всякихъ принудительныхъ правъ на нее и переродиться до того, чтобы сдѣлаться достойными ея любви и довѣрія. Не-

чего и говорить о томъ, въ какой мѣрѣ возможно для нихъ такое перерожденіе.

Менѣе невозможности представляло бы другое рѣшеніе — бѣжать съ Борисомъ отъ произвола и насилія домашнихъ. Несмотря на строгость формальнаго закона, несмотря на ожесточенность грубаго самодурства, подобные шаги не представляютъ невозможности сами по себѣ, особенно для такихъ характеровъ, какъ Катерина. И она не пренебрегаетъ этимъ выходомъ, потому что она не отвлеченная героиня, которой хочется смерти по принципу. Убѣжавши изъ дому, чтобы свидѣться съ Борисомъ, и уже задумывая о смерти, она однако вовсе не прочь отъ побѣга: узнавши, что Борисъ ѣдетъ далеко, въ Сибирь, она очень просто говоритъ ему: «возьми меня съ собой отсюда». Но тутъ-то и всплываетъ передъ нами на минуту камень, который держитъ людей въ глубинѣ омута, названнаго нами «темнымъ царствомъ». Камень этотъ — матеріальная зависимость. Борисъ ничего не имѣетъ и вполнѣ зависитъ отъ дяди — Дикого; Дикой съ Кабановыми уладили, чтобъ его отправить въ Кяхту, и конечно не дадутъ ему взять съ собой Катерину. Оттого онъ и отвѣчаетъ ей: «Нельзя, Катя; не по своей волѣ я ѣду, дядя посылаетъ, ужъ и лошади готовы», и пр. Борисъ — не герой, онъ далеко не стоитъ Катерины, она и полюбила-то его больше на безлюдьи. Онъ хватилъ «образованія» и никакъ не справится ни съ старымъ бытомъ, ни съ сердцемъ своимъ, ни съ здравымъ смысломъ, — ходитъ, точно потерянный. Живетъ онъ у дяди потому, что тотъ ему и сестрѣ его долженъ часть бабушкина наслѣдства отдать, «если они будутъ къ нему почтительны». Борисъ хорошо

понимаетъ, что Дикой никогда не признаетъ его почтительнымъ, и слѣдовательно ничего не дастъ ему; да этого мало, Борисъ такъ разсуждаетъ: «Нѣтъ, онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ все-таки тѣмъ, что не дастъ ничего, или такъ, какую-нибудь малость, да еще станетъ разсказывать, что изъ милости далъ, что и этого бы не слѣдовало». А все-таки онъ живетъ у дяди и сноситъ его ругательства; зачѣмъ? — неизвѣстно. При первомъ свиданіи съ Катериной, когда она говоритъ о томъ, что ее ждетъ за это, Борисъ прерываетъ ее словами: «Ну, что объ этомъ думать, благо намъ теперь хорошо». А при послѣднемъ свиданіи плачется: «Кто жъ это зналъ, что намъ за нашу любовь такъ мучиться съ тобой! Лучше бы бѣжать мнѣ тогда!» Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ весьма нерѣдкихъ людей, которые не умѣютъ дѣлать того, что понимаютъ, и не понимаютъ того, что дѣлаютъ. Типъ ихъ много разъ изображался въ нашей беллетристикѣ — то съ преувеличеннымъ состраданіемъ къ нимъ, то съ излишнимъ ожесточеніемъ противъ нихъ. Островскій даетъ ихъ намъ такъ, какъ они есть, и съ особеннымъ, свойственнымъ ему умѣньемъ рисуетъ двумя-тремя чертами ихъ полную незначительность, хотя, впрочемъ, не лишенную извѣстной степени душевнаго благородства. О Борисѣ нечего распространяться; онъ собственно долженъ быть отнесенъ тоже къ *обстановкѣ*, въ которую попадаетъ героиня пьесы. Онъ представляетъ одно изъ обстоятельствъ, дѣлающихъ необходимымъ фатальный конецъ ея. Будь это другой человѣкъ и въ другомъ положеніи, тогда бы и въ воду бросаться не надо. Но въ томъ-то

и дѣло, что среда, подчиненная силѣ Дикихъ и Кабановыхъ, производитъ обыкновенно Тихоновъ и Борисовъ, неспособныхъ воспрянуть и принять свою человѣческую природу, даже при столкновеніи съ такими характерами, какъ Катерина. Мы сказали выше нѣсколько словъ о Тихонѣ; Борисъ — такой же въ сущности, только «образованный». Образованіе отняло у него силу дѣлать пакости, — правда; но оно не дало ему силы противиться пакостямъ, которыя дѣлаютъ другіе; оно не развило даже въ немъ способности такъ вести себя, чтобы оставаться чуждымъ всему гадкому, что кишитъ вкругъ него. Нѣтъ, мало того, что не противодѣйствуетъ, — онъ подчиняется чужимъ гадостямъ, онъ волей-неволей участвуетъ въ нихъ и долженъ принимать всѣ ихъ послѣдствія. Но онъ понимаетъ свое положеніе, толкуетъ о немъ и нерѣдко даже обманываетъ, на первый разъ, истинно-живыя и крѣпкія натуры, которыя, судя по себѣ, думаютъ, что если человѣкъ такъ думаетъ, такъ понимаетъ, то такъ долженъ и дѣлать. Смотря съ своей точки, этакія натуры не затрудятся сказать «образованнымъ» страдальцамъ, удаляющимся отъ горестныхъ обстоятельствъ жизни: «возьми и меня съ собой, я пойду за тобою всюду». Но тутъ-то и окажется безсиліе страдальцевъ; окажется, что они и не предвидѣли, и что они проклинаютъ себя, и что они рады бы, да нельзя, и что воли у нихъ нѣтъ, а главное — что у нихъ нѣтъ ничего за душою и что для продолженія своего существованія они должны служить тому же самому Дикому, отъ котораго вмѣстѣ съ нами хотѣли бы избавиться...

Ни хвалить, ни бранить этихъ людей нечего; но нужно обратить вниманіе на ту практическую

почву, на которую переходитъ вопросъ; надо признать, что человѣку, ожидающему наслѣдства отъ дяди, трудно сбросить съ себя зависимость отъ этого дяди, и затѣмъ надо отказаться отъ излишнихъ надеждъ на племянниковъ, ожидающихъ наслѣдства, хотя бы они и были «образованы» по самое нельзя. Если тутъ разбирать виноватаго, то виноваты окажутся не столько племянники, сколько дяди, или лучше сказать, ихъ наслѣдство.

Впрочемъ, о значеніи матеріальной зависимости, какъ главной основы всей силы самодуровъ въ «темномъ царствѣ», мы пространно говорили въ нашихъ прежнихъ статьяхъ. Поэтому здѣсь только напоминаемъ объ этомъ, чтобы указать рѣшительную необходимость того фатальнаго конца, какой имѣетъ Катерина въ «Грозѣ», и слѣдовательно рѣшительную необходимость характера, который бы, при данномъ положеніи, готовъ былъ къ такому концу.

Мы уже сказали, что конецъ этотъ кажется намъ отраднымъ; легко понять, почему въ немъ данъ страшный вызовъ самодурной силѣ, онъ говоритъ ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долѣе жить съ ея насильственными, мертвящими началами. Въ Катеринѣ видимъ мы протестъ противъ кабановскихъ понятій и нравственности, протестъ доведенный до конца, провозглашенный и подъ домашней пыткой и надъ бездной, въ которую бросилась бѣдная женщина. Она не хочетъ мириться, не хочетъ пользоваться жалкимъ прозябаньемъ, которое ей даютъ въ обмѣнъ за ея живую душу. Ея погибель — это осуществленная пѣснь плѣна вавилонскаго: играйте и пойте намъ пѣсни сіонскія, говорили іудеямъ ихъ побѣдители; но печаль-

ный пророкъ отозвался, что не въ рабствѣ можно пѣть священныя пѣсни родины, что лучше пусть языкъ ихъ прилипнетъ къ гортани и руки отсохнутъ, нежели примутся они за гусли и запоютъ сіонскія пѣсни на потѣху владыкъ своихъ. Несмотря на все свое отчаяніе, эта пѣснь производитъ высоко-отрадное, мужественное впечатлѣніе: чувствуешь, что не погибъ бы народъ еврейскій, если бъ весь и всегда одушевленъ былъ такими чувствами...

Но и безъ всякихъ возвышенныхъ соображеній, просто по человѣчеству, намъ отрадно видѣть избавленіе Катерины -хоть черезъ смерть, коли нельзя иначе. На этотъ счетъ мы имѣемъ въ самой драмѣ страшное свидѣтельство, говорящее намъ, что жить въ «темномъ царствѣ» хуже смерти. Тихонъ, бросаясь на трупъ жены, вытащенный изъ воды, кричитъ въ самозабвеніи: «Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ да мучиться!» Этимъ восклицаніемъ заканчивается пьеса, и намъ кажется, что ничего нельзя было придумать сильнѣе и правдивѣе такого окончанія. Слова Тихона даютъ ключъ къ уразумѣнію пьесы для тѣхъ, кто бы даже и не понялъ ея сущности ранѣе; они заставляютъ зрителя подумать уже не о любовной интригѣ, а обо всей этой жизни, гдѣ живые завидуютъ умершимъ, да еще какимъ — самоубійцамъ! Собственно говоря, восклицаніе Тихона глупо: Волга близко, кто же мѣшаетъ и ему броситься, если жить тошно? Но въ томъ-то и горе его, то-то ему и тяжко, что онъ ничего, рѣшительно ничего сдѣлать не можетъ, даже и того, въ чемъ признаетъ свое благо и спасеніе. Это нравственное растлѣніе, это уничтоженіе человѣка дѣйствуетъ на насъ тяжеле всякаго самаго трагическаго происше-

ствія: тамъ видишь гибель одновременную, конецъ страданій, часто избавленіе отъ необходимости служить жалкимъ орудіемъ какихъ-нибудь гнусностей; а здѣсь — постоянную, гнетущую боль, разслабленіе, полутрупъ, въ теченіе многихъ лѣтъ согнивающій заживо... И думать, что этотъ живой трупъ не одинъ, не исключеніе, а цѣлая масса людей, подверженныхъ тлетворному вліянію Дикихъ и Кабановыхъ! И не чаять для нихъ избавленія — это, согласитесь, ужасно! Зато какою же отрадною, свѣжею жизнью вѣетъ на насъ здоровая личность, находящая въ себѣ рѣшимость покончить съ этой гнилою жизнью, во что бы то ни стало!..

На этомъ мы и кончаемъ. Мы не говорили о многомъ — о сценѣ ночного свиданія, о личности Кулигина, не лишенной тоже значенія въ пьесѣ, о Варварѣ и Кудряшѣ, о разговорѣ Дикого съ Кабановой и пр., и пр. Это оттого, что наша цѣль была указать общій смыслъ пьесы, и, увлекаясь общимъ, мы не могли достаточно входить въ разборъ всѣхъ подробностей. Литературные судьи останутся опять недовольны: мѣра художественнаго достоинства пьесы недостаточно опредѣлена и выяснена, лучшія мѣста не указаны, характеры второстепенные и главные не отдѣлены строго, а всего пуще — искусство опять сдѣлано орудіемъ какой-то посторонней идеи!.. Все это мы знаемъ, и имѣемъ только одинъ отвѣтъ: пусть читатели разсудятъ сами (предполагаемъ, что всѣ читали или видѣли «Грозу»), — *точно ли идея, указанная нами, — совсѣмъ посторонняя «Грозѣ»*, навязанная нами насильно, *или же она дѣйствительно вытекаетъ изъ самой пьесы*, составляетъ ея сущность и опредѣляетъ прямой ея смыслъ?.. Если мы ошиблись, пусть намъ

это докажутъ, дадутъ другой смыслъ пьесѣ, болѣе къ ней подходящій... Если же наши мысли сообразны съ пьесою, то мы просимъ отвѣтить еще на одинъ вопросъ: *точно ли русская живая натура выразилась въ Катеринѣ, точно ли русская обстановка — во всемъ, ее окружающемъ, точно ли потребность возникающаго движенія русской жизни сказалась въ смыслѣ пьесы, какъ она понята нами?* Если «нѣтъ», если читатели не признаютъ здѣсь ничего знакомаго, родного ихъ сердцу, близкаго къ ихъ насущнымъ потребностямъ, тогда, конечно, нашъ трудъ потерянъ. Но ежели «да», ежели наши читатели, сообразивъ наши замѣтки, найдутъ, что точно русская жизнь и русская сила вызваны художникомъ въ «Грозѣ» на рѣшительное дѣло, и если они почувствуютъ законность и важность этого дѣла, тогда мы довольны, что бы ни говорили наши ученые и литературные судьи.

Забитые люди.

Сочиненія *Ѳ. М. Достоевскаго.* Два тома. Москва 1860.
Униженные и оскорбленные, романъ въ 4 частяхъ. *Ѳ. М. Достоевскаго.* „Время", 1861, № I – VII.

I.

«Опять о забитыхъ личностяхъ! Мало еще было толковано о нихъ въ «темномъ царствѣ», мало вообще надоѣдалъ имя «Современникъ» въ своемъ критическомъ отдѣлѣ! И вѣдь пришла же человѣку въ голову безобразная мысль — превратить дѣло художественной критики въ патологическіе этюды о русскомъ обществѣ . . . Вотъ хоть бы теперь: на очереди стоитъ чрезвычайно важный для искусства вопросъ о сущности и степени творческаго таланта одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей литературы, вопросъ тѣмъ болѣе интересный, что о немъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Появленіе «Бѣдныхъ людей» было встрѣчено величайшимъ восторгомъ всей литературной партіи, признавшей Гоголя; Бѣлинскій провозгласилъ, что хотя г. Достоевскій и многимъ обязанъ Гоголю, какъ Лермонтовъ Пушкину, но что тѣмъ не менѣе онъ — самъ по себѣ, вовсе не подражатель Гоголя, а талантъ самобытный и громадный. Онъ началъ такъ, прибавлялъ Бѣлинскій, какъ не начиналъ еще ни одинъ изъ

русскихъ писателей. Мало того, — Бѣлинскій пророчествовалъ такимъ образомъ: «Талантъ г. Достоевскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые постигаются и признаются не вдругъ. Много, въ продолженіе его поприща, явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы» («Отечественныя Записки» 1846, № III, стр. 20). Это было писано еще въ то время, когда въ ходу были повѣсти гг. Соллогуба, Луганскаго, Гребенки и т. п.; г. Гончаровъ еще не появлялся тогда съ «Обыкновенной исторіей»; гг. Тургеневъ и Григоровичъ едва напечатали нѣсколько незначительныхъ разсказовъ; объ Островскомъ, Писемскомъ, Толстомъ и другихъ, впослѣдствіи прославившихся, писателяхъ, не было еще ни слуху, ни духу. Прошло съ тѣхъ поръ еще три года: новые писатели возникали и пріобрѣтали себѣ почетную извѣстность, г. Достоевскій все продолжалъ писать, и ни одно изъ новыхъ произведеній не сравнилось съ первою его повѣстью. Въ половинѣ 1849 г. литературная дѣятельность его прекратилась, и литература не выразила при этомъ особенныхъ сожалѣній. Если въ теченіе десятилѣтняго молчанія г. Достоевскаго иногда и вспоминали о немъ, то развѣ затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ собственнымъ простодушіемъ, съ которымъ производили его въ геніи за первую повѣсть, и о непомѣрномъ самолюбіи, до котораго довело его общее поклоненіе. Но два года тому назадъ г. Достоевскій снова появился въ литературѣ, хотя имя его было уже слишкомъ блѣдно предъ новыми свѣтилами, загорѣвшимися на горизонтѣ русской словесности въ послѣднее десятилѣ-

тіе. Въ эти два года онъ напечаталъ четыре большихъ произведенія, и объ нихъ еще не произнесенъ безпристрастный судъ критики. Теперь именно и предстоитъ для критика задача — опредѣлить, насколько развился и возмужалъ талантъ г. Достоевскаго, какія эстетическія особенности представляетъ онъ въ сравненіи съ новыми писателями, которыхъ еще не могла имѣть въ виду критика Бѣлинскаго, какими недостатками и красотами отличаются его новыя произведенія и на какое дѣйствительно мѣсто ставятъ они его въ ряду такихъ писателей, какъ гг. Гончаровъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Толстой и пр. Критику предстоитъ художественный вопросъ, существенно важный для исторіи нашей литературы, — а онъ собирается толковать о забитыхъ людяхъ, — предметъ даже вовсе не эстетическомъ».

Всякій разъ, какъ я начинаю писать критическую статью, меня начинаютъ осаждать требованія и возгласы подобнаго рода. По мнѣнію одного критика, мнѣ отъ нихъ нѣтъ другого спасенія, какъ признаться откровенно, что рѣшеніе вопросовъ подобной важности — мнѣ не подъ силу. Я бы, пожалуй, и готовъ признаться; но вѣдь это, во-первыхъ, для самолюбія обидно, а во-вторыхъ — зачѣмъ же мнѣ клепать на себя? Разумѣется, критика должна служить приложеніемъ вѣчныхъ законовъ искусства къ частному произведенію, должна, какъ въ зеркалѣ, представить достоинства и недостатки автора, указать ему вѣрный путь, а читателямъ — мѣста, которыми они должны или не должны восхищаться. Такова вѣдь должна быть настоящая критика? Да, но знаете ли, что чистая теорія критики такъ же точно неприложима бываетъ, какъ теорія о томъ, какъ сдѣлаться богатымъ

и счастливымъ или какъ пріобрѣсти любовь женщинъ. Еще ежели попадетъ такая теорія на человѣка, имѣющаго всѣ шансы нравиться женщинамъ, ежели придется теорія богатства и счастья по человѣку умѣренному, аккуратному, искательному и ловкому, — такъ пожалуй будетъ и на дѣло похоже: у такого человѣка есть залоги на счастье и богатство, приближающіе его къ принципамъ книжной теоріи. А что какъ эта мораль изъ прописей, предлагаемая подъ видомъ «руководства къ счастливой и богатой жизни» и состоящая въ томъ, что «будь бережливъ», «никогда не давай воли страстямъ», «довольствуйся малымъ», «сноси терпѣливо всѣ оскорбленія отъ тѣхъ, отъ кого находишься въ зависимости», и пр., и т. п., — что ежели эта мораль будетъ примѣняема къ натурѣ горячей, расточительной, безпокойной? Вѣдь не стоитъ тогда и изучать теорію счастья, точно такъ, какъ не стоитъ робкому и безобразному старцу заниматься изученіемъ «искусства нравиться женщинамъ», когда тамъ на первомъ планѣ стоятъ развязность, молодость и благообразіе, ежели уже не красота. То же самое и съ критикой: хорошо, если вамъ попадается произведеніе, приближающееся хоть сколько-нибудь къ идеальнымъ требованіямъ, имѣющее какіе-нибудь шансы «быть долговѣчнымъ и счастливымъ», т. е. составить собою что-нибудь самобытное, замѣчательное не по отношенію къ какимъ-нибудь другимъ интересамъ, а по своему внутреннему достоинству. Тогда можно и съ эстетической точки зрѣнія заняться имъ, можно и въ художественныя тонкости пуститься, и всѣ пятнышки въ немъ прослѣдить. Да это сдѣлается тогда само собою, по тому же невольному чувству,

по которому вы хлопочете, чтобы прекрасной картинѣ дано было хорошее освѣщеніе, и невольно дѣлаете движеніе, чтобы согнать сѣвшую на нее муху... Но подымать вѣчные законы искусства, толковать о художественныхъ красотахъ по поводу созданій современныхъ русскихъ повѣствователей,—это (да простятъ мнѣ г. Анненковъ и всѣ его послѣдователи!) такъ же мѣшно, какъ развивать теорію генералъ-баса въ поощреніе танера, не сбивающагося съ такта, или пуститься въ изложеніе математической теоріи вѣроятностей по поводу ошибки ученика, невѣрно рѣшившаго уравненіе первой степени.

Для людей, которые всѣ уткнулись «въ свою литературу», для которыхъ нѣтъ другихъ событій общественной жизни, кромѣ выхода новой книжки журнала, дѣйствительно долженъ казаться громадно-важнымъ ихъ муравейникъ. Зная только отвлеченныя теоріи искусства (имѣвшія впрочемъ когда-то свое жизненное значеніе), да занимаясь сравненіемъ повѣстей г. Тургенева, напримѣръ, съ повѣстями г. Шишкина, или романовъ г. Гончарова съ романами г. Карновича, — точно немудрено придти въ паѳосъ и воскликнуть:

Такой-то муравей былъ силы непомѣрной...

Но повѣрьте, что только праздные люди могутъ толпиться около этого муравья и по цѣлымъ часамъ любоваться, какъ онъ показываетъ свою силу. У большинства людей есть свои занятія, и если имъ любопытно подчасъ видѣть проявленіе силы, то ужъ не такой же.

Я бы хотѣлъ здѣсь поговорить о размѣрахъ силы, проявляющейся въ современной русской бел-

летристикѣ, но это завело бы слишкомъ далеко... Лучше ужъ до другого раза. Предметъ этотъ никогда не уйдетъ. А теперь обращусь собственно къ г. Достоевскому, и главное — къ его послѣднему роману, чтобы спросить читателей: забавно было бы или нѣтъ заниматься эстетическимъ разборомъ такого произведенія?

Романъ г. Достоевскаго очень недуренъ, до того недуренъ, что едва ли не его только и читали съ удовольствіемъ, чуть ли не о немъ только и говорили съ полною похвалою... Явился было ему соперникъ въ «Чужомъ имени» г. Ахшарумова, но со второй же части, говорятъ, обнаружилась въ этомъ романѣ такая неблаговидная пошлость, во вкусѣ романовъ Полевого, что читатели бросили романъ недочитаннымъ. «Бѣдные дворяне» г. Потѣхина тоже, говорятъ, остались далеко позади «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Словомъ сказать, романъ г. Достоевскаго до сихъ поръ представляетъ лучшее литературное явленіе нынѣшняго года. А попробуйте примѣнить къ нему правила строго-художественной критики!

Большая часть нашихъ читателей, конечно, знаетъ содержаніе «Униженныхъ и оскорбленныхъ». Поэтому постараюсь изложить главныя черты романа въ самыхъ короткихъ словахъ.

Разсказъ веденъ отъ лица Ивана Петровича, «неудавшагося литератора». Герой романа — князь Валковскій. Иванъ Петровичъ воспитанъ у помѣщика Ихменева, который вмѣстѣ съ тѣмъ управляетъ и сосѣднимъ имѣніемъ князя Валковскаго. Валковскій очень довѣряетъ Ихменеву и даже посылаетъ къ нему подъ надзоръ въ деревню девятнадцатилѣтняго сына своего Алешу, накутившаго

что-то въ Петербургѣ. Но черезъ годъ князь пріѣхалъ въ имѣніе, поссорился съ Ихменевымъ, — по наговорамъ, будто тотъ интриговалъ, чтобы женить Алешу на своей семнадцатилѣтней дочери, Наташѣ, — отнялъ у него управленіе имѣньемъ, сдѣлалъ на него начетъ и завелъ процессъ. Для «хожденія по дѣлу» Ихменевъ переѣхалъ въ Петербургъ. Вотъ завязка романа.

Въ Петербургѣ, конечно, Ихменевы встрѣтили Ивана Петровича; онъ страстно влюбился въ Наташу, она въ него, они объяснились между собою и съ родителями, получили радостное согласіе и совѣтъ — подождать годикъ, пока Иванъ Петровичъ заработаетъ себѣ что-нибудь побольше теперешняго. Но между тѣмъ Алеша тоже началъ бывать у Ихменевыхъ, тайкомъ отъ отца; старики его принимали ласково, потому что онъ и въ 21 годъ былъ милымъ и незлобнымъ ребенкомъ. Онъ влюбился въ Наташу, а Наташа въ него, — да такъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ бѣжала къ нему изъ дома родительскаго. Иванъ Петровичъ все это зналъ, всему помогалъ, переносилъ вѣсти отъ дочери къ родителямъ, отъ родителей къ дочери, и пр. Но вскорѣ дѣятельность его раздвояется: онъ поселился въ квартирѣ одного старика, умирнаго на его рукахъ; къ старику ходила внучка, дѣвочка лѣтъ 13, Нелли; явилась она и къ Ивану Петровичу, но, не найдя дѣдушки, тотчасъ убѣжала. Иванъ Петровичъ успѣлъ ее выслѣдить, спасъ ее отъ развратной женщины, которая уже продала было ее какому-то кутилѣ, и поселилъ у себя. Съ этихъ поръ Иванъ Петровичъ мечется безпрестанно отъ Нелли къ Наташѣ и отъ Наташи къ Нелли. Между тѣмъ князь Вал-

ковскій, видя, что сынъ не отстаетъ отъ Наташи, выдумалъ остроумное средство: пріѣхалъ къ Наташѣ и при немъ же попросилъ ея согласія на замужество съ его сыномъ. Всѣ были очень рады такому обороту дѣла, но вѣтренный Алеша, въ которомъ только препятствія еще и поддерживали любовь, совсѣмъ теперь успокоился насчетъ Наташи, сталъ пропадать по нѣсколько дней, ѣздить по баламъ и уже безъ всякаго принужденія знакомится и сходится съ невѣстой, которую приготовилъ ему отецъ. Черезъ нѣсколько дней онъ, разумѣется, влюбился въ нее такъ же страстно, какъ и въ Наташу, а еще черезъ нѣсколько дней убѣдился, что онъ ее любитъ болѣе Наташи. Разсчетъ князя-отца оказался вѣренъ; его скоро поняла и Наташа и очень энергически, какъ по-писанному, все высказала князю. Князь обидѣлся и за то черезъ нѣсколько дней весьма цинически и съ приправою разныхъ оскорбленій высказалъ то же самое, то есть признался во всѣхъ своихъ разсчетахъ Ивану Петровичу. Между прочимъ, пріѣхавъ къ нему въ квартиру, князь увидалъ Нелли, и она была имъ страшно испугана и сдѣлалась больна. Иванъ Петровичъ опять въ хлопотахъ: тутъ больная, тамъ идетъ къ развязкѣ, отецъ Алеши хочетъ женить его, невѣста его Катя хочетъ познакомиться съ Наташей, чтобы попросить у нея прощенія и согласія, отецъ Наташи горячится изъ-за дочери и — то ее проклинаетъ, то хочетъ вызывать князя на дуэль, мать рвется къ дочери, сама Наташа еле на ногахъ держится. Наконецъ, все устривается: Алеша уѣзжаетъ въ деревню, вмѣстѣ съ Катей и ея семействомъ, Наташа рѣшается идти къ родителямъ. Чтобы

смягчить отца и приготовить его къ прощенію, употребляютъ орудіемъ маленькую Нелли, заставляя ее разсказать ему свою исторію, или, лучше сказать, исторію ея матери. Дѣло состоитъ въ томъ, что мать Нелли была обольщена однимъ господиномъ, бѣжала отъ отца, была имъ проклята, потомъ ограблена и брошена своимъ любовникомъ и умерла въ сыромъ углу, отъ чахотки и голода, напрасно вымаливая прощенія у отца. Разсказъ, точно, производитъ сильное впечатлѣніе, такъ что Ихменевъ рѣшается идти къ Наташѣ. Но это оказывается рѣшительно ненужно: Наташа сама прибѣжала къ родителямъ и, разумѣется, встрѣчена была съ распростертыми объятіями. Вслѣдъ затѣмъ, при посредствѣ пріятеля Ивана Петровича, ходока Маслобоева, открылось, что Нелли — дочь князя Валковскаго, что обольститель ея матери былъ именно онъ, и что — мало того — онъ былъ женатъ на матери Нелли законнымъ образомъ. Но уликъ законныхъ противъ князя не было, и нельзя было предпринять противъ него никакихъ мѣръ. Алеша, разумѣется, женился на Катѣ. Униженные и осокорбленные такъ и остались неотомщенными. Нелли скоро затѣмъ умерла; а Наташа съ родителями отправилась въ провинцію, гдѣ старикъ Ихменевъ выхлопоталъ себѣ какое-то мѣсто, проигравъ окончательно свой процессъ съ княземъ и лишившись своей послѣдней деревеньки, Ихменевки.

Въ романѣ очень много живыхъ, хорошо отдѣланныхъ частностей, герой романа хоть и мѣтитъ въ мелодраму, но по мѣстамъ выходитъ недуренъ, характеръ маленькой Нелли обрисованъ положительно хорошо, очень живо и натурально

очеркнуть также и характеръ старика Ихменева. Все это даетъ право роману на вниманіе публики, при общей бѣдности хорошихъ повѣстей въ настоящее время. Но все это еще не возвышаетъ его на столько, чтобы примѣнять общія художественныя требованія ко всѣмъ его частностямъ и сдѣлать его предметомъ подробнаго эстетическаго разбора.

Возьмите, напримѣръ, хоть самый пріемъ автора: исторію любви и страданій Наташи съ Алешей разсказываетъ намъ человѣкъ, самъ страстно въ нее влюбленный и рѣшившійся пожертвовать собою для ея счастья. Я признаюсь, — всѣ эти господа, доводящіе свое душевное величіе до того, чтобы зазнамо цѣловаться съ любовникомъ своей невѣсты и быть у него на побѣгушкахъ, мнѣ вовсе не нравятся. Они или вовсе не любили, или любили головою только, и выдумать ихъ въ литературѣ могли только творцы, болѣе знакомые съ головною, нежели съ сердечною любовью. Если же эти романическіе самоотверженцы точно любили, то какія же должны быть у нихъ тряпичныя сердца, какія курячьи чувства! А этихъ людей показывали еще намъ какъ идеалъ чего-то! Первый, сколько помнится, устроилъ подобную комбинацію любовнаго самоотверженія г. Тургеневъ и недавно повторилъ ее въ «Наканунѣ», имѣя впрочемъ на этотъ разъ осторожность дать понять читателю, что Берсеневъ еще самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ къ Еленѣ, когда понадобилось его содѣйствіе Инсарову. Г-нъ Достоевскій тоже не въ первый разъ беретъ такого героя: его ужъ мы видѣли въ мечтателѣ «Бѣлыхъ ночей». Но то была шутка въ сравненіи съ ны-

нѣшнимъ его романомъ. Теперь мы видимъ умнаго, благороднаго и развитого человѣка, который тоже попалъ въ такую комбинацію и собирается намъ разсказать объ этомъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на нравственное достоинство его подвига, но намъ любопытно слѣдить за нимъ въ его разсказѣ. Изъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ въ романѣ — онъ униженъ и оскорбленъ едва ли не болѣе всѣхъ; представить, какъ въ его душѣ отражались эти оскорбленія, что онъ выстрадалъ смотря на погибающую любовь свою, съ какими мыслями и чувствами принимался онъ помогать мальчишкѣ-обольстителю своей невѣсты, какія безконечныя варіаціи любви, ревности, гордости, состраданія, отвращенія, ненависти разыгрывались въ его сердцѣ; что чувствовалъ онъ, когда видѣлъ приближеніе разрыва между своей невѣстой и ея любовникомъ, — представить все это въ живомъ, подлинномъ разсказѣ самого оскорбленнаго человѣка, — это задача смѣлая, требующая огромнаго таланта для ея удовлетворительнаго исполненія. Одной неудачной попыткой на разъясненіе одной частицы такой задачи Эрнестъ Федо сразу пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность и массу поклонниковъ. Что же, если бы мы нашли хорошее, поэтическое рѣшеніе *всей* задачи! Кромѣ того, что у насъ было бы художественное цѣлое, — намъ разъяснился бы цѣлый разрядъ характеровъ, цѣлый рядъ нравственныхъ явленій; мы знали бы, какъ намъ судить объ этихъ кроткосердыхъ герояхъ и какую цѣну приписывать ихъ гуманному обезличенію себя, такъ какъ мы знаемъ теперь напримѣръ, послѣ комедій Островскаго, какъ намъ смотрѣть на патріархальную размашистость русской натуры.

Г-нъ Достоевскій извѣстенъ любовью къ рисованію психологическихъ тонкостей. Мнѣніе о его, кажется, «Двойникѣ», что это «собственно не повѣсть, а психологическое развитіе», подало даже поводъ къ одному очень извѣстному анекдоту. Потому можно было надѣяться, что г. Достоевскій именно попадетъ на ту идею, о которой я говорилъ. Тогда бы, разумѣется, могъ быть толкъ и о художественности исполненія. Но на самомъ дѣлѣ вы въ романѣ не только слабаго изображенія внутренняго состоянія Ивана Петровича не находите, но даже не видите ни малѣйшаго намека на то, чтобы авторъ объ этомъ заботился. Напротивъ, онъ избѣгаетъ всего, гдѣ бы могла раскрыться душа человѣка любящаго, ревнующаго, страдающаго. Пять мѣсяцевъ, въ которые Алеша успѣлъ прельстить Наташу и увлекъ ее за собою, — не удостоены и пяти строчекъ. Первые полгода жизни Алеши съ Наташею пропущены почти безъ всякихъ объясненій. Дѣйствіе романа продолжается какой-нибудь мѣсяцъ, и тутъ Иванъ Петровичъ безпрерывно на побѣгушкахъ, такъ что ему наконецъ раза два дѣлается дурно, и онъ чуть не схватываетъ горячку. Но вотъ и все: что именно у него на душѣ, мы этого не знаемъ, хотя и видимъ, что ему нехорошо. Словомъ, передъ нами не страстно-влюбленный, до самопожертвованія любящій человѣкъ, разсказывающій о заблужденіяхъ и страданіяхъ своей милой, объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ его сердцу, о поруганіи его святыни; передъ нами просто авторъ, неловко взявшій извѣстную форму разсказа, не подумавъ о томъ, какія она на него налагаетъ обязанности. Оттого тонъ разсказа рѣшительно фаль-

нный, сочиненный; и самъ разсказчикъ, который по сущности дѣла долженъ бы быть дѣйствующимъ лицомъ, является намъ чѣмъ-то въ родѣ наперсника старинныхъ трагедій. Къ нему приходитъ отецъ Наташи — сообщить о своихъ намѣреніяхъ, за нимъ присылаетъ ея мать — разспросить о Наташѣ, его зоветъ къ себѣ Наташа, чтобы излить предъ нимъ свое сердце, къ нему обращается Алеша — высказать свою любовь, вѣтренность и раскаянія, съ нимъ знакомится Катя, невѣста Алеши, чтобы поговорить съ нимъ о любви Алеши къ Наташѣ, ему попадается Нелли, чтобы выказать свой характеръ, и Маслобоевъ, чтобы разузнать и разсказать объ отношеніяхъ Нелли къ князю, наконецъ самъ князь везетъ его къ Борелю и даже напивается тамъ, чтобы высказать Ивану Петровичу всю гадость своего характера. А Иванъ Петровичъ все слушаетъ и все записываетъ. Вотъ и все его участіе въ романѣ.

Если уже таково отношеніе къ дѣлу даже того самаго лица, которое беретъся разсказывать намъ о своемъ кровномъ дѣлѣ, то нельзя ожидать, чтобъ онъ сумѣлъ очень глубоко ввести насъ въ сердечную жизнь другихъ дѣйствующихъ лицъ. И точно — романъ представляетъ намъ калейдоскопъ происшествій, которыхъ случайными свидѣтелями можемъ мы сдѣлаться на улицѣ, въ гостиной или на иномъ чердакѣ, и при этомъ представленіи стоитъ нѣкто, изъясняющій, что означаютъ и почему выходятъ такія-то и такія-то вещи. Завязка романа, напримѣръ, основывается на любви Наташи къ Алешѣ. Наташа представлена дѣвушкою умною, серьезною, съ хорошо развитымъ чувствомъ, безъ особенныхъ, и даже безъ всякихъ,

чувственныхъ поползновеній. Алеша — мальчишка уже въ 21 годъ, вѣтреный, циническій, лишенный всякой нравственной основы въ характерѣ до того, что онъ не конфузится никакой своей пакости, а напротивъ, — тотчасъ же самъ о ней разсказываетъ, прибавляя, что знаетъ, какъ это дурно, и вслѣдъ затѣмъ опять повторяетъ ту же пакость. Думая похвалить его невинность, разсказчикъ говоритъ, между прочимъ: «онъ не могъ бы солгать, а если бъ и солгалъ, то вовсе не подозрѣвая въ этомъ дурного». Видите, это былъ наивный, милый ребенокъ, не вѣдающій разницы добра и зла, хотя и достигшій 21 года, воспитанный въ свѣтскомъ обществѣ, испытавшій въ немъ кое-что и при томъ бывшій сынкомъ такого отца, какъ князь Валковскій. Идеализируя характеръ Алеши (какъ и слѣдуетъ по правиламъ рыцарскаго великодушія, говоря о соперникѣ), разсказчикъ замѣчаетъ, что онъ «могъ бы сдѣлать и дурной поступокъ, принужденный чьимъ-нибудь сильнымъ вліяніемъ, но, сознавъ послѣдствія такого поступка, умеръ бы отъ раскаянія». А черезъ двѣ страницы происходитъ сцена встрѣчи Алеши съ убѣжавшей изъ дому Наташей. Иванъ Петровичъ пробуетъ напомнить ему: что, говоритъ, вы дѣлаете, — какой страшный ударъ наносите ея отцу и матери, и пр... Алеша отвѣчаетъ: «Да, это ужасно... Я это и прежде говорилъ... Но что же дѣлать? измѣнить нельзя...» А тутъ еще и измѣнять-то было нечего. И Алеша, вырвавши дочь изъ семейства, не умеръ отъ раскаянія, да и потомъ, бросивъ Наташу и женившись на Катѣ, тоже не умеръ... Словомъ сказать, по описанію, это обаятельный, милый ребенокъ, только очень вѣтрен-

ный, а по ходу дѣла — это рано развращенный, эгоистическій и пустой мальчишка, не имѣющій никакого направленія, никакого убѣжденія, поддающійся на минуту всякому постороннему вліянію, но постоянно вѣрный только влеченіямъ своихъ капризовъ и чувственности, которыхъ онъ не умѣетъ даже стыдиться. Трудно сказать, въ чемъ заключается его обаятельность, чѣмъ онъ могъ подѣйствовать на умную и серьезную дѣвушку, какъ Наташа. Она краснѣетъ за него, когда онъ начинаетъ врать Ивану Петровичу разную чепуху въ тотъ самый моментъ, какъ онъ встрѣтилъ Наташу, чтобы увезти ее къ себѣ; она умоляетъ Ивана Петровича взглядомъ — не судить его строго... Ну, скажите, какое же увлеченіе, какая любовь при такихъ отношеніяхъ?

Но мало ли бываетъ аномалій, а г. Достоевскій имѣетъ, такъ сказать, привилегію на ихъ изображеніе. Отъ г. Голядкина до Ѳомы Ѳомича въ «Селѣ Степанчиковѣ», онъ изобразилъ на своемъ вѣку много болѣзненныхъ, ненормальныхъ явленій. Могъ взяться и за изображеніе исключительной, ненатуральной любви Наташи къ дрянѣйшему фату, который, по всѣмъ ожиданіямъ здраваго смысла не могъ не казаться ей противнымъ. Положимъ даже, что самая ненормальность-то, странность подобныхъ отношеній и поразила художника, и заставила его заняться ихъ воспроизведеніемъ. Но вѣдь мы знаемъ, что художникъ — не пластинка для фотографіи, отражающая только настоящій моментъ: тогда бы въ художественныхъ произведеніяхъ и жизни не было, и смысла не было. Художникъ дополняетъ отрывочность схваченнаго момента своимъ творческимъ чувствомъ, об-

обнаетъ въ душѣ своей частныя явленія, создаетъ одно стройное цѣлое изъ разрозненныхъ черть, находитъ живую связь и послѣдовательность въ безсвязныхъ повидимому явленіяхъ, сливаетъ и переработываетъ въ общности своего міросозерцанія разнообразныя и противорѣчивыя стороны живой дѣйствительности. Оттого истинный художникъ, соверпая свое созданіе, имѣетъ его въ душѣ своей цѣлымъ и полнымъ, съ началомъ и концомъ его, съ его сокровенными пружинами и тайными послѣдствіями, непонятными часто для логическаго мышленія, но открывшимися вдохновенному взору художника. Такими именно истинный художникъ представляетъ свои созданія и для другихъ; они для всѣхъ дѣлаются просты, понятны, законны. Вещи самыя чуждыя для насъ въ нашей привычной жизни кажутся намъ близкими въ созданіи художника: намъ знакомы какъ будто родственныя и мучительныя исканія Фауста, и сумасшествіе Лира, и ожесточеніе Чайльдъ Гарольда; читая ихъ, мы до того подчиняемся творческой силѣ генія, что находимъ въ себѣ силы, даже изъ-подъ всей грязи и пошлости, обсыпавшей насъ, просунуть голову на свѣтъ и свѣжій воздухъ и сознать, что дѣйствительно — созданіе поэта вѣрно человѣческой природѣ, что такъ должно быть, что иначе и быть не можетъ... Разумѣется, не всѣ геніи, и не отъ всѣхъ можно ожидать подобнаго эффекта, но все же до извѣстной степени онъ есть и въ каждомъ художественномъ произведеніи, и при томъ поэты съ меньшимъ талантомъ обыкновенно являются публикѣ съ созданіями, въ которыхъ и идеи отразились сравнительно меньшей важности и обширности; но все же хоть что-нибудь, хоть въ самыхъ ма-

ленькихъ размѣрахъ, но отразилось что-нибудь полно и самобытно: иначе нечего искать въ произведеніи и признаковъ художественнаго таланта.

Такъ пусть бы въ романѣ г. Достоевскаго отразилась въ своей полнотѣ хоть этакая маленькая, миніатюрная задача жизни [1]: какъ можетъ страдная козявка, подобная Алешѣ, внушить къ себѣ любовь порядочной дѣвушки. Разъясни намъ авторъ хоть это, — мы бы готовы были прослѣдить его шагъ за шагомъ и вступить съ нимъ въ какія угодно художественныя и психологическія разсужденія. Но вѣдь и этого нѣтъ: пять мѣсяцевъ, въ которые возникла и дошла до своего страннаго пароксизма любовная горячка Наташи, не удостоены ни одной страничкой. Сердце героини отъ насъ скрыто, и авторъ повидимому смыслитъ въ его тайнахъ не больше нашего. Мы съ довѣріемъ обращаемся къ нему и спрашиваемъ: какъ же это могло случиться? А онъ отвѣчаетъ: вотъ поди же, — случилось да и только. — Да пожалуй прибавитъ къ этому: чрезвычайно странный случай . . . а впрочемъ это бываетъ. — Не угодно ли искать художественнаго смысла въ подобномъ произведеніи?

А потомъ, когда Наташа уже совершила свой странный шагъ, нелѣпость котораго она понимала еще раньше, потомъ — какъ она жила съ Аленой? Какой процессъ совершился въ душѣ ея съ первыхъ дней этой новой жизни до того дня, когда мы въ

[1] Не говорю, чтобъ художникъ задавалъ себѣ задачу, а чтобъ у него отразилась, разрѣшилась она сама собою хоть бы невѣдомо для него; а то опять скажутъ, что я навязываю художнику утилитарныя темы.

первый разъ опять видимъ ее въ разговорѣ съ Иваномъ Петровичемъ, и когда она высказываетъ рѣшеніе, что съ Алешой должна разстаться? Обо всемъ этомъ мы имѣемъ нѣсколько незначительныхъ словъ, вброшенныхъ мимоходомъ въ описаніе квартирной обстановки Наташи и ровно ничего не объясняющихъ... Какъ видно, не это интересовало автора, не тутъ было для него главное дѣло. Въ чемъ же? Разобрать трудно уже и потому, что дѣйствіе романа страннымъ и ненужнымъ образомъ двоится между исторіей Наташи и исторіею маленькой Нелли, чѣмъ рѣшительно нарушается стройность впечатлѣнія. Но какъ объ эти исторіи вертятся около князя Валковскаго, то можно полагать, что основу романа, зерно его, составляетъ именно воспроизведеніе характера этого князя. Но, всматриваясь въ изображеніе этого характера, вы найдете съ любовью обрисованное сплошное безобразіе, собраніе злодѣйскихъ и циническихъ чертъ, но вы не найдете тутъ человѣческаго лица... Того примиряющаго, разрѣшающаго начала, которое такъ могуче дѣйствуетъ въ искусствѣ, ставя передъ вами полнаго человѣка и заставляя проглядывать его человѣческую природу сквозь всѣ наплывныя мерзости, — этого начала нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ изображеніи личности князя. Оттого-то вы не можете ни почувствовать сожалѣнія къ этой личности, ни возненавидѣть ее той высшей ненавистью, которая направляется уже не противъ личности собственно, но противъ типа, противъ извѣстнаго разряда явленій. И вѣдь хоть бы неудачно, хоть бы какъ-нибудь попробовалъ авторъ заглянуть въ душу своего главнаго героя... Нѣтъ, ничего, ни попытки, ни намека... Какъ и что сдѣ-

лало князя такимъ, какъ онъ есть? Что его занимаетъ и волнуетъ серьезно? Чего онъ боится и чему, наконецъ, вѣритъ? А если ничему не вѣрить, если у него душа совсѣмъ вынута, то какимъ образомъ и при какихъ посредствахъ произошелъ этотъ любопытный процессъ? Мы вправѣ требовать отъ автора объясненій на подобныя вещи, даже не предъявляя на него особенно громадныхъ претензій. Не говоря о гигантахъ поэзіи, мы имѣемъ даже у себя произведенія, удовлетворяющія этимъ скромнымъ требованіямъ: мы знаемъ, напримѣръ, какъ Чичиковъ и Плюшкинъ дошли до своего настоящаго характера, даже знаемъ отчасти, какъ облѣнился Илья Ильичъ Обломовъ... Но г. Достоевскій этимъ требованіемъ пренебрегъ совершенно. Какъ же послѣ этого разбирать характеръ князя съ эстетической точки зрѣнія.

Да и вообще надо быть слишкомъ наивнымъ и несвѣдущимъ, чтобы серьезно и пространно, съ доказательствами, выписками и примѣрами, разбирать эстетическое значеніе романа, который даже въ изложеніи своемъ обнаруживаетъ отсутствіе претензій на художественное значеніе. Во всемъ романѣ дѣйствующія лица говорятъ какъ авторъ; они употребляютъ его любимыя слова, его обороты; у нихъ такой же складъ фразы... Исключенія чрезвычайно рѣдки. Начиная съ того, что всѣ лица называютъ другъ друга непремѣнно *голубчиками* (исключая, можетъ быть, князя), и оканчивая тѣмъ, что они всѣ любятъ вертѣться на одномъ и томъ же словѣ, и тянуть фразу какъ самъ авторъ, — во всемъ виденъ самъ сочинитель, а не лицо, которое говорило бы отъ себя. Можно бы обо всемъ

этомъ долго толковать, если бъ мнѣ не было скучно убѣждать читателей въ томъ, что для меня въ сущности вовсе не интересно; можно бы сгруппировать нѣсколько выписокъ, которыя всѣ вмѣстѣ представили бы нѣчто довольно комическое. Но отъ всего этого я хочу уволить себя. Приведу, пожалуй, одну только выписку, зато длинную, — это когда Наташа, поняв намѣренія князя, объясняетъ ему, что значило его сватовство. Сначала Наташа исторически излагаетъ предшествованія обстоятельства до того вечера, когда Алеша объявилъ Катѣ, невѣстѣ своей, что любитъ Наташу. Затѣмъ она продолжаетъ:

Вы спросили себя въ тотъ вечеръ: „Что теперь дѣлать? Алеша во всемъ *подчинится*, но въ этомъ ужъ ни за что *не подчинится*; вполнѣ испытано. Мало того, чѣмъ больше его гнать, мучить, тѣмъ больше въ немъ будетъ *сопротивленія*; потому что онъ именно таковъ, какъ всѣ слабые, но честные люди; не гоните ихъ, не *преслѣдуйте*, они не подумаютъ *сопротивляться*; а *преслѣдуйте*, то вы сами же разожжете въ нихъ *сопротивленіе*, которое безъ нашего *преслѣдованія* имъ бы и въ голову можетъ быть не пришло. Соблазномъ тоже, оказалось теперь, нельзя взять: прежнее вліяніе еще слишкомъ *сильно*, и вы только въ этотъ вечеръ вполнѣ догадались, какъ оно *сильно*. Что жъ дѣлать?“ Вы и придумали: Что, если прекратить надъ нимъ всякое преслѣдованіе? Что, если *снять съ него то*, чѣмъ тяготится теперь его сердце; *снять то*, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, *обязанностью*? Вѣдь можетъ быть тогда въ немъ пройдетъ и жаръ и все влеченіе къ этимъ *обязанностямъ*. Вотъ, напримѣръ, онъ любитъ теперь эту Наташу; чего жъ лучше: сказать ему прямо, что не только онъ можетъ теперь ее любить, но даже *позволяется* ему исполнить въ отношеніи къ ней всѣ свои *обязанности*, все, чѣмъ онъ страдаетъ за эту Наташу, и не только *позволить*, но даже какъ-нибудь обратить это *позволеніе* чуть не въ приказъ, сказать ему, что онъ *долженъ* на ней жениться,

чаще твердить ему, что это его *обязанность*, — однимъ словомъ все, что онъ говорилъ самъ себѣ каждый день свободно, отъ сердца, все это обратить теперь даже въ принужденіе. Ну, что тогда будетъ?

— Наталья Николаевна! — вскричалъ князь: все это одно разстройство вашего воображенія, ваша мнительность; вы внѣ себя, вы преувеличиваете. — И князь съ видомъ сожалѣнія пожалъ плечами.

— Вотъ что тогда будетъ, — продолжала Наташа, какъ будто не обращая ни малѣйшаго вниманія на слова князя. — Во-первыхъ, думали вы, я окончательно привлеку къ себѣ его сердце, и онъ устыдится всякой недовѣрчивости ко мнѣ; а это мнѣ очень пригодится теперь! Первое впечатлѣніе будетъ, положимъ, невыгодно; онъ *обрадуется*. Онъ хоть и увлекается *новой любовью*, но онъ вѣдь самъ еще не знаетъ про эту *новую любовь;* онъ до сихъ поръ еще думаетъ и увѣренъ, что попрежнему, какъ полгода назадъ, съ тѣмъ же жаромъ, съ тою же страстью любитъ свою Наташу. Онъ хоть и привязался къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ, но думаетъ, что это только такъ; ему хорошо, весело съ нею, — извѣстно почему; да онъ и не спрашиваетъ объ этомъ! И хоть сердце каждый день влечетъ его все сильнѣе и сильнѣе къ *новой любви* но онъ совершенно увѣренъ, что тамъ, *въ прежней любви*, у Наташи все по старому и никакихъ нѣтъ перемѣнъ. Онъ потому еще *обрадуется,* что, дѣйствительно, до сихъ поръ еще любитъ эту Наташу; вѣдь она другъ его, онъ такъ привыкъ къ ней; онъ даже объ своей *Катѣ* (съ которой онъ теперь на *ты*) ѣдетъ къ ней, къ первой, разсказывать; онъ столько разъ видѣлъ ея *страданія* и столько самъ *страдалъ* отъ ея страданій!.. И потому онъ *обрадуется*, положимъ такъ, да и пусть его; оно даже и хорошо: *радость* обновляетъ, черезъ *радость* старое забывается; одно горе памятно; все это только на минуту; за то будущее выиграно... За то онъ, первый разъ, во всѣ эти полгода, ляжетъ спать спокойно, съ облегченнымъ сердцемъ: оно уже не будетъ болѣть за Наташу. Онъ не будетъ просыпаться во снѣ и съ тоскою думать: „какъ-то она? что-то она? чѣмъ это кончится? чѣмъ устроится?“ Теперь все хорошо, и на другой же день онъ почувствуетъ совсѣмъ *невольно, безъ всякаго разсчета,* что, слава Богу, онъ уже не должникъ;

теперь все устроилось, и она уже все получила, что онъ даже больше ей отдалъ, чѣмъ сама она думала; онъ отдастъ ей всю свою будущность, и должна же она оцѣнить это, тогда какъ, до сихъ поръ, онъ долженъ былъ цѣнить все, чѣмъ жертвовала ему Наташа. Вотъ и легче и душѣ и дышется свободнѣе, и такъ *невольно это все подумается*, такъ *безъ разсчету*, съ такимъ добрымъ, теплымъ чувствомъ! А вы смотрите, да про себя думаете: „это все хорошо: нѣсколько дней пройдетъ, и съ нимъ случится то же самое, что бываетъ со всѣми влюбленными скоро послѣ свадьбы: препятствій нѣтъ, все достигнуто, и любовь сама собою охладѣваетъ; тамъ наступаетъ скука; тамъ захочется новаго; жизнь не любитъ покоя; сердцу хочется жить..." А тутъ какъ нарочно *новая любовь* еще прежде началась; она ужъ есть и изобрѣтать ее не надобно...

— Романы, романы, — произнесъ князь вполголоса, какъ будто про себя: — уединеніе, мечтательность и чтеніе романовъ!

— Да, на этой-то *новой любви* вы все и основали, — продолжала Наташа, не слыхавъ и не обративъ вниманія на слова князя, вся въ лихорадочномъ жару и все болѣе и болѣе увлекаясь: — и какіе шансы для этой *новой любви!* Вѣдь она началась еще тогда, когда онъ еще не узналъ всѣхъ совершенствъ *этой дѣвушки!* Въ ту самую минуту, когда онъ, въ тотъ вечеръ, открывается *этой дѣвушкѣ*, что не можетъ ее любить, потому что долгъ и другая любовь запрещаютъ ему это, — *эта дѣвушка*, вдругъ, выказываетъ передъ нимъ столько благородства, столько сочувствія къ нему и къ своей соперницѣ, столько сердечнаго прощенія, что онъ, хоть и вѣрилъ въ ея *красоту*, но и не думалъ до этого мгновенія, чтобъ она была такъ *прекрасна!* Онъ ко мнѣ тогда пріѣхалъ, — только и говорилъ что о ней; она слишкомъ сильно поразила его. Да, онъ завтра же непремѣнно долженъ былъ почувствовать неотразимую потребность увидѣть опять *это прекрасное существо*, хоть изъ одной только благодарности. Да и почему жъ къ ней не ѣхать? Вѣдь та, *прежняя*, уже не страдаетъ, судьба ея рѣшена, вѣдь той цѣлый вѣкъ отдается, а тутъ одна какая-нибудь минутка... И что за неблагодарная была бы эта Наташа, если бъ она ревновала даже къ этой минуткѣ? И вотъ незамѣтно отнимается у

этой Наташи, вмѣсто минуты, день, другой, третій... А между тѣмъ въ это время *дѣвушка* высказывается передъ нимъ, въ совершенно неожиданномъ, новомъ и своеобразномъ видѣ; она такая благородная энтузіастка и въ то же время она такой наивный ребенокъ, и въ этомъ такъ сходна съ нимъ характеромъ. Они клянутся другъ другу въ дружбѣ, въ братствѣ, неразлучности на всю жизнь. Правда, они съ любовью говорятъ между собой и о Наташѣ, но они хотятъ жить втроемъ, всегда. *„Въ какіе-нибудь пять-шесть часовъ разговора“* вся душа ея открывается для новыхъ ощущеній и сердце его отдается все . Тутъ еще новыя идеи, и причина ихъ опять *Катя.* Онъ еще, можетъ быть, не сейчасъ начнетъ сравнивать, думаете вы, но это неминуемо. Придетъ это время; онъ сравнитъ свою *прежнюю любовь* съ своими новыми, свѣжими ощущеніями: тамъ все знакомое, всегдашнее; тамъ такъ серьезны, требовательны; тамъ его ревнуютъ, бранятъ; тамъ слезы... А если начинаютъ съ нимъ шалить, играть, то какъ будто не съ ровней, а съ ребенкомъ... а главное: все такое *прежнее,* извѣстное...

Силлогизмы Наташи поразительно вѣрны, какъ будто она имъ въ семинаріи обучалась. Психологическая проницательность ея удивительна, постройка рѣчи сдѣлала бы честь любому оратору, даже изъ древнихъ. Но согласитесь, вѣдь очень примѣтно, что Наташа говоритъ слогомъ г. Достоевскаго? И слогъ этотъ усвоенъ большею частью дѣйствующихъ лицъ.

Надо еще замѣтить, что г. Достоевскій (какъ весьма многіе, впрочемъ, изъ нашихъ литераторовъ) любитъ возвращаться къ однимъ и тѣмъ же лицамъ по нѣсколько разъ и пробовать съ разныхъ сторонъ тѣ же характеры и положенія. У него есть нѣсколько любимыхъ типовъ, напримѣръ типъ рано развившагося, болѣзненнаго, самолюбиваго ребенка, — и вотъ онъ возвращается къ нему и въ Неточкѣ, и въ Маленькомъ героѣ, и теперь въ

Нелли... Характеръ Нелли — тотъ же, что характеръ Кати въ Неточкѣ, только обстановка ихъ различна. Есть типъ человѣка, отъ болѣзненнаго развитія самолюбія и подозрительности доходящаго до чрезвычайныхъ уродствъ и даже до помѣшательства, и онъ даетъ намъ г. Голядкина, музыканта Ефимова (въ «Неточкѣ»), Ѳому Ѳомича (въ «Селѣ Степанчиковѣ»). Есть типъ циника, бездушнаго человѣка, лишь съ энергіей эгоизма и чувственности, — онъ его намѣчаетъ въ Быковѣ (въ «Бѣдныхъ людяхъ»), неудачно принимается за него въ «Хозяйкѣ», не оканчиваетъ въ Петрѣ Александровичѣ (въ «Неточкѣ»), и наконецъ теперь раскрываетъ вполнѣ въ князѣ Валковскомъ (котораго, кстати, даже и зовутъ тоже Петромъ Александровичемъ). Къ этому есть еще у г. Достоевскаго идеалъ какой-то дѣвушки, который ему никакъ не удается представить: Варенька Доброселова въ «Бѣдныхъ людяхъ», Настенька въ «Селѣ Степанчиковѣ», Наташа въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» — все это очень умныя и добрыя дѣвицы, очень похожія на автора по своимъ понятіямъ и по манерѣ говорить, но въ сущности очень безцвѣтныя. Авторъ умѣетъ помѣстить ихъ въ очень интересную обстановку, но это и все, что для нихъ онъ дѣлаетъ. Надо признаться, что даже Варенька Доброселова интересуетъ насъ болѣе своими несчастьями и тѣми разсказами, которые г. Достоевскій сочинилъ за нее, нежели сама по себѣ, просто какъ поэтическое созданіе.

Эта бѣдность и неопредѣленность образовъ, эта необходимость повторять самого себя, это неумѣніе обработать каждый характеръ даже настолько, чтобъ хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ

внѣшняго выраженія,—все это, обнаруживая съ одной стороны недостатокъ разнообразія въ запасѣ наблюденій автора, съ другой стороны прямо говоритъ противъ художественной полноты и цѣльности его созданій... И думаете ли вы, любители эстетики, что можно было бы помочь г. Достоевскому или оказать услугу искусству, сдѣлавши доскональный — détaillé et raisonné — разборъ художественныхъ несовершенствъ и достоинствъ этого романиста? И неужели полагаете вы, что покамѣстъ литература имѣетъ хоть малѣйшую возможность хоть издалека прислушиваться къ общественнымъ интересамъ и хоть неяснымъ, кроткимъ лепетомъ выразить свое къ нимъ участіе, — неужели думаете вы возбудить въ комъ-нибудь интересъ даже самыми блестящими эстетическими этюдами по поводу . . . ну, да просто такъ, à propos de bottes, изъ-за появленія новой драмы г. Потѣхина, новаго отрывка г. Гончарова, новаго романа г. Достоевскаго? . . Развѣ дождемся такого времени, когда литература опять разорветъ уже рѣшительно всякую (и теперь, правда, слишкомъ слабую) связь съ обществомъ и ограничена будетъ одними только собственными, домашними интересами, когда литераторы принуждены будутъ писать только о литераторахъ и только для литераторовъ, — тогда вѣроятно съ успѣхомъ будутъ повторяться и явленія въ родѣ Мерзляковскаго разбора Россіады, или въ родѣ прекрасной статьи г. Боткина о Фетѣ. Но пока литература (то есть собственно изящная), не достигая дѣйствительно художественнаго значенія, имѣетъ по крайней мѣрѣ практическій смыслъ, дозвольте же придать нѣсколько практическій характеръ и самой критикѣ.

Г-нъ Достоевскій, вѣроятно, не будетъ на меня сѣтовать, что я объявляю его романъ, такъ сказать, «ниже эстетической критики». Я вѣдь имѣлъ въ виду вообще современную нашу литературу, и если провѣрилъ свою мысль нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями о его романѣ, такъ это потому, что онъ мнѣ попался подъ-руку. А если бы взять другія изъ твореній, имѣвшихъ у насъ успѣхъ въ послѣдніе годы, такъ многія изъ нихъ оказались бы, можетъ быть, еще болѣе несостоятельными. Г-нъ Достоевскій по крайней мѣрѣ, — какъ намъ кажется, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій, — не имѣетъ такихъ претензій, не придаетъ себѣ такой важности, какъ другіе. Онъ изобразилъ нѣкоторыя свои литературныя отношенія въ запискахъ Ивана Петровича: я не считаю нескромнымъ сказать это, потому что самъ авторъ явно не хотѣлъ скрываться. Онъ съ такими подробностями разсказываетъ тамъ содержаніе «Бѣдныхъ людей», какъ первой повѣсти Ивана Петровича, — что нѣтъ возможности ошибиться. Такъ тутъ-то онъ, между прочимъ, сознается, что писалъ многое вслѣдствіе необходимости, писалъ къ сроку, написывалъ по три съ половиною печатныхъ листа въ два дня и двѣ ночи; называетъ себя почтовою клячею въ литературѣ; смѣется надъ критикомъ, увѣрявшимъ, что отъ его сочиненій пахнетъ по́томъ, и что онъ ихъ слишкомъ обдѣлываетъ [1]. Словомъ, г. Достоевскій смотритъ, повидимому, на свои произведенія, какъ мы всѣ, обыкновенные люди, — не какъ на несокрушимый памятникъ для потомства,

[1] Такой именно отзывъ былъ когда-то о г. Достоевскомъ, и даже, если не ошибаюсь, въ „Современникѣ".

а просто — какъ на журнальную работу. А ужъ извѣстно, что такое журнальная работа: тутъ не до обработки, не до подробностей, не до строгости къ себѣ въ развитіи мысли... Довольно того, что хоть кое-какъ успѣешь бросить эту мысль на бумагу. Можно это сравнить вотъ съ чѣмъ: вы поэтъ, въ васъ сейчасъ родилось чувство, васъ поразило впечатлѣніе, которое вы можете изобразить великолѣпными стихами. У васъ уже мелькаютъ въ головѣ образы, готово нѣсколько стиховъ, нѣсколько мѣткихъ выраженій... Но вамъ мѣшаютъ, отъ васъ требуютъ немедленнаго отчета въ вашемъ впечатлѣніи, у васъ, наконецъ, вовсе отнимаютъ возможность предаться влеченію вашего чувства и пріискать для него живые звуки. Дѣлать нечего, вы берете карандашъ и записную книжку и набрасываете шероховатой прозой остовъ того прекраснаго стихотворенія, которое уже слагалось у васъ въ головѣ. Такъ поступаетъ постоянно, въ теченіе всей своей карьеры, журнальный работникъ. Человѣкъ, конечно, все-таки виденъ, — вѣдь и въ остовѣ стихотворенія можно разобрать до нѣкоторой степени, какого полета поэтъ могъ написать его; уцѣлѣютъ пожалуй и нѣсколько удачныхъ страницъ, какъ внезапно сложившійся стихъ попадаетъ въ черновой набросокъ. Но въ общемъ все это будетъ очень жалко. Одно лишь остается неизмѣннымъ, при спѣшной ли работѣ, при многодумной ли провѣркѣ каждой страницы, — это общій характеръ убѣжденій человѣка, его воззрѣній на жизнь, его симпатій и антипатій. Отъ торопливости въ работѣ можно дѣлать частныя ошибки, высказываться неясно или односторонне, впадать въ мелкія противорѣчія и дѣлать скачки, теряя

нить строгихъ логическихъ выводовъ. Но если бы кто противорѣчіе общихъ убѣжденій и симпатій въ своихъ сочиненіяхъ сталъ оправдывать спѣшностью работы, тотъ показалъ бы только, что онъ не способенъ ни къ какимъ убѣжденіямъ.

И вотъ почему, если мы обратимся отъ отвлеченныхъ эстетическихъ разсужденій къ идеямъ и положеніямъ, развиваемымъ у извѣстнаго автора, то найдемъ самое лучшее средство къ уразумѣнію сущности его таланта. Тутъ уже мѣрка нашихъ требованій измѣняется: авторъ можетъ ничего не дать искусству, не сдѣлать шага въ исторіи литературы собственно, и все-таки быть замѣчательнымъ для насъ по господствующему направленію и смыслу своихъ произведеній. Пусть онъ и не удовлетворяетъ художественнымъ требованіямъ, пусть онъ иной разъ и промахнется, и выразится нехорошо: мы ужъ на это не обращаемъ вниманія, мы все-таки готовы толковать о немъ много и долго, если только для общества важенъ почему-нибудь смыслъ его произведеній. Есть, конечно, писатели, у которыхъ ни для чего нѣтъ *своего глаза,* которые ни о чемъ не могутъ сказать *своихъ словъ;* произведенія такихъ господъ — сплошная, гладкая, большею частью удобочитаемая пошлость, въ родѣ обыкновенныхъ газетныхъ фельетоновъ, повѣстей г. Толбина или князя Кугушева, или стихотвореній г. Грекова, Апухтина и т. п. Говорить о нихъ, точно, нечего. Есть другіе, у которыхъ отразится въ головѣ какая-нибудь мизерная, давно ходячая, односторонняя или фальшивая идейка, и они надъ нею трудятся: объ этихъ можно иной разъ и поговорить, смотря по удачѣ исполненія. Вотъ г. Колбасинъ, напримѣръ, овладѣлъ идеею,

что «всѣ мужчины измѣнщики и истинной любви не понимаютъ»: онъ и написалъ на эту тему съ полдюжны повѣстей изъ быта всѣхъ европейскихъ націй. Если кому кажется, что г. Колбасинъ повѣствуетъ превосходно, тотъ можетъ, пожалуй, говорить и о г. Колбасинѣ, — какъ, молъ, онъ хорошо проводитъ свою идею! У другихъ писателей встрѣчаются идеи не столько пошлыя и маленькія, но зато болѣе фальшивыя. Вотъ, напримѣръ, по міросозерцанію г. Писемскаго выходитъ, что русскій человѣкъ ни въ чемъ мѣры не знаетъ, — что ежели онъ не умираетъ съ голоду, то пьянствуетъ; если не подъ башмакомъ у жены, то колотитъ ее; если не видитъ себѣ ниоткуда ни пинка, ни плети, то бросается на всѣхъ, какъ звѣрь дикій; если взятокъ не беретъ, то норовитъ всякаго въ кандалы заковать за взятый гривенникъ. Ну, и объ этомъ нужно поговорить, опять-таки если кому покажется, что въ сочиненіяхъ г. Писемскаго идеи эти выходятъ ужъ очень убѣдительны.

Но есть другого рода писатели, интересные совсѣмъ другимъ образомъ. Это тѣ, у которыхъ художественное чутье, хотя бы даже и слабое, направлено здраво, въ которыхъ не только вѣрно отражаются явленія жизни, но которымъ доступенъ, болѣе или менѣе, и общій, таинственный смыслъ ея. Такіе писатели становятся замѣчательными художниками, если ихъ воспріимчивость многообъемлюща, если жизнь открывается имъ не въ отдѣльныхъ только явленіяхъ, а во всемъ своемъ стройномъ теченіи, если чутки они не къ одной только внѣшней сторонѣ явленій, но и къ ихъ внутренней связи и послѣдовательности. Тогда они создаютъ что-нибудь прочно остающееся въ ли-

тературѣ и служатъ двигателями общественнаго сознанія. Но и люди съ болѣе ограниченною воспріимчивостью, съ болѣе слабымъ, только бы вѣрнымъ, чутьемъ, не проходятъ безъ слѣда и заслуживаютъ вниманія, если хоть одну черту разъяснили, или даже только указали намъ въ этой жизни, которая у всѣхъ насъ предъ глазами, всѣхъ задѣваетъ собою и однакоже такъ немногихъ наводитъ на серьезную думу, такъ немногими понимается.

II.

Въ произведеніяхъ г. Достоевскаго мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаетъ себя не въ силахъ, или наконецъ даже не въ правѣ быть человѣкомъ, настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, и относиться къ другимъ какъ человѣкъ къ человѣку, — вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо всякихъ условныхъ и парціальныхъ воззрѣній, повидимому даже помимо его собственной воли и сознанія, какъ-то à priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры. И между тѣмъ, вступая въ жизнь и оглядываясь вокругъ себя, онъ видитъ, что исканія человѣка сохранить свою личность, остаться самимъ собою, никогда не удаются, и кто изъ ищущихъ не успѣетъ рано умереть въ чахоткѣ или другой изнурительной болѣзни, тотъ въ результатѣ доходитъ только — или до ожесточенія, нелюдимства, сумасшествія, или до простого, тихаго отупѣнія, заглушенія въ себѣ человѣческой приро-

ды, до искренняго признанія себя чѣмъ-то гораздо ниже человѣка. Есть много такихъ, которые даже какъ будто родятся съ этимъ послѣднимъ сознаніемъ, которыхъ мысль о своемъ человѣческомъ значеніе какъ будто никогда сроду не посѣщала. Это — точно существа другого міра, точно въ нихъ ничего нѣтъ общаго съ остальнымъ человѣчествомъ... Что за причина такого перерожденія, такой аномаліи въ человѣческихъ отношеніяхъ? Какъ это происходитъ? какими существенными чертами отличаются подобныя явленія? къ какимъ результатамъ ведутъ они? Вотъ вопросы, на которые естественнымъ и необходимымъ образомъ наводятъ читателя произведенія г. Достоевскаго. Правда, разрѣшенія всѣхъ предложенныхъ вопросовъ у него нѣтъ; но если бы онъ ихъ рѣшилъ, то конечно и не сталъ бы писать о нихъ повѣсти. Литературное произведеніе искреннее, а не заказное, только тогда и возможно, когда первая основа и крайнее рѣшеніе взятаго факта составляетъ еще вопросъ, разгадка котораго занимаетъ самого автора. Но у сильныхъ талантовъ самый актъ творчества такъ проникается всею глубиною жизненной правды, что иногда изъ простой постановки фактовъ и отношеній, сдѣланной художникомъ, рѣшеніе ихъ вытекаетъ само собою. У г. Достоевскаго недостало на это силы дарованія, его разсказамъ нужны дополненія и комментаріи. Но тѣмъ не менѣе вопросъ у него поставленъ, и никто изъ читателей не можетъ самъ избавиться отъ этого вопроса послѣ прочтенія его повѣстей. Самъ тонъ каждой повѣсти, мрачный, унылый, болѣзненный, — такъ и вышибаетъ изъ сердца раздражительный вопросъ, такъ и подымаетъ въ васъ

какую-то нервную боль... Подобное впечатлѣніе очень не нравилось многимъ; одинъ критикъ прямо обвинялъ г. Достоевскаго именно за мрачный колоритъ его повѣстей: критику неизвѣстно почему казалось, что русской литературѣ нужны разсказы веселенькіе, граціозные, розовые. Желаніе его исполнилось скоро: послѣ отзыва его о г. Достоевскомъ (въ началѣ 1849 г.) дѣйствительно русская литература вдалась въ разсказы великосвѣтской жизни, изъ нравовъ древней Аркадіи, перенесенной въ Костромскую губернію, изъ сферы супружескихъ непріятностей во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, изъ круга образованныхъ молодыхъ людей, очень много и неопредѣленно разсуждавшихъ о возвышенныхъ предметахъ... Много авторитетныхъ именъ (теперь — увы! — теряющихъ свое обаяніе!) создалось въ этотъ недолгій промежутокъ, до тѣхъ поръ, пока опять не завладѣлъ общимъ вниманіемъ новый родъ литературы — обличительный. Прошелъ и этотъ родъ — еще скорѣе, чѣмъ родъ щигровскихъ гамлетовъ, пошехонскихъ пастушекъ и подмосковныхъ графинь, — и прошелъ не потому, чтобы представители его бѣдны были талантами, а потому, что съ самаго начала пошли они по ложной дорогѣ. У однихъ по необходимости, вслѣдствіе внѣшнихъ требованій, а у другихъ и наивно, простосердечно, — міросозерцаніе явилось чрезвычайно узкимъ и одностороннимъ: въ чиновникѣ такъ и видѣли только чиновника, въ бѣдѣ, происшедшей отъ взяточничества городничаго, такъ и видѣли только слѣдствіе его взяточничества, всякаго становаго изображали, какъ конечную цѣль и крайнюю исходную точку существующихъ порядковъ. «Быть

или не быть благоденствію въ Россіи» — это зависѣло отъ того, будетъ или не будетъ служить становымъ честный чиновникъ Фроловъ: на этой мысли была у насъ построена цѣлая комедія, не безъ успѣха игравшаяся на Александринскомъ театрѣ. Никто, кажется, исключая г. Щедрина, не вздумалъ заглянуть въ душу этихъ чиновниковъ — злодѣевъ и взяточниковъ, да посмотрѣть на тѣ отношенія, въ какихъ проходитъ ихъ жизнь. Никто не приступилъ къ разсказу объ ихъ подвигахъ съ простою мыслью: «Бѣдный человѣкъ! Зачѣмъ же ты крадешь и грабишь? Вѣдь не родился же ты воромъ и грабителемъ, вѣдь не изъ особаго же племени вышло въ самомъ дѣлѣ это такъ называемое *крапивное сѣмя?*» Только у г. Щедрина и находимъ мы по мѣстамъ подобные запросы, и зато онъ до сихъ поръ остается не только выше всѣхъ своихъ сверстниковъ по обличительной литературѣ, но и вообще выше многихъ изъ литераторовъ нашихъ, увлекавшихъ нашу публику разсказами съ претензіею на широкое пониманіе жизни. Но нельзя не видѣть, что и у г. Щедрина «обличеніе» перетягиваетъ. Ни въ одномъ изъ «Губернскихъ очерковъ» его не нашли мы въ такой степени живого, до боли сердечной прочувствованнаго отношенія къ бѣдному человѣчеству, какъ въ его «Запутанномъ дѣлѣ», напечатанномъ 12 лѣтъ тому назадъ. Видно, что тогда были другіе годы, другія силы, другіе идеалы. То было направленіе живое и дѣйственное, направленіе истинно-гуманическое, не сбитое и не разслабленное разными юридическими и экономическими сентенціями. Тогда къ вопросу о томъ, отчего человѣкъ злится или воруетъ, относились такъ же, какъ и къ вопросу,

зачѣмъ онъ страдаетъ и всего боится; съ любовью и болью начинали приниматься за патологическое изслѣдованіе подобныхъ вопросовъ, и если бы продолжалось это направленіе, оно, безъ сомнѣнія, было бы плодотворнѣе всѣхъ, за нимъ послѣдовавшихъ. Нынѣ у насъ рѣшенія просты: если люди воруютъ, значитъ — полиція плохо дѣлаетъ свое дѣло; если взятки берутся, значитъ — начальникъ колпакъ... и т. п. А тогда выходило иной разъ: воруетъ человѣкъ оттого, что работы не нашелъ себѣ и съ голоду умиралъ; взятки беретъ, чтобъ пятнадцать душъ семейства прокормить... Результаты очень не похожіе въ нравственномъ отношеніи: одинъ будитъ въ васъ человѣческое чувство и мужественную мысль, другой ведетъ васъ въ полицію и заставляетъ замирать на юридической формѣ.

Г-нъ Достоевскій въ первомъ же своемъ произведеніи явился замѣчательнымъ дѣятелемъ того направленія, которое назвалъ я по преимуществу гуманическимъ. Въ «Бѣдныхъ людяхъ», написанныхъ подъ свѣжимъ вліяніемъ лучшихъ сторонъ Гоголя и наиболѣе жизненныхъ идей Бѣлинскаго, г. Достоевскій со всею энергіей и свѣжестью молодого таланта принялся за анализъ поразившихъ его аномалій нашей бѣдной дѣйствительности и въ этомъ анализѣ умѣлъ выразить свой высоко-гуманный идеалъ. Идеалъ этотъ не принадлежалъ ему исключительно и не имъ внесенъ въ русскую литературу. Въ видѣ сентенцій о томъ, какъ «самый презрѣнный и даже преступный человѣкъ есть тѣмъ не менѣе братъ нашъ» и т. п., гуманическій идеалъ проявлялся еще въ нашей литературѣ конца прошлаго столѣтія, вслѣдствіе распростра-

ненія у насъ въ то время идей и сочиненій Руссо. Но эти привозныя сентенціи плохо тогда ладили съ русской жизнью, и мало было людей, которые бы могли серьезно и глубоко ими проникнуться. Державинъ все воспѣвалъ ничтожество людей вообще и величіе нѣкоторыхъ сановниковъ въ особенности; о правахъ же человѣческихъ думалъ такъ мало, что умиленно восторгался тѣмъ, какъ ему —

И знать и мыслить позволяютъ.

Про Карамзина, конечно, нечего и говорить: чтобы видѣть, до какой степени сознаніе общихъ человѣческихъ правъ и интересовъ было ему чуждо, довольно перелистовать его «Письма русскаго путешественника», особенно изъ Франціи. У Пушкина проявляется кое-гдѣ уваженіе къ человѣческой природѣ, къ человѣку какъ человѣку, но и то большею частью въ эпикурейскомъ смыслѣ. Вообще же онъ былъ слишкомъ мало серьезенъ, или, говоря словами эстетиковъ, слишкомъ гармониченъ въ своей натурѣ, для того, чтобы заниматься какими-нибудь аномаліями жизни. Онъ во всемъ видѣлъ только прекрасное и рисовалъ только поэтическія стороны: прелесть роскошнаго пира, стройность колоннъ, идущихъ въ битву, грандіозность падающей лавины, «благоуханіе словеснаго елея», пролившагося на него съ какой-то «высоты духовной», и пр., и пр. Только Гоголь, да и то не вдругъ, вноситъ въ нашу литературу гуманическій элементъ: въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» выразился онъ уже очень ясно, но, какъ видно, важность его не вполнѣ оцѣнилъ тогда самъ Гоголь. По крайней мѣрѣ, «Ревизоръ» обработанъ въ

этомъ отношеніи довольно слабо, что и подало поводъ нѣкоторымъ называть всю комедію фарсомъ и всѣ лица — карикатурами. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе выказывалась у Гоголя гуманическая сторона его таланта, и даже вопреки своей волѣ, въ ожиданіи свѣтлыхъ и чистыхъ идеаловъ, онъ все изображалъ своимъ могучимъ словомъ «бѣдность да бѣдность, да несовершенства нашей жизни». По этому-то пути направился и г. Достоевскій.

Въ разныхъ видахъ и случаяхъ представилъ намъ г. Достоевскій недостатокъ уваженія человѣка къ самому себѣ и недостатокъ уваженія къ человѣку другихъ людей. Кажется бы, дѣло простое — думается, когда читаешь эти повѣсти: — человѣкъ родился, значитъ, долженъ жить, значитъ, имѣетъ право на существованіе; это естественное право должно имѣть и естественныя условія для своего поддержанія, т. е. средства жизни. А такъ какъ эта потребность средствъ есть потребность общая, то и удовлетвореніе ея должно быть одинаково общее, для всѣхъ, безъ подраздѣленій, что вотъ, дескать, такіе-то имѣютъ право, а такіе-то нѣтъ. Отрицать чье-нибудь право въ этомъ случаѣ значитъ отрицать самое право на жизнь. А если такъ, то, въ предѣлахъ естественныхъ условій, рѣшительно всякій человѣкъ долженъ быть полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ и, вступая въ сложныя комбинаціи общественныхъ отношеній, вносить туда вполнѣ свою личность, и, принимаясь за соотвѣтственную работу, хотя бы и самую ничтожную, тѣмъ не менѣе — никакъ не скрадывать, не уничтожать и не заглушать свои прямыя человѣческія права и

требованія. Кажется, ясно. А между тѣмъ — отчего же этотъ Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ «прячется, скрывается, трепещетъ», безпрерывно стыдится за свою жизнь, «да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ да прислушивается къ каждому слову», и единственное утѣшеніе находитъ въ томъ, что онъ человѣкъ маленькій, человѣкъ ничтожный? Отчего Горшковъ этотъ — «жалкій, хилый такой; колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой»? Отчего это отецъ Покровскаго имѣетъ такой видъ, что «онъ чего-то какъ будто стыдится, что ему какъ будто себя совѣстно», и въ разговорахъ съ сыномъ — «приподымается немного со стула, отвѣчаетъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ»? А отчего г. Голядкинъ въ мучительныхъ и безплодныхъ попыткахъ «быть въ своемъ правѣ» и «идти своей дорогой» — съежившается до послѣднихъ уступокъ своего настоящаго права и наконецъ, не выдержавъ въ слабой головѣ своей идеи, что подъ его право всѣ подкапываются, мѣшается въ разсудкѣ? Отчего также г. Прохарчинъ двадцать лѣтъ скряжничаетъ и бѣдствуетъ, все отъ мысли о необезпеченности, и наконецъ отъ этой мысли захворываетъ и умираетъ? Отчего этотъ молодой чиновникъ Шумковъ считаетъ себя извергомъ человѣчества и мѣшается на томъ, что его отдадутъ въ солдаты за то, что онъ, увлекшись нѣжностями съ невѣстою, не успѣлъ переписать къ сроку порученной отъ его превосходительства бумаги, которая къ тому же вовсе и не была срочною? Отчего маленькая Неточка такъ уничтожается передъ Катей? Отчего Росталевъ отрекается отъ своей воли предъ

Ѳомою Ѳомичемъ и считаетъ себя рѣшительно недостойнымъ любви Настеньки, своей гувернантки, которую страстно любитъ? Отчего Наташа теряетъ свою волю и разсудокъ и Иванъ Петровичъ почтительно сторонится предъ вертопрахомъ Алешею? Отчего старикъ Ихменевъ, перенося всевозможныя мученія отцовской любви, не хочетъ простить свою дочь, чтобъ не показать вида уступки князю и его сыну? Отчего маленькая Нелли такъ дико принимаетъ одолженія Ивана Петровича и идетъ собирать милостыню, чтобы на собранныя деньги купить ему разбитую ею чашку? Гдѣ причина всѣхъ этихъ дикихъ, поразительно-странныхъ людскихъ отношеній? Въ чемъ корень этого непонятнаго разлада между тѣмъ, что должно бы быть по естественному, разумному порядку, и тѣмъ, что оказывается на дѣлѣ?

Мы уже сказали, что прямого отвѣта на такіе запросы не даетъ ни одно лицо, ни одна повѣсть г. Достоевскаго въ отдѣльности. Чтобы найти отвѣтъ, мы должны группировать ихъ и пояснять одни другими.

Люди, которыхъ человѣческое достоинство оскорблено, являются намъ у г. Достоевскаго въ двухъ главныхъ типахъ: кроткомъ и ожесточенномъ. Первые не дѣлаютъ уже никакого протеста, склоняются подъ тяжестью своего положенія и серьезно начинаютъ увѣрять себя, что они — нуль, ничего, и что если его превосходительство заговоритъ съ ними, то они должны считать себя счастливыми и облагодѣтельствованными. Другіе напротивъ: видя, что ихъ право, ихъ законныя требованія, то, что имъ свято, съ чѣмъ они въ міръ вошли, — попирается и не признается, они хотятъ

разорвать со всѣмъ окружающимъ, сдѣлаться чуждыми всему, быть достаточными самимъ для себя и ни отъ кого въ мірѣ не попросить и не принять ни услуги, ни братскаго чувства, ни добраго взгляда. Само собою понятно, что имъ не удается выдержать характеръ, и оттого они вѣчно недовольны собою, проклинаютъ себя и другихъ, задумываютъ самоубійство и т. п.

Между этими двумя крайностями стоитъ еще разрядецъ людей, которыхъ можно, пожалуй, отнести скорѣе къ первому типу: это люди, потерявшіе широкое сознаніе своего человѣческаго права, но замѣнившіе его какою-нибудь узенькою фикціею условнаго права, утвердившіеся въ этой фикціи и бережно ее хранящіе. При всякомъ случаѣ, гдѣ подобные господа воображаютъ, что ихъ личное достоинство въ опасности, они готовы повторять, напримѣръ, что «я титулярный совѣтникъ», «мнѣ самъ Василій Петровичъ руку подаетъ», «меня штабъ-офицерша Похлестова знаетъ», и т. п. Это тоже люди трусливые, подозрительные, щепетильные, обидчивые до-нельзя и сами всѣхъ болѣе несчастные своею обидчивостью.

Кто наблюдалъ въ нашемъ обществѣ надъ тѣмъ, что называется «мелкимъ людомъ», тотъ знаетъ, что кроткіе и покорившіеся люди тоже иногда бываютъ обидчивыми и щепетильными. Это зависитъ отъ отношеній: предъ начальникомъ отдѣленія помощникъ столоначальника — пасъ, смирился совершенно; но съ другими помощниками онъ считаетъ себя «въ своемъ правѣ» и за это право держится ревниво и угрюмо. Послѣдняя сторона развита г. Достоевскимъ въ «Двойникѣ», въ которомъ много хорошихъ мѣстъ погибло, къ сожалѣ-

нію, въ общей растянутости и неудачной фантастичности разсказа. Но мы покамѣстъ обратимся теперь къ анализу первой черты, — совершеннаго смиренія и тупого успокоенія на своемъ положеніи, каково оно вышло.

Кажется, тутъ бы и говорить не о чемъ: человѣкъ убѣдился, что онъ глупъ, или безобразенъ, или манеръ не имѣетъ, — ну и ладно, и бросить эту матерію... Что тутъ канитель-то тянуть! И еще ему же спокойнѣе: знаетъ, что слѣпъ, такъ и подсматривать нечего... Сиди да слушай, что другіе скажутъ. И какой интересъ — описывать то, какъ слѣпой не видитъ?..

Но вотъ въ томъ-то и заслуга художника: онъ открываетъ, что слѣпой-то не совсѣмъ слѣпъ; онъ находитъ въ глупомъ-то человѣкѣ проблески самаго яснаго здраваго смысла, въ забитомъ, потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отыскиваетъ и показываетъ намъ живыя, никогда не заглушимыя стремленія и потребности человѣческой природы, вынимаетъ въ самой глубинѣ души запрятанный протестъ личности противъ внѣшняго, насильственнаго давленія, и представляетъ его на нашъ судъ и сочувствіе. Такія открытія дѣлаетъ намъ Гоголь въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ своихъ; то же, только въ нѣсколько затѣйливой формѣ, находимъ мы въ «Бѣдныхъ людяхъ» г. Достоевскаго и отчасти въ другихъ его повѣстяхъ.

Чиновникъ Дѣвушкинъ, напримѣръ, живетъ себѣ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, прослужилъ безъ малаго тридцать лѣтъ тихо и скромно, ни о чемъ не задумываясь, ни на что не претендуя. «Что это вы пишете мнѣ — объясняется онъ съ Варенькой — про удобства, про покой и про разныя раз-

ности? Маточка моя, я не брюзглив и не требователен, никогда лучше теперешняго не жил; так чего же на старости-то лѣт привередничать? *Я сыт, одѣт, обут; да и куда нам затѣи затѣвать! Не графскаго рода!* .. Родитель был не изъ дворянскаго званія, и со всей-то семьей своей был бѣдиѣе меня по доходу. — Я не нѣженка!» И точно, онъ не нѣженка: квартиру занимаетъ за перегородкой въ кухнѣ, платитъ за нее два цѣлковыхъ, и утѣшается тѣмъ, что онъ «ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку живетъ, втихомолочку живетъ».. «Сытъ я», говоритъ, — а за столъ платитъ пять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ: можно представить, какая тутъ сытость. Обутъ и одѣтъ онъ — тоже соотвѣтственно, но все повторяетъ: «я не ропщу и доволенъ, жалованья достаточно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно». Относительно своего умственнаго состоянія онъ тоже сознаетъ, что онъ человѣкъ неученый, на мѣдныя деньги учился, и слога не имѣетъ, и высокихъ матерій понимать не можетъ, а потому далеко и не лѣзетъ. Съ общественнымъ своимъ положеніемъ онъ примирился отлично. Онъ дошелъ до такихъ выводовъ, успокоительныхъ и резонныхъ: «Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ». Утвердившись въ такихъ цѣлительныхъ мысляхъ, Макаръ Алексѣичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно теряетъ всякую опору внутри себя, въ собственномъ разсудкѣ, высшею, единственною мѣ-

рою своихъ достоинствъ считаетъ уже не собственное сознаніе, а мнѣніе начальства и формальныя отношенія. Достоинства свои онъ описываетъ такимъ образомъ: «Состою я уже около 30 лѣтъ на службѣ, служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, *собственнымъ сознаніемъ моимъ*, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. *Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны* [собственное-то сознаніе куда пошло!]; и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны». Далѣе Макаръ Алексѣичъ опять показываетъ, какъ сильно его собственное сознаніе: я, говоритъ, «въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, — въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; *даже крестикъ выходилъ*»... *Какъ* видите, *крестикъ* составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ базисъ философіи Макара Алексѣича и самый высшій, послѣдній аргументъ его. Онъ не лишенъ и амбиціи, но она удовлетворяется тоже довольно легко: онъ разъ, напримѣръ, выпилъ неосторожно, дебошу надѣлалъ, по его словамъ, и послѣ того пишетъ къ Варенькѣ, утѣшая ее: «Вы, говоритъ, обо мнѣ не безпокойтесь; спѣшу вамъ объявить, что амбиція моя мнѣ всего дороже и увѣдомляю васъ, что *изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по прежнему*». Вообще — Макаръ Алексѣичъ до того дошелъ, что даже сапоги и шинель носитъ не для себя, а для другихъ, въ особен-

ности же для его превосходительства; и чай пьетъ тоже больше для другихъ, и все для другихъ, изъ амбиціи. «По мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить — я перетерплю и все вынесу, мнѣ ничего: *человѣкъ-то я простой, маленькій*». Но «*сапоги нужны для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало*». То есть какъ же пропало? А такъ, что «вдругъ его превосходительство замѣтятъ и невзначай какъ-нибудь отнесутся на мой счетъ — бѣда! . .» Къ этому кодексу морали и житейской мудрости, выработавшемуся въ головѣ Макара Алексѣича, прибавьте умилительно-подловатое впечатлѣніе, оставшееся въ немъ отъ сцены, когда у него отлетѣла пуговица въ присутствіи генерала, и генералъ далъ ему сто рублей и пожалъ руку. Сцена эта, дѣйствительно, превосходная, много разъ была цитирована, и потому, конечно, памятна читателямъ. А вотъ мысли о ней самого Макара Алексѣича: «Клянусь вамъ, — пишетъ онъ Варенькѣ, что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, несмотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ *они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще навѣки сдѣлали,* и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ предъ Всевышнимъ, но молитва о счастьѣ и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!» Въ этихъ изліяніяхъ душевныхъ вы видите доброту, чувстви-

тельность, благородство, если хотите — даже утонченную деликатность Макара Алексѣича; но согласитесь, что вѣдь вамъ жалко то униженіе, въ какое онъ ставитъ себя, и только сила состраданія прогонятъ въ васъ то чувство отвращенія, которое иначе невольно возбудилось бы въ васъ такимъ искаженіемъ человѣческой природы... Забитый, тощій песъ Улиса, съ воемъ и ласкою встрѣчающій своего господина, неизмѣримо ближе и равнѣе съ нимъ, нежели этотъ чиновникъ съ благодѣтельнымъ его превосходительствомъ. Полное отсутствіе какого бы то ни было сознанія о своемъ достоинствѣ, полное признаніе своего ничтожества, исключеніе себя изъ того рода существъ, къ которому равно принадлежитъ и Макаръ Алексѣичъ и его благодѣтель, — вотъ что видите вы въ изліяніяхъ его благодарности. А онъ между тѣмъ счастливъ, самъ счастливъ собственнымъ униженіемъ, и въ умиленіи молитъ Бога простить ему «ропотъ и *либеральныя мысли*», которыя онъ позволялъ себѣ подчасъ «въ прежнее, грустное время .. .».

Вотъ образецъ того, что нужно въ общемъ механизмѣ для успѣшнаго теченія дѣлъ. Кажется, ничего не можетъ быть лучше. Общество, достигнувшее того, что въ немъ вырабатываются подобные типы, можетъ, кажется, назваться образцовымъ, совершеннымъ, безукоризненнымъ въ смыслѣ государственной теоріи. Здѣсь не только установлена и поддерживается извѣстнаго рода іерархія... Это бы еще не штука: мало ли что можно установить и поддержать силою, — и кардинальское управленіе держится до сихъ поръ въ Римѣ... Но здѣсь не то, здѣсь установившаяся іерархія не имѣетъ даже надобности быть поддерживаема: такъ ясна для

всѣхъ ея польза и необходимость, до такой степени заслужила она внутреннее одобреніе каждаго даже наименѣе ею ублаготвореннаго, до такой степени всѣ при ней сознаютъ себя счастливыми и довольными... Нельзя всѣмъ быть богатыми, всѣмъ талантливыми, всѣмъ красивыми; нельзя всѣмъ начальствовать, всѣмъ быть на первыхъ мѣстахъ; но истинный идеалъ государства состоитъ въ томъ, чтобы всякій былъ доволенъ на своемъ мѣстѣ, всякій сознавалъ законность и глубокую справедливость своего положенія и съ такою же охотою повиновался, съ какою другіе повелѣваютъ, такъ же былъ спокоенъ и счастливъ при своихъ десяти цѣлковыхъ жалованья, какъ другіе при двадцати тысячахъ дохода. Вотъ тогда можетъ осуществиться идеалъ золотого вѣка; тогда если даже кто и непріятности отъ другихъ потерпитъ, — и это не разстроитъ ни общаго хода дѣлъ, ни его собственнаго счастья, потому что и въ непріятностяхъ этихъ онъ будетъ видѣть дѣло законное и полезное, и будетъ примиряться съ ними, какъ съ годовыми перемѣнами. Всякій членъ идеальной іерархіи будетъ разсуждать, какъ разсуждаетъ, напримѣръ, Макаръ Алексѣичъ о начальническихъ распеканціяхъ, по поводу насмѣшника, дерзнувшаго иронически о нихъ отозваться: «Отчего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь?.. Ну, да положимъ и такъ, напримѣръ, для тона распечь, — ну, и для тона можно; нужно пріучать, нужно острастку давать... А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разночинный; — это въ порядкѣ вещей! *Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ,*

что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другого распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было».

Вообразите себѣ идеальное государство, которое бы въ основаніе своей организаціи положило подобную философію и въ которомъ всѣ члены проникались бы ею глубоко и искренно, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ: что за счастливое было бы государство! Какое вѣчно-нерушимое спокойствіе, какая непрерывная тишина, какой миръ и благодушіе царили бы въ немъ! Никто бы не домогался того, чего не дано ему, никто не рвался бы съ мѣста, на которомъ поставленъ, никто не разсуждалъ бы о томъ, что выше его званія. Отъ бѣдняка мысль сдѣлаться богатымъ была бы такъ же далека, какъ желаніе пролѣзть сквозь игольныя уши; столоначальникъ не думалъ бы критиковать распоряженій своего секретаря, какъ не критикуетъ онъ наступленія ночи послѣ дня, и наоборотъ; даже какой-нибудь юноша изъ мелкой сошки, посаженный за переписку бумагъ, точно такъ не вздумалъ бы тогда мечтать о подвигахъ, о славѣ и т. п., какъ теперь не приходитъ ему въ голову мечтать, напримѣръ, о превращеніи своемъ въ крокодила, обитающаго въ Египтѣ, или въ допотопнаго мастодонта, открытаго въ сѣверныхъ льдахъ. Всюду разлито было бы благодатное спокойствіе, безъ всякихъ порывовъ и треволненій. Всѣ были бы на своихъ мѣстахъ. Одни ѣздили бы въ коляскахъ, жили въ великолѣпныхъ палатахъ, занимались распеканіемъ другихъ, другіе ходили бы пѣшкомъ по грязи въ дырявыхъ сапогахъ, жили въ сырыхъ углахъ и получали распеканціи, — но тѣ и другіе одинаково бы-

ли бы спокойны и довольны своей участью. Тѣ и другіе существовали бы рядомъ, другъ подлѣ друга, такъ же безмятежно, какъ существуютъ дубъ и крапива, хотя и отнесенные Линнеемъ къ одному разряду по его системѣ, но нимало не помышляющіе о соблазнительномъ равенствѣ другъ съ другомъ. Не было бы тогда гнусной зависти, непозволительныхъ стремленій, всякаго рода опасеній и подкоповъ; люди жили бы какъ святые въ царствѣ небесномъ: много будетъ въ раю обителей, много степеней блаженства, но низшія степени будутъ братски сочувствовать высшимъ и сами наслаждаться отблескомъ того высшаго блаженства, котораго удостоены избранные. Такъ было бы и на землѣ въ томъ идеальномъ государствѣ, въ которомъ бы всѣ члены проникліись тѣми чистыми понятіями объ общественной іерархіи, какія сейчасъ были приведены . . . И что всего важнѣе — подобное устройство могло бы длиться вѣчно, потому что оно не заключаетъ въ себѣ никакихъ элементовъ разрушенія, — ничего, что бы обѣщало хоть въ отдаленномъ будущемъ нарушить общее спокойствіе и блаженство. Идеальное общество, основанное на здравыхъ понятіяхъ объ общественной іерархіи, могло бы существовать цѣлые вѣка спокойно, мирно и счастливо, и развѣ какой-нибудь геологическій переворотъ могъ бы разрушить его идеальныя совершенства . . .

Но, къ величайшему сожалѣнію друга человѣчества, не отыскивается философскій камень, не бываетъ полнаго совершенства на землѣ, нѣтъ нигдѣ такого идеальнаго общества, какое мы предполагали . . . Говорятъ, въ давнія времена, которыхъ мы съ вами, читатель, уже и не припомнимъ, было

нѣчто подобное устроено въ Индіи, да и то при помощи самого Брамы. Парій отъ брамина былъ такъ же далекъ, и пропасть между ними была почти такъ же непереходима, говорятъ, какъ пропасть между Макаромъ Алексѣичемъ и его превосходительствомъ. А на томъ свѣтѣ, говорятъ, изъ семи круговъ, въ которыхъ давались смертнымъ разные виды блаженства, самымъ высшимъ считался тотъ, гдѣ человѣкъ терялъ совершенно свою личность, волю, сознаніе, погружался въ лоно Брамы и рѣшительно, безъ слѣда, уничтожался въ немъ. Это была высшая точка верховнаго блаженства, какую только могло вообразить себѣ индійское ученіе. Кажется, — чего бы лучше: общество съ подобными началами не должно бы погибнуть, но должно бы постоянно расширять кругъ своихъ счастливыхъ членовъ... Но — таково несовершенство человѣческой природы! — и индійское ученіе и устройство рушилось, и если теперь остается еще, то лишь въ жалкихъ подражаніяхъ и передѣлкахъ, далекихъ отъ совершенствъ первоначальнаго образца. Нѣчто подобное устроили было отцы іезуиты въ Парагвайской республикѣ, но и тамъ успѣхъ былъ далеко не полонъ. О другихъ слабыхъ попыткахъ достигнуть идеалъ, дѣланныхъ, напримѣръ, въ Неаполѣ, въ Австріи и въ другихъ странахъ, не стоитъ и говорить. Теорія принималась хорошо, проводилась въ разныхъ учрежденіяхъ, преподавалась въ школахъ, проповѣдывалась въ церквахъ монахами разныхъ орденовъ, проникала даже въ домашнее воспитаніе, захватывая такимъ образомъ человѣка въ самые нѣжные, самые впечатлительные его годы: но — все не въ прокъ! Большинство принимало теорію, не имѣло ничего сказать противъ нея; но не мо-

гло или не умѣло и успокоиться на ней. Какое-то исканіе не переставало тревожить людей, и вотъ какая-нибудь пустая случайность, ничтожное столкновеніе, — и все взволновано, и идеалъ непрерывной тишины взлетѣлъ прахомъ на воздухъ... Моралисты утверждали, что все это отъ растлѣнности человѣческаго рода и отъ помраченія ума его; другіе, напротивъ, кричали, что теорія будто бы идеальной организаціи, состоящая въ обезличеніи человѣка, противна естественнымъ требованіямъ человѣческой природы и потому должна быть отвергнута, какъ негодная, и уступить мѣсто другой, признающей всѣ права личности и принципъ безконечнаго развитія, безконечнаго шествія впередъ, то есть прогресса, въ противоположность застою.

Мы, то есть русскіе и преимущественно литераторы, обыкновенно держали себя въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ споровъ, происходившихъ на Западѣ Европы. Мы въ то время занимались своими вопросами: о торговлѣ древнѣйшей Руси, о талантѣ г. Щербины, объ Іаковѣ-мнихѣ, о зооморфическихъ божествахъ у славянъ; восхищались пѣніемъ Маріо и письмами Ивана Александровича Чернокнижникова, жалѣли о почти единовременной кончинѣ Жуковскаго, Гоголя и Загоскина, и удивлялись ковамъ англичанъ, готовившимся противъ насъ... Словомъ — мы, какъ и всегда, дѣлали свое дѣло, и въ то, что насъ не касается, не мѣшались: «помаленечку, втихомолочку жили, никого не трогая, — старались, чтобъ воды не замутить». Тѣмъ не менѣе, во время уже очень недавнее, когда кто-то крикнулъ: «прогрессъ!» да и спрятался, — и пошли съ тѣхъ поръ хвалить прогрессъ и бранить застой на чемъ свѣтъ стоитъ. Какъ и почему случилось

это — объясните! Говорятъ, потому, что прогрессъ необходимъ человѣку, что скорѣе зарѣзать его можно, чѣмъ заставить не желать прогресса . . . Не знаю, можетъ оно и такъ. Посмотримъ, не отвѣтятъ ли намъ что-нибудь взятыя нами лица, воспроизведенныя художническою силою. Извѣстно, что вѣдь художникъ всегда безпристрастенъ: къ спорамъ и теоріямъ онъ не прикасается, а наблюдаетъ только факты жизни да рисуетъ ихъ, какъ умѣетъ, — вовсе не думая кому это послужитъ, для какой идеи пригодится. И поэтому-то именно замѣчательный художникъ важенъ въ общественномъ смыслѣ: въ жизни-то еще когда наберешь фактовъ, да и тѣ будутъ блѣдны, отрывочны, побужденія неясны, причины смѣшаны; а тутъ, пожалуй, и одно или два явленія представлены, да зато такъ, что послѣ нихъ уже никакого сомнѣнія не можетъ быть относительно цѣлаго разряда подобныхъ явленій.

Нужно сказать, что нѣкоторая доля художнической силы постоянно сказывается въ г. Достоевскомъ, а въ первомъ его произведеніи сказалась даже въ значительной степени. Отъ него не ускользнула правда жизни, и онъ чрезвычайно мѣтко и ясно положилъ грань между офиціальнымъ настроеніемъ, между внѣшностью, форменностью человѣка, и тѣмъ, что составляетъ его внутреннее существо, что скрывается въ тайникахъ его натуры и лишь по временамъ, въ минуты особеннаго настроенія, мелькомъ проявляется на поверхности. Изъ наблюденій автора, переданныхъ намъ въ его разсказахъ, оказывается, что вѣдь ни одного человѣка нѣтъ, кто бы въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ и душою возлюбилъ идеальную организацію, обѣщавшую столько мира и довольства людямъ.

Даже люди, наболѣе ею пропитанные, и тѣ безпрестанно проговариваются и уклоняются. Да вотъ хотя бы самъ Макаръ Алексѣичъ: вы, можетъ быть, думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился на томъ, что «всякому свое мѣсто назначено, а мѣста по способностямъ распредѣлены» и т. д.? Вовсе нѣтъ; это когда онъ резонируетъ въ спокойномъ положеніи, такъ и говоритъ такимъ образомъ. А чуть что-нибудь задѣнетъ его за живое, — онъ совсѣмъ мѣняется, и лѣзутъ ему въ голову сами собою «либеральныя мысли». Онъ тогда спрашиваетъ: «Отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается? .. Знаю, знаю, маточка [спѣшитъ онъ прибавить, обращаясь къ Варенькѣ],—что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, — зачѣмъ одному еще въ чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ Воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачекъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка [снова спѣшитъ оговориться боязливый Макаръ Алексѣичъ], оно грѣшно этакъ думать, *да тутъ поневолѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ*». Расчувствовавшись, Макаръ Алексѣичъ уже не ограничивается и сомнѣніями, а даже до негодованія доходитъ, и задѣваетъ людей почище себя: «что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, безстыдникъ, — такъ ужъ ему все съ

рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! *Полно, такъ ли, голубчикъ?*» Какъ хотите, а вѣдь это чуть не вызовъ со стороны бѣднаго чиновника: видно, не совсѣмъ же угомонилось его сердце, не совсѣмъ успокоился онъ на томъ, что «если бы мы другъ-другу тону не задавали, то и свѣтъ бы не стоялъ, и порядку бы не было». Нѣтъ, онъ издаетъ теперь вопли сердечные, и сознаетъ за собою право вопить и жаловаться: «А еще люди богатые не любятъ, — замѣчаетъ онъ, — чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались, — дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы. *Да и всегда бѣдность назойлива; спать, что ли, мѣшаютъ ихъ стоны голодные?..*» И переполненное горечью сердце внушаетъ ему такія мысли, вызываетъ наружу такіе инстинкты, которыхъ онъ самъ испугался и отрекся бы въ обыкновенномъ положеніи, но которые теперь сами собою, неодолимо являются во всей силѣ. «Теперь на меня *такая тоска нашла,* — пишетъ разогорченный Дѣвушкинъ, — *что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать,* и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки *нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ.* И подлинно, родная моя, *часто самого себя, безъ всякой причины, уничтожаешь,* въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ быть, отъ того происходитъ, что я самъ *запуганъ и загнанъ,* какъ хоть бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ». Вотъ помощи его природныхъ инстинктовъ, — и губятъ всеобщую тишину и спокойствіе въ томъ идеальномъ общественномъ механизмѣ, который такъ

отрадно рисовался намъ выше. И нельзя сказать, чтобы авторъ здѣсь выдумывалъ, клеветалъ на человѣческую природу. Можно замѣтить, пожалуй, что Макаръ Алексѣичъ, для своего образованія и положенія, является уже слишкомъ мѣткимъ оцѣнщикомъ противорѣчій официальныхъ основъ жизни съ ея дѣйствительными требованіями; но это потому, что, сочиняя въ теченіе полугода, чуть не каждый день, письма къ Варенькѣ, Макаръ Алексѣичъ изощрилъ свой слогъ; а съ другой стороны — почему же и автору немножко не придти къ нему на помощь? Но помощь эта касается единственно словеснаго выраженія мыслей; сами же мысли часто принадлежатъ Макару Алексѣичу, — это скажетъ всякій, хоть не долгое время, хоть разъ бывавшій въ его положеніи. Макаръ Алексѣичъ формулировалъ свои тяжкія сомнѣнія въ письмахъ къ Варенькѣ; другіе не формулируютъ ихъ иначе, какъ своимъ поведеніемъ, разными странными поступками и печальными ихъ результатами. Если вы, напримѣръ, имѣли бы терпѣніе хоть перелистывать безконечнаго г. Голядкина, — вы увидѣли бы, что и онъ мучится и сходитъ съ ума совершенно по тѣмъ же общимъ причинамъ, — вслѣдствіе неудачнаго разлада бѣдныхъ остатковъ его человѣчности съ официальными требованіями его положенія. Голядкинъ не такъ бѣденъ и задавленъ, какъ Дѣвушкинъ; онъ можетъ себѣ позволять даже нѣкоторый комфортъ; даже въ своемъ кругу видитъ людей, которыхъ *официально* имѣетъ право считать ниже себя, такъ какъ онъ состоитъ помощникомъ столоначальника въ департаментѣ. Вслѣдствіе того онъ пріобрѣлъ нѣкоторое условное уваженіе къ себѣ и какое-то смутное понятіе о «своемъ правѣ». Но тутъ онъ и

спутался. Случилось обстоятельство, при которомъ нужно было выставить вовсе не это, чиновное право, а совсѣмъ другое: ему понравилась дѣвушка. Какъ искатель незавидный, онъ былъ отстраненъ, и вотъ тутъ-то перевертываются вверхъ дномъ всѣ его понятія. Макаръ Алексѣичъ нашелъ возможность удовлетворить добротѣ своего сердца, быть полезнымъ для любимаго существа, и потому въ немъ все больше и яснѣе развивается гуманное сознаніе, понятіе объ истинномъ человѣческомъ достоинствѣ. Яковъ Петровичъ Голядкинъ, напротивъ, получилъ нѣсколько афронтовъ отъ родныхъ своей возлюбленной и отъ своего соперника, и потому, оскорбленный въ своемъ человѣческомъ чувствѣ, но не умѣя хорошенько сознать этого, прямо хватается за свое чиновное право. «Это моя частная жизнь, это не касается моихъ официальныхъ отношеній», находится онъ сказать, когда ему отказываютъ отъ званаго обѣда въ домѣ родителя его возлюбленной. И затѣмъ его мысли совершенно разстраиваются; онъ уже не знаетъ, что же онъ — въ правѣ или не въ правѣ... Онъ чувствуетъ только одно — что тутъ что-то не такъ, не ладно. Хочетъ онъ объясниться со всѣми — врагами и недругами, — все не удается, характера не хватаетъ... И приходитъ онъ къ idée fixe, къ пункту своего помѣшательства: что жить въ свѣтѣ можно только интригами, что хорошо на свѣтѣ только тому, кто хитритъ, подличаетъ, другихъ обижаетъ... И вотъ у него является на умѣ рѣшимость — тоже хитрить, тоже подкопы вести, интриговать... Но гдѣ ужъ ему пускаться на такія штуки? Не такъ онъ жилъ прежде, не такъ приготовленъ, характеръ у него не такой... «На-

тура-то твоя такова: душа ты правдивая, - - разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Нѣтъ, ужъ лучше мы съ тобою потерпимъ, Яковъ Петровичъ, — подождемъ и потерпимъ». И къ этому прибавляется еще у него мысль, тоже обличающая его характеръ, — мысль, что все еще «можетъ объясниться и устроиться къ лучшему». Оттого-то онъ никакъ не можетъ ни на что рѣшиться, даже высказаться порядкомъ не можетъ, и, несмотря на «присутствіе страшной энергіи въ себѣ», вѣчно мнется, труситъ и ворочается съ половины дороги. Все, что въ немъ было живого, здраваго и сознательнаго, какъ-то не выливалось въ обычную форму, въ которой онъ доселѣ сидѣлъ такъ хорошо, и, едва поднявшись, осѣдало опять на дно его души, но осѣдало какъ-то безпорядочно, болѣзненно, совершенно не подъ стать къ стройности чиновнаго механизма, въ которомъ онъ былъ вставленъ. Характеризуя его противорѣчія, авторъ между прочимъ говоритъ: «Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе — дозволить затереть себя, какъ ветошку, и наконецъ дозволить это совсѣмъ развращенному человѣку . . . Не споримъ, впрочемъ, не споримъ: можетъ быть, если бъ кто захотѣлъ, если бъ ужъ кому, напримѣръ, вотъ какъ непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ въ иной разъ это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ, — такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, была бы съ одушевленіемъ, *хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей*

и съ безотвѣтными чувствами и далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами». Мнѣ кажется, трудно лучше характеризовать положеніе забитыхъ людей, подобныхъ Голядкину, людей, дѣйствительно какъ будто превращенныхъ въ тряпицу и только въ грязныхъ складкахъ хранящихъ остатки чего-то человѣческаго, неслышнаго, безотвѣтнаго, но все какъ-то по временамъ дающаго себя чувствовать. Вотъ оно дало себя чувствовать и г. Голядкину, и всею тяжестью обрушились тяжкія сомнѣнія и вопросы на бѣдный разсудокъ и фантазію Якова Петровича. «Такъ это не такъ? Тутъ не каждый въ своемъ правѣ? Тутъ берутъ интригами? Давай же, когда такъ, и я буду интриговать... Да гдѣ мнѣ интриговать? Натура у меня глупая — правдивая, — никогда окольными путями... Но другіе же всѣ окольными путями ходятъ, иначе человѣка затрутъ, а я затереть себя не могу позволить... А что въ самомъ дѣлѣ, если бъ я...» И господинъ Голядкинъ, вообще наклонный къ меланхоліи и мечтательности, начинаетъ себя раздражать мрачными предположеніями и мечтами, возбуждать себя къ несвойственной его характеру дѣятельности. Онъ раздвояется, самого себя онъ видитъ вдвойнѣ... Онъ группируетъ все подленькое и житейски-ловкое, все гаденькое и успѣшное, что ему приходитъ въ фантазію; но отчасти практическая робость, отчасти остатокъ гдѣ-то въ далекихъ складкахъ скрытаго нравственнаго чувства препятствуютъ ему принять всѣ придуманныя имъ пронырства и гадости на себя, и его фантазія создаетъ ему «Двойника». Вотъ основа его помѣшательства. Не знаю, вѣрно ли я понимаю основную идею

«Двойника»; никто, сколько я знаю, въ разъясненіи ея не хотѣлъ забираться далѣе того, что «герой романа — сумасшедшій». Но мнѣ кажется, что если ужъ для каждаго сумасшествія должна быть своя причина, а для сумасшествія, разсказаннаго талантливымъ писателемъ на 170 страницахъ — тѣмъ болѣе, то всего естественнѣе предлагаемое мною объясненіе, которое само собою сложилось у меня въ головѣ при перелистываніи этой повѣсти (всю ее сплошь я, признаюсь, одолѣть не могъ). Авторъ, кажется, самъ не чуждъ былъ такого объясненія: такъ, по крайней мѣрѣ, представляется по нѣкоторымъ мѣстамъ повѣсти. Напр., первое признаніе г. Голядкинымъ своего двойника описывается авторомъ такъ: это былъ «не тотъ г. Голядкинъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника: *не тотъ, который любилъ стушеваться и зарыться въ толпѣ;* не тотъ, наконецъ, *чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду», или: «не троньте меня, — вѣдь я васъ не затрагиваю»,* — нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, *совершенно другой,* но вмѣстѣ съ тѣмъ и *совершенно похожій на перваго».* И далѣе безпрестанно г. Голядкинъ-младшій ведетъ себя съ такою ловкостью и безстыдствомъ, какія только въ мечтахъ и возможны: онъ ко всѣмъ подбивается, передъ всѣми сѣменитъ, бѣгаетъ съ портфелемъ его превосходительства, изъ чего г. Голядкинъ-старшій заключаетъ, что онъ уже «по-особому» . . . Г. Голядкинъ-младшій всегда умѣетъ остаться правымъ, ускользнуть отъ объясненій, отвернуться и подольститься, когда нужно; онъ способенъ даже заставить другого заплатить за съѣденные имъ растегаи; и при

всемъ томъ онъ со всѣми хорошъ, онъ смѣло разсуждаетъ тамъ, гдѣ Голядкинъ-старшій умиленно теряется, онъ сидитъ въ гостиной тамъ, куда Голядкинъ-старшій и въ переднюю показать носъ боится . . . Нечего и говорить, что г. Голядкинъ все это самого же себя рисуетъ въ видѣ двойника своего. Выдумывая его небывалые, фантастическіе подвиги, онъ имѣетъ мысль, что вотъ поступай онъ только такимъ образомъ (какъ *нѣкоторые люди* и поступаютъ) — и по службѣ онъ успѣвалъ бы, и насмѣшкамъ товарищей не подвергался, и не былъ бы затертъ какимъ-нибудь выскочкой, раньше его получившимъ колежскаго, и главное — не былъ бы такъ безбожно обиженъ драгоцѣнною Кларою Олсуфьевною и ея родными. Но вмѣсто того, чтобы любоваться на подобные подвиги, г. Голядкинъ возмущается противъ нихъ всею долею того забитаго, загнаннаго сознанія, какая ему осталась послѣ ровнаго и тихаго гнета жизни, столько лѣтъ непрерывно покоившагося на немъ. Ему противны даже въ мечтахъ тѣ поступки, тѣ средства, которыми выбиваются «нѣкоторые люди»; онъ съ постояннымъ страхомъ отбрасываетъ свои же мечты на другое лицо и всячески позоритъ и ненавидитъ его. Въ минуты же просвѣтлѣнія, когда онъ опять начинаетъ яснѣе сознавать свою собственную личность, онъ вспоминаетъ о своихъ поползновеніяхъ на хитрость, ему мерещится строгій голосъ старичка Антона Антоныча: «а что, и вы тоже собирались хитрить?» — и блѣднѣетъ, теряется, — и снова представляется ему образъ его двойника, который бы изъ всего этого вывернулся, посъменивъ ножками, и еще сильнѣе растетъ раздраженіе г. Голядкина противъ такой подлой, зловредной личности...

Порою къ нему возвращаются прежнія мысли, что, можетъ быть, все устроится къ лучшему, — и вотъ ему разъ представляется даже, будто Клара Олсуфьевна, плѣненная его качествами, присылаетъ ему письмо, въ которомъ приказываетъ увезти ее отъ злостныхъ и неблагонамѣренныхъ интригантовъ. И г. Голядкинъ точно отправляется подъ окна Клары Олсуфьевны — ждать ее, а отсюда уже отвозятъ его въ сумасшедшій домъ....

Ну, посудите же — зачѣмъ было сходить съ ума человѣку? Оставайся бы онъ только вѣренъ безмятежной теоріи, что онъ въ своемъ правѣ и всѣ въ своемъ правѣ, что если новый коллежскій раньше его произведенъ, — такъ этому такъ и слѣдуетъ быть, и что если Клара Олсуфьевна его отвергла, такъ опять это значитъ, что ему къ ней и соваться не слѣдовало, —словомъ, продолжай онъ идти своей дорогой, никого не затрагивая, и помни, что все на свѣтѣ законнѣйшимъ образомъ распредѣляется по способностямъ, а способности самою натурою даны, и т. д. — вотъ и продолжалъ бы человѣкъ жить въ прежнемъ довольствѣ и спокойствіи. Такъ вѣдь нѣтъ же: встало что-то со дна души и выразилось мрачнѣйшимъ протестомъ, къ какому только способенъ былъ ненаходчивый господинъ Голядкинъ, — сумасшествіемъ... Не скажу, чтобъ г. Достоевскій особенно искусно развилъ идею этого сумасшествія, но надо признаться, что тема его — раздвоеніе слабаго, безхарактернаго и необразованнаго человѣка между робкою прямотою дѣйствій и платоническимъ стремленіемъ къ интригѣ, раздвоеніе, подъ тяжестью котораго сокрушается наконецъ разсудокъ бѣдняка, — тема эта, для хорошаго выполненія, требуетъ таланта

очень сильнаго. При хорошей обработкѣ изъ г. Голядкина могло бы выйти не исключительное, странное существо, а типъ, многія черты котораго нашлись бы во многихъ изъ насъ. Припомните ваши встрѣчи съ чиновнымъ людомъ; припомните тѣхъ, которые называютъ себя людьми неискательными, спокойными, любящими по правдѣ жить. Вспомните, какъ они любятъ говорить о своей неискательности, и какъ иногда вдругъ круто измѣняется направленіе разговора при упоминаніи о комъ-нибудь изъ ихъ сослуживцевъ, начальниковъ или знакомыхъ, успѣвающемъ больше другихъ. Тутъ сейчасъ пойдетъ: и «хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ», и «правдой вѣкъ не проживешь», и жалобы на собственную неспособность къ подлостямъ, и ироническое, какъ будто уничижительное перечисленіе собственныхъ заслугъ: «что, дескать, мы — что по шести часовъ спины не разгибаемъ, да дѣла-то всѣ нами держатся — эка важность . . . А вотъ — пойти къ его превосходительству на балъ, да польку тамъ отхватать, да по утрамъ вмѣсто дѣла-то по магазинамъ разъѣзжать — его супруги комиссіи исполнять — вотъ это дѣло, вотъ съ этимъ и въ честь попадешь . . . А мы — что? Клячи водовозныя, волы подъяремные — только въ черную работу и годимся . . .» и т. д. А затѣмъ разговоръ непремѣнно принимаетъ такой оборотъ: что вѣдь «и мы, дескать, могли бы подличать, и мы могли бы финтить . . .», и въ доказательство разскажутъ вамъ нѣсколько случаевъ, гдѣ точно человѣку удобно было сподличать, а онъ не захотѣлъ . . . Во всѣхъ подобныхъ господахъ рѣшительно сидитъ тенденція г. Голядкина къ сумасшедшему дому; дайте имъ

только побольше мечтательности и меланхоліи — и переходъ будетъ недалекъ...

Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, человѣкъ ужъ совсѣмъ сумасшедшій; оставимъ его. А вотъ еще есть лицо у г. Достоевскаго, тоже сумасшедшій, но скорѣе только мономанъ — г. Прохарчинъ. Человѣкъ этотъ тоже сообразилъ, должно быть еще при началѣ своего служебнаго поприща, что «одному на семъ свѣтѣ назначено въ каретахъ ѣздить, другому въ худыхъ сапогахъ по грязи шлепать», и, причисливъ себя къ послѣднему разряду, нанялъ себѣ уголъ и живетъ, не думая пытать судьбы своей. Но прочнаго спокойствія нѣтъ у него на душѣ; характеръ у него боязливый, какъ у всѣхъ забитыхъ, и хоть онъ твердо вѣруетъ въ нерушимость своей философіи, но на свѣтѣ видитъ и случайности разнаго рода: болѣзни, пожары, внезапныя увольненія отъ службы по желанію начальства... Бѣдняка начинаетъ преслѣдовать мысль о непрочности, о *необезпеченности* его положенія. Мысль, конечно, очень естественная. Натуралемъ и результатъ ея — рѣшеніе откладывать и копить деньги, на всякій случай. Но исполненіе уже дико, хотя тоже понятно въ г. Прохарчинѣ: онъ прячетъ звонкую монету себѣ въ тюфякъ... Да и куда жъ ему дѣвать въ самомъ дѣлѣ? Въ сундукъ положить — утащатъ; поручить кому-нибудь — никому довѣриться нельзя; въ ломбардъ положить — помилуйте, это значитъ прямо объявить себя богачомъ, Крезомъ какимъ-то. «У него деньги въ ломбардѣ лежатъ» — знаете ли вы, какъ звучитъ эта фраза въ кругу мелкихъ чиновниковъ, а тѣмъ болѣе обитателей угловъ!.. Вотъ г. Прохарчинъ и прячетъ деньги въ тюфякъ, и 10 лѣтъ

прячетъ, и 15, и 20, можетъ быть и больше, и даже самъ, кажется, высчитать хорошенько не можетъ, сколько у него тамъ спрятано; а потревожить тюфякъ — боится любопытныхъ глазъ... Живетъ онъ довольно спокойно, т. е. передъ всякимъ сторонится, всего робѣетъ и радъ, что его не трогаютъ. Вдругъ вмѣстѣ съ нимъ поселяются новые жильцы — хорошіе люди, но «надсмѣшники». Замѣтивъ боязливость Прохарчина и постоянную мысль его о необезпеченности, — давай они между собою сочинять слухи — то о сокращеніи штатовъ, то объ экзаменахъ для старыхъ чиновниковъ, то о желаніи его превосходительства уволить всѣхъ чиновниковъ съ непрезентабельной фигурой, то вообще о тяжелыхъ временахъ... И что бы вы думали? Вѣдь совсѣмъ сбился съ толку бѣдняжка Прохарчинъ: ходитъ самъ не свой, лица на немъ нѣтъ, такъ и ждетъ, что его выгонятъ изъ службы, и тогда что же съ нимъ будетъ? Запасецъ хоть и сдѣланъ, да вѣдь уже его теперь истощать придется, а пополнять неоткуда... Волненіе Прохарчина выразилось, какъ водится, между прочимъ, тѣмъ, что онъ, встрѣтясь съ какимъ-то закоснѣлымъ пьянчужкой, хватилъ черезъ край и привезенъ домой въ безчувствіи и больной. Едва очнувшись, онъ началъ бредить и тосковать о томъ, что вотъ живешь-живешь, да и съ сумочкой, нынче нуженъ, завтра нуженъ, а потомъ и не нуженъ, и ступай по міру... Его начинаютъ убѣждать, что ему бояться нечего: человѣкъ онъ хорошій, смирный и пр... Онъ отвѣчаетъ: «да, вотъ онъ вольный, я вольный; а какъ лежишь, лежишь, да и того...» — Чего? — «Анъ и вольнодумецъ»... Всѣ приходятъ въ ужасъ и негодованіе при одной мысли,

что Прохарчинъ можетъ быть вольнодумцемъ; но онъ возражаетъ: «Стой, я не того... ты пойми только, баранъ ты: я смирный, сегодня смирный, завтра смирный, а потомъ и не смирный, сгрубилъ; пряжку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!..» Словомъ сказать, господинъ Прохарчинъ сдѣлался истиннымъ вольнодумцемъ: не только въ прочность мѣста, но даже въ прочность собственнаго смиренія пересталъ вѣрить. Точно будто вызвать на бой кого-то хочетъ: «Да что, дескать, вѣчно, что ли, я пресмыкаться-то буду? Вѣдь я и сгрублю, пожалуй, — я и сгрубить могу. Только что тогда будетъ?..» Но разгулялся этакъ господинъ Прохарчинъ передъ смертью: въ ту же ночь, не осиливъ волненія, онъ умеръ, возбудивъ общее сожалѣніе въ жильцахъ. А по смерти его нашли въ тюфякѣ, въ разныхъ сверточкахъ, серебряной монеты на 2,497 рублей съ половиною ассигнаціями,—отъ чего жильцы и въ особенности хозяйка пришли уже въ негодованіе...

Господинъ Прохарчинъ, какъ забитый, запуганный человѣкъ, ясенъ; о немъ и распространяться нечего. О его внезапной тоскѣ и страхѣ отставки тоже нечего много разсуждать. Привести развѣ мнѣніе его сожителей, во время его болѣзни: «Всѣ охали и ахали; всѣмъ было и жалко и горько, и всѣ межъ тѣмъ дивились, что вотъ какъ же это такимъ образомъ могъ совсѣмъ заробѣть человѣкъ? И изъ чего жъ заробѣлъ? Добро бы былъ при мѣстѣ большомъ, женой обладалъ, дѣтей поразвелъ; добро въ его тамъ подъ судъ какой ни на-есть притянули; а то вѣдь и человѣкъ совсѣмъ дрянь, съ однимъ сундукомъ и съ нѣмецкимъ замкомъ; лежалъ слишкомъ двадцать лѣтъ за ширма-

ми, молчалъ, свѣту и горя не зналъ, скопидомничалъ, и вдругъ вздумалось теперь человѣку, съ пошлаго, съ празднаго слова какого-нибудь, совсѣмъ перевернуть себѣ голову, совсѣмъ забояться о томъ, что на свѣтѣ вдругъ стало жить тяжело... *А и не разсудилъ человѣкъ, что всѣмъ тяжело!.. Прими онъ вотъ только это въ разсчетъ,* — говорилъ потомъ Океаніевъ, — *что вотъ всѣмъ тяжело, такъ сберегъ бы человѣкъ свою голову, пересталъ бы куралесить и потянулъ бы свое кое-какъ; куда слѣдуетъ*».

И вѣдь правъ Океаніевъ: дѣйствительно, Прохарчинъ оттого и погибъ, что съ пути здравой философіи сбился.

Но кто же не сбивался съ нея? У кого не бывало случаевъ, порывовъ, увлеченій, внезапно нарушавшихъ ровный ходъ мирно устроеннаго механизма жизни? Вотъ еще, пожалуй, примѣръ, изъ г. Достоевскаго: юный чиновникъ, Вася Шумковъ, изъ низкаго состоянія трудолюбіемъ и благонравіемъ вышелъ, за почеркъ и кротость любимъ начальствомъ и самимъ его превосходительствомъ Юліаномъ Мастаковичемъ, получаетъ отъ него приватныя бумаги для переписки, да еще за эту честь и деньгами отъ него награждается время отъ времени. Къ этому еще онъ имѣетъ преданнаго друга Аркашку; мало того, онъ полюбилъ, заслужилъ взаимность и уже женихомъ объявленъ... Чего ему еще! Онъ переполненъ счастьемъ, жизнь ему улыбается. Триста рублей жалованья, да приватныхъ отъ Юліана Мастаковича — житье съ женою хоть куда! Они же такъ любятъ другъ друга! Вася ничего не помнитъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своей невѣсты; у него есть бумаги,

данныя для переписки Юліаномъ Мастаковичемъ; сроку остается два дня, но Вася, съ свойственнымъ влюбленному юношѣ легкомыслiемъ, говоритъ: «еще успѣю», и не выдерживаетъ, чтобъ въ вечеръ подъ Новый годъ не оправиться съ пріятелемъ къ невѣстѣ... Но, возвратившись домой и засѣвши на цѣлую ночь писать, онъ поражается суровой дѣйствительностью: всѣхъ бумагъ никакъ не перепишешь къ сроку, — а завтра къ тому же Новый годъ, надо еще идти расписаться у его превосходительства. Напрасно Аркаша его удерживаетъ, обѣщая за него расписаться, — Вася боится, что Юліанъ Мастаковичъ могутъ обидѣться. Напрасно также добрый другъ уговариваетъ его не сокрушаться, напоминая о великодушiи Юліана Мастаковича: это еще болѣе убиваетъ Васю. Какъ! онъ, ничтожный червякъ, презрѣнное, жалкое существо, — удостоенъ такого высокаго вниманія, получаетъ частныя порученія, слышитъ милостивыя слова... и вдругъ — что же? — нерадѣніе, неисполнительность, неблагодарность! Всю чудовищность, всю черноту своего поступка Вася и измѣрить не можетъ, ибо соразмѣряетъ ее разстоянiемъ, раздѣляющимъ его отъ Юліана Мастаковича, — а кто же можетъ измѣрить это разстояніе?! У бѣдняка голова кружится при одномъ взглядѣ на эту страшную пропасть... Онъ было думаетъ идти къ Юліану Мастаковичу и принести повинную; но какъ рѣшиться на подобную дерзость? Другъ его хочетъ объясниться за своего друга, даже отправляется къ его превосходительству, но заговорить тоже не рѣшается. Бѣдный Вася сидитъ за письмомъ два дня и двѣ ночи, у него мутится въ головѣ, онъ уже ничего не видитъ

и водитъ сухимъ перомъ по бумагѣ. Наконецъ любовь, ничтожество, гнѣвъ Юліана Мастаковича, недавнее счастье, черная неблагодарность, страхъ за свое полнѣйшіе безсиліе — сламываютъ несчастнаго; онъ убѣждается, что ему теперь одна дорога — въ солдаты, и мѣшается на этой мысли. А Юліанъ Мастаковичъ благодушно замѣтилъ: «Боже, какъ жаль! И дѣло-то, порученное ему, было неважное, и вовсе неспѣшное... Такъ-таки, ни изъ-за чего погибъ человѣкъ!»

Положимъ, что г. Достоевскій слишкомъ ужъ любитъ сводить съ ума своихъ героевъ; положимъ, что у Васи его ужъ до-нельзя *слабое сердце* (такъ и повѣсть называется). Но всмотритесь въ основу этой повѣсти, — вы придете къ тому же результату: что идеальная теорія общественнаго механизма, съ успокоеніемъ всѣхъ людей на своемъ мѣстѣ и на своемъ дѣлѣ, вовсе не обезпечиваетъ всеобщаго благоденствія. Оно точно, будь на мѣстѣ Васи писательная машинка, было бы превосходно. Но въ томъ-то и дѣло, что никакъ человѣка не усовершенствуешь до такой степени, чтобъ онъ уже совершенно машиною сдѣлался; въ большой массѣ еще такъ — это мы видимъ въ военныхъ эволюціяхъ, на фабрикахъ и пр., но пошло дѣло по одиночкѣ — не сладишь. Есть такіе инстинкты, которые никакой формѣ, никакому гнету не поддаются и вызываютъ человѣка на вещи совсѣмъ несообразныя, чрезъ что, при обычномъ порядкѣ вещей, и составляютъ его несчастіе. Вотъ хоть бы для этого Васи, — если ужъ пробудилось въ немъ чувство, если ужъ онъ не можетъ отстранить отъ себя человѣческихъ потребностей, то ужъ гораздо лучше было бы для него вовсе и не имѣть

этого похвальнаго сознанія о своемъ ничтожествѣ, о своемъ безпредѣльнѣйшемъ, жалкомъ недостоинствѣ предъ Юліаномъ Мастаковичемъ. Смотря на дѣло обыкновеннымъ образомъ, онъ сказалъ бы просто: «ну, что же дѣлать, — не успѣлъ; обстоятельства такія вышли», — и остался бы довольно спокоенъ. А много ли найдемъ мы людей въ положеніи Васи, которые бы способны были къ такой храбрости? Большая часть, проникнутая сознаніемъ своего безсилія и величіемъ начальнической милости, — съ трепетомъ возится за его порученіемъ, и хоть не сходитъ съ ума, но сколько выдерживаетъ опасеній, сомнѣній, сколько тяжелыхъ часовъ переживаетъ, ежели что-нибудь не сдѣлается, или сдѣлается не совсѣмъ такъ, какъ поручено... И все это вѣдь не изъ-за дѣла (до котораго Васѣ и всякому другому подобному ни малѣйшей нужды нѣтъ), а именно изъ-за того, какъ взглянутъ, что скажутъ, — изъ-за того, что отъ этого взгляда жизнь Васи зависитъ, въ этомъ словѣ вся его участь можетъ заключаться.

Говорятъ, отрадно человѣку имѣть за собою кого-нибудь, кто о немъ заботится, за него думаетъ и рѣшаетъ, всю его жизнь, всѣ его поступки и даже мысли устраиваетъ. Говорятъ, это такъ согласно съ естественной инерціей человѣка, съ его потребностью отдаваться кому-нибудь беззавѣтно, поставить для души какой-нибудь образецъ и владыку, въ волѣ котораго можно бы почивать спокойно. Все это очень можетъ быть справедливо въ извѣстной степени, и можетъ оправдываться даже исторіею. Но едва ли это мнѣніе можетъ найти себѣ оправданіе въ тенденціяхъ современныхъ обществъ. Оттого ли, что общества новыхъ

временъ вышли изъ состоянія младенчества, въ которомъ естественное чувство безсилія необходимо заставлять искать чужого покровительства; оттого ли, что прежніе, извѣстные намъ изъ исторіи покровители и опекуны обществъ часто такъ плохо оправдывали надежды людей, довѣрявшихъ имъ свою участь, — но только теперь общественныя тенденціи повсюду принимаютъ болѣе мужественный, самостоятельный характеръ. Высокія добродѣтели слѣпой, безумной преданности, безусловнаго довѣрія къ авторитетамъ, безотчетной вѣры въ чужое слово — становятся все рѣже и рѣже; мертвенное подчиненіе всего своего существа извѣстной формальной программѣ — и въ орденѣ іезуитовъ осталось уже едва ли не на бумагѣ только. «Естественная человѣку инерція» признается уже какимъ-то отрицательнымъ качествомъ, въ родѣ способности воды замерзать; напротивъ, на первомъ планѣ стоитъ теперь *инціатива,* т. е. способность человѣка самостоятельно, самому по себѣ, браться за дѣло, — и о достоинствахъ человѣка судятъ уже по степени присутствія въ немъ инціативы и по ея направленію. Все какъ-то стремится стать на свои ноги, и жить по милости другихъ считаетъ недостойнымъ себя. Такое измѣненіе тенденцій произошло въ обществахъ новыхъ народовъ Европы съ конца прошлаго столѣтія. Можемъ сказать, что измѣненіе это не миновало отчасти и насъ. Не касаясь другихъ сферъ, недоступныхъ въ настоящее время нашему описанію, возьмемъ хотя литературу. То ли она представляетъ теперь, что за полвѣка назадъ? Съ одной стороны литература въ своемъ кругу — лицо самостоятельное, не ищущее *милостивцевъ* и не ну-

ждающееся въ нихъ; только иногда, очень рѣдко, какой-нибудь стихотворецъ пришлетъ изъ далекой провинціи журнальному сотруднику водянистые стишки, съ просьбою о *протекціи* для помѣщенія ихъ въ такомъ-то журналѣ. Да эти чудаки большею частью оказываются людьми стараго вѣка, на склонѣ лѣтъ взыгравшими поэтическимъ вдохновеніемъ... Съ другой стороны посмотрите и на отношеніе публики къ литературѣ: недоступныхъ пьедесталовъ ужъ нѣтъ, непогрѣшимые авторитеты не признаются, мнѣніе, что «ужъ конечно верхъ совершенства, если написано такимъ-то», вы едва ли часто услышите; а отзывъ, что «это прекрасно потому, что такимъ-то одобрено», вѣроятно еще рѣже. Всякій, худо ли, хорошо ли, старается судить самъ, пускать въ ходъ собственный разумъ, и теперь самый обыкновенный читатель не затруднится отозваться, вовсе не съ чужого голоса, — что, напримѣръ, «Свои собаки» Островскаго — безцвѣтны и не новы, «Первая любовь» Тургенева — пошлости, «Полемическія красоты» Чернышевскаго — нахальны до неприличія, и т. п. Другіе читатели выскажутъ опять, можетъ быть, мнѣнія совершенно противоположныя, и, расхваливъ «Первую любовь», назовутъ гнилью «Обломова»... Тѣ и другіе могутъ ошибаться; но все же это люди, говорящіе свое мнѣніе и не боящіеся того, что высказываютъ его о лицахъ уважаемыхъ, даровитыхъ, высоко поставленныхъ и признанныхъ въ литературѣ. Мы не станемъ говорить, что способствовало такому измѣненію въ читающей публикѣ, и даже согласимся, пожалуй, что на первый разъ это всеобщее разнузданіе литературныхъ сужденій произвело страшный сумбуръ: всякій поретъ дичь,

какая только ему придетъ въ голову. Но вѣдь какъ же иначе и дѣлаются всѣ человѣческія дѣла? Вѣдь только Минерва вышла изъ головы Юпитера во всеоружіи, а наши земныя дѣла все начинаются понемножку, съ ошибками и недостатками. Да чего вамъ лучше — сами-то гражданскія общества съ чего начались, какъ не со столпотворенія вавилонскаго?

Слѣдовало бы ожидать, что, при всеобщемъ стремленіи къ поддержанію своего человѣческаго достоинства, исчезнутъ и тѣ забитыя личности, которыхъ нѣсколько экземпляровъ взяли мы у г. Достоевскаго. Однакожъ, оглянитесь вокругъ себя — вы видите, что онѣ не исчезли, что герои г. Достоевскаго — явленіе вовсе не отжившее. Отчего жъ они такъ крѣпятся? Хорошо, что ли, имъ? Нѣтъ, мы видѣли, что никому изъ нихъ не приносятъ особеннаго счастья его забитость, безотвѣтность и отреченіе отъ собственной воли, отъ собственной личности. Замерло, что ли, въ нихъ все человѣческое? Нѣтъ, и не замерло. Мы нарочно прослѣдили четыре лица, болѣе или менѣе удачно изображенныхъ авторомъ, и нашли, что живы эти люди, и жива душа ихъ. Они тупѣютъ, забываются въ полуживотномъ снѣ, обезличиваются, стираются, теряютъ повидимому и мысль и волю, и еще нарочно объ этомъ стараются, отгоняя отъ себя всякія навожденія мысли и увѣряя себя, что это не ихъ дѣло... Но искра Божья все-таки тлѣется въ нихъ, и никакими средствами, пока живъ человѣкъ, невозможно потушить ее. Можно стереть человѣка, обратить въ грязную ветошку, но все-таки гдѣ-нибудь въ самыхъ грязныхъ складкахъ этой ветошки сохранится и чувство и

мысль, — хоть и безотвѣтныя, незамѣтныя, но все же чувство и мысль . . .

«А что же въ нихъ, если они незамѣтны и безотвѣтны, — скажетъ читатель. Все равно, значитъ, что ихъ и нѣтъ. И вотъ поэтому-то вѣроятно и продолжаютъ до сихъ поръ существовать эти несчастныя созданія, забитыя до степени грязной ветошки, объ которую обтираютъ ноги».

Мало ли что незамѣтно, читатель, — незамѣтно потому, что не хотятъ замѣчать. Незамѣтно до поры до времени, но бываетъ такая пора, что все выходитъ наружу. Вѣдь вотъ г. Достоевскій нашелъ же возможность подсмотрѣть живую душу въ отупѣвшихъ, одеревенѣлыхъ чертахъ своихъ героевъ. А бываютъ такіе случаи, что «безотвѣтное» чувство, глубоко запрятанное въ человѣкѣ, вдругъ громко отзовется, и всѣ услышатъ его. Дѣло въ томъ, что въ человѣкѣ ничѣмъ не заглушимо чувство справедливости и правомѣрности; онъ можетъ смотрѣть безмолвно на всякія неправды, можетъ терпѣть всякія обиды безъ ропота, не выразить ни однимъ знакомъ своего негодованія; но все-таки онъ не можетъ быть нечувствителенъ къ неправдѣ, насколько ее видитъ и понимаетъ, все-таки въ душѣ его больно отзывается обида и униженіе, и терпѣнію даже самаго убитаго и трусливаго человѣка всегда есть предѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ человѣкѣ необходимо есть чувство любви; всякій имѣетъ кого-нибудь, дорогого для себя, — друга, жену, дѣтей, родныхъ, любовницу. На нихъ примѣриваетъ онъ свое положеніе, ихъ сравниваетъ съ другими, объ ихъ довольствѣ думаетъ, и со стороны ему разсуждается вольнѣе и яснѣе. Себя, положимъ, Макаръ Алексѣевичъ обрекъ на горькую

долю и о себѣ не жалѣетъ: я ужъ, говоритъ, таковскій, — пусть мною всѣ помыкаютъ... и не доѣмъ-то я — не бѣда, и обидятъ-то меня — такъ не великъ баринъ. Но вотъ его чувство обращается на чистое, нѣжное существо, которое дѣлается ему всего дороже въ жизни, на Вареньку: онъ уже предается сожалѣнію о ея несчастьяхъ, находитъ ихъ незаслуженными, заглядываетъ въ кареты и видитъ, что тамъ барыни сидятъ все гораздо хуже Вареньки: ему уже приходятъ въ голову мысли о несправедливости судьбы, ему становится какъ-то враждебнымъ весь этотъ людъ, разъѣзжающій въ каретахъ и перепархивающій изъ одного великолѣпнаго магазина въ другой, словомъ, скрытая боль, накипѣвшая въ груди, подымается наружу и даетъ есбя чувствовать. И бываетъ это вовсе не такъ рѣдко, какъ можно предполагать, не зная дѣла; бываетъ это тѣмъ чаще, что въ большинствѣ случаевъ человѣкъ загнанный и забитый бываетъ крайне стѣсненъ и въ матеріальномъ отношеніи, а между тѣмъ принужденъ бываетъ выполнять разныя общественныя условія. Макаръ Алексѣичъ сокрушается, что скажутъ его превосходительство, увидѣвъ его плачевный вицъ-мундиръ, говоритъ, что пьетъ чаи собственно для другихъ, до глубины души возмущается насмѣшкою департаментскаго сторожа, не давшаго ему щетки почистить шинель, подъ тѣмъ предлогомъ, что объ его шинель казенную щетку можно испортить... Въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе: поставленъ человѣкъ въ кругу другихъ, долженъ вести съ ними дѣло, быть одѣтымъ, какъ они, пить и ѣсть, какъ они, и въ то же время онъ лишенъ всякой возможности даже хоть подражаніе сносное устроить.

Ужъ не говоря объ отличныхъ сапогахъ, — хоть бы какіе-нибудь сапоги, — такъ и тѣхъ нѣтъ; были одни, да и у тѣхъ подошвы отстали... Понятны трагическія восклицанія Макара Алексѣича: «Пожалуй и самъ я скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этотъ рѣшите сами, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду! Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить». И мало ли людей, страдающихъ и изнывающихъ въ подобныхъ заботахъ? А еще если есть любимое существо, если есть семейство? Сколько горя, сколько тоски самой прозаической, но оттого не меньше тягостной и ужасной! Средь этихъ-то заботъ чувствуетъ человѣкъ, до чего онъ уничиженъ, до чего онъ обиженъ жизнью; тутъ-то посылаетъ онъ желчные укоры тому, на чемъ повидимому такъ сладостно покоится въ другое время, по изложенной выше философіи Макара Алексѣича. И въ этомъ-то пробужденіи человѣческаго сознанія онъ всего болѣе заслуживаетъ наше сочувствіе, и возможностью подобныхъ сознательныхъ движеній онъ искупаетъ ту противную, апатичную робость и безотвѣтность, съ которою всю жизнь подставляетъ себя чужому произволу и всякой обидѣ.

Но отчего же подобныя вспышки «божьей искры» такъ слабы, такъ бѣдны результатами? Отчего пробужденное на мигъ сознаніе засыпаетъ снова такъ скоро? Отчего человѣческіе инстинкты и чувства такъ мало проявляются въ практической дѣятельности, ограничиваясь больше вздохами да пустыми мечтами?

Да оттого и есть, что у людей, о которыхъ мы говоримъ, ужъ характеръ такой. Вѣдь будь у нихъ

другой характеръ, — не могли бы они и быть доведены до такой степени униженія, пошлости и ничтожества. Вопросъ, значитъ, о томъ, отчего образуются въ значительной массѣ такіе характеры, какія общія условія развиваютъ въ человѣческомъ обществѣ инерцію, въ ущербъ дѣятельности и подвижности силъ.

Можетъ быть, вина въ нашемъ національномъ характерѣ? Но вѣдь этимъ вопросъ не рѣшается, а только отдаляется: отчего же національный характеръ сложился такой, по преимуществу инертный и слабый? Придется только рѣшеніе, вмѣсто настоящаго времени, перенести на историческую почву.

При томъ же это еще вопросъ спорный: вѣдь немало кричатъ у насъ и о ширинѣ и размашистости русской натуры. Не произнесемъ своего сужденія о всемъ народѣ: мы имѣемъ въ виду лишь одинъ ограниченный кругъ его. Но признаться надобно — забавны восторги этой размашистостью, выражающеюся въ томъ, что иные господа парятся въ баняхъ, поддавая на каменку шампанское, другіе бьютъ посуду и зеркала въ трактирахъ, третьи — проводятъ всю жизнь въ псовой охотѣ, а въ прежнія времена такъ еще обращали эту охоту и на людей, зашивая мелкопомѣстныхъ лизоблюдовъ въ медвѣжьи шкуры и потомъ травя ихъ собаками... Этакая-то размашистость водится во всякомъ невѣжественномъ обществѣ, и вездѣ падаетъ съ развитіемъ образованія. Но гдѣ же наша размашистость въ кругу обыкновенныхъ людей, да и откуда ей взяться? Возьмите у насъ хоть незрѣлыхъ еще юношей, учащихся наукамъ: чего они ждутъ, какую себѣ цѣль предполагаютъ въ жизни?

Вѣдь всѣ мечты большей части ограничены карьерой, вся цѣль жизни въ томъ, чтобы получше устроиться. Это несравненно рѣже встрѣчаете вы у другихъ народовъ Европы. Не говоря о французахъ, которые имѣютъ репутацію хвастунишекъ,— возьмите другихъ, хоть, напримѣръ, скромныхъ нѣмцевъ. Рѣдкій нѣмецкій студентъ не лелѣетъ въ душѣ какой-нибудь любимой идеи, — у нихъ все больше ударяются въ теорію, — какой-нибудь громадной мечты. Или онъ откроетъ новыя начала философіи и проложитъ новые пути для мысли; или радикально преобразуетъ существующіе педагогическіе методы, и послѣ него человѣчество будетъ воспитываться на новыхъ основаніяхъ; или онъ будетъ великимъ композиторомъ, поэтомъ, художникомъ... Наконецъ, если и угомонится онъ, сузятся его стремленія, рѣшится онъ быть учителемъ какой-нибудь сельской школы, — и тутъ онъ задаетъ себѣ вопросъ и думаетъ, какъ онъ будетъ жить, какъ пріобрѣтетъ расположеніе мальчиковъ и уваженіе общины, и т. п. Во всемъ этомъ вы видите что-то дѣятельное и самостоятельное: «я то-то сдѣлаю, — а что я за это получу, ужъ тамъ само собою слѣдуетъ...» Это не тотъ складъ размашистыхъ мечтаній, какъ, напр., у городничаго, мечтающаго, что его сдѣлаютъ генераломъ за то, что Хлестаковъ женится на его дочери... Мы взяли въ примѣръ нѣмца; возьмите кого хотите другого, вездѣ вы найдете болѣе широкій размахъ воображенія, болѣе иниціативы въ самыхъ мечтахъ и планахъ, нежели у насъ. Англичанинъ, напр., вышедъ изъ школы и переставъ мечтать о томъ, чтобы быть Чатамомъ, Веллингтономъ или Байрономъ, начинаетъ, положимъ, строить планы обога-

щенія. Это, конечно, и у насъ возбуждаетъ мечты многихъ. Но какая же разница и въ средствахъ и въ размѣрахъ! Наши мечтатели о богатствѣ большею частью ухватываются за рутинныя средства, берутъ то, что подъ рукою и что плохо лежитъ, и нерѣдко останавливаются на достиженіи всевозможнаго комфорта. Между тѣмъ англичанинъ въ своихъ соображеніяхъ — изобрѣтетъ нѣсколько машинъ, переѣдетъ нѣсколько разъ всѣ океаны, оснуетъ нѣсколько колоній, устроитъ нѣсколько фабрикъ, сдѣлаетъ нѣсколько громадныхъ оборотовъ и затмитъ собою всѣхъ Ротшильдовъ... И что всего важнѣе, — онъ вѣдь пойдетъ исполнять свою задачу; и хоть половины не выполнитъ, но кое-чего все-таки достигнетъ... То же надо сказать и о французахъ: мы напрасно такъ ужъ наповаль и осуждаемъ ихъ, какъ пустозвоновъ. Нѣтъ, и они исполняютъ по временамъ задачи не маленькія, и во всякомъ случаѣ размахъ у нихъ шире нашего. Мы вонъ возимся надъ какимъ-нибудь энциклопедическимъ словаремъ, надъ какими-нибудь измѣненіями въ паспортной или акцизной системѣ... А они — «составимъ, говорятъ, энциклопедію» — и составили, не чета нашей; «издадимъ, говорятъ, совсѣмъ новый кодексъ»—и издали тотчасъ; «отмѣнимъ то и другое въ нашей жизни» — и отмѣнили. Даже въ нынѣшнемъ, опошленномъ и униженномъ французскомъ обществѣ, все-таки въ строѣ разговора, въ поведеніи каждаго француза вы замѣчаете еще довольно широкія замашки. Тамъ вы слышите: при встрѣчѣ съ Ламорисьеромъ я ему скажу, что онъ поступилъ безчестно; въ другомъ мѣстѣ: у меня почти готова записка императору относительно его итальян-

ской политики; въ третьемъ: нѣтъ, я напишу Персиньи, что такія мѣры не годятся, — и прочее въ такомъ родѣ... Вы видите, что человѣкъ считаетъ себя чѣмъ-то, даетъ себѣ трудъ судить и спорить и никакъ не хочетъ безусловно повергаться въ прахъ предъ каждымъ словомъ хоть бы «Moniteur»'а. Правда, что онъ ничего серьезнаго большею частью не дѣлаетъ; но по крайней мѣрѣ духомъ не падаетъ и не предается тому робкому, безнадежному чувству безсилія, при которомъ можно «обратить человѣка въ грязную ветошку».

А почему у насъ это «обращеніе въ ветошку» такъ легко и удобно, — объ этомъ проницательный читатель не ждетъ, конечно, отъ насъ рѣшительныхъ объясненій: для нихъ еще время не пришло. Приведемъ лишь нѣсколько самыхъ общихъ чертъ, на которыя находимъ указанія даже прямо въ произведеніяхъ автора, по поводу котораго намъ представляются всѣ эти вопросы.

Прежде всего припомните, что говоритъ Макаръ Алексѣичъ, когда избытокъ тоски вызываетъ изъ глубины души его нѣсколько смѣлыхъ сужденій. «Знаю, что это грѣшно... Это вольнодумство... Грѣхъ мнѣ въ душу лѣзетъ...» Вы видите, что самая мысль его связана суевѣрнымъ ужасомъ грѣха и преступленія. И кто же изъ насъ не знаетъ происхожденія этого суевѣрнаго страха? Какой отецъ, отпуская дѣтей своихъ въ школу, училъ ихъ надѣяться только на себя и на свои способности и труды, ставить выше всего науку, искать только истиннаго знанія и въ немъ только видѣть свою опору, и т. п. Напротивъ, не говорили ли всякому изъ насъ: «старайся заслужить вниманіе начальства, будь смиренъе, исполняй без-

прекословно, что тебѣ прикажутъ, не умничай. Ежели захочешь умничать, такъ и изъ праваго выдешь неправымъ; начальство не полюбитъ, — что тогда выйдетъ изъ тебя? Пропадешь... Въ такихъ началахъ, въ такихъ внушеніяхъ мы выросли. Насъ съ дѣтства наши кровные родные старались пріучить къ мысли о нашемъ ничтожествѣ, о нашей полной зависимости отъ взгляда учителя, гувернера, и вообще всякаго высшаго по положенію лица. Припомните, какъ часто случалось вамъ слышать отъ домашнихъ: «молодецъ, тебя учитель хвалитъ», или наоборотъ: «скверный мальчишка,— начальство тобою недовольно», — и при этомъ не принималось никакихъ объясненій и оправданій. А часто ли случалось вамъ слышать, чтобы васъ похвалили за какой-нибудь самостоятельный поступокъ, чтобъ сказали даже просто: «молодецъ, ты вотъ это дѣло очень хорошо изучилъ и можешь его дальше повести», или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Такимъ образомъ направленные съ дѣтства, какъ мы вступаемъ въ дѣйствительную жизнь? Не говорю о богачахъ и баричахъ; до тѣхъ намъ дѣла нѣтъ; мы говоримъ о бѣдномъ людѣ средняго класса. Нѣкоторые и по окончаніи ученическаго періода не выходятъ изъ-подъ крыла родительскаго; за нихъ просятъ, кланяются, подличаютъ, велятъ и имъ кланяться и подличать, выхлопатываютъ мѣстечко, нерѣдко теплое... Подобные птенцы имѣютъ шансы дойти до степеней извѣстныхъ. Но огромное большинство бѣдняковъ, не имѣющихъ ни кола, ни двора, не знающихъ куда приклонить голову, — что дѣлаетъ это большинство? По необходимости тоже подличаетъ и кланяется, и выклаиваетъ себѣ на первый разъ возможность жить

безбѣдно гдѣ-нибудь въ углу на чердакѣ, тратя по двугривенному въ день на свое пропитаніе, — да и это еще по чьей-нибудь милости, потому что, собственно говоря, нужды въ людяхъ нигдѣ у насъ не чувствуется, да и сами эти люди не чувствуютъ, чтобъ они были на что-нибудь нужны... Замѣтьте, что вѣдь у насъ, если человѣкъ мало-мальски чему поучился, то ему нѣтъ другого выхода, кромѣ какъ въ чиновники. Въ послѣднее время всякій, обученный до степени кое-какого знанія хотя одного иностраннаго языка, норовитъ сыскать себѣ средства жизни посредствомъ литературы; но литература наша тоже наводнена всякаго рода претендентами и не можетъ достаточно питать ихъ. Поневолѣ опять обращается цѣлая масса людей ежегодно — къ чиновнической дѣятельности, и поневолѣ терпитъ все, сознавая свою ненужность и коренную безполезность. Болѣзненное чувство господина Прохарчина, что вотъ онъ сегодня нуженъ, завтра нуженъ, а послѣзавтра можетъ и ненужнымъ сдѣлаться, какъ и вся его канцелярія, — одно это чувство объясняетъ намъ достаточную долю той покорности и кротости, съ которою онъ переноситъ всѣ обиды и всѣ тяготы своей жизни.

Да и какъ же быть иначе? Гдѣ взять силъ и рѣшимости для противодѣйствія? Будь еще дѣло между личностями, одинъ на одинъ, тогда бы, можетъ быть, раздраженное человѣческое чувство выказалось сильнѣе и рѣшительнѣе; а вѣдь тутъ и личностей-то нѣтъ никакихъ, кромѣ неповинныхъ, потому что не свою волю творятъ. Мы видѣли даже, что начальникъ Макара Алексѣича, напримѣръ, — благодѣтельное лицо, Юліанъ Мастаковичъ — очень милый человѣкъ... Кто же тѣснитъ и да-

бытъ Макара Алексѣича? Обстоятельства! А что дѣлать противъ обстоятельствъ, когда они сложились такъ прочно и неизмѣнно, такъ неразлучны съ нашимъ порядкомъ, съ нашей цивилизаціей? Ихъ громадность въ состояніи подавить и не одного Макара Алексѣича, который сознается: «Случается мнѣ рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ, — тутъ иногда предъ такимъ зрѣлищемъ такъ умалишься, что какъ будто бы щелчокъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному носу, да и поплетешься, тише воды, ниже травы, своею дорогою, и рукой махнешь!..». Подобное же впечатлѣніе производятъ чудеса современной цивилизаціи, нагроможденныя въ Петербургѣ, на Аркадія, друга Васи Шумкова. Но ужъ мы не станемъ его здѣсь выписывать...

Да, человѣкъ поглощается и уничтожается общимъ впечатлѣніемъ того громаднаго механизма, котораго онъ не въ состояніи даже обнять своимъ разсудкомъ. Подобно древнему язычнику, падавшему ницъ предъ невѣдомыми, грандіозными явленіями природы, падаетъ нынѣшній смертный предъ чудесами высшей цивилизаціи, которая хоть и тяжко отзывается на немъ самомъ, но поражаетъ его своими гигантскими размѣрами. Тутъ уже нѣтъ рѣчи о борьбѣ, тутъ и для характеровъ болѣе сильныхъ возможно только безплодное раздраженіе, желчныя жалобы и отчаяніе. Возьмите хоть опять послѣдній романъ г. Достоевскаго. Вотъ, напримѣръ, сильный, горячій характеръ маленькой Нелли; но посмотрите, какъ она поставлена, и можетъ ли ей въ этой обстановкѣ придти хоть малѣйшая

мысль о борьбѣ — постоянной и правильной? Ея мать умерла, задолжавъ Бубновой; ее нечѣмъ похоронить; Нелли осталась безпомощна, беззащитна. Бубнова беретъ ее къ себѣ и вступаетъ, разумѣется, надъ нею во всѣ права воспитательницы и госпожи. Ее бьютъ, мучатъ и тиранятъ всячески, что же съ этимъ дѣлать? Бубнова — ея благодѣтельница, и не будь она, такъ другая на ея мѣстѣ могла бы дѣлать то же самое... Нелли даже злобно рада своимъ побоямъ: она считаетъ ихъ уплатою за кусокъ хлѣба и за отрепье, какое даетъ ей Бубнова. Но ей тяжко другое: она видитъ, къ чему ее готовитъ Бубнова; ей и обидно, и страшно, и горько... Но опять — что же она сдѣлаетъ? Вѣдь не зарѣзать же Бубнову! А убѣжать отъ нея — куда убѣжишь, чтобы не нашли? И вотъ она продана, и избавляется случайнымъ образомъ, когда уже надъ нею готово совершиться мерзкое преступленіе... Затѣмъ — она знаетъ, что она дочь, законная дочь князя. Но что же изъ этого? Нужны документы, у ней ихъ нѣтъ; нужно быть юристомъ, чтобъ затѣять дѣло, да и то у князя есть деньги и связи, подѣйствительнѣе всѣхъ юристовъ... Бѣдная Нелли хоть и попадаетъ подъ конецъ къ добрымъ людямъ, но ее постоянно возмущаетъ чувство, что она живетъ у чужихъ людей, изъ милости...

Ну, да это, положимъ, ребенокъ. Возьмемъ изъ того же романа другое лицо — Ихменева. Это характеръ крѣпкій, но крѣпкій не на борьбу, а на упорство въ раздраженіи. Свой гнѣвъ, свою горечь онъ изливаетъ то на безотвѣтную жену, то на дочь, которую страстно любитъ, но тѣмъ не менѣе проклинаетъ нѣсколько разъ. Отчего онъ всю силу

свою не употребитъ прямо куда слѣдуетъ, — противъ своего обидчика — князя?.. Да онъ бы и желалъ этого болѣе всего на свѣтѣ; но въ дѣлахъ съ княземъ надо соблюдать установленныя церемоніи и условія. Затѣянъ процессъ — ну и идетъ онъ неспѣшно, годами, по законному порядку. Порядокъ этотъ оказывается въ пользу князя, — все въ пользу князя, — сколько ни апеллируй — все въ его пользу... Приходится платить, продавать съ аукціона Ихменевку... Вѣдь знаетъ и чувствуетъ старикъ, что это несправедливо, оскорбительно, безсовѣстно; но какъ же это передѣлаешь? И въ чемъ тутъ сила? Даже и не въ князѣ: убей Ихменевъ князя, — а деревню его все-таки продадутъ... Да и убить-то князя нельзя: онъ такъ хорошо огражденъ! Ихменевъ возымѣлъ было это намѣреніе, узнавъ, что князь сказалъ одному чиновнику, что «вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ» хочетъ возвратить старику штрафныя съ него 10 тысячъ. Это значило назначать плату за безчестье его дочери. Старикъ расходился и рѣшилъ вызвать князя на дуэль. Вотъ разсказъ Ивана Петровича объ успѣхахъ его попытки:

Отъ меня онъ кинулся прямо къ князю, не засталъ его дома и оставилъ ему записку: въ запискѣ онъ писалъ, что знаетъ о словахъ его, сказанныхъ чиновнику, что считаетъ ихъ себѣ смертельнымъ оскорбленіемъ, а князя низкимъ человѣкомъ, и вслѣдствіе всего этого вызываетъ его на дуэль, предупреждая при этомъ, чтобъ князь не смѣлъ уклоняться отъ вызова, иначе будетъ обезчещенъ публично.

Анна Андреевна разсказывала мнѣ, что онъ воротился домой въ такомъ волненіи и разстройствѣ, что даже слегъ. Съ ней былъ очень нѣженъ, но на разспросы ея отвѣчалъ мало, и видно было, что онъ чего-то ждалъ съ лихорадоч-

нымъ нетерпѣніемъ. На другое утро пришло по городской почтѣ письмо; прочтя его, онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Анна Андреевна обмерла отъ страха. Но онъ тотчасъ же схватилъ шляпу, палку и выбѣжалъ вонъ.

Письмо было отъ князя. Сухо, коротко и вѣжливо онъ извѣщалъ Ихменева, что въ словахъ своихъ, сказанныхъ чиновнику, онъ никому не обязанъ никакимъ отчетомъ. Что хотя онъ очень сожалѣетъ Ихменева за проигранный процессъ, но, при всемъ своемъ сожалѣніи, никакъ не можетъ найти справедливымъ, чтобъ проигравшій въ тяжбѣ имѣлъ право, изъ мщенія, вызывать своего соперника на дуэль; что же касается до „публичнаго безчестія", которымъ ему грозили, то князь просилъ Ихменева не безпокоиться объ этомъ, потому что никакого публичнаго безчестія не будетъ, да и быть не можетъ; что письмо его немедленно будетъ представлено куда слѣдуетъ и что предупрежденная полиція навѣрно въ состояніи принять надлежащія мѣры къ обезпеченію порядка и спокойствія.

Ихменевъ съ письмомъ въ рукѣ тотчасъ же бросился къ князю. Князя опять не было дома; но старикъ успѣлъ узнать отъ лакея, что князь теперь вѣрно у графа N. Долго не думая, онъ побѣжалъ къ графу. Графскій швейцаръ остановилъ его, когда уже онъ подымался на лѣстницу. Взбѣшенный до послѣдней степени, старикъ ударилъ его палкой Тотчасъ же его схватили, втащили на крыльцо и передали полицейскимъ, которые препроводили его въ часть. Доложили графу. Когда случившійся тутъ князь объяснилъ честолюбивому старичку, что это тотъ самый Ихменевъ, отецъ той самой Наташи Николаевны (а князь не разъ прислуживалъ графу по *этимъ дѣламъ*), то вельможный старичокъ только засмѣялся и перемѣнилъ гнѣвъ на милость; сдѣлано было распоряженіе отпустить Ихменева на всѣ четыре стороны; но выпустили его только на третій день, при чемъ (навѣрно по распоряженію князя) объявили старику, что самъ князь упросилъ графа его помиловать.

Старикъ воротился домой, какъ безумный, бросился на постель и цѣлый часъ лежалъ безъ движенія; наконецъ приподнялся и, къ ужасу Анны Андреевны, объявилъ торжественно, что *навьки* проклинаетъ дочь и лишаетъ ее своего родительскаго благословенія

Анна Андреевна пришла въ ужасъ, но надо было помогать старику, и она, сама чуть не безъ памяти, весь этотъ день и почти всю ночь ухаживала за нимъ, примачивала ему голову уксусомъ, обкладывала льдомъ. Съ нимъ былъ жаръ и бредъ.

Вотъ вамъ и все. Не въ князѣ тутъ сила, а въ томъ, что каковъ бы онъ ни былъ, онъ всегда огражденъ отъ всякой попытки Ихменевыхъ и т. п. — своимъ экипажемъ, швейцаромъ, связями, наконецъ даже полицейскимъ порядкомъ, необходимымъ для охраненія общественнаго спокойствія.

Такъ, стало быть, положеніе этихъ несчастныхъ, забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ людей совсѣмъ безвыходно? Только имъ и остается, что молчать и терпѣть, да, обратившись въ грязную ветошку, хранить въ самыхъ дальнихъ складкахъ ея свои безотвѣтныя чувства?

Не знаю, можетъ быть и есть выходъ; но во всякомъ случаѣ вы были бы наивны, читатель, если бы ожидали отъ меня подробныхъ разъясненій по этому предмету. Пробовалъ я когда-то начинать подобныя объясненія, но никогда не доходили они какъ слѣдуетъ до своего назначенія. Теперь ужъ и писать не стану. Да и вообще — неужели вы, читатели, до сихъ поръ не замѣтили, что мы съ нашею литературою все повторяемъ только зады? Произвела жизнь наша, много лѣтъ тому назадъ, извѣстный разрядъ личностей; лѣтъ двадцать тому назадъ художники ихъ примѣтили и описали, теперь критикѣ опять пришлось обратиться къ разбору произведеній одного изъ этихъ художниковъ; вотъ она сгруппировала, съ картинъ художника, нѣсколько личностей, кое-что обобщила, сдѣлала

кое-какіе выводы и замѣчанія... И вотъ все, что покамѣстъ мы можемъ. Мы нашли, что забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ личностей у насъ много въ среднемъ классѣ, что имъ тяжко и въ нравственномъ и въ физическомъ смыслѣ, что, несмотря на наружное примиреніе съ своимъ положеніемъ, они чувствуютъ его горечь, готовы на раздраженіе и протестъ, жаждутъ выхода... Но тутъ и кончается предѣлъ нашихъ наблюденій. Гдѣ этотъ выходъ, когда и какъ — это должна показать сама жизнь. Мы только стараемся идти за нею и представлять для людей, которые не любятъ или не умѣютъ слѣдить сами за ея явленіями, то или другое изъ общихъ положеній дѣйствительности. Бериге же, пожалуй, фактъ, намекъ или указаніе, сообщенное въ печати, какъ матеріалъ для вашихъ соображеній; но главное, слѣдите за непрерывнымъ, стройнымъ, могучимъ, ничѣмъ несдержимымъ теченіемъ жизни, и будьте живы, а не мертвы. Со времени появленія Макара Алексѣича съ братіею жизнь уже сдѣлала многое, только это многое еще не формулировано. Мы замѣтили, между прочимъ, общее стремленіе къ возстановленію человѣческаго достоинства и полноправности во всѣхъ и каждомъ. Можетъ быть, здѣсь уже и открывается выходъ изъ горькаго положенія загнанныхъ и забитыхъ, конечно не ихъ собственными усиліями, но при помощи характеровъ, менѣе подвергшихся тяжести подобнаго положенія, убивающаго и гнетущаго. И вотъ этимъ-то людямъ, имѣющимъ въ себѣ достаточную долю иниціативы, полезно вникнуть въ положеніе дѣла, полезно знать, что большая часть этихъ забитыхъ, которыхъ они считали, можетъ быть, пропавшими и умершими нравственно,—

все-таки крѣпко и глубоко, хотя и затаенно даже для себя самихъ, хранятъ въ себѣ живую душу и вѣчное, неисторжимое никакими муками сознаніе своего человѣческаго права на жизнь и счастье.

Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности.

Ахъ, какой пассажъ!
„Ревизоръ"

13-е декабря 1859 года запишется неизгладимыми чертами въ исторіи русской словесности. Этотъ день доказалъ неоспоримо, что правила языка и слога дѣйствительно занимаютъ во всѣхъ нашихъ общественныхъ вопросахъ первое и важнѣйшее мѣсто. На языкъ, слогъ и даже шрифтъ устремляется всеобщее вниманіе; они дѣлаются предметомъ гласныхъ обсужденій, на которыя стекаются многія сотни образованныхъ людей, — цвѣтъ нашего общества. О, какое великое дѣло языкъ, слогъ и шрифтъ! . . Мы убѣдились въ этомъ, сидя въ залѣ Пассажа, 13 декабря сего года.

Читателямъ нашимъ конечно, извѣстно изъ газетъ, что 13 декабря происходилъ въ залѣ Пассажа литературный турниръ между гг. Перозіо и Смирновымъ. Но, можетъ быть, не всѣмъ извѣстна сущность и цѣль турнира . . .

«Помилуйте! За кого же вы насъ принимаете,— восклицаютъ читатели (не бывшіе въ знаменитомъ засѣданіи). — Развѣ мы ничего не читаемъ, развѣ

не интересуемся общественными вопросами, или не умѣемъ понимать того, что читаемъ? .. Развѣ не ясно высказана была цѣль устнаго состязанія въ вызовѣ г. Перозіо, въ 261 нумерѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»? Г-нъ Перозіо обличалъ Общество Русскаго Пароходства и Торговли, а г. Смирновъ защищалъ его; оба вооружались цифрами и фактами и оба объявляли, что цифры и факты противника произвольны. Тогда г. Перозіо и сказалъ: «Этакъ мы будемъ, пожалуй, спорить до безконечности и все-таки не объяснимъ публикѣ настоящаго положенія дѣла. Но еще масса публики, положимъ, не такъ сильно заинтересована нашимъ споромъ, чтобы добиваться во что бы то ни стало—узнать, кто правъ, кто виноватъ. Есть еще довольно обширный кругъ людей, интересующихся спеціально тѣмъ дѣломъ, о которомъ мы разсуждаемъ; это — акціонеры Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Мы съ разныхъ сторонъ приступаемъ къ нимъ, и я говорю: ваше дѣло идетъ плохо, а г. Смирновъ говоритъ: напротивъ, — оно идетъ отлично . . . Оба мы подтверждаемъ свои увѣренія фактами и цифрами; но этой письменной полемики очень недостаточно для полнаго уясненія дѣла, и акціонеры, не имѣющіе подъ руками всѣхъ данныхъ, какія можемъ имѣть мы, продолжаютъ оставаться въ недоумѣніи, чему вѣрить. Чтобы окончательно разъяснить дѣло, чтобы разсѣять это недоумѣніе, чтобы рѣшительно убѣдиться и убѣдить другихъ, каково же, наконецъ, положеніе дѣлъ Общества Пароходства и Торговли, — намъ лучше всего сойтись и объясниться словесно, въ присутствіи посредниковъ и публики. Тогда въ нѣсколько часовъ мы выскажемъ гораздо больше, нежели могли бы написать, споря другъ съ дру-

томъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ, — и дѣло объяснится. Я готовъ публично доказывать свое положеніе — что дѣло нехорошо, г. Смирновъ пусть доказываетъ, что оно хорошо . . .» — «Вотъ что говоритъ г. Перозіо, — прибавляютъ читатели: — неужели же послѣ этого еще вы полагаете, что у насъ недостаетъ здраваго смысла сдѣлать выводъ: *цѣль состязанія г. Смирнова съ г. Перозіо заключалась въ томъ, чтобы раскрыть настоящее положеніе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли*».

О наивность! О Аркадія! восклицаемъ мы . . . Да съ чего же вы это взяли, почтенные читатели? На какомъ основаніи вообразили вы, что тутъ рѣчь о дѣлахъ? Съ какой стати примѣшали вы тутъ какое-то Общество Русскаго Пароходства и Торговли? . . Вы ужасно ошиблись, понявши дѣло въ такомъ видѣ. Вы сами сочинили слова, приписанныя вами г. Перозіо . . .

«Однакоже позвольте, — прерываютъ читатели. — Вотъ вамъ подлинныя слова г. Перозіо изъ 261 нумера «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Прочитайте:

„Тутъ дѣло еще не въ массѣ читателей; мы споримъ въ виду читателей, такъ сказать, *спеціальныхъ*, подъ которыми я понимаю акціонеровъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Людямъ этимъ, положившимъ свои капиталы въ предпріятіе и ожидающимъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей, *мы доказываемъ; я — что дѣла Общества въ плохомъ положеніи и что г. директоръ-распорядитель сообщаетъ публикѣ самыя невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ ихъ; вы — что все это идетъ прекрасно и что я безсовѣстно лгу.* У насъ обоихъ въ рукахъ цифры, мы обвиняемъ повидимому негословно. Итакъ, *гг. акціонеры Общества должны стоять между страхомъ и надеждою; такъ не лучше ли разомъ — или*

уничтожить этотъ страхъ, или разсѣять надежды? Перепискою или печатною полемикою мы никогда *не уяснимъ какъ слѣдуетъ дѣла,* да и согласитесь, — надоѣдимъ читателямъ и собьемъ окончательно съ толку акціонеровъ, чего, — не знаю, какъ вы, г.Смирновъ, — а я рѣшительно не желаю. По-моему, *вопросъ объ обвиненіи кого нибудь въ недобросовѣстности или неправильности дѣйствій и т. п. — вопросъ юридическій:* такъ почему бы намъ не примѣнить здѣсь систему гласнаго судопроизводства, котораго всѣ мы такъ добиваемься?"

«Вотъ слова г. Перозіо, — продолжаютъ читатели, не бывшіе въ засѣданіи: — какъ же можно понимать ихъ, какъ не въ томъ смыслѣ, который мы въ нихъ нашли? Обратите на нихъ вниманіе, разберите ихъ: ясно, что г. Перозіо желаетъ раскрыть дѣло, объяснить, подтвердить и дополнить свои показанія, разрѣшить сомнѣнія, которыя могли быть возбуждены его статьями, и пр. Устное объясненіе предположено имъ, какъ продолженіе полемики о дѣлахъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли, взамѣнъ тѣхъ новыхъ статей, которыя могъ бы онъ, равно какъ и г. Смирновъ, писать до безконечности по этому предмету» ...

Нѣкоторымъ можетъ показаться справедливымъ выводъ провинціальныхъ читателей. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно имѣетъ нѣкоторую основательность съ точки зрѣнія дѣловыхъ людей. Но мы, въ качествѣ чистыхъ литераторовъ, никакъ не можемъ признать въ немъ ни капли основательности... Мы не знаемъ, какъ доказать свое мнѣніе; но, подражая г. Серно-Соловьевичу, не унываемъ и кричимъ очень громко: «Дѣло въ томъ, господа читатели, что въ статьѣ г. Перозіо нѣтъ именно тѣхъ словъ, какія вы говорите. *О дополненіи* показаній,

о представленіи защиты *дѣла* — тамъ не сказано, а сказано только: «я готовъ доказать всю истину показаній, *дѣланныхъ мною до сихъ поръ . . .*» Мы должны придерживаться буквы того, что написано... А тѣ заключенія, которыя вами, читатели, представлены, — вы *сами вывели*. Вѣрно ли вы ихъ вывели — это другой вопросъ, который сюда не входитъ; а главное то, что въ статьѣ г. Перозіо нѣтъ тѣхъ словъ, которыя вы говорите . . . Слѣдовательно, вы неправы . . .»

Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ читателей, мы чувствуемъ, что у насъ на душѣ стало легче. Мы проникаемся великодушіемъ и говоримъ (опять подражая г. Серно-Соловьевичу): несмотря на то, что мы васъ совершенно разбили, читатели, — вы признаетесь правыми. Дѣйствительно, первоначально въ статьѣ г. Перозіо могъ быть тотъ смыслъ (и даже, по правдѣ говоря, не могъ не быть), — что устное объясненіе назначается для удобнѣйшаго раскрытія положенія дѣлъ Общества Пароходства и Торговли. Но видите ли, въ чемъ дѣло, — аркадскіе наши читатели. Нужны были посредники для состязанія; г. Смирновъ пригласилъ В. М. Жемчужникова, Н. А. Серно-Соловьевича и В. П. Шульца; г. Перозіо пригласилъ — В. А. Полетику, Г. З. Зубинскаго и П. В. Соловцова. Президентомъ засѣданія, или суперъ-арбитромъ, какъ сказано въ программѣ, приглашенъ быть Е. И. Ламанскій. При самомъ объявленіи о выборѣ посредниковъ, г. Смирновъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, перенесъ споръ въ сферу болѣе возвышенную и болѣе достойную ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, принявшихъ участіе въ дѣлѣ. Г-нъ Смирновъ объявилъ, что собственно спорить не о чемъ, *предметъ безспорный,*

но что онъ желаетъ *сдѣлать г. Перозіо публичный экзаменъ въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики.* Для этого онъ обѣщалъ вооружиться: отчетомъ Общества, статьею г. Новосельскаго и «Ариѳметикой» Меморскаго [1]. Отчетъ и статья, очевидно, нужны были затѣмъ, чтобы было — откуда брать задачи для г. Перозіо; «Ариѳметика» же Меморскаго... для того, вѣроятно, чтобы г. Смирнову справляться въ ней, если что позабудетъ... Иначе ее незачѣмъ было бы и брать: вѣдь ученикамъ на экзаменѣ не позволяется въ книжку заглядывать... Впрочемъ, это мы мимоходомъ только замѣтили; г. Смирновъ объявилъ себя экзаменаторомъ, — такъ, разумѣется, ему и книги въ руки... Но главное для насъ — слѣдующія соображенія, которыя сейчасъ же и докажутъ ошибку читателей, предполагающихъ, что въ Пассажѣ 13 декабря собирались толковать о дѣлѣ.

Всякій согласится, что учебникъ Меморскаго имѣетъ весьма слабое отношеніе къ дѣятельности Общества Русскаго Пароходства и Торговли. Что онъ за документъ? Какія въ немъ данныя о дѣлахъ Общества? Ясно, что уже въ самомъ «Отвѣтѣ на вызовъ» г. Смирнова указывается другая цѣль состязанія, не матеріальная, не меркантильная, а высшая, ученая. Вопросъ перенесенъ въ сферу первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики; что же касается до дѣла, то о немъ и говорить не стоитъ, по мнѣнію г. Смирнова. Онъ находитъ *страннымъ*, что г. Перозіо хочетъ еще какихъ-то устныхъ разсужденій, и *приглашаетъ* всѣхъ желающихъ быть *сви-*

[1] Плохая „Ариѳметика", болѣе притупляющая, нежели развивающая сообразительность учениковъ; но г. Смирновъ упомянулъ именно о ней, — можетъ быть потому, что самъ по ней учился.

дѣтелями публичнаго экзамена г. Перозіо, но никакъ *не разсужденій о дѣлахъ*.

Могутъ сказать, что вѣдь вольно же было г. Смирнову понять дѣло такимъ образомъ. Могутъ замѣтить, что такой оборотъ дѣла даже не дѣлаетъ особенной чести г. Смирнову, потому что доказываетъ его несостоятельность въ вопросѣ о дѣлѣ, которое взялся онъ разбирать. Если бы онъ зналъ дѣло, скажутъ наивные читатели, — то долженъ былъ бы ухватиться за случай разъяснить его. Въ вызовѣ г. Перозіо была, конечно, фраза и о томъ, что онъ будетъ доказывать свои *прежнія* положенія; но весь смыслъ вызова говорилъ въ пользу преній о положеніи дѣлъ Общества. И ежели г. Смирновъ весь этотъ смыслъ оставилъ въ сторонѣ, а придрался лишь къ одной фразѣ въ вызовѣ г. Перозіо, то онъ доказалъ этимъ, что не пошелъ далѣе «Ариѳметики» Меморскаго. Но въ такомъ случаѣ ему вовсе не слѣдовало браться за указаніе невѣрностей въ статьяхъ г. Перозіо, или взяться, но тутъ же и объявить, что самаго дѣла онъ, г. Смирновъ, не понимаетъ, и не можетъ сказать, правъ ли г. Перозіо въ сущности, а только хлопочетъ о возстановленіи попранныхъ правъ ариѳметики, въ качествѣ школьнаго учителя. Тогда г. Перозіо, конечно, не сталъ бы и вызывать его на споръ, потому что смѣшно же прибѣгать къ гласному судопроизводству и рѣшать по большинству голосовъ, что напр. 35 — 5 = 30 . . .

Все это можетъ быть и правда. Но дѣло въ томъ что не одинъ г. Смирновъ, а и самъ г. Перозіо склонился потомъ на то, чтобъ предметомъ *преній* сдѣлать ариѳметику. Если бы онъ хотѣлъ дѣйствительно разсуждать о дѣлахъ, то онъ, конечно, на приведенный выше отвѣтъ г. Смирнова долженъ былъ

бы возразить такъ: «Я вамъ предлагаю объяснить и доказать публично мои показанія, во избѣжаніе дальнѣйшей полемики; а вы, въ отвѣтъ на это, бросаете мнѣ въ лицо пошлыя и оскорбительныя остроты, — или умышленно, или по недостатку сообразительности не понимая, чего я хочу. Честь имѣю вамъ объявить, что экзаменоваться у васъ изъ первой части ариѳметики я считаю совершенно ненужнымъ, а приглашать на это публику — унизительнымъ, не столько для меня, сколько для васъ и для нея. Отвѣтъ вашъ я принимаю за *уклоненіе* отъ серьезнаго, публичнаго разсужденія, и вслѣдствіе того имѣю право взять назадъ свой вызовъ, до тѣхъ поръ, пока вы не выкажете большей вѣжливости и благоразумія. Что же касается до вашихъ оскорбительныхъ фразъ, относящихся лично ко мнѣ, то о нихъ мы съ вами можемъ объясниться и безъ публики».

Такъ, безъ сомнѣнія, отвѣтилъ бы г. Перозіо, если бы онъ имѣлъ намѣреніе разсуждать о дѣлахъ; по крайней мѣрѣ всякій согласится, что именно такой отвѣтъ предписывается человѣку въ подобныхъ случаяхъ всѣми правилами чести и благоразумія. Но г. Перозіо весьма скромно напечаталъ, въ № 267 «Спб. Вѣдомостей», — что онъ «*съ должною благодарностью* принимаетъ согласіе г. Смирнова выступить на публичный споръ съ нимъ для *окончательнаго рѣшенія вопросовъ, изложенныхъ въ протестѣ его противъ статьи г. Новосельскаго*». Здѣсь еще есть упоминаніе объ окончательномъ рѣшеніи *вопросовъ;* но изъ самаго согласія г. Перозіо видно, что онъ и самъ уже начинаетъ смотрѣть на вопросъ не съ дѣловой, а съ *литературной точки.*

Вслѣдъ за тѣмъ дѣло повертывается уже рѣши-

тельно въ пользу словесности. Да и нельзя иначе: въ числѣ посредниковъ находился г. Серно-Соловьевичъ, изъ устъ котораго (какъ мы уже замѣчали недавно) такъ и вырѣзывается краснорѣчивый карамзинскій стиль... Сей юный литературный дѣятель не могъ оставаться и не остался, — какъ видѣли мы въ засѣданіи, — равнодушнымъ къ вопросамъ стиля и даже шрифта. И его ревности благопріятствовала вся программа состязанія. Цѣлью ея была постановлена — «*повѣрка г. Смирновымъ фактовъ, цифръ и выводовъ г. Перозіо въ статьѣ* «Протестъ противъ статьи г. Новосельскаго»». Изъ этого ясно, что не только самъ г. Перозіо, но и его посредники согласились смотрѣть на состязаніе какъ чисто-ученый и литературный споръ. Даже больше, — они согласились смотрѣть на все дѣло какъ на урокъ изъ ариѳметики, данный г-ну Перозіо, самимъ его посредникамъ и всей публикѣ. Иначе — зачѣмъ тутъ замѣшалось бы личное присутствіе г. Перозіо, зачѣмъ даже посредники. Статья г. Перозіо напечатана; г. Смирновъ возразилъ на нее тоже печатно. Дѣло все въ цифрахъ и положительныхъ данныхъ, да и не въ измѣненіи ихъ, а въ *простой ариѳметической повѣркѣ*... На что же тутъ нуженъ г. Перозіо? Просто бы пригласить какъ можно больше народу, да и прочесть имъ лекцію о недобросовѣстности г. Перозіо и о слабости познаній его въ ариѳметикѣ. Да пожалуй и этого не нужно было, потому что на устное совѣщаніе нельзя же пригласить столько народу, сколько найдется читателей для статей, напечатанныхъ противъ г. Перозіо... Очевидно, что присутствіе г. Перозіо нужно было только въ двухъ случаяхъ: или — ежели онъ и его посредники могли въ подкрѣпленіе своихъ

прежнихъ показаніи представлять новыя объясненія, данныя и соображенія, — но этого не было; или же въ томъ случаѣ, если ему слѣдовало прочесть наставленіе относительно занятій ариѳметикою, — это и было, какъ положительно заявлено и въ «Отвѣтѣ» г. Смирнова, и въ самомъ началѣ «Условіи» состязанія.

Такимъ образомъ мы, на основаніи печатныхъ документовъ, можемъ уже положительно заявить нашимъ читателямъ, что они жестоко ошибаются, если считаютъ цѣлью собранія 13 декабря — раскрытіе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли... Нѣтъ, по мнѣнію г. Смирнова, отвергшаго вызовъ г. Перозіо говорить о дѣлахъ — столь низкая, матеріальная цѣль была бы, конечно, недостойною перваго опыта устнаго судопроизводства у насъ. Тутъ была цѣль высшая, такъ сказать, невещественная; сужденія о литературномъ и ученомъ (т. е. ариѳметическомъ) достоинствѣ статей г. Перозіо. Въ этомъ послѣднемъ мы убѣдились, присутствуя при состязаніи, и потому послѣднимъ разсказать о немъ [1].

До 600 человѣкъ наполнили залу Пассажа въ полдень 13 числа. Умилительно было видѣть это всеобщее сочувствіе къ литературѣ, возбужденное въ массахъ столичнаго населенія... «Боже мой, — думали мы, — давно ли было то время, когда не интересовались тѣмъ, что пишутъ о Гоголѣ, когда не знали имени Бѣлинскаго! А теперь — какая перемѣна!.. Что за литературные дѣятели гг. Перозіо

[1] Въ нашей замѣткѣ нѣтъ никакихъ цифръ и изслѣдованій о сущности спора гг. Перозіо и Смирнова; мы говоримъ лишь объ общемъ характерѣ турнира. Что же касается до цифръ, то объ этомъ мы, можетъ быть, представимъ особую статью.

и Смирновъ? Одинъ нашелъ нѣсколько недомолвокъ и недоразумѣній въ отчетѣ акціонерной компаніи; другой написалъ о немъ, что, ловя чужія ошибки, онъ и самъ надѣлалъ ариѳметическихъ промаховъ... И вотъ всѣ ихъ права на знаменитость... А между тѣмъ зала полна! Всѣ хотятъ слышать рѣшеніе, кто изъ двухъ проникъ въ тайны первыхъ началъ ариѳметики, — г. Смирновъ или г. Перозіо... Краснорѣчивые и остроумные литераторы приглашены къ посредничеству; знаменитый русскій ученый предсѣдательствуетъ при этомъ литературномъ спорѣ... Умилительное зрѣлище!»...

Но вотъ суперъ-арбитръ произноситъ торжественную рѣчь, въ которой старается внушить публикѣ надлежащее благоговѣніе къ предстоящему зрѣлищу. Онъ упрашиваетъ ее сохранять строгое молчаніе, дабы выраженіемъ одобренія или неудовольствія не вліять на рѣшеніе посредниковъ относительно того, кто изъ спорящихъ вѣрнѣе складываетъ. Онъ говоритъ, что самымъ своимъ безмолвіемъ публика будетъ импонировать на ихъ добросовѣстность въ разрѣшеніи, по большинству голосовъ, вопросовъ о томъ, что больше — 30 или 20, или о томъ, дѣйствительно ли выйдетъ 30, если 286 вычесть изъ 316, и т. д. Затѣмъ начинаются пренія.

Г-нъ Смирновъ излагаетъ свои обвиненія. Потомъ, по вопросу суперъ-арбитра, г. Перозіо представляетъ свои положенія по первому пункту (а всѣхъ ихъ — 13), г. Смирновъ возражаетъ; послѣ того посредники начинаютъ разсуждать. Со стороны г. Смирнова преимущественно дѣйствуетъ г. Серно-Соловьевичъ; со стороны г. Перозіо — г. Полетика. Споръ ведется очень литературно со стороны г. Серно-Соловьевича. Доказательствомъ служитъ

уже то что вопросъ о правильности сложенія цифръ 20 | 10+5, и вывода изъ нихъ, 35, поддерживался имъ почти три четверти часа! . . Можете себѣ представить, какъ широко было его краснорѣчіе и какъ велико адвокатское искусство!.. Но,къ сожалѣнію, г. Полетика съ перваго же раза обнаруживаетъ удивительное равнодушіе къ литературнымъ интересамъ и стараніе свести рѣчь на сущность дѣла. Ему, конечно, указываютъ на программу, которую онъ же самъ подписалъ и въ которой говорится, что сужденіе должно идти вовсе *не о дѣлѣ, а о достоинствѣ статьи г. Перозіо.* По первому пункту (о числѣ пароходовъ) г. Перозіо признается неправымъ, потому что въ статьѣ его дѣйствительно оказывается обвиненіе въ утайкѣ цифръ, которыя не были утаены.

Затѣмъ идетъ второй пунктъ — о распредѣленіи пароходовъ на рѣчные и морскіе. Тутъ пошла рѣчь объ основаніяхъ распредѣленія; но оказалось, что этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ программы, ибо касается техническихъ соображеній, которыхъ рѣшено не касаться. Рѣшеніе это сдѣлано, какъ напечатано въ «Условіяхъ», *посредниками г. Перозіо,* и между прочими — г. Полетикою. Посредники же г. Смирнова сами предлагали — разсуждать и о техническихъ вопросахъ. Хотя они вопросовъ этихъ и не понимали, какъ неоднократно признавались въ засѣданіи, — но что до этого! На ихъ сторонѣ было всесокрушающее краснорѣчіе г. Серно-Соловьевича. Если онъ о 30 и 20 ораторствовалъ болѣе получаса, то чего бы не наговорилъ онъ, если бы дѣло коснулось вопросовъ техническихъ! . . Но какъ бы то ни было, — второй пунктъ остался въ сторонѣ. Тутъ чей-то невѣжливый голосъ раздался сверху: «такъ ужъ лучше бы и все оставить

въ сторонѣ». Но публика встрѣтила этотъ гогосъ шиканьемъ, и тишина немедленно возстановилась.

Приступили къ третьему пункту. Но тутъ уже началось совершенное торжество ораторскаго искусства и литературныхъ воззрѣній. Въ послѣдующихъ пунктахъ многое зависѣло отъ вопроса о распредѣленіи морскихъ и рѣчныхъ пароходовъ, такъ какъ г. Перозіо дѣлаетъ выводы изъ сличенія цифръ «Сравненія», относящихся къ однимъ морскимъ пароходамъ, съ цифрами «Отчета», относящимся ко всѣмъ пароходамъ вообще. Если бы разсуждали о дѣлѣ, то конечно второй вопросъ нужно бы выяснить совершенно; но для литературнаго спора вопросъ этотъ оказался неважнымъ, и его оставили безъ рѣшенія. Зато и вышелъ весьма важнымъ третій вопросъ, «о количествѣ пройденныхъ миль». Здѣсь г. Серно-Соловьевичъ въ теченіе четверти часа занималъ собраніе весьма глубокими и краснорѣчивыми разсужденіями о *шрифтѣ,* какимъ напечатано замѣчаніе г. Перозіо о миляхъ. Весьма одушевленно и съ чрезвычайною твердостью ораторствовалъ онъ *курсивѣ* и пускался въ весьма тонкія соображенія о томъ, что хотѣлъ г. Перозіо сказать курсивомъ. Но къ несчастью, г. Полетика не сумѣлъ оцѣнить и этихъ благородныхъ усилій на пользу ораторскаго и отчасти типографскаго искусства. Онъ возразилъ г. Соловьевичу: «Да что намъ разсудать о томъ, что хотѣлъ сказать г. Перозіо своимъ курсивомъ? Вѣдь г. Перозіо здѣсь: спросимъ его лучше». Какой странный человѣкъ этотъ г. Полетика! Оно, конечно — лучше; да для чего лучше? Для дѣла, а ужъ никакъ не для ораторскаго искусства г. Серно-Соловьевича. Впрочемъ г. Перозіо такъ, кажется, и не спросили,

и онъ по пункту съ курсивомъ — *оставленъ въ подозрѣніи* [1].

Далѣе пошелъ вопросъ о топливѣ. Найдено, что г. Перозіо промахнулся здѣсь, не выведши пропорціи антрацита съ углемъ. Но тѣмъ не менѣе г. Полетика доказывалъ, что цифры, приведенныя г. Новосельскимъ и критикуемыя г. Перозіо, невѣрны. Онъ, очевидно, никакъ не хотѣлъ стать на школьно-литературную точку зрѣнія, которая ясно опредѣлена была «Условіями»; подписавши, вмѣстѣ съ другими, эти «Условія», онъ въ самомъ засѣданіи, противъ всякаго ожиданія г. Смирнова и его посредниковъ, вдругъ вообразилъ себѣ, что нужно вести рѣчь о дѣлѣ, и на этомъ основаніи упорно пытался доказывать — не то, что статья г. Перозіо очень хорошо написана, а то, что сущность дѣла все-таки съ нею согласна, а не съ увѣреніями г. Смирнова. Г-нъ Полетика дошелъ до того, что сталъ требовать отъ противной стороны *категорическаго отвѣта:* «буду ли я правъ, если докажу вамъ, что эти цифры Отчета невѣрны?» Разумѣется, ему не дали категорическаго отвѣта, потому что это значило бы перенести вопросъ съ ариѳметически-литературной арены на ариѳметически-дѣловую... Г-нъ Серно-Соловьевичъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ уклонился отъ *категорическаго* отвѣта. Онъ началъ немедленно какую-то длинную рѣчь, которая начиналась словами: «вы смѣшиваете...». Далѣе мы — отчасти не слыхали, потому что за этими словами раздался въ публикѣ дружный смѣхъ, — а отчасти и позабыли, потому что вообще не богато одарены па-

[1] Г-ну Серно Соловьевичу представляется удобный случай разсудить: что значитъ у насъ *курсивъ*, въ этомъ мѣстѣ?

мятью словъ . . . Помнимъ только, что рѣчь г. Серно-Соловьевича была очень краснорѣчива, хотя онъ и говорилъ иногда одно слово вмѣсто другого, какъ напримѣръ *однородныя* вмѣсто *разнородныя, милліоны* вмѣсто *тысячи,* и т. п. Но это объясняется тою поспѣшностью, съ которой г. Серно-Соловьевичъ стремился излить потоки своего краснорѣчія.

Но при шестомъ или седьмомъ вопросѣ самъ г. Перозіо оказался человѣкомъ, котораго мало занимаютъ интересы русской литературы и самой «Ариѳметики» Меморскаго. (Да и немудрено: судя по фамиліи, онъ долженъ быть изъ иностранцевъ!) Прежде отвѣта на данный ему вопросъ, онъ выразилъ свое неудовольствіе на то, что не принимаются во вниманіе никакія соображенія сверхъ тѣхъ, которыя были въ его статьѣ. Если вы будете судить только мою статью (въ этомъ смыслѣ сказалъ г. Перозіо), то я здѣсь — лишній человѣкъ; вы можете это и безъ меня дѣлать. Если же вы хотите отъ меня объясненій и доказательствъ, то не оставляйте въ сторонѣ тѣхъ фактовъ, которые вамъ представляются теперь мною и моими посредниками». Но на это было замѣчено, что претензія г. Перозіо неосновательна: ему даютъ полную возможность защищаться; но то, чего нѣтъ въ его статьѣ, не должно быть принимаемо во вниманіе по смыслу самой программы состязанія, — на которую онъ согласился. И дѣйствительно, — подписывая условія, г. Перозіо долженъ былъ видѣть, что тутъ предполагается вести рѣчь *объ его статьѣ,* что ему хотятъ *дать урокъ,* сдѣлавши повѣрку его чиселъ и указавши его невѣрности . . . Болѣе тутъ ничего не требовалось, и г. Перозіо долженъ былъ покориться своей участи, если ужъ разъ поставилъ

себя въ такое положеніе. Онъ могъ, не сочувствуя нашей словесности и нашему стилю, не выходить на споръ въ такихъ предѣлахъ; но если ужъ разъ согласился, то долженъ былъ безропотно вынести все ораторское искусство г. Серно-Соловьевича.

Гораздо въ большей степени то же самое нужно сказать и о г. Полетикѣ: онъ выказалъ не только преступную наклонность говорить *о дѣлѣ,* когда его противники вели рѣчь *о литературныхъ пріемахъ* г. Перозіо, — но и недостатокъ сочувствія къ установленной формѣ. По формѣ «Условій» гг. Перозіо и Смирновъ «не имѣютъ права рѣчи болѣе одного раза послѣ каждаго вопроса программы». Между тѣмъ въ одномъ вопросѣ, послѣ рѣчи г. Перозіо, возбудились какія-то новыя недоумѣнія; г. Полетика сказалъ, что онъ этого не можетъ хорошо объяснить, но что г. Перозіо проситъ дозволенія самъ сказать еще нѣсколько словъ въ свою защиту. Посредники противной стороны, какъ видно привыкшіе все дѣлать по чину и по формѣ, отказали г. Перозіо въ этомъ дозволеніи... И они были совершенно въ правѣ, разумѣется: когда ужъ разъ что написано, то какъ же можно это отмѣнять, хотя бы и по взаимному соглашенію! У насъ, говорятъ, бывали случаи, что и мировыя сдѣлки не разрѣшались, по несоблюденію нѣкоторыхъ формальностей. Да оно такъ и слѣдуетъ... А то что жъ за порядокъ будетъ?..

Но г. Перозіо очевидно позабылъ, что вышелъ предъ публикой въ качествѣ экзаменуемаго школьника, и потому все не угомонился: при слѣдующемъ отвѣтѣ онъ опять заявилъ свое неудовольствіе, прибавивъ, что онъ, по невозможности защищаться,

готовъ сейчасъ же признать себя виноватымъ, только чтобъ ему дали защищать его послѣдній пунктъ. Но на это не согласились противники, и сужденіе продолжалось, впрочемъ — увы! — ненадолго... Одна изъ репликъ г. Полетики вызвала громкія рукоплесканія и крики: браво! Тогда г. Полетика, обратившись къ противникамъ, сослался на одобреніе публики, какъ на фактъ, дающій ему право на большее вниманіе противниковъ къ его словамъ. Замѣтно, онъ былъ даже раздраженъ тѣмъ, что литературные пріемы г. Перозіо стоятъ въ обсужденіи посредниковъ на первомъ планѣ, а самое дѣло — далеко на второмъ... Вслѣдъ затѣмъ и г. Перозіо объявилъ, что онъ признаетъ себя неправымъ и болѣе защищаться не желаетъ.... Произошло нѣкоторое недоумѣніе... Но тутъ всталъ суперъ-арбитръ, г. Ламанскій, и произнесъ краткое слово о томъ, что публика вопреки предварительнымъ условіямъ и просьбѣ его, суперъ-арбитра, не удержалась въ должныхъ предѣлахъ и громко высказывала свое неодобреніе или одобреніе. Въ этомъ г. Ламанскій былъ, разумѣется, совершенно правъ, особенно если взять дѣло опять-таки съ ораторской точки зрѣнія. Конечно, крики: «браво!», «нѣтъ», «да», рукоплесканія, смѣхъ и т. п. бываютъ во всѣхъ возможныхъ парламентахъ; слѣдовательно, вообще говоря, тутъ еще со стороны русской публики особеннаго неприличія не было... Но это только *вообще*... А надо взять дѣло въ частности: надо вспомнить, что вѣдь за то въ парламентахъ никогда и не обсуждали столь возвышенныхъ вопросовъ, какъ въ знаменитомъ засѣданіи 13 декабря. Вопросъ объ ученыхъ достоинствахъ статей г. Перозіо и г. Смирнова — тре-

бовалъ, конечно, отъ присутствующихъ гораздо большей дозы благоговѣнія, нежели всевозможныя парламентскія пренія. Другое дѣло если бъ рѣчь шла о низкихъ, матеріальныхъ предметахъ — о положеніи дѣлъ Общества Пароходства, — ну, тогда публикѣ могло бы быть и повольготнѣй... А съ другой стороны и то надо сказать: гдѣ же и ораторы такіе бываютъ, какъ у насъ? Англичанъ хвалятъ; да вѣдь у нихъ за то и предметы-то такіе, что всякій можетъ говорить. А заставьте-ко любого изъ нихъ поговорить — хоть, напр., *о кўрсивѣ:* ни одинъ противъ нашихъ не выйдетъ... Такъ и надо это цѣнить, и благоговѣйную тишину соблюдать!..

Публика поняла это повидимому очень хорошо. Въ глубокомъ молчаніи былъ выслушанъ многочисленнымъ собраніемъ очень тихій голосъ предсѣдателя, а вслѣдъ за тѣмъ раздались крики: «продолжать засѣданіе!..» Г-нъ Полетика взялъ было каску и хотѣлъ уже идти вонъ, г. Перозіо собралъ свои бумаги; но публика кричала: «назадъ! назадъ! неуваженіе!..» Видно было, что на это время публика забыла и литературные, высшіе интересы, и матеріальную сторону дѣла; она сдѣлалась равнодушною къ обѣимъ партіямъ; ей хотѣлось одного: чтобы начатое дѣло было докончено. Въ первый разъ еще присутствовали мы всѣ при подобномъ обсужденіи дѣла, хотя и ариѳметическаго; и многіе думали, что это засѣданіе можетъ послужить началомъ для другихъ, которыя будутъ уже не столько смѣшны по своей сущности и не такъ бюрократичны по формѣ. Поэтому-то всѣ присутствующіе съ удивительнымъ терпѣніемъ выносили, какъ предъ ними дѣлали сложеніе, вычитаніе, какъ

отклоняли отъ разсужденія всѣ реальные вопросы (очень важные для людей не дорослихъ до пониманія высшихъ ораторскихъ наслажденій), и т. п. Многіе находили даже, что какъ ни плохо *спѣлись* обѣ стороны, но все-таки изъ ихъ разсужденій дѣло отчасти выясняется, и во всякомъ случаѣ выясняется больше, нежели посредствомъ цѣлыхъ грудъ канцелярской переписки. Кого интересовало дѣло, тотъ почувствовалъ возможность узнать о немъ кое-что — изъ возраженій г. Полетики; кого занимало литературное достоинство статей г. Перозіо, тотъ убѣдился въ недостаткѣ ихъ ловкости и точности изъ положенія г. Смирнова и нѣкоторыхъ замѣчаній г. Жемчужникова; а кому любопытно было слышать звонкую ораторскую рѣчь, тотъ нашелъ полное удовлетвореніе, слушая г. Серно-Соловьевича. Итакъ, всѣ желали, чтобъ засѣданіе дошло до конца и заключилось добрымъ порядкомъ. Поэтому, когда послѣ замѣчанія г. Ламанскаго всѣ умолкли и г. Серно-Соловьевичъ началъ торжественнымъ тономъ какое-то великодушное объясненіе относительно своихъ противниковъ и громкое восхваленіе достоинствъ суперъ-арбитра, а посредники г. Перозіо, не желая дослушивать его, собрались уходить, то публика сама выразила неудовольствіе на такой безпорядокъ, закричала «назадъ!» и требовала продолженія засѣданія. Во многихъ углахъ раздались обѣщанія, что мы теперь будемъ сидѣть смирно, пальцемъ не пошевелимъ, и пр. . . Среди этого смятенія вдругъ раздался звонокъ: все смолкло, и тихій голосъ суперъ-арбитра объявилъ успокоившейся публикѣ, что *засѣданіе закрыто* . . .

Если бы дѣло гг. Перозіо и Смирнова рѣшилось

тѣмъ, что они оба правы, а виноваты всѣ присутствующіе, — это не столько бы поразило публику, какъ внезапное прекращеніе засѣданія. Началось общее смятеніе; одни отчаянно пожимали плечами, другіе какъ-то съежились и опустились . . .

Нѣкоторые пришли тотчасъ къ заключенію, что шутка эта еще на десять лѣтъ отдалила у насъ гласное судопроизводство! Даже г. Ламанскій, конечно, допустивши себя увлечься минутнымъ раздраженіемъ, объявилъ, будто сегодняшнее засѣданіе показываетъ, что «мы *еще не созрѣли* для этой формы судопроизводства». Если онъ это чувствовалъ самъ, — ибо не могъ сохранить полнаго спокойствія и ровнаго присутствія духа, — то онъ въ своемъ сознаніи совершенно правъ съ своей стороны; но онъ не правъ, перенося это сознаніе на публику. Публика желала, *требовала*, даже *просила* продолженія засѣданія: гг. посредники г-на Перозіо не могли уйти противъ воли предсѣдателя; онъ могъ и долженъ былъ удержать ихъ во что бы то ни стало, или по крайней мѣрѣ закончить дѣло спокойно и безпристрастно, не давая г. Серно-Соловьевичу разглагольствовать о достоинствахъ суперъ-арбитра и пр. и не давая г. Полетикѣ разгорячаться предъ самымъ концомъ дѣла . . . И если г. Полетика *прежде всѣхъ сдѣлался* виноватымъ въ нарушеніи засѣданія, то г. Ламанскій *послѣ всѣхъ остается* въ немъ виновнымъ.

Впрочемъ, собственно говоря, тутъ никто не виноватъ, кромѣ тѣхъ, которые хотѣли здѣсь видѣть что-нибудь болѣе, чѣмъ стилистическія упражненія, въ родѣ бывшихъ въ старые годы семинарскихъ диспутовъ. Не всякій споръ въ присутствіи

большого общества можетъ быть названъ гласнымъ судопроизводствомъ, также какъ не всякое обсужденіе статьи, трактующей объ акціонерной компаніи — разсужденіемъ о дѣлахъ этой компаніи. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ дѣйствительно съ большимъ ожесточеніемъ трубили о томъ, что вотъ, дескать, они затѣваютъ первый опытъ гласнаго судопроизводства въ Россіи. Но они очевидно и понятія-то о немъ не имѣли, и не пошли дальше названія. Они же сами не разъ повторяли въ засѣданіи, что пришли рѣшать ариѳметическія задачи... *по большинству-то голосовъ*: какое милое понятіе о назначеніи гласнаго суда! Какъ сильно выразилась тутъ русская привычка къ тому, чтобы произволъ личный становился выше непреложныхъ началъ логики и даже ариѳметики!.. Но впрочемъ въ засѣданіи голосовъ не собирали, и чрезъ то нарушили форму, которой такъ неуклонно старались держаться въ другихъ пунктахъ. Да и какъ было собирать голоса, когда посредники, долженствовавшіе быть *судьями* дѣла, внезапно, — къ великому удивленію публики, оказались *адвокатами*. Въ самыхъ разсужденіяхъ съ начала до конца господствовала удивительная неопредѣленность и вслѣдствіе того — когда одна сторона начинала рѣчь про Ѳому, другая отвѣчала про Ерему. И ни въ посредникахъ, ни даже въ самомъ суперъ-арбитрѣ мы не нашли *полнаго* приготовленія къ прямому веденію спора; въ нѣкоторыхъ изъ посредниковъ не замѣтно было даже *вовсе никакого* приготовленія. Оттого вмѣсто дѣльныхъ замѣчаній, которыя могли бы быть полезны для акціонеровъ, мы слышали здѣсь словоизвитія по поводу того, оговорено или не оговорено въ

статьѣ такое-то замѣчаніе, какимъ шрифтомъ напечатана такая-то фраза, и т. п. На улики о томъ, что нѣтъ такой-то цифры въ такомъ-то мѣстѣ «Отчета», мы слышали отъ оратора-адвоката отвѣты въ родѣ того, что, «можетъ быть, эта цифра причтена гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ!! . .» Вмѣсто сравненія выводовъ и указанія реальныхъ основаній ихъ, намъ писали на доскѣ ряды слагаемыхъ и вычитаемыхъ цифръ (заранѣе извѣстныхъ) и предъ нами же дѣлали сложенія и вычитанія, да и то очень вяло . . . Очевидно, что тутъ не было ничего даже похожаго на настоящее гласное судопроизводство, и вся эта комедія производилась просто для того, что г. Смирновъ хотѣлъ собрать какъ можно болѣе свидѣтелей того, какъ онъ подвергаетъ г. Перозіо экзамену изъ ариѳметики . . . А г. Перозіо до того потерялся, что счелъ для себя удобнымъ подвергнуться такому экзамену, и думалъ, что ему будетъ большая честь, если онъ отличится изъ ариѳметики. Вотъ къ чему сводится весь вопросъ . . .

Нѣтъ, чистое дѣло можетъ быть прочно и хорошо сдѣлано только чистыми руками. Тутъ нечего ждать хорошаго, когда двигателями являются задѣтыя самолюбія да хлопотливыя желанія отличиться. Г-нъ Перозіо вздумалъ раскрыть положеніе дѣлъ Общества Русскаго Пароходства и Торговли; но онъ не сохранилъ достаточно чистоты и безпристрастія въ своихъ замѣткахъ, онъ не далъ себѣ труда вникнуть не въ одинъ цифры отчетовъ, а въ самый ходъ дѣла, на практикѣ, — и отъ того его замѣчанія не достигли цѣли, которой должны были достигнуть... Г-нъ Перозіо потребовалъ гласнаго судопроизводства; г. Смирновъ, принимая его вызовъ,

третировалъ его чрезвычайно оскорбительно и соглашался спорить совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотѣлъ спорить г. Перозіо. Казалось бы, — тутъ и конецъ, тутъ и невозможность соглашенія. Но ни оба противника, ни ихъ посредники, ни самъ суперъ-арбитръ не замѣтили, или не хотѣли замѣтить, этой вопіющей нелѣпости въ самомъ началѣ дѣла. Всѣ торопились устроить дѣло, и никто, повидимому, не задалъ взаимно другъ другу простого вопроса: что же это будетъ въ самомъ дѣлѣ — *школьный экзаменъ* или *дѣловой споръ?* По крайней мѣрѣ въ засѣданіи мы видѣли, что посредники обѣихъ сторонъ совершенно противоположно понимали сущность спора... Суперъ-арбитръ старался выказать возможное безпристрастіе; но нельзя же было не замѣтить, что его взгляды — болѣе литературные, нежели дѣловые. Мудрено ли же, что засѣданіе прекратилось при репетиловскихъ возгласахъ:

Литературное здѣсь дѣло!
Оно, вотъ видишь, *не созрѣло...*
Нельзя же вдругъ...

И Репетиловы важно утверждаютъ, что тутъ въ самомъ дѣлѣ главное — вопросъ литературный; но что еще для рѣшенія его не все созрѣло... Да и какъ имъ не утверждать? Самъ предсѣдатель собранія сказалъ, что *мы не созрѣли*, и пр. И многіе вѣрятъ на слово недозрѣлымъ Репетиловымъ и — или приходятъ въ благородное негодованіе, или ощущаютъ тайную радость... А между тѣмъ вовсе нѣтъ: созрѣло все, и все можно вдругъ, если вдругъ и дружно приняться да опредѣлить ясно и твердо, — чего хочешь и къ чему идешь... Только одно условіе, одинъ девизъ: «меньше словъ,

больше дѣла!» Насъ вѣдь только то и губитъ теперь —

Что слишкомъ часто разговоры
Приняты мы рады за дѣла...

Обѣщаетъ намъ кто-нибудь бѣлую корову подарить, — мы ужъ и чаю не пьемъ въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ подадутъ намъ сливокъ отъ этой коровы. Напишетъ кто-нибудь статейку о судопроизводствѣ или объ акціонерномъ обществѣ, — мы такъ и ждемъ, что вотъ воцарится правосудіе, вотъ акціи поднимутся и намъ въ слѣдующемъ общемъ собраніи огромный дивидендъ выдадутъ. И человѣка, написавшаго статейку, мы уже считаемъ обогатившимъ и спасшимъ насъ, и ужъ безъ него не можетъ обойтись никакое серьезное начинаніе... А между тѣмъ — и въ судахъ, и въ компаніяхъ все идетъ себѣ какъ шло... А мы все продолжаемъ вѣрить и восхищаться, — и все на слово... Вотъ отчего и пошла вѣдь теперь въ ходъ эта особеннаго сорта литература, которая рядится въ цифры и техническіе термины и перемѣшиваетъ ихъ съ громкими фразами, а до дѣла все-таки не добирается... Мы довольствуемся этими цифрами, терминами и фразами, и вотъ почему дѣло у насъ подвигается такъ медленно, вотъ почему всякій дѣльный разговоръ немедленно переходитъ у насъ на общія мѣста, всякое сужденіе о гласноизвѣстномъ фактѣ оказывается критикою не самаго факта, а только способа его заявленія... Кто въ этомъ виноватъ? объяснить это довольно трудно, — не потому, чтобы вещь была очень мудреная, а потому, что многіе могутъ обидѣться нашими словами, принявши ихъ на свой счетъ... Но впрочемъ — пусть ихъ принимаютъ, если имъ это ра-

вится; мы собственно никого лично не хотимъ оскорблять, а напраслину терпѣть отъ литературныхъ собратій намъ ужъ не привыкать-стать. Итакъ, попробуемъ объяснить, въ чемъ дѣло.

Литература теперь въ модѣ. Въ каждомъ новомъ предпріятіи промышленномъ, въ каждой экспедиціи, въ каждомъ новомъ учрежденіи — литераторъ такъ же необходимъ, какъ бывалъ въ прежнія времена необходимъ генералъ со звѣздой на московской купеческой свадьбѣ. Насъ это очень радуетъ; это добрый знакъ для литературы, а слѣдовательно и для образованности. Но такое новое отношеніе къ обществу налагаетъ на литераторовъ и новыя обязанности. Прежде они могли довольствоваться фразами и удивить публику изяществомъ слога; теперь они должны понять, что отъ нихъ не этого ждутъ. Литература становится элементомъ общественнаго развитія; отъ нея требуютъ, чтобы она была не только языкомъ, но очами и ушами общественнаго организма. Въ ней должны отражаться, группироваться и представляться въ стройной совокупности всѣ явленія жизни. И именно съ жизнью, съ дѣломъ, съ фактомъ долженъ имѣть прямое отношеніе каждый, кто хочетъ выступить нынѣ въ публику въ качествѣ литератора... Къ сожалѣнію, немногіе понимаютъ это; большая часть полагаетъ, что достаточно одинъхъ внѣшнихъ формъ для того, чтобы вести дѣло литературнымъ образомъ. И вотъ подобные-то господа, постоянно оказываясь негодными на дѣлѣ, унижаютъ собою литературу, бросаютъ на нее тѣнь подозрѣнія и дѣлаютъ то, что общій видъ литературныхъ явленій за извѣстный періодъ представляется наконецъ смѣшнымъ всякому здраво-

мыслящему человѣку, а для человѣка злонамѣреннаго даетъ поводъ провозгласить его даже гибельнымъ и опаснымъ. Не потому у насъ все такъ плохо начинается, чтобы не было людей истинно-дѣльныхъ и живыхъ; не потому, что большинство общества, даже литературнаго, до сихъ поръ еще бросается на громкія фразы, благоговѣетъ передъ цитатами и цифрами, не разбирая ихъ, и постоянно ввѣряется тѣмъ, кто громче и самоувѣренѣй говоритъ... А эти-то люди и оказываются пустыми крикунами, мертвыми формалистами, литературными чиновниками, не способными не только прочно основать какое-нибудь дѣло, но даже начать его безъ нелѣпости... Люди же серьезные обыкновенно сидятъ въ углу и дѣлаютъ какую-нибудь незамѣтнѣйшую работу... Отчего они равнодушно смотрятъ на продѣлки разныхъ посредственностей, выдающихъ себя за передовыхъ людей, трубящихъ о своихъ подвигахъ, берущихся за все очень рьяно, но портящихъ будущность всякаго дѣла, за которое берутся, отчего эти серьезные люди сами не становятся сразу во главѣ передового движенія, — это ужъ надобно объяснять болѣзненно-развитымъ въ нихъ самолюбіемъ: они настолько самолюбивы, что не хотятъ браться за дѣло, которое можно сдѣлать только въ половину, и настолько умны, что не могутъ увѣрить себя въ возможности сейчасъ же сдѣлать его вполнѣ... Разумѣется, это не хорошо, потому что другіе и въ половину-то не дѣлаютъ, а только портятъ. Но что же дѣлать? Этого ужъ не передѣлаешь. Такимъ образомъ въ пустячности нашего такъ называемаго прогресса по всѣмъ частямъ оказываются виноваты всего болѣе тѣ же самые господа, которые все-

го болѣе кричатъ о немъ. Переступивши куриным шагомъ черезъ какую-нибудь мизерную щепочку, они немедленно провозглашаютъ, что сдѣлали великій шагъ впередъ; имъ вѣрятъ и успокаиваются, стоя на мѣстѣ и воображая, что — вѣдь ужъ много прошли... Такъ мало-по-малу и усыпляется энергія въ обществѣ, какъ постоянною лестью усыпляется талантъ, начинавшій было работать надъ самимъ собою. И покамѣсть еще нѣтъ дѣла, — все идетъ гладко, шумно, весело; какъ дошло до дѣла — все пропадаетъ прахомъ.

Вотъ хоть бы и въ настоящемъ случаѣ...Г-нъ Перозіо самъ весьма торжественно вызвалъ г. Смирнова на состязаніе; а потомъ самъ же не захотѣлъ докончить его и тѣмъ — если не повредилъ дѣлу устнаго судопроизводства, то все же сдѣлалъ большую непріятность публикѣ. Г-нъ Смирновъ съ своей стороны возвѣщалъ, что онъ г. Перозіо считаетъ школьникомъ, котораго надо экзаменовать изъ ариѳметики; г. Серно-Соловьевичъ (а можетъ быть, и другой изъ посредниковъ, — мы хорошо не помнимъ) во всеуслышаніе сдѣлать нотацію г. Перозіо, что, принимаясь писать обвинительную статью, надо пріобрѣсть кое-какія спеціальныя свѣдѣнія... Очевидно, что они весь споръ считали — 1) личнымъ дѣломъ своихъ самолюбій, 2) дѣломъ канцелярскимъ, а не общественнымъ... Но что же вышло? Здравый смыслъ не могъ допустить, чтобы образованную публику собрали единственно для потѣхи г. Смирнова, желавшаго имѣть побольше свидѣтелей того, какъ онъ собьетъ г. Перозіо на ариѳметикѣ. И вотъ, несмотря на «Условія», г. Полетика, болѣе практическій и дѣльный человѣкъ, — сталъ давать новыя соображенія, предста-

влять свои факты; противники же его, держась программы, упорно настаивали на томъ, чтобы не выходить изъ буквы статьи Перозіо. И вышло, что самое дѣло осталось въ сторонѣ, а вся эта суматоха, поднятая по городу неосторожно провозглашеннымъ названіемъ гласнаго и устнаго судопроизводства, превратилась въ комедію, въ которой дѣйствующія лица никакъ не могли понять другъ друга, — и одни хотѣли толковать *о сущности* обвиненій, другіе о литературныхъ пріемахъ г. Перозіо. Не полезнѣе ли было бы явиться въ это собраніе людямъ, серьезно знакомымъ съ дѣломъ, и говорить о самой сущности дѣла, оставя въ сторонѣ личную раздражительность г. Смирнова, литературную неумѣлость г. Перозіо, наклонность къ краснорѣчію г. Серно-Соловьевича, и пр. Повѣрьте, что, говоря о дѣлѣ, не могли бы такъ раздражаться обѣ стороны, рѣшеніе было бы чѣмъ-нибудь существеннымъ, а свойства статей г. Перозіо выказались бы сами собою въ весьма яркомъ свѣтѣ... Теперь же въ большинствѣ публики и послѣ засѣданія, и даже хотя бы оно кончилось нормально, — не осталось рѣшительнаго и яснаго убѣжденія относительно всѣхъ пунктовъ дѣла. И кончилось тѣмъ, что вмѣсто устнаго и гласнаго разрѣшенія — публикѣ при выходѣ неизвѣстные люди тыкали въ носъ — какую-то брошюру противъ г. Перозіо, изданную въ Одессѣ и потомъ перепечатанную въ Петербургѣ. Брошюрка раздавалась безплатно: чьему безкорыстію мы этимъ обязаны, — не знаемъ...

Подобнымъ образомъ содѣйствовать движенію общественныхъ вопросовъ не захотѣлъ бы ни одинъ порядочный человѣкъ, потому что это значитъ у

насъ только портить ихъ будущность. И мы надѣемся, что всѣ, кому истинно-дороги истинные наши успѣхи въ гражданской жизни, не примутъ на себя (несмотря на авторитетъ Е. И. Ламанскаго) круговой поруки за все, происходившее въ залѣ Пассажа 13 декабря. Даже мы, чистые литераторы — готовые съ радостью вписать турниръ этого дня, и особенно краснорѣчіе г. Серно-Соловьевича, въ скрижали исторіи литературы, для прославленія нашихъ дней въ потомствѣ, — мы никогда не согласимся, чтобы по этому неудачному столкновенію личныхъ самолюбій, невѣдающихъ, что творятъ, можно было судить о степени подготовленности нашего общества къ устному и гласному судопроизводству.

По поводу педагогической дѣятельности г. Пирогова.

— —

I.

О значеніи авторитета въ воспитаніи.

(Мысли по поводу „Вопросовъ жизни“ г. Пирогова.)

Умственное движеніе, возбужденное въ нашемъ обществѣ событіями послѣднихъ годовъ, обратилось недавно и къ вопросамъ о воспитаніи. Теперь у насъ основано уже два педагогическихъ журнала и кромѣ того статьи о воспитаніи появляются отъ времени до времени и въ другихъ изданіяхъ. Но первый обратилъ вниманіе на это важное дѣло «Морской Сборникъ», помѣстившій въ началѣ прошлаго года статью о воспитаніи г. Бема, за которою послѣдовали и другія статьи, болѣе или менѣе новыя и справедливыя. Многія изъ этихъ статей находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полнаго и блестящаго успѣха, какъ «Вопросы жизни» г. Пирогова. Они поразили всѣхъ — и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ пред-

ставленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ читавшіе статью г. Пирогова были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это явленіе весьма много говоритъ въ пользу русской публики, и оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ, вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокій, святой смыслъ. Значитъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всѣхъ увлеченіяхъ на практикѣ, общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться. Оно уже имѣетъ столько внутренней силы, что не пугается сознанія своихъ недостатковъ, а сознаніе прошедшаго и настоящаго зла есть лучшее ручательство за возможность добра въ будущемъ. Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуя этотъ благородный порывъ русскихъ людей, мы рѣшаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ

она всякаго мыслящаго читателя. Дѣлаемъ это тѣмъ съ большею смѣлостью, что до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчали болѣе честнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ аформистическихъ положеніяхъ г. Пирогова.

Сущность мыслей, изложенныхъ въ «Вопросахъ жизни», состоитъ въ слѣдующемъ. «Главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, оканчивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь такимъ образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ разсчетовъ — слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ общества — гдѣ же взять силъ на это? къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что онъ такое, какая его цѣль и назначеніе. Всматриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью, — но здѣсь-то и оказывается вся несо-

стоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца . . . А между тѣмъ, годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать . . . и человѣкъ дѣйствуетъ какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, — потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать, — въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя,* кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду, стоять за нее горою* и *быть непринужденно откровеннымъ* — какъ *съ наставниками,* такъ и съ сверстниками».

На этомъ останавливается г. Пироговъ. Онъ указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои положенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла: преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка. Но какимъ образомъ именно убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ нихъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными, этого г. Пироговъ не разбираетъ подробно, а опять предоставляетъ только угадывать. Мы рѣшаемся высказать здѣсь нѣсколько мыслей объ этомъ, родившихся въ насъ по прочтеніи «Вопросовъ жизни».

Трактуя съ своихъ педагогическихъ высотъ вопросы о воспитаніи, мы до сихъ поръ очень силь-

но напомнили басню, въ которой поставили волковъ въ начальники надъ овцами. Здѣсь всѣ обстоятельства были прекрасно соображены, всѣ голоса собраны, только одного недоставало: не спросили самихъ овецъ. Такъ точно большая часть нашихъ педагогическихъ разсужденій, отлично разбирая вопросы высшей философіи, представляя вѣрныя и полезныя правила съ точки зрѣнія религіозной, государственной, нравственной, общепсихологической и т. п., упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство — дѣйствительную жизнь и природу дѣтей, и вообще воспитываемыхъ... Оттого дитя нерѣдко жертвуется педагогическимъ разсчетамъ. Вознесшись на своего нравственнаго конька, воспитатель считаетъ воспитанника своею собственностью, вещью, съ которой онъ можетъ дѣлать что ему угодно. «Дитя не должно имѣть своей собственной воли, — говорятъ премудрые педагоги: — оно должно слѣпо подчиняться требованіямъ родителей, учителей, вообще старшихъ. Приказаніе воспитателя должно быть для него высшимъ закономъ и исполняется безъ малѣйшаго разсужденія. Безусловное повиновеніе, — главное и единственно необходимое условіе воспитанія. Воспитаніе своей послѣдней цѣлью и имѣетъ именно то, чтобы на мѣсто *неразумной* воли ребенка поставить *разумную* волю воспитателя.»

Не правда ли, что все это кажется очень логическимъ и справедливымъ? Но, припомнивъ характеристику этого *разумнаго* воспитанія, сдѣланную въ «Вопросахъ жизни», и сами еще не слишкомъ отдаленные отъ впечатлѣній собственнаго воспитанія и ученія, мы не можемъ безъ недовѣрчивой

улыбки слушать логическія разсужденія. Всѣ они очевидно обнаруживаютъ только одно: страшную, педантическую гордость почтенныхъ педагоговъ, соединенную съ презрѣніемъ къ достоинству человѣческой природы вообще. Говоря, что въ лицѣ воспитателя осуществляется для ребенка нравственный законъ и разумное убѣжденіе, они очевидно ставятъ воспитателя на недосягаемую высоту, непогрѣшительнымъ образцомъ нравственности и разумности. Не трудно, конечно, согласиться, что если бъ возможенъ былъ такой идеальный воспитатель, то безусловное, слѣпое слѣдованіе его авторитету не принесло бы особеннаго вреда ребенку (если не считать важнымъ вредомъ замедленіе самостоятельнаго развитія личностей). Но, во-первыхъ, идеальный наставникъ не сталъ бы и требовать *безусловнаго* повиновенія: онъ постарался бы какъ можно скорѣе развить въ своемъ воспитанникѣ разумныя стремленія и убѣжденія. А, во-вторыхъ, искать непогрѣшимыхъ, идеальныхъ наставниковъ и воспитателей въ наше время было бы еще слишкомъ смѣлая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишкомъ много условій. Прежде всего, нравственныя правила воспитателя должны быть безусловно вѣрны и строго проведены по всѣмъ, самымъ частнымъ и мелочнымъ, случайностямъ жизни. Темныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ для него никогда и никакихъ не должно быть: иначе — что же онъ станетъ дѣлать, если въ подобномъ случаѣ придется приказывать ребенку, который всякое предписаніе исполняетъ безусловно, слѣдовательно, вызвать на разсужденіе и соображеніе никакъ не можетъ? Кромѣ того, въ воспитателѣ предполагается еще при

этомъ совершенное безпристрастіе: онъ не можетъ увлечься ни гнѣвомъ, ни любовью, не можетъ чувствовать лѣни и утомленія, для него не можетъ существовать хорошее и дурное расположеніе духа, онъ долженъ быть не обыкновеннымъ человѣкомъ, а особеннаго рода снарядомъ, въ которомъ долженъ, безъ всякихъ уклоненій, осуществляться нравственный законъ. Но, сколько намъ извѣстно, подобные снаряды еще не изобрѣтены, а если иные и объявляютъ, будто они открыли секретъ такого изобрѣтенія, то въ этомъ опять выражается только ихъ презрѣніе къ человѣческой природѣ и желаніе во что бы то ни стало не походить на людей. Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія, то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій въ отношеніи къ ребенку? И не лучше ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ пріучать ребенка къ разумному разсужденію, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно?

Въ умственномъ отношеніи отъ идеальнаго наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрѣшимость убѣжденій, чрезвычайно высокое, всестороннее развитіе, обширныя и разнообразныя познанія, приведенныя въ полную гармонію съ общими принципами. Самая натура его должна стоять гораздо выше натуры ребенка во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, что выйдетъ, если учитель будетъ, напримѣръ, восхищаться Державинымъ и заставитъ ученика учить оду «Богъ»; а тому нравится уже Пушкинъ, а ода «Богъ» представляетъ совершенно непонятный наборъ словъ? Что, если цѣлый годъ морятъ надъ музыкальными гаммами ребен-

ка, у котораго пальцы давно уже свободно бѣгаютъ по клавишамъ, и который только и порывается играть и играть... Что, если дитя восхищается картиной, статуей, пѣсней, любуется цвѣтами, насѣкомыми, съ любопытствомъ всматривается въ какой-нибудь физическій или химическій приборъ, обращается къ своему воспитателю съ вопросомъ, а тотъ не въ состояніи ничего объяснить?.. Тутъ уже плохое безусловное повиновеніе! А много ли найдется наставниковъ и воспитателей, которые бы умѣли объяснить *всѣ* дѣтскіе вопросы? Многимъ, конечно, не разъ случалось видать, какъ иногда семи- или восьмилѣтнее бойкое дитя забьетъ въ пухъ и поставитъ втупикъ иного почтеннаго старичка. А между тѣмъ, этотъ почтенный старичекъ имѣетъ своего воспитанника, который обязанъ безусловно его слушаться!.. Этотъ ужъ, конечно, никого втупикъ не поставитъ.

Такимъ образомъ, идеальный воспитатель, не желающій, чтобы ребенокъ разсуждалъ и убѣждался, а требующій только, чтобы онъ слушался, долженъ быть готовъ на все, долженъ знать все, долженъ еще предварительно разрѣшить *всѣ* вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Только съ этой предупредительностью онъ можетъ еще какъ-нибудь вести воспитаніе, не насилуя дѣтской природы. А затѣмъ онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника вѣрнымъ и самымъ лучшимъ путемъ на всякомъ поприщѣ. Откроетъ ли онъ въ ребенкѣ наклонность къ музыкѣ, къ живописи, страсть къ ботаникѣ, легкость математиче-

скаго соображенія, поэтическое чувство, способность къ изученію языковъ, и пр., и пр., онъ долженъ быть вполнѣ способенъ развить все въ своемъ питомцѣ. Если же онъ не можетъ за это взяться, значитъ, онъ самъ еще не столько приготовленъ, не столько развитъ, чтобы руководить другихъ. А если такъ, то онъ и не имѣетъ права требовать, чтобы его слушались безусловно.

Но даже, если мы допустимъ, что воспитатель всегда можетъ стать выше личности воспитанника (что и бываетъ, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ стать выше цѣлаго поколѣнія. Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидитъ, а даже просто не понимаетъ потребностей новаго времени и считаетъ ихъ нелѣпостью. Онъ старается удержать своего питомца въ тѣхъ понятіяхъ, въ тѣхъ правилахъ, которыхъ самъ держится: стараніе совершенно естественное и понятное, но тѣмъ не менѣе вредное въ высшей степени, какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія собственной воли и ума ребенка. Изъ этого происходитъ то, что естественный смыслъ воспитанника раскрывается медленнѣе, воспріимчивость къ явленіямъ и потребностямъ той жизни, того общества, среди которыхъ придется ему дѣйствовать, — совсѣмъ иногда заглушается старыми предразсудками и мнѣніями, на вѣру принятыми въ дѣтствѣ отъ воспитателей. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, есть врагъ всякаго усовершенствованія и успѣха, — и ведетъ къ мертвой неподвижности и застою . . . вліяніе его отра-

жается уже не на однѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ.

Если предразсудки и заблужденія стараго поколѣнія насильно, съ малыхъ лѣтъ, вкореняются во впечатлительной душѣ ребенка, то просвѣщеніе и совершенствованіе цѣлаго народа надолго замедляется этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Горькій опытъ жизни убѣждаетъ, правда, цѣлое поколѣніе въ невѣрности того, о чемъ толковали ему въ дѣтствѣ, и человѣкъ теряетъ часть своего дѣтскаго энтузіазма къ давнимъ внушеніямъ, не оправданнымъ жизнью; но все еще по привычкѣ онъ держится этихъ внушеній, и передаетъ ихъ дѣтямъ, только съ меньшею восторженностью, чѣмъ ему самому передавали ихъ. Новое поколѣніе утрачиваетъ еще частичку благоговѣнія къ внушеннымъ мнѣніямъ; но зато родовая привычка усиливается, и чѣмъ дальше, тѣмъ безсознательнѣе, и по тому самому тѣмъ крѣпче держится народъ за преданія отцовъ. Нужно, чтобы жизнь сдѣлала невозможнымъ приложеніе этихъ, давно ставшихъ мертвыми, преданій, нужно, чтобы явился мощный геній мысли, чтобы заставить общество почувствовать нужду и возможность измѣненія въ принятыхъ неразумныхъ началахъ. И послѣ этого открытія, — какъ медленно, какъ слабо принимается новая мысль, какъ долго не проникаетъ она въ глубину души людей и не распространяется въ массахъ! Прошли столѣтія послѣ того, какъ указано движеніе земли, а до сихъ поръ простолюдинъ нашъ, слыша безпрестанно, что солнышко взошло и закатилось, смотритъ на него какъ на огромный фонарь, подвигающійся по небесному своду отъ востока до запада. Девять вѣковъ уже Россія оглашается божественнымъ уче-

ніемъ христіанства, но въ народѣ до сихъ поръ живы повѣрья о домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ. Даже тѣ, которые впослѣдствіи теоретически освобождаются отъ дѣтскихъ вѣрованій, на практикѣ долго еще имъ подчиняются. Много есть образованныхъ людей, имѣющихъ хорошее понятіе о явленіяхъ электричества и все-таки прячущихся отъ ужаса въ темную комнату во время грома; точно также какъ есть множество другихъ, достигшихъ до умѣнья разсуждать объ истинномъ достоинствѣ человѣка, и все-таки въ своемъ знакомомъ цѣнящихъ болѣе всего изящество французскаго выговора и модный жилетъ. Отъ чего происходитъ это, какъ не отъ вліянія неразумныхъ впечатлѣній дѣтства, перешедшихъ къ ребенку, по несчастью, отъ тѣхъ, кого онъ любитъ или уважаетъ? . . «Вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбѣжно, скажете вы, — и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что, при дурныхъ сторонахъ, оно имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныя въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человѣка на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человѣчествомъ.» Возраженіе совершенно справедливое, и мы поступили бы безумно, если бы стали требовать уничтоженія того, что естественно, само по себѣ является, существуетъ и уничтожиться не можетъ. Но мы не видимъ также причины и ратовать за то, что неизбѣжно само по себѣ. Младшее поколѣніе необходимо должно быть подъ вліяніемъ старшаго, и отъ этого проистекаетъ неизмѣримая польза для развитія и совершенствованія человѣка и человѣ-

чества. Никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины. Мы говоримъ только о томъ,— зачѣмъ же ставить прошедшее идеаломъ для будущаго, зачѣмъ требовать отъ новыхъ поколѣній *безусловнаго, слѣпого* подчиненія *мнѣніямъ* предшествующихъ? Для чего уничтожать самостоятельное развитіе дитяти, насилуя его природу, убивая въ немъ вѣру въ себя и заставляя дѣлать только *то, чего я хочу*, и только *такъ, какъ я хочу*, и только *потому, что я хочу*?.. А объявляя такое *безусловное* повиновеніе, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитіе дитяти. Какъ это вредно дѣйствуетъ на все нравственное существо ребенка, ясно можно видѣть изъ безчисленныхъ опытовъ, равно какъ и изъ теоретическихъ соображеній. Представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего опредѣлимъ яснѣе, что нужно разумѣть подъ *безусловнымъ* повиновеніемъ. *Безусловный* — значитъ не зависящій ни отъ какихъ условій и обстоятельствъ, неизмѣнно остающійся при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не происходящій вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, но существующій самобытно и самъ въ себѣ заключающій свое оправданіе. Таково именно бываетъ повиновеніе, котораго требуютъ у насъ отъ дѣтей, и котораго необходимость еще недавно доказывалъ весьма сильно въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., № 14) г. наставникъ Зедергольмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ слушаться безъ разсужденій, слѣпо вѣровать своему воспитателю, признавать его приказанія единственно непогрѣшительными, а все остальное несправедливымъ, и наконецъ дѣлать все не потому,

что это хорошо и справедливо, а потому, что это приказано, и слѣдовательно должно быть хорошо и справедливо.

Посмотримъ же, какое психологическое дѣйствіе можетъ произвести подобное отреченіе отъ своей воли въ дитяти.

Предположимъ сначала идеальныхъ воспитателей и наставниковъ. Ихъ внушенія всегда справедливы, всегда послѣдовательны, всегда соразмѣрны со степенью духовнаго развитія ребенка; они сами любимы и уважаемы дѣтьми. Предположимъ, что подобные воспитатели требуютъ отъ дѣтей повиновенія *безусловнаго,* а не *разумнаго.* Что изъ этого выходитъ?

Отдается приказаніе; ребенокъ исполняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего достойнаго награды, — ребенокъ потому и исполнилъ приказъ тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ; за что же его хвалятъ? — Очевидно, за послушаніе.

Дается другое приказаніе; воспитаннику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы слушался, а не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значитъ, бранили его? — Ясно, за что — за непослушаніе.

Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію, и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету.

Вы скажете, что впослѣдствіи, сдѣлавшись поумнѣе, воспитанникъ самъ пойметъ, какъ разумны были приказанія воспитателя. Это, конечно, и бываетъ очень часто, и это прекрасно, но только для воспитателя, который такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ болѣе уваженія, — но никакъ не для воспитанника, на котораго всѣ подобныя открытія имѣютъ совершенно противное вліяніе. Увидѣвши черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, недѣлю, день, часъ наконецъ, но во всякомъ случаѣ поздно (потому что дѣло уже сдѣлано, и сдѣлано не по убѣжденію, а по приказу), — увидѣвши, что его противорѣчіе было глупо и неосновательно, ребенокъ теряетъ довѣріе къ собственному разсудку, лишается отваги и энергіи въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ, боится составить какое-нибудь собственное мнѣніе и не смѣетъ слѣдовать собственному убѣжденію даже тогда, когда оно представляется ему яснымъ, какъ солнце... А можетъ быть, думаетъ онъ, — что-нибудь тутъ не такъ... Вотъ, можетъ быть, пройдетъ нѣсколько времени, и окажется, что я не правъ... Отсюда нерѣшительность, медленность, вялость, выжиданіе въ дѣйствіяхъ, — черты, сохраняющіяся на всю жизнь и нерѣдко поражающія насъ въ людяхъ, одаренныхъ замѣчательной силой соображенія въ теоріи, но не имѣющихъ отваги осуществить свои мысли на практикѣ.

А что еще, если ребенокъ былъ правъ въ абсолютномъ смыслѣ, если его противорѣчіе было истинно, съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ, а не сообразно было только съ житейскими обстоятельствами? Житейскія обстоятельства оправдываютъ воспитателя; ребенокъ понимаетъ это; такъ

какъ онъ еще не утвердился въ принципѣ сознательнымъ убѣжденіемъ, то мало-по-малу высшая правда, какъ не согласная съ жизнью, поступаетъ въ разрядъ отвлеченныхъ, негодныхъ мнѣній, пустыхъ бредней . . .

Вотъ примѣры. Мальчикъ сказалъ въ семействѣ про своего товарища, что онъ воръ. Отецъ сталъ бранить сына и приказалъ ему не говорить этого никогда. Мальчику сначала досадно, онъ находитъ несправедливымъ это запрещеніе; но черезъ недѣлю на одномъ вечерѣ другой его товарищъ упрекнулъ маленькаго вора въ воровствѣ. Поднялась кутерьма; два семейства поссорились, откровеннаго болтуна наказали . . . Отецъ говоритъ мальчику: — Вотъ видишь, что можетъ выйти изъ этого?. .

Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія съ старымъ слугой; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушается, и въ одно время такъ зашалится въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя, съ приличными поученіями. Мальчику непріятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: А все оттого, что не слушался! Погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь попрежнему быть съ нимъ за-панибрата! . . — И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи.

Гувернантка приказываетъ дѣвочкѣ вести себя благопристойно, — стать выпрямить, идти плавно, голову держать прямо, говорить только, когда спрашиваютъ, и т. п. Съ такими правилами пріѣзжаетъ

она въ гости. Тамъ много дѣтей, и все такія рѣзвыя, веселыя; они бѣгаютъ, шумятъ, болтаютъ, хохочутъ. Ей тоже хотѣлось бы пристать къ нимъ, но гувернантка говоритъ, что это неблаговоспитанно, и она скучаетъ, съ завистью смотря на веселящихся подругъ, особенно на одну, которая шалитъ больше всѣхъ, и которой, кажется, всѣхъ веселѣй... Но вдругъ эта рѣзвая дѣвочка упала и сломала себѣ ногу... Торжествующая гувернантка говоритъ своей скромной воспитанницѣ: — Вотъ что значитъ вести себя неприлично!..

И тому подобное. Разсудите безпристрастно, насколько безусловное повиновеніе служитъ здѣсь къ развитію нравственнаго чувства? Не убиваетъ ли, напротивъ, такое воспитаніе и тѣхъ добрыхъ, святыхъ началъ, которыя природны ребенку? Не естественно ли, что при этомъ онъ приметъ исключеніе за правило, извращенный порядокъ за естественный? И кто въ этомъ будетъ виноватъ? Неужели самъ онъ?

А между тѣмъ, какое пышное развитіе могъ бы получить умъ, какая энергія убѣжденій родилась бы въ человѣкѣ и слилась со всѣмъ существомъ его, если бы его съ первыхъ лѣтъ пріучали *думать* о томъ, что дѣлаетъ, если бы каждое дѣло совершалось ребенкомъ съ сознаніемъ его необходимости и справедливости, если бы онъ привыкъ самъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и исполнять то, что другими велѣно, не изъ уваженія къ приказавшей личности, а изъ убѣжденія въ правдѣ самаго дѣла!.. Правда, тогда многимъ воспитателямъ пришлось бы отступиться отъ своего дѣла, потому что ихъ воспитанники доказали бы имъ, что они не умѣютъ приказывать!

Убивая въ ребенкѣ смѣлость и самостоятельность ума, *безусловное* повиновеніе вредно дѣйствуетъ и на чувство. Сознаніе своей личности и нѣкоторыхъ правъ человѣческихъ начинается въ дѣтяхъ весьма рано (если только оно *начинается*, а не прямо родится съ ними). Это сознаніе необходимо требуетъ удовлетворенія, состоящаго въ возможности слѣдовать *своимъ* стремленіямъ, а не служить безсознательнымъ орудіемъ для какихъ-то чужихъ, невѣдомыхъ цѣлей. Какъ скоро стремленія ребенка удовлетворяются, т. е. дается ему просторъ думать и дѣйствовать самостоятельно (хотя до нѣкоторой степени), ребенокъ бываетъ веселъ, радушенъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, выказываетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, самое милое и разумное послушаніе въ томъ, справедливость чего онъ признаетъ. Напротивъ, когда дѣятельность ребенка стѣсняется, стремленія его подавляются, не находя ни желаемаго удовлетворенія, ни даже разумнаго объясненія, когда вмѣсто сознательной, личной жизни дитя, какъ трупъ, какъ автоматъ, должно быть только послушнымъ орудіемъ чужой воли, — тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположеніе овладѣваетъ душею ребенка, онъ становится угрюмъ, вялъ, безжизненъ, выказываетъ непріязнь къ другимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и расположеній. Въ отношеніи къ самому воспитателю до тѣхъ поръ пока не усвоитъ себѣ *безусловнаго* достоинства машины, воспитанникъ бываетъ очень раздражителенъ и недовѣрчивъ. Да и впослѣдствіи, успѣвши даже до нѣкоторой степени обезличить себя, онъ все-таки остается въ непріятныхъ отношеніяхъ къ воспитателю, требующему

только *безусловнаго* исполненія приказаній, справедливо, хотя и смутнымъ инстинктомъ постигая въ немъ притѣснителя и врага своей личности, отъ которой, при всѣхъ усиліяхъ, человѣкъ никогда не можетъ совершенно отрѣшиться.

Нужно ли говорить о томъ губительномъ вліяніи, какое производитъ привычка къ *безусловному* повиновенію на развитіе воли? Кажется, совершенно излишне, и мы бы охотно прошли молчаніемъ этотъ пунктъ, если бы не имѣли предъ глазами странныхъ положеній г. Зедергольма («Морской Сборникъ» № 14, стр. 38—39), утверждающаго, что «усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю и подчинить ее чужой, развиваетъ его *нравственную силу* [!]. Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его первое проявленіе нравственности, первая нравственная борьба, и только съ нея начинается собственно *человѣческая* жизнь. А отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ силы его воли укрѣпляются такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, въ состояніи повиноваться *самому себѣ* и исполнять то, что разсудокъ и совѣсть требуютъ отъ него». Все это разсужденіе очень напоминаетъ намъ одного благоразумнаго родителя, который, желая развить въ сынѣ тѣлесную ловкость, клалъ его спиною поперекъ на узкую доску, поднятую аршина на полтора отъ земли, и заставлялъ такимъ образомъ балансировать. Ребенокъ болталъ руками и ногами, стараясь найти себѣ точку опоры, не находилъ ея, изнемогалъ и съ страшнымъ крикомъ скатывался съ доски. Развился онъ при такихъ умныхъ мѣрахъ очень уродливо, да еще вдобавокъ никогда не могъ впослѣдствіи даже пройти моста безъ внутренняго содроганія. Во-

обще эта система — клинъ клиномъ выбивать — давно у насъ извѣстна, и давно мы видимъ ея страшные результаты. Дитя боится темноты, — его запираютъ въ темную комнату; дитя питаетъ отвращеніе къ какому-нибудь купанью, — его цѣлую недѣлю кормятъ нарочно этимъ купаньемъ; дитя любитъ сидѣть за книжкой, — его посылаютъ гулять; оно хочетъ бѣгать, — ему велятъ сидѣть на мѣстѣ, — и это дѣлается весьма часто не изъ сознанія необходимости или пользы того, что приказываютъ, а изъ чистыхъ и безкорыстныхъ педагогическихъ видовъ, — чтобы пріучить ребенка къ послушанію . . . Впрочемъ, наши практическіе воспитатели нѣсколько послѣдовательнѣе г. Зедергольма; они просто говорятъ: «нужно привыкать къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ поздно будетъ». Такимъ образомъ они откровенно признаются, что имѣютъ въ виду подарить обществу будущихъ Молчалиныхъ. Но г. Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли! Да помилуйте, вѣдь это все равно, какъ если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитанникѣ, каждый разъ говоря ему: «Не разсуждайте» (какъ и дѣлается обыкновенно у воспитателей, требующихъ *безусловнаго* повиновенія), вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: «Этимъ развиваются его умственныя способности, потому что тутъ онъ долженъ соображать внутренно и взвѣшивать справедливость моего мнѣнія и несправедливость своихъ возраженій». Не правда ли, что это столь же логическое предположеніе, какъ и г. Зедергольма? И какъ легко такимъ образомъ воспитывать дѣтей!

Напрасно г. Зедергольмъ указываетъ на *борьбу*.

Здѣсь собственно нѣтъ борьбы, а есть только уступка безъ бою, которая при частомъ повтореніи производитъ не крѣпость воли, а нравственное разслабленіе. Да если и бываетъ въ самомъ дѣлѣ борьба, то самая неразумная: съ одной стороны, внутренняя сила, природное влеченіе, которое ребенку представляется правильнымъ, а съ другой — внѣшнее, непонятное давленіе чужого произвола, или того, что ребенокъ считаетъ произволомъ... При *безусловномъ* повиновеніи побѣда обыкновенно остается на сторонѣ *внѣшней* силы, и это обстоятельство неизбѣжно должно убить внутреннюю энергію и отбить охоту отъ противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ. При томъ не нужно упускать изъ виду еще одного обстоятельства: многія изъ приказаній, отдаваемыхъ ребенку, бываютъ такого рода, что онъ не имѣетъ о нихъ опредѣленнаго мнѣнія, и ему лично все равно — исполнить ихъ или не исполнить. Не понимая, зачѣмъ и почему, онъ дѣлаетъ то, что велѣно, только потому, что это велѣно. Тутъ уже борьбы никакой нѣтъ, а господствуетъ полная безсознательность, обращающаяся потомъ въ привычку. Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ во всю свою жизнь остается подъ различными вліяніями, которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманнымъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человѣкъ прежде всего попадется, тому будетъ слѣдовать.

Каково вліяніе *безусловныхъ* приказаній на *совѣсть* (на что указываетъ также г. Зедергольмъ), можно понять изъ всего, что было до сихъ поръ сказано. Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добрѣ, а только по приказу, человѣкъ становится безразличнымъ къ

добру и злу и безъ зазрѣнья совѣсти совершаетъ поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что «*такъ приказано*».

Это все слѣдствія, необходимо вытекающія изъ самой методы абсолютнаго повиновенія. Но вспомните еще, сколько съ ней сопряжено другихъ неудобствъ, являющихся при исполненіи. Приказанія воспитателя могутъ быть несправедливы, непослѣдовательны, и такимъ образомъ будутъ искажать природную логику ребенка. Если наставниковъ и воспитателей нѣсколько, они могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ приказаніяхъ, и дитя, обязанное всѣхъ ихъ равно слушаться, попадетъ въ темный лабиринтъ, изъ котораго выйдетъ не иначе какъ только совершенно потерявши сознаніе нравственнаго долга (если не успѣетъ дойти само до *своихъ* правилъ и, слѣдовательно, до презрѣнія наставниковъ). Всѣ недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могутъ перейти и къ воспитаннику, пріученному соображать свои дѣйствія не съ нравственнымъ закономъ, не съ убѣжденіемъ разума, а только съ волею воспитателя.

Такимъ образомъ, отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ,—вотъ дары, которыми *безусловное* повиновеніе при воспитаніи надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И

съ такими-то качествами человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія противъ цѣлаго общества, и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркою для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего будетъ онъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто же наконецъ далъ ему право на это? Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ былъ подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія же отношенія въ службѣ и общежитіи. Какая же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта — пятнадцать, двадцать лѣтъ, — до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими. Гораздо естественнѣе заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ виду, разумѣется, совершенный успѣхъ системы *безусловнаго* повиновенія. Но есть натуры, съ которыми подобная система никакъ не можетъ удаться. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди совершаютъ великія дѣла, становятся благодѣтелями че-

ловѣчества. Но задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь весьма ограниченнаго наставника, не имѣя простора для размаха своихъ крыльевъ, а принужденные брести тѣсной тропинкой, которая воспитателю кажется совершенно удобной и приличной, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Самый яркій примѣръ подобнаго оборота дѣла представляетъ *Вольтеръ*, воспитанный въ благочестивыхъ, основанныхъ на строгомъ, мертвомъ повиновеніи, правилахъ іезуитскихъ школъ. Одинъ разъ дошедши до убѣжденія въ неправости своего учителя, подобный ученикъ уже не останавливается... Да и что могло бы остановить его? и хорошее и дурное, и ложное и справедливое у него перемѣшано въ приказаніяхъ безусловныхъ, и представляется ему подъ призмой стѣсненія его личности. Нравственное чувство въ немъ не развито, умъ не пріученъ къ спокойному, медленному обсужденію своихъ дѣйствій; все, что онъ знаетъ и чему вѣритъ, вбито ему въ голову насильно, безъ всякаго участія его собственной воли и чувства. Поэтому весь внутренній міръ, какъ развитый имъ не отъ себя, а навязанный извнѣ, представляется ему чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, и весь, разомъ, безъ большого труда, опрокидывается, особенно, если при этомъ вмѣшается еще какое-нибудь вліяніе, совершенно противоположное вліянію воспитателей. Въ ожесточеніи противъ угнетавшихъ его, онъ разви-

ваетъ въ себѣ духъ противорѣчія и становится противникомъ уже не злоупотребленій только, а самыхъ началъ, принятыхъ въ обществѣ. Разумѣется, его ждетъ скорая гибель, или жизнь, полная скорбнаго недовольства самимъ собою и людьми, пропадающая въ безплодныхъ исканіяхъ, съ неумѣньемъ остановиться на чемъ-нибудь. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгибло такимъ образомъ жертвою учительской указки иногда съ жалобнымъ шумомъ, а чаще, просто, въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда.

Но чего вы хотите? спросятъ насъ: — неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ? . .

Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясно и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго человѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать человѣка нравственнымъ -не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію.

«Но это смѣшная и нелѣпая претензія, — скажутъ глубокомысленные педагоги, презрительно улы-

баясь въ отвѣтъ на наши доводы. - -Развѣ можно отъ маленькаго дитяти требовать правильнаго обсужденія высокихъ нравственныхъ вопросовъ, развѣ можно *убѣждать* его, когда онъ не развитъ настолько, чтобы понимать убѣжденія? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему цѣлый курсъ физіологіи, чтобы доказать, почему и какъ полезна прогулка, точно такъ, какъ было бы нелѣпо, задавая таблицу умноженія, перебирать всѣ математическія дѣйствія, въ которыхъ она необходима, и отсюда уже вывести пользу ея изученія... Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы добиться, во что бы то ни было, безпрекословнаго исполненія воспитанникомъ приказаній высшихъ, и если нельзя достигнуть этого посредствомъ убѣжденія, то надобно добиться посредствомъ страха.»

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одинъ недостатокъ — принятіе нынѣшняго statu quo за нормальное положеніе вещей. Я съ вами согласенъ, что дѣти неразвиты еще для яснаго пониманія своихъ обязанностей; но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развить въ нихъ это пониманіе. Для этого они и воспитываются. А вы вмѣсто того, чтобы внушать имъ сознательныя убѣжденія, подавляете и тѣ, которыя въ нихъ сами собою возникаютъ, и стараетесь только сдѣлать ихъ безсознательными, послушными орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ, — тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ, что приказано. — Въ такомъ

случаѣ, на что же вы и поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе?.. Вѣдь вашъ прямой долгъ — добиться, чтобы васъ понимали!.. Вы для ребенка, а не онъ для васъ; вы должны приноровляться къ его природѣ, къ его духовному состоянію, какъ врачъ приноровляется къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье. «Ребенокъ еще не развитъ», — да какъ же онъ и разовьется, когда вы нисколько объ этомъ не стараетесь, а еще напротивъ, задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значитъ, нельзя выучиться незнакомому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ, — потому что, начиная учиться, вы его не понимаете, — а надобно вести дѣло, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь, мало-по-малу, узнается!.. Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ едва ли что-нибудь выказывается такъ ярко, какъ желаніе спрятать свою лѣнь и разные корыстные виды подъ покровомъ священнѣйшихъ основъ всякаго добра. Но унижая разумное убѣжденіе, заставляя воспитанника дѣйствовать безсознательно, можно несравненно скорѣе подкопать ихъ, нежели всяческимъ предоставленіемъ самой широкой свободы развитію ребенка... Всѣ эти близорукія сужденія о неразвитости дѣтской природы чрезвычайно напоминаютъ тѣхъ господъ, которые возстаютъ противъ Гоголя и его послѣдователей за то, что эти писатели просто пересыпаютъ изъ пустого въ порожнее, что они, никого не научаютъ, и что людей, на которыхъ они нападаютъ, можно пронять только дубиной, а никакъ не убѣжденi-

емъ... Какъ будто бы дубина можетъ кого-нибудь и чему-нибудь научить! Какъ будто бы, побивши человѣка, вы чрезъ то дѣлаете его нравственно лучшимъ или можете внушить ему какое-нибудь убѣжденіе, кромѣ развѣ убѣжденія, что вы такъ или иначе сильнѣе его!.. Для дрессировки, правда, argumentum baculinum очень достаточенъ: такимъ образомъ лошадей выѣзжаютъ, медвѣдей плясать выучиваютъ и изъ людей дѣлаютъ ловкихъ спеціальныхъ фокусниковъ. Но при всей ловкости въ своемъ мастерствѣ, — ни лошади, ни медвѣди, ни многіе изъ людей, воспитанные такимъ образомъ, ничуть не дѣлаются отъ того умнѣе!..

«А какъ же, — говорятъ еще ученые педагоги, — предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній, окружающихъ его? Неужели позволить ему доходить до сознанія ихъ вредности собственнымъ опытомъ? Такимъ образомъ ни одинъ ребенокъ не остался бы цѣлъ. Испытавши, напримѣръ, что такое ядъ, или что значитъ свалиться въ окошко изъ четвертаго этажа, дитя навѣрное не останется очень благодарнымъ тому педагогу, который, по особенному уваженію человѣческой природы, принялся бы въ критическую минуту за убѣжденія, а не рѣшился бы просто отнять ядъ или оттащить ребенка отъ окошка...» Оставляя въ сторонѣ всю шутовскую, нелѣпую сторону этого возраженія, по которому, напримѣръ, подчиненный не можетъ спасти утопающаго начальника (потому что онъ отъ него не можетъ требовать безусловнаго повиновенія, а безъ этого спасеніе невозможно), замѣтимъ одно. Дѣти потому-то часто и падаютъ изъ оконъ и берутъ мышьякъ вмѣсто сахару, — что система безусловнаго повиновенія заставляетъ ихъ только

слушаться и слушаться, не давая имъ настоящаго понятія о вещахъ, не пробуждая въ нихъ никакихъ разумныхъ убѣжденій.

Да и хоть бы справедливы были жалобы на неразумность дѣтей! А то и онѣ оказываются чистѣйшею клеветою, придуманною для своихъ видовъ досужимъ воображеніемъ неискусныхъ педагоговъ. Прежде всего можно замѣтить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, также какъ, напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика — говорить, не пінтика — быть поэтомъ, и т. п. Воспитаніе, точно такъ какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачею только возбужденіе и прояснеиіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ жизнью непосредственною, безсознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьянѣ, съ вашей системой *безусловнаго* повиновенія, и тогда цѣлый міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ этой системой и будетъ по ней воспитывать дѣтей своихъ. Но вы этого не можете сдѣлать, и потому должны смиренно признать права разумности въ самой природѣ ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она вамъ представляетъ.

А разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, нежели предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умѣютъ опредѣлительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Логика ребенка весьма ясно выражается въ самое первое время его жизни, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ языкъ. Можно положительно сказать, что трехъ или четырехлѣтнее дитя не слыхало и половины тѣхъ словъ, которыя упо-

требляетъ; оно само составляетъ и производитъ ихъ по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грамматикѣ, скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развивается въ ребенкѣ.

То же самое нужно сказать и о пониманіи связи между причинами и слѣдствіями. Ожегши одинъ разъ палецъ на свѣчкѣ, ребенокъ въ другой разъ уже не схватитъ свѣчи рукою; видя, что зимою бываетъ снѣгъ, а лѣтомъ нѣтъ, ребенокъ при таяніи снѣга весною догадывается, что лѣто приближается, и пр. и пр. Всякое дитя ласкается къ тому, кто его ласкаетъ, и удаляется отъ того, въ комъ встрѣчаетъ грубое обращеніе, и т. п.

Мало этого: дѣти очень рано умѣютъ составлять понятія. Узнавши, что такое домъ, книга, столъ и пр., ребенокъ безошибочно узнаетъ всѣ другіе дома, книги, столы, хотя бы вновь увидѣнные имъ и не походили на тѣ, которые онъ видалъ прежде. Это значитъ, что у него въ головѣ уже составилось понятіе, а для составленія понятія, какъ извѣстно, нужно умѣть сдѣлать и сужденіе и умозаключеніе . . .

Съ чего же пришло въ голову многоученымъ педагогамъ, что дитя не способно понимать разумное убѣжденіе, а можетъ быть управляемо только страхомъ, обманомъ и т. п.? Я никакъ не могу со-

образить, отчего же бы это ложное убѣжденіе скорѣе принялось въ душѣ ребенка, нежели правильное. Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ, — нельзя; а сказать: «Не плачь, а то тебя бука съѣстъ», или: «Перестань, а не то — высѣку», — можно. Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при подобныхъ увѣщаніяхъ?

«Но, — говорятъ, — ребенокъ еще не можетъ разсуждать правильно о частныхъ случаяхъ, потому что онъ не имѣетъ данныхъ: онъ еще такъ мало видѣлъ и знаетъ.» Это въ высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя въ томъ именно и состоитъ, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ можетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что-нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя; — а вы ему покажете, *какъ* это сдѣлать. Онъ самъ что-нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, какъ онъ хотѣлъ бы исполнить свое намѣреніе. Онъ разсказываетъ свои мечтательные планы; вы послѣдовательно и подробно доказываете неисполнимость его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ при-

роды, о явленіяхъ духовной жизни человѣка, объ устройствѣ общества! И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію.

Вообще можно сказать, что въ непонятливости дѣтей большею частью виноваты сами взрослые. У насъ обыкновенно жизненныя случайности потрясаютъ нѣсколько твердость чистой логики; de jure и de facto — неразрѣшимо переплетаются; и мы, по привычкѣ къ уклоненіямъ, часто допускаемъ такія примѣненія основныхъ принциповъ, или такіе общіе выводы изъ частныхъ фактовъ, которыхъ чистое мышленіе никакъ принять не можетъ. Чистая дѣвственная логика дѣтской головы этого не допускаетъ, и потому всѣ нелогичности, допускаемыя нами незамѣтно для насъ самихъ, изъ деликатнаго почтенія къ statu quo, упорно не понимаются дѣтьми. Если вы наполнили умъ дитяти вѣрными данными, то вамъ трудно уже будетъ вбить ему въ голову ложное заключеніе, выведенное изъ этихъ данныхъ; если вы заставили его сначала принять ложное основаніе, то вы долго не добьетесь, чтобы онъ правильно смотрѣлъ на слѣдствія, выводимыя вами и логически не соотвѣтствующія принятому началу. Твердое настаиванье на этихъ нелогичностяхъ, безъ подробнаго и откровеннаго разъясненія обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, непремѣнно ведетъ къ искаженію природнаго здраваго смысла въ ребенкѣ, и, къ сожалѣнію, такое искаженіе происходитъ у насъ слишкомъ часто.

Столь же много вредитъ понятливости дѣтей и неестественный порядокъ, принятый у насъ вообще въ обученіи. Познанія могутъ быть пріобрѣтаемы только аналитическимъ путемъ; сама наука разви-

валась такимъ образомъ; а между тѣмъ, даже въ самомъ первоначальномъ обученіи начинаютъ у насъ съ синтеза! Порядокъ совершенно извращенный, отъ котораго происходитъ въ занятіяхъ неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, напр., введеніемъ, въ которомъ говорится о сущности, важности, пользѣ, раздѣленіи науки и т. п. Спрашиваю васъ, какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ понялъ все это прежде, чѣмъ онъ изучитъ самую науку? — Исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую; каждая часть дѣлится на слѣдующіе періоды, и пр. На чемъ держится это дѣленіе, къ чему оно примкнетъ въ головѣ мальчика, который объ исторіи понятія не имѣетъ? Географія есть наука, показывающая, и т. д.; она состоитъ изъ трехъ частей: математической, физической и политической. Первая говоритъ о томъ-то, вторая о томъ-то и пр. . . . Можно ли ожидать, чтобы, начиная съ этого географію, ребенокъ могъ разумно усвоить себѣ что-нибудь?

А между тѣмъ, посмотрите, сколько любознательности, сколько жаднаго стремленія къ изслѣдованію истины выказываютъ дѣти. Инстинктъ истины говоритъ въ нихъ чрезвычайно сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, нежели во взрослыхъ людяхъ. Они не интересуются призраками, которые создали себѣ люди и которымъ придаютъ чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются въ филологическія тонкости, не стремятся къ чинамъ и почестямъ (разумѣется, если имъ не натолковали объ этомъ чуть не со дня рожденія). Зато какъ охотно они обращаются къ природѣ, съ какою радостью изучаютъ все дѣйствительное, а не призрачное, какъ ихъ занимаетъ вся-

кое живое явленіе. Они не любятъ отвлеченностей, и въ этомъ ихъ спасеніе отъ насильственно вторгающихся въ ихъ душу умствованій, которыхъ доказать и объяснить часто не можетъ даже тотъ, кто хлопочетъ о вкорененіи ихъ въ душѣ воспитанниковъ. Да, счастливы еще дѣти, что природа не вдругъ теряетъ надъ ними свои права, не тотчасъ оставляетъ ихъ на жертву извращенныхъ, пристрастныхъ, односторонніхъ людскихъ теорій!..

«Но, — скажутъ, — въ дѣтяхъ сильно влеченіе ко злу; необходимо дѣятельно противиться злымъ отъ природы наклонностямъ ребенка.» Не разбирая подробно этого мнѣнія, позволимъ себѣ отвѣтить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполнѣ можно повѣрить, когда дѣло идетъ о свойствахъ человѣческой природы. Вотъ его слова: «Добро и зло довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и зоркости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу».

Но если даже и справедливо, что въ природѣ нашей есть природное влеченіе ко злу, то развѣ вы можете взяться за его уничтоженіе? Вы ли, безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіямъ грубаго эгоизма, — вы ли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью воз-

стаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитайте прежде самихъ себя, и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ.

Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются съ сверстникомъ, не спрашивая, богатъ ли онъ, равенъ ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особенная наклонность сближаться съ обиженными судьбою, съ слугами, и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ; ребенокъ никогда не съѣстъ даннаго ему яблока безъ своего брата или сестры, которыхъ онъ любитъ; онъ всегда принесетъ изъ гостей гостинцы своей любимой нянюшкѣ; онъ заплачетъ, видя слезы матери, изъ жалости къ ней. Вообще, мнѣніе, будто бы въ дѣтяхъ преобладающее чувство — животный эгоизмъ, рѣшительно лишено основанія. Если въ нихъ не замѣтно сильнаго развитія любви къ отечеству и человѣчеству, это, конечно, потому, что кругъ ихъ понятій еще не расширился до того, чтобы вмѣщать въ себѣ цѣлое человѣчество. Они этого не знаютъ, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нѣтъ, не напрасно дѣти поставлены въ примѣръ намъ даже тѣмъ, предъ кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, чье ученіе столько вѣковъ оглашаетъ вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на дѣтей, должны сами переродиться, *сдѣлаться какъ*

дѣти, чтобы достигнуть вѣдѣнія истиннаго добра и правды. Если уже мы хотимъ обратить вниманіе на воспитаніе, то надо начать съ того, чтобы перестать презирать природу дѣтей и считать ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденій разума. Напротивъ, надо пользоваться тѣми внутренними сокровищами, которыя представляетъ намъ натура дитяти. Многія изъ этихъ природныхъ богатствъ намъ еще совершенно неизвѣстны, многое, по слову Евангелія, утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ!

Эта апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола, останавливающаго естественное развитіе, имѣла цѣлью указать на одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего воспитанія. Мы не пускались въ подробности, а выставляли на видъ только общія положенія — въ надеждѣ, что умные воспитатели, если согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, то и сами увидятъ, что и какъ нужно имъ дѣлать и чего не дѣлать. Искусства обращаться съ дѣтьми нельзя передать дидактически; можно только указать основанія, на которыхъ оно можетъ утверждаться, и цѣль, къ которой должно стремиться. И мы думаемъ, главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это — уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды . . .

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобнаго обращенія къ естественному смыслу

дѣтей было уже положено слишкомъ за полвѣка назадъ, — благороднымъ и безкорыстнымъ филантропомъ воспитателемъ — Песталоцци. По поводу его-то школы сдѣлано г-жею Сталь многозначительное замѣчаніе, что «непониманіе дѣтей происходитъ всегда болѣе отъ темноты изложенія, нежели отъ трудности самихъ наукъ» (De l'Allemagne). Тысячи опытовъ подтвердили это замѣчаніе съ тѣхъ поръ, какъ оно было высказано, и мы съ горестью должны сознаться, что оно и до сихъ поръ не потеряло своей справедливости. И не только умственное, но — что еще болѣе грустно — даже нравственное воспитаніе дѣтей страдаетъ у насъ тою же голословностью, внѣшностью, мертвенностью. Освободиться отъ этого жалкаго состоянія, обратить вниманіе не на мертвую букву, а на живой духъ, не на исполненіе внѣшней формы, а на развитіе внутренняго человѣка, — вотъ задача, которой выполненіе предстоитъ современному русскому воспитанію.

II и III.

Собраніе литературныхъ статей *Н. И. Пирогова.* Съ портретомъ автора. Изданіе редакторовъ „Одесск. Вѣстника" *А. Богдановскаго* и *А. Георгіевскаго.* Одесса 1858.

„Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи московской Практической академіи коммерческихъ наукъ, 17 дек. 1858 г.". Москва 1858.

Объ эти книжки, въ одно время попавшія къ намъ въ руки, навели насъ на размышленія очень грустныя. Въ нашей общественной жизни бываютъ явленія, которыя могутъ иногда увлечь на минуту добродушнаго человѣка и внушить ему отрадное чувство. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ «Отчетъ московской Практической академіи», составленный инспекторомъ ея, извѣстнымъ профессоромъ М. Я. Киттары. Но рядомъ съ этими явленіями у насъ такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей, такъ давно уже тревожатъ насъ разнородныя ожиданія чего-то новаго и лучшаго, что мы мгновенно падаемъ какъ бы съ облаковъ при первомъ звукѣ строгаго голоса, провозглашающаго высшія требованія разума и справедливости. Внезапно очнувшись, мы видимъ, что то, чѣмъ мы сейчасъ восхищались, представляетъ не болѣе какъ намекъ на то, что нужно

дѣйствительно; мы убѣждаемся, что относительное улучшеніе сочли за положеніе нормально-хорошее, и намъ становится грустно и горько. Мы видимъ предъ собою робкія начинанія, слабыя попытки, больше словъ, чѣмъ дѣла, и даже въ словахъ какую-то нерѣшительность, дуализмъ, желаніе отдѣлаться или прикрыться фразами. И все это вызывается самимъ обществомъ, вынуждается силою обстоятельствъ — даже отъ лучшихъ, отъ передовыхъ людей! Смѣшно становится на самого себя за свои прежнія радужныя надежды, и невольно удивляешься въ это время тѣмъ людямъ, которые умѣютъ силою строгой мысли возвыситься надъ обольщеніями мелочей жизни. Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ Н. И. Пироговъ, и напечатанныя нынѣ «Литературныя статьи» его служатъ новымъ тому доказательствомъ, — особенно когда разсматриваемъ ихъ рядомъ съ «Отчетомъ о воспитаніи въ московской Практической академіи».

Въ «Собраніи литературныхъ статей» Н. И. Пирогова помѣщены: знаменитая статья его «Вопросы жизни», рѣчь его на новосельѣ Ришельевскаго лицея и три статьи изъ «Одесскаго Вѣстника»: «Одесская талмудъ-тора», «Быть и казаться» и «Нужно ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей». Всѣ эти статьи — педагогическаго содержанія, и всѣ онѣ предъявляютъ требованія столь простыя и разумныя, и въ тоже время столь высокія, что предъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношеніи къ воспитанію. Сдѣлаемъ маленькую пробу хоть на «Отчетъ» профессора Киттары.

Отчетъ его — одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ пріятно поразить человѣка, привыкшаго въ офиці-

альныхъ вѣдомостяхъ видѣть только педантство и формалистику. Г-нъ Киттары начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что «считаетъ нужнымъ представить на благосклонный судъ своихъ слушателей не только отчетъ за прошлый годъ, но и тѣ убѣжденія, которыя служатъ основой его дѣйствій». И дѣйствительно, онъ говоритъ о своихъ идеяхъ и направленіи, какое даетъ онъ воспитанію, о цѣляхъ, которыя имѣетъ въ виду. Все это оживляетъ его отчетъ и даетъ ему характеръ болѣе литературный, нежели официальный. Прежде всего разсуждаетъ онъ о цѣли московской Практической академіи наукъ и говоритъ, что цѣль ея — «приготовить отечеству честныхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ слугъ въ области промышленности, приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, возвратить родителямъ, довѣрившимъ воспитаніе дѣтей заведенію, добрыхъ помощниковъ, достойныхъ преемниковъ ихъ имени». Здѣсь г. Киттары прибавляетъ, что цѣль эта — «*великая и вовсе не легкая въ исполненіи, особенно въ настоящую пору*». Тѣмъ интереснѣе знать, какъ же г. Киттары достигаетъ этой великой и не легкой цѣли. Онъ объясняетъ, что утверждается въ своихъ дѣйствіяхъ на религіозно-нравственномъ основаніи.

Нравственное воспитаніе (говоритъ онъ) составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанія развить сознательно два святыхъ чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу — любовь къ ближнимъ. Религіозно-нравственное направленіе безукоризненно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ Законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно служится всенощная и обѣдня въ дни праздничные, со-

провождаемыя пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя Закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, недавно введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не понаружи только.

Не менѣе обращается вниманія, по словамъ г. Киттары, и на развитіе второго, столь же святаго чувства — любви къ ближнему, которое, какъ источникъ честности, «нужно всякому, *а купцу въ особенности*». Для достиженія этихъ цѣлей въ Практической академіи находятся надзиратели, которые не только смотрятъ за тишиной и порядкомъ, но и руководятъ дѣтей, изучая ихъ нравы и наклонности. При воспитанникахъ младшихъ классовъ надзиратели находятся безотлучно; начиная съ 3-го класса присмотръ за нравственностью дѣлается легче; въ 5-мъ и 6-мъ классѣ на нравы дѣйствуютъ преимущественно преподаватели, направляющіе умъ и сердце воспитанниковъ къ добру и пользѣ. Взысканія распредѣлены по возрастамъ; въ низшихъ классахъ употребляется выставка, лишеніе рекреаціи, отпуска, отмѣтка на отпускномъ билетѣ, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ тѣлесное наказаніе. «Въ среднихъ и высшихъ классахъ, — говоритъ г. Киттары, — случаи мѣръ взысканія столь рѣдки, что, уважая амбицію этихъ классовъ, я не позволяю себѣ о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что всѣ они основаны именно на этой амбиціи».

Вообще г. Киттары дастъ видѣть, что заведеніе, ввѣренное его смотрѣнію, находится въ блестящемъ

положеніи. «Взыскать за проступокъ не трудно, — говоритъ онъ, — труднѣе предотвратить его; *въ этомъ отношеніи въ заведеніи нашемъ дѣлается все, что позволяетъ возможность и средства*» (стр. 10). При концѣ курса поправки нравственности воспитанниковъ уже поздны: *къ счастью нужда въ нихъ у насъ не часта*» (стр. 7). «У насъ есть *черная* книга для ежедневнаго записыванія проступковъ воспитанниковъ и взысканій за нихъ; *понятно, что такая система,* сколь ни скучна и ни хлопотлива она въ исполненіи, *вполнѣ достигаетъ цѣли* и опредѣляетъ разумную послѣдовательность самихъ мѣръ въ исправленіи нравственности» (стр. 7). «Въ заведеніи нашемъ имѣетъ мѣсто и забота о разнообразіи въ жизни воспитанниковъ. Средства, которыми я пользуюсь, — развитіе изящнаго вкуса, а съ *нимъ* музыкальные вечера и домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, московскіе театры, экскурсіи... *Все это дополняетъ жизнь, придаетъ ей колоритъ, не убиваетъ энергіи, а наоборотъ возбуждаетъ, потому что* [!] съ правомъ на эти удовольствія тѣсно связаны добрая нравственность и успѣхи. Недавній домашній концертъ въ нашей академіи доказалъ, что и у насъ можетъ развиться тонкое чувство и вкусъ. *Къ большому развитію этихъ достоинствъ теперь прилагаются у насъ всѣ силы*» (стр. 12). Въ отношеніи къ спеціальному обученію не совсѣмъ достаточны были доселѣ средства заведенія; но, — говоритъ почтенный профессоръ М. Я. Киттары, — «благодаря теплому сочувствію и одобренію высказанныхъ выше убѣжденій господина попечителя московской Практической академіи коммерческихъ наукъ его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любите-

лей коммерческихъ знаній, — многому уже положено начало» (стр. 29).

Послѣ всего этого г. Киттары имѣлъ, конечно, полное право воскликнуть въ заключеніе своего отчета: «Вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять пѣтъ надобности». Онъ смѣло могъ, конечно, отдаться на судъ своихъ слушателей, — между которыми были, безъ сомнѣнія, и упомянутые имъ члены совѣта и пр., и сказать: «Вотъ, мм. гг., самый бѣглый очеркъ всѣхъ сторонъ жизни нашего заведенія. Какъ много въ немъ отраднаго или подающаго надежды въ будущемъ, предоставляю вашему безпристрастному обсужденію» (стр. 31).

Итакъ, все содержаніе «Отчета» г. Киттары можно назвать очень отраднымъ. Но пріятное чувство, внушаемое имъ, мгновенно смѣняется грустью и недовольствомъ, когда припомнишь тѣ строгія требованія правды и добра, какія высказываются въ статьяхъ г. Пирогова. Читая Пирогова, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ, — со всѣми нашими такъ называемыми успѣхами, — выдержать самой легкой критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, не достижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣетъ на насъ все написанное имъ, и читая его, мы убѣждаемся, что истинно-надежнымъ и всегда полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя

себѣ никакихъ вліяній, ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какъ раздается въ «Вопросахъ жизни», невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно. Мы часто говоримъ: «Что за бѣда, что такой-то покривилъ душою, погрѣшилъ противъ своихъ убѣжденій; онъ вѣдь сдѣлалъ необходимую уступку обществу; это не мѣшаетъ ему оставаться человѣкомъ честнымъ и почтеннымъ». Конечно, такъ: нельзя презирать человѣка за то только, что онъ, не имѣя съ семьею куска хлѣба, принялъ мѣсто — хоть бы по откупамъ... точно такъ, какъ нельзя винить человѣка, который подъ пыткою наклепалъ на себя небывалыя преступленія. Но незачѣмъ такихъ людей возводить въ герои, и даже вообще трудно положиться на нихъ, если они служатъ по откупамъ и врутъ на себя небывальщину — рѣшительно безъ всякой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, способный говорить не то что думаетъ, рѣшающійся самодовольно выставлять предъ другими то, чего самъ не уважаетъ, набирающій пышныя фразы для представленія вещи съ казоваго конца, умѣющій ловко примѣниться къ обстоятельствамъ, ловко польстить чужому самолюбію и даже невѣжеству, — и все это дѣлающій безъ особенной надобности, такъ только, для конвенансовъ, — подобный человѣкъ едва ли можетъ быть вполнѣ надежнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Едва ли можно отъ него ожидать непоколебимой твердости и неуклоннаго благородства во всей его дѣятельности. Онъ можетъ быть честнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, можетъ имѣть много ума и прекрасныхъ стремленій. Но двусмысленность и проти-

борьчіе его дѣйствіи или словъ — все-таки обличаютъ въ немъ по малой мѣрѣ легкомысленность и чрезвычайную слабость внутренняго суда надъ собою. Человѣкъ, строго наблюдающій надъ собою, не вступаетъ въ лицемѣрныя отношенія, не говоритъ вовсе о томъ, о чемъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, нельзя высказать своихъ мыслей, а если ужъ начинаетъ рѣчь, то говоритъ прямое честное слово. Къ сожалѣнію, немного такихъ неуклонно честныхъ и твердыхъ людей въ нашемъ обществѣ, которое, по замѣчанію г. Пирогова, съ самыхъ первыхъ лѣтъ развиваетъ въ насъ нравственную двойственность, разладъ между «*быть и казаться*». Большая часть изъ насъ, сбиваясь съ толку какой-то странной и произвольной телеологіей, считаетъ лишнимъ строгій судъ надъ дѣлами человѣка, если только они направлены къ хорошей цѣли. Всѣ мы бранимъ іезуитскую школу, но всѣ мы, по словамъ г. Пирогова, — «употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подчасъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ». И тутъ, разумѣется, нечего винить отдѣльныхъ людей; надо винить общество и неблагопріятныя обстоятельства развитія. Общественныя отношенія служатъ даже оправданіемъ многихъ не вполнѣ безукоризненныхъ нашихъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ и г. Пироговъ. «Свѣта мы конечно, не исправимъ, — говоритъ онъ: — онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни, извѣстной своею непослѣдовательностью, не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и не предосудительны?» Но во всякомъ слу-

чаѣ едва ли заслуживаетъ похвалы та легкость, съ которою иные рѣшаются не только просто пользоваться слабостями ближняго для общей благой цѣли, но даже и льстить имъ и притомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этой лестью ничего, или почти ничего, не достигается. Къ несчастью, многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей не хотятъ понять той простой истины, что не великую пользу для человѣчества можетъ доставить то дѣло, которое надо защищать обманомъ, лицемѣріемъ и потворствомъ рутинѣ и предразсудкамъ.

Рѣдкое исключеніе изъ числа этихъ *многихъ* составляетъ г. Пироговъ. Его идеи и стремленія, рѣзко опредѣленныя, всегда рѣзко и прямо высказываются, и предъ ними нерѣдко блѣднѣетъ все то, что кажется хорошимъ у другихъ. Мы хотѣли это показать на «Отчетѣ» г. Киттары, но увлеклись отступленіемъ, которое впрочемъ, какъ увидитъ внимательный читатель, не совершенно напрасно. Обратимся же къ нашему сравненію.

Въ началѣ «Отчета» г. Киттары мы читаемъ, что цѣль Практической академіи: «*приготовить будущихъ купцовъ русскихъ*, честныхъ слугъ отечеству» Какъ это напоминаетъ извѣстный эпиграфъ къ «Вопросамъ жизни»: «Намъ необходимы негоціанты, солдаты, моряки, врачи, юристы, а не люди . . .». Повидимому, приготовленіе честныхъ купцовъ, вѣрныхъ слугъ отечеству, — есть задача превосходная, и мы должны были бы остаться очень довольны мыслью, выраженною у г. Киттары. Но довольство наше пропадаетъ, когда мы вспоминаемъ основныя мысли г. Пирогова объ общемъ образованіи. Намъ уже кажутся очень слабыми и односторонними понятія, провозглашающія науку средствомъ къ при-

готовленію — не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а *слугъ* какой-то другой, посторонней силы. Мы непріятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: «Учись для того, чтобы *быть достойнымъ преемникомъ имени твоего отца и слугою государства на поприщѣ промышленности:* такова цѣль твоего ученья и всей твоей жизни». Рядомъ съ этимъ внушеніемъ мы ставимъ слова г. Пирогова: «Нужно учиться безъ всякой задней мысли, изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, пусть будетъ твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно придти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности; сынъ съ раннихъ лѣтъ пусть видитъ въ образованіи нравственную необходимость и цѣнитъ его, какъ самую жизнь». Вотъ высшая точка зрѣнія на образованіе, — и какъ неловко спуститься съ ея высоты до мысли о приготовленіи *слугъ и купцовъ!* . .

Но въ «Отчетѣ» г. Киттары есть отрадныя мысли, которыя должны сгладить это первое впечатлѣніе. Онъ говоритъ, напримѣръ, тоже въ началѣ «Отчета», что въ Практической академіи ищутъ общаго образованія, что «потребность образованія въ быту купеческомъ, къ полной чести этого сословія, достаточно понята». Прекрасно и утѣшительно! . . . Но что, если это фраза, которая на дѣлѣ оказывается чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ, ни да, ни нѣтъ? На такое печальное подозрѣніе наводятъ насъ слѣдующія слова г. Пирогова, грустную правду которыхъ сознаетъ всякій, кто сколько нибудь присматривался къ нашему обществу. «Мы говоримъ, что

любимъ просвѣщеніе. Да это не мудрено: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ потому, что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-вторыхъ — мы стыдимся сказать противное, точно также какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ . . . »

Правда, въ подтвержденіе своей отрадной мысли г. Киттары указываетъ на увеличеніе воспитанниковъ въ Практической академіи, въ которую принимаются дѣти *самаго ранняго возраста*, 8, 9, 10 лѣтъ, и изъ которой выпускаются послѣ осьмилѣтняго курса уже зрѣлыми юношами. Въ десять лѣтъ число воспитанниковъ академіи возросло *отъ скромной цифры 40 до 220*». Фактъ утѣшительный самъ по себѣ; но и о немъ невеселыя мысли являются въ головѣ, когда перечтешь слѣдующія строки изъ «Вопросовъ жизни».

На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: *или* въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; *или* же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной, практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они во что бы то ни стало самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ

именно возрастъ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою заботу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества...

Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ другихъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители самоуправно распоряжаются участью своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и разсчетамъ предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?

Неужели это справедливо и въ отношеніи къ тому заведенію, которое такъ прекрасно управляется попеченіями г. Киттары? — подумали мы, и къ сожалѣнію въ самомъ же «Отчетѣ» нашли нѣкоторыя подтвержденія мыслей г. Пирогова. Въ Практической академіи, куда поступаютъ дѣти съ самаго ранняго возраста, многіе изъ предметовъ общаго образованія проходятся очень сжато и легко; исторія всеобщая и русская (вмѣстѣ), равно какъ и естественная исторія, начинается только съ четвертаго класса, по два урока въ недѣлю, да и то въ шестомъ классѣ естественная исторія обращается уже «въ изученіе предметовъ природы, имѣющихъ техническое и торговое приложеніе». Физика преподается

только въ 5-мъ и 6-мъ классѣ, математика обращена отчасти въ коммерческую ариѳметику и бухгалтерію; 7-й и 8-й классъ посвящены исключительно техническимъ и торговымъ спеціальностямъ. Такимъ образомъ для предметовъ общаго образованія остается не много времени, и самъ г. Киттары сознается, что «эти обстоятельства заставляютъ другія науки излагать въ меньшемъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями, выбравъ изъ нихъ только главнѣйшее и существенно-необходимое». Но къ этому признанію г. Киттары дѣлаетъ еще слѣдующее прибавленіе, смыслъ котораго, признаемся, мы не совсѣмъ хорошо поняли. «Этимъ я впрочемъ не хочу сказать,— замѣчаетъ онъ, — чтобы въ программахъ гимназическихъ наукъ было много несущественнаго, неглавнаго или ненужнаго (намъ показалось, что онъ сожалѣетъ о невозможности вести въ академіи курсы столько же пространные, какъ въ гимназіяхъ, а выходитъ совершенно наоборотъ: г. Киттары опасается, чтобъ его слова не приняты были за обиду гимназіямъ); программы эти, безспорно, строго обдуманы, повѣрены длиннымъ опытомъ, направлены къ своей цѣли; я хочу сказать только, что *къ этой цѣли у насъ присоединяется другая* — приготовить учащихся къ спеціальному коммерческому курсу» (стр. 22). Изъ этихъ словъ выводится довольно вѣроятное заключеніе, что г. Киттары считаетъ курсъ коммерческой академіи выше гимназическаго, какъ удовлетворяющій двумъ цѣлямъ, вмѣсто одной. Неужели это такъ?... Неужели онъ не признаетъ превосходства общаго образованія и цѣнитъ въ немъ только латинскій языкъ, о которомъ одномъ отзывается съ любовью, что онъ, *къ сожалѣнію*, не имѣетъ мѣста въ коммерческой академіи!..

Въ отношеніи къ самымъ средствамъ воспитанія г. Киттары, какъ ни старается изобразить ихъ въ свѣтѣ наиболѣе благопріятномъ, но самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что многія изъ этихъ средствъ «вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, а обусловлены временной необходимостью» (стр. 12). Такое признаніе опять приводитъ насъ къ словамъ г. Пирогова, который по поводу одесской талмудъ-торы говоритъ: «Чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять! Словъ — сколько угодно; а убѣжденій — это иное дѣло . . .»

Къ чему приводитъ недостатокъ въ обществѣ твердыхъ убѣжденій, можно видѣть изъ одного частнаго случая, упоминаемаго въ «Отчетѣ» г. Киттары. Говоря о взысканіяхъ съ воспитанниковъ, онъ касается между прочимъ и тѣлеснаго наказанія и объявляетъ себя *врагомъ розогъ*. «Я прибѣгаю къ нимъ очень рѣдко, — говоритъ онъ, — въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, *въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда* . . .» Далѣе онъ замѣчаетъ между прочимъ, что, «внушая дѣтямъ любовь къ ближнему, воспитатели и сами не должны забывать этого чувства въ отношеніи къ дѣтямъ» (стр. 8—9). Такимъ образомъ у г. Киттары педагогика перемѣшивается съ филантропіей, и потому на него даже находятъ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости его взгляда — относительно розогъ! . . Посмотрите же, какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Пироговъ, руководясь не филантропической боязнью обидѣть дитя или выказать къ нему недостатокъ состраданія, а спокойными педагогическими разсужденіями,

чрезвычайно простыми и сильными. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его статейки «Нужно ли сѣчь дѣтей?»:

Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) выместить причиненную обиду; 2) пристыдить; 3) устрашить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествующаго общества, остановимся на двухъ современныхъ: *стыдѣ* и *страхѣ*. - Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго не значитъ ли, — хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него достаточно была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково ли что оно уничтожаетъ самую цѣль? Остается, значитъ, одинъ только страхъ. Но какой? — не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ, — а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимости отъ розги? Нежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательно ли, утѣшительно ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ: — чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамоклова меча; если онъ хоть на минуту убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, — какъ вы думаете, воспользуется ли онъ или нѣтъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять — „быть и казаться". Покуда розга въ виду - все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду - кутежъ и разливъ. И это нравственность!

Да, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашего общества такова нравственность, — не только въ поступкахъ, но даже въ словахъ и въ понятіяхъ... Много у насъ есть такихъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказывать только въ тѣ минуты, когда мы освобождаемся изъ-подъ дамоклова меча, упоминаемаго г. Пироговымъ... Но все скрыто, замаскировано, искажено, ни въ чемъ нѣтъ прямоты, стройности и цѣльности, когда мы видимъ или даже только предполагаемъ надъ головой своей этотъ мечъ. А находятся еще добрые люди, которые не только считаютъ это неважнымъ, но даже потворствуютъ такимъ *слабостямъ!*..

Въ образецъ того, какъ идетъ преподаваніе наукъ въ Практической академіи, г. Киттары указываетъ на изложеніе преподаванія географіи, представленное въ рѣчи г. учителя Телѣгина. Въ этой рѣчи, между нѣсколькими дѣльными мыслями, мы нашли, въ объясненіяхъ исторіи географическими данными, телеологію, доходящую до фатализма. Какъ долженъ преподавать географію учитель, въ рѣчи о географіи задающій такіе вопросы? (стр. 37).

Почему Всеблагій Промыслъ велъ народъ израильскій путемъ, который представлялъ наиболѣе трудности — чрезъ Черное море, чрезъ Синайскую пустыню, и куда же? — въ страну, занятую горцами, въ средоточіе воинственныхъ народовъ, которые окружали со всѣхъ сторонъ эту мѣстность и, казалось, тотчасъ по вступленіи Израиля въ нее овладѣютъ имъ; а между тѣмъ онъ прожилъ на ней до времени явленія Спасителя. Какимъ же образомъ эта горсть народа, окруженная отовсюду завоевателями, могла удержаться независимой столь долгое время? На это отвѣчаетъ самой природой устроенная мѣстность.

Итакъ, *мѣстность* объясняетъ, почему *Промыслъ* велъ народъ черезъ море!.. Странно; тутъ что-

нибудь да не такъ, и ученики едва ли хорошо сдѣлаютъ, если усвоятъ логику г. Телѣгина.

Вообще «Рѣчи и отчетъ Практической московской академіи», прочитанные нами подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мыслей г. Пирогова, не вполнѣ удовлетворили насъ. Мы не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости, мы не съ тѣмъ на него указываемъ, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь... Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть конечно и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени... Разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и потому мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла... Что касается до г. Киттары, то мы знаемъ, что его чистая и благородная репутація вполнѣ заслужена, мы знаемъ, что онъ не разъ оставался на стражѣ правды и чести даже въ такихъ случаяхъ, когда другіе, добрые и почтенные люди, оказывались слабыми или безпечными... Но именно въ силу того уваженія, которое питаемъ мы къ г. Киттары, мы желали бы отъ него болѣе рѣзкаго и прямого выраженія его собственныхъ взглядовъ, менѣе уступокъ рутинѣ и менѣе неопредѣленныхъ фразъ, имѣющихъ иногда характеръ довольно двусмысленный. Нужно признаться, что фразъ у него много; безъ нихъ не обошлась даже и та часть статьи, въ которой говорится о религіозномъ воспитаніи дѣтей...

А посмотрите, какое сужденіе обо всѣхъ этихъ

фразахъ дѣлаетъ г. Пироговъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ одной изъ нашихъ прекрасныхъ школъ:

Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще недоставало для вашего счастья и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите совсѣмъ не то, чему васъ учили, и вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы".

Поручится ли г. Киттары, что его воспитанники, когда выступятъ на поприще жизни и начнутъ размышлять самостоятельно, не найдутъ ни малѣйшей мистификаціи въ своемъ воспитаніи подъ руководствомъ почтеннаго профессора?

„Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи московской Практической академіи коммерческихъ наукъ 17 дек. 1859 г.". Москва 1859.

Какъ хорошъ нынѣшній отчетъ инспектора московской коммерческой академіи, г. Киттары!..

Такъ хорошъ, что, кажется, сама академія не сравнится съ нимъ въ своихъ достоинствахъ!

Въ прошломъ году мы разбирали рѣчь г. Киттары параллельно съ разсужденіями г. Пирогова, и дѣлали сравненія, невыгодныя для почтеннѣйшаго инспектора Практической академіи. Это, какъ нужно полагать, огорчило его, и онъ, оканчивая нынѣшнюю рѣчь, говоритъ, обращаясь какъ будто бы къ публикѣ, но явно кивая на нашу рецензію [1].

„Я буду искренно благодаренъ за всякое указаніе, за всякую замѣтку, за всякій добрый совѣтъ, какъ лучшіе знаки вашего ко мнѣ вниманія и довѣрія, но *попрошу объ одномъ: не сравните меня съ кѣмъ-нибудь изъ знаменитыхъ педагоговъ-публицистовъ, врачей общества;* сравненіе будетъ парадоксально. Нравственные принципы, ими высказываемые, могутъ быть совершенно справедливы, разумны, законны, но несмотря на то въ *практикѣ не всегда и не совсѣмъ удобоприложимы.* Это, надѣюсь, понимаетъ каждый. (Стр. 68.)

Ну, какъ не понимать! Самъ же г. Пироговъ далъ намъ понять это болѣе, нежели кто-нибудь другой... И ужъ мы теперь не станемъ превозносить его предъ г. Киттары; напротивъ, теперь мы на г. Киттары готовы смотрѣть какъ на образецъ для г. Пирогова. И сейчасъ представимъ резоны, — почему.

Г-нъ Киттары скроменъ и податливъ; въ хорошихъ рукахъ и при хорошей обстановкѣ онъ былъ бы отличнѣйшимъ дѣятелемъ, въ чемъ хотите. Гдѣ нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергія, — тамъ, конечно, на дѣятель-

[1] Впрочемъ оговоримся: съ мѣсяцъ спустя послѣ нашего разбора такой же точно параллель между г. Киттары и Пироговымъ появился еще въ „Спб. Вѣдомостяхъ" — такъ что слова г. Киттары могутъ быть и къ нимъ отнесены.

ность его нельзя возлагать особенныхъ надеждъ; но вѣдь на кого же въ этомъ отношеніи можно надѣяться? . . Г-нъ Киттары хорошъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что никого ужъ не обманываетъ на счетъ характера своихъ дѣйствій. Весь тонъ его нынѣшняго, напр., «Отчета» говоритъ вамъ: «Да, я сознаю, что то и то дурно; но я не въ силахъ этого передѣлать, — по крайней мѣрѣ теперь, и потому считаю нужнымъ покориться и даже хвалить то, что считаю лишь временнымъ и вовсе безполезнымъ въ сущности». А другіе какимъ высокимъ тономъ говорятъ о себѣ! Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ они шагу не уступятъ, и ужъ — или передѣлаютъ все на свой ладъ, или костьми лягутъ . . . А посмотришь потомъ — точно такъ же не сладятъ съ обстоятельствами и надѣлаютъ уступокъ, иногда вовсе не ничтожныхъ и не забавныхъ . . . Да хоть бы тутъ смирялись, — такъ нѣтъ! Все продолжаютъ свысока, докторальнымъ тономъ и, принимаясь сѣчь мальчика, точно также считаютъ долгомъ выхвалить свое отвращеніе отъ розги, какъ и въ прежнее время, когда не дошли до практическихъ примѣненій. Вотъ напр., какъ хорошо г. Пироговъ разсуждаетъ о гнусности и негодности розогъ и какъ величественно, съ совершеннымъ сознаніемъ своей философской непогрѣшимости, признаетъ онъ ихъ необходимость въ гимназіяхъ, вслѣдствіе *трудности* придумать вмѣсто нихъ что-нибудь другое! Такъ и съ другими бываетъ. Послушаешь, — такъ ихъ наклонности слаще кіевскаго варенья; а заглянешь въ самое дѣло, такъ того и гляди — порютъ кого-нибудь!

Г-нъ Киттары не таковъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, слѣдуя общей рутинѣ, онъ написалъ

красивую рѣчь, съ реторическими возгласами о томъ, какъ въ академіи воспитанники на клиросѣ поютъ, постные дни соблюдаютъ, — вотъ, говоритъ, какова у насъ *нравственность*! — о томъ, какъ онъ готовитъ отечеству *слугъ*, достойныхъ преемниковъ капитала и имени предковъ, —вотъ говоритъ, какая высокая цѣль у насъ! — о томъ, какъ онъ съчетъ дѣтей только въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда на розги, — вотъ, дескать, какъ мы гуманны! — о томъ, какъ много хорошаго начинается и какъ прекрасно все продолжается въ академіи, *благодаря сочувствію и одобренію* такихъ-то особъ, — вотъ, дескать, какъ мы смиренны! и пр. Ему замѣтили, что можно бы обойтись и безъ этихъ возгласовъ, — онъ нынѣ и обошелся, да еще и то все оговаривается: «Вы, — говоритъ, — не подумайте, что я фразу говорю,—о томъ, что, напр., у насъ нравственность въ академіи процвѣтаетъ. Я бы охотно сказалъ, если бы дурно было; но ей Богу же не могу: что же мнѣ дѣлать, если всѣ такъ хорошо ведутъ себя!.. Не могу же я врать!» Серьезно такъ: вотъ его слова въ одномъ мѣстѣ «Отчета» (стр. 37):

Примѣры *серьезныхъ* недостатковъ въ академіи немногочисленны. Изъ 254 человѣкъ учащихся не болѣе пяти, возраста отъ 9 до 14 лѣтъ, вызываютъ особенную заботу объ ихъ исправленіи, а это менѣе 2 процентовъ. Процентъ очень небольшой, *можетъ быть дѣйствительно блестящій; но я не могу говорить неправду*, и всякому желающему повѣрить слова мои могу представить нашу штрафную книгу, *черную* книгу, какъ называютъ ее воспитанники.

Такая восхитительная совѣстливость выражается на многихъ страницахъ нынѣшняго «Отчета»

г. Киттары. Но, не довольствуясь частными оговорками въ родѣ приведенной нами, онъ при концѣ своей рѣчи сдѣлалъ слѣдующее объясненіе, которое хотя и не совсѣмъ складно, но тѣмъ не менѣе плѣнительно въ своей натуральной неуклюжести (стр. 68).

Закончу же мою рѣчь совершенно сторонней мыслью: чему больше вѣры — слову ли похвалы или слову осужденія? Думаю, что вы не затруднитесь въ отвѣтѣ, отдадите скорѣе вашу вѣру послѣднему; таково уже общее наше современное направленіе, конечно, вытекшее изъ опыта жизни. Я не держусь буквально этого направленія и прошу васъ, м.м. г.г., не прилагать его ко всему мною сказанному, какъ въ нынѣшней рѣчи, такъ и въ прошлой. *Огradивъ* [?] мою дѣятельность, какъ инспектора академіи, стѣнами этого заведенія и соприкасаясь чрезъ него съ извѣстнымъ слоемъ общества, я предпочитаю говорить болѣе о хорошемъ, благотворномъ для самой академіи, предпочитаю умалчивать о недостаткахъ, которые вообще сродны человѣчеству. Не считаю этого ни уступкой обществу, ни лестью; умалчиваю же просто потому, что слово осужденія не принесло бы пользы, а ввѣренному мнѣ дѣлу могло бы принести еще вредъ.

Мы не говоримъ, чтобъ очень легко было выразумѣть теченіе и связь мыслей г. Киттары въ этой тирадѣ. Но все-таки нельзя не согласиться, — въ ней есть что-то плѣнительное, невольно располагающее васъ въ пользу изобрѣтателя этихъ мыслей и заставляющее предполагать въ немъ прекраснѣйшаго, мягкосердечнѣйшаго человѣка.

Какъ, напримѣръ, онъ современнымъ прогрессомъ восхищается! «1859-й годъ, — говоритъ, — *не похожъ* на своихъ предшественниковъ; жизнь русская сдѣлала въ немъ шагъ *крупнѣе прежнихъ;* посмотрите кругомъ, *какая энергія, какая свобода мыс-*

ли и слова — вездѣ и во всемъ; мы много выросли» (стр. 30). И тотчасъ же, съ тѣмъ же невозмутимымъ простодушіемъ, онъ говоритъ, что при столкновеніяхъ съ многими родителями и посторонними лицами «Недоросль фонъ-Визина живо рисовался въ его памяти; каждый разъ глубоко чувствовалось, что сатира этого писателя недостаточно еще была остра и жгуча, что нельзя не пожелать новаго фонъ-Визина и для нашего времени» (стр. 31). Вотъ тебѣ и энергія и свобода мысли — *вездѣ и во всемъ!* .. Ну, не прелестное ли это добродушіе? ..

Тѣмъ же самымъ характеромъ отличается, напр., замѣчаніе почтеннѣйшаго профессора о галунахъ. Съ прошлаго года онъ ввелъ, видите, въ академіи, какъ наказаніе, — лишеніе галуновъ. Съ нѣкоторой робостью говоритъ онъ объ этомъ своемъ изобрѣтеніи; но въ то же время никакъ не можетъ скрыть внутренняго довольства этой мѣрой, «приносящей самые *положительные результаты*» (стр. 38). А впрочемъ онъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые понимаютъ, какъ излишняя мундирность не только въ академіи, но и во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ». Такъ зачѣмъ же онъ самъ способствуетъ тому, чтобы усиливалось въ академіи значеніе мундирности?.. Да, это ужъ такъ: будь все равно — есть ужъ она, эта мундирность; такъ отчего же не обратить вниманія и на ея развитіе? При томъ же, въ свое оправданіе, г. Киттары приводитъ еще слѣдующее обстоятельство: «Нужно, — говоритъ, — прибавить, что мѣра эта употребляется у насъ въ *самыхъ крайнихъ случаяхъ* и считается взысканіемъ *самымъ сильнымъ* ... Конечно, это не только измѣняетъ видъ дѣла, но кромѣ того служитъ еще разительнымъ свидѣтель-

ствомъ того, до какой высоты развитія дошелъ духъ воспитанниковъ академіи, ввѣренной попеченіямъ г. Киттары.

Но особенно хорошо рисуетъ г. Киттары любезное признаніе его о томъ, какъ онъ въ прошломъ году измѣнилъ мотивъ сѣченія дѣтей, и сѣкъ ихъ — уже не по причинѣ *сомнѣнія*, а вслѣдствіе *отчаянія*. По его словамъ это были «минуты тяжелыя, *можетъ быть непонятныя стороннему наблюдателю*». Легко можетъ быть; но зато тѣмъ, кого сѣкъ г. Киттары въ эти минуты, онѣ были вѣроятно очень понятны . . . по крайней мѣрѣ — чувствительны . . .

Теперь однакоже г. Киттары подаетъ надежду, что больше сѣчь ужъ не будетъ. Мы, разумѣется, не предаемся преждевременной радости: мало ли что говорятъ и обѣщаютъ современные публицисты и педагоги! . . Очень можетъ случиться, что г. Киттары найдетъ новыя, — столько же, какъ и прежде, уважительныя, — причины сѣчь воспитанниковъ. Въ третьемъ годѣ они платились за то, что воспитатель ихъ сомнѣвался, въ прошломъ за то, что онъ отчаивался, въ нынѣшнемъ ихъ спина можетъ пострадать отъ того, что на воспитателя найдутъ, напримѣръ, минуты меланхоліи . . . Мы узнаемъ это не раньше, какъ черезъ годъ, изъ слѣдующаго отчета, а теперь можемъ заявить предъ читателями только признанія и обѣщанія г. Киттары. Для большей важности приводимъ и подлинныя его слова (стр. 39):

Заговоривъ о мѣрахъ исправленія, съ грустью должень сознаться, что, несмотря на все отвращеніе мое къ розгамъ, *увы!* у меня не достало ни умѣнья, ни терпѣнья избѣжать ихъ; и если въ прошломъ году на меня не находили, какъ я выразился въ первой рѣчи моей, *минуты со-*

минуты въ непогрѣшимости моего взгляда, то приходили зато *минуты отчаянья, минуты тяжелыя, которыя, можетъ быть, непонятны стороннему наблюдателю. Слава Богу, что ихъ было немного* — всего 4 [четыре минуты?] и относились онѣ только къ тремъ личностямъ, на закоренѣломъ упрямствѣ которыхъ оказывались недѣйствительными всѣ другія мѣры. Но принесли ли пользу розги, можетъ быть спросятъ меня; исправили ли онѣ, снимали ли сразу порокъ? Но совѣсти долженъ сказать нѣтъ.

Порокъ возобновлялся; сначала робко, а потомъ сильнѣе, и *если я не теряю надежды въ борьбѣ съ нимъ, то, конечно, не въ разсчетѣ на новое повтореніе розогъ*, нѣтъ я пользуюсь интерваломъ затишья той или другой наклонности и *въ сознаніи моей минутной слабости ищу новыхъ силъ, новыхъ мѣръ*. Время, т. е. увеличивающійся возрастъ воспитанника, въ этомъ случаѣ главная подмога уменію. Замѣчу еще, что наказанныя розгами личности были одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ говорилось и въ прошломъ отчетѣ, а что надежды мои сбыточны — лучшимъ доказательствомъ служитъ, что въ нынѣшнемъ году нѣкоторые уже встали на путь радикальнаго исправленія и не доводили меня до отчаянія

Читая такія объясненія, несмотря на ихъ нестройное, неуклюжее краснорѣчіе, вы чувствуете, что тутъ есть что-то милое... Передъ вами человѣкъ, который хлопочетъ, суетится, дѣлаетъ тамъ уступку, здѣсь промахъ, говоритъ, что взглядъ его не выработался, понятія смутны, — и они дѣйствительно смутны, — но все это такъ просто и добросовѣстно, а въ результатѣ выходитъ доброе дѣло и всеобщее удовольствіе!.. Почтенѣйшій воспитатель доволенъ, совѣтъ академіи къ нему благосклоненъ, родители благодарны, сослуживцы сочувствуютъ, воспитанники ужасно его любятъ, — по крайней мѣрѣ такъ самъ онъ думаетъ... Да и отчего же не думать? Его наивная хлопотливость съ безпрестанными прибавками, «что, можетъ

быть, онъ не понимаетъ того дѣла, за которое взялся», можетъ, конечно, казаться забавною; но она не лишена своей прелести и привлекательности: такъ и тянетъ познакомиться съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, собственно за его милый «Отчетъ».

Въ «Отчетѣ» своемъ г. Киттары много разъ обращается съ просьбою, чтобы мыслители и педагоги русскіе сдѣлали свои замѣчанія на его дѣйствія. Будемъ ждать отъ нихъ полезныхъ замѣчаній, — ихъ обсужденію представляются важные вопросы: сѣченіе дѣтей въ минуты отчаянія, лишеніе галуновъ за тяжкія преступленія, пожалованіе нашивками за успѣхи въ наукахъ, система надзора старшихъ воспитанниковъ за младшими, вводимая г. Киттары, «но къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не столь развившаяся, какъ бы ему желалось» (стр. 40), и пр. Кромѣ того, имъ предстоитъ разсмотрѣть подробныя *программы* академіи и опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Въ прошломъ году, разбирая «Отчетъ» г. Киттары, мы замѣтили, что онъ возвышаетъ курсъ Практической академіи предъ гимназическимъ. Нынѣ онъ отрекается отъ подобной мысли и говоритъ, что хотѣлъ указать только разницу гимназій съ академіей. Чтобы эта разница яснѣй была, къ нынѣшнему «Отчету» онъ приложилъ цѣлую книгу программъ Практической академіи, съ слѣдующимъ предостереженіемъ (стр. 53):

Въ прошломъ „Отчетѣ" моемъ, я позволилъ себѣ сравнить эти классы съ гимназіями и указалъ на ту разницу, какую находилъ въ этомъ сравненіи. Сознаюсь, что слова мои могли быть неясны, потому что не были полны; съ этой цѣлью, къ настоящему „Отчету" приложены программы наукъ, принятыя въ заведеніи; онѣ укажутъ каждому, на-

сколько, ради спеціальной цѣли, мы грѣшимъ противу общаго образованія. Искренно порадуюсь, если будутъ высказаны эти указанія, и отъ имени педагогической конференціи академіи смѣло заявляю, зная составъ ея, что ни одно изъ нихъ не останется безъ обсужденія и принятія, если это окажется возможнымъ и полезнымъ.

На программы, разумѣется, ничего нельзя сказать, не зная, какъ онѣ исполняются: особенныхъ нелѣпостей въ нихъ не такъ много, чтобы сейчасъ же ихъ и вытянуть при бѣгломъ взглядѣ. Разумѣется, не очень отрадно, что до сихъ поръ въ академіи употребляется хрестоматія Ненинскаго; не очень весело въ программѣ исторіи русской литературы читать такіе, напр., параграфы: «Лермонтовъ: *подражаніе Жуковскому и Пушкину, достоинство подражаній; переводы изъ Байрона, Гете и Гейне,* вліяніе *Барбы* [въ «Опечаткахъ» поправлено *Барбѣе*. Отчеты Практической академіи отличаются тѣмъ, что въ нихъ почти на каждой строкѣ опечатка, и къ орографіи полнѣйшее презрѣніе!..]. Отличительный характеръ поэзіи Лермонтова» (стр. 95). Можно, конечно, накинуться на это и сказать, что учитель не понимаетъ, вѣроятно, своего дѣла; а между тѣмъ это очень можетъ оказаться несправедливымъ. Можетъ быть онъ отлично знаетъ свой предметъ и умѣетъ излагать его, а такъ только въ программѣ нелѣпо выразился... То же самое нужно сказать и о другихъ программахъ. Напр. для исторіи представлена собственно коротенькая программа для IV класса; а въ послѣдующихъ все то же самое, только подробнѣе. Какъ же тутъ разберешь удобство и достоинство преподаванія? Можно разсуждать только о достоинствѣ самой системы, принятой въ академіи —

чтобы сначала читать ученикамъ общій обзоръ, а потомъ ужъ вводить подробности. Но и это опять дѣло условное. Извѣстно, что дѣти, чѣмъ моложе, тѣмъ болѣе наклонны къ подробнымъ разсказамъ и отвращаются отъ общихъ обзоровъ. Слѣд. если преподаватель дѣйствительно только *обзоръ* даетъ, такъ это очень дурно. Но если онъ разсказываетъ имъ во всей подробности важнѣйшія событія и вовсе пропускаетъ мелкія и неважныя, — въ этомъ смыслѣ преподаваніе не будетъ безполезно... Какъ именно это дѣлается въ академіи, намъ неизвѣстно, и потому рѣшительное сужденіе произнести трудно. А впрочемъ нѣмцы очень много написали объ *эпизодическомъ* преподаваніи въ первое время ученья, и поэтому легко можетъ быть, что кто-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ или ученыхъ напишетъ блестящую статью по этой части...

Что касается до насъ, то мы въ подробныя сужденія входить не будемъ, а сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ. Насъ удивляетъ то, что въ Практической академіи географія начинается только съ 3 класса, а естественная исторія — съ 4-го, первые же два класса заняты большею частью только языками. Въ «Отчетѣ» и помину нѣтъ о наглядномъ обученіи; есть только въ программѣ русскаго языка указаніе на *вещественный* разборъ, то есть на объясненіе самого значенія вещей, при грамматическомъ разборѣ словъ. Но вѣдь этого очень недостаточно; общее понятіе о тѣлахъ природы, о разныхъ естественныхъ явленіяхъ на земномъ шарѣ, о разныхъ предметахъ житейскихъ нуждъ и т. п. — весьма много помогло бы развитію и воображенія учениковъ, и точности ихъ понятій,

и даже расширенію ихъ круга зрѣнія. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе нѣсколькихъ классовъ для подобныхъ занятій было бы гораздо полезнѣе, нежели совокупное и одновременное изученіе двухъ и трехъ языковъ. По «Отчету» видно, что въ академію поступаютъ мальчики лѣтъ 8; и вдругъ ихъ начинаютъ занимать — въ первомъ классѣ 7 уроковъ французскихъ и 10 нѣмецкихъ; во второмъ — 6 французскихъ, 7 нѣмецкихъ и 3 англійскихъ. И при этомъ г. Киттары еще жалуется, что изученіе языковъ, несмотря на всѣ его старанія, идетъ плохо! (стр. 57). Еще бы оно шло хорошо при такихъ стараніяхъ! Извѣстное дѣло, что языки новые изучаются только тогда, когда объ этомъ начальственныхъ стараній бываетъ какъ можно меньше. Мудрость-то вѣдь не Богъ знаетъ какая. А между тѣмъ, какъ съ самаго-то начала засадятъ мальчика за вокабулы двухъ языковъ, да насядутъ на него съ тремя уроками въ день изъ этихъ милыхъ предметовъ, — ну, онъ и отупѣетъ, да кромѣ того — такое отвращеніе къ языкамъ почувствуетъ, что никакія нашивки не помогутъ...

Впрочемъ о нашивкахъ мы не смѣемъ судить: г. Киттары говоритъ, что онѣ очень поддерживаютъ энергію къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ. Какъ видно, почтеннѣйшій профессоръ вѣруетъ въ симпатическія средства. Не мудрено, впрочемъ: онъ самъ-то такой симпатическій!..

IV.

Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами.

Tu quoque, Brute!...

Въ русской жизни возникаютъ иногда отрадныя явленія, способныя привести въ умиленіе даже человѣка не совсѣмъ простодушнаго, — являются герои мысли и слова, выступающіе прямо и безбоязненно на смертельную борьбу съ застарѣлыми предразсудками и общественной неправдой. Посмотришь на нихъ, оглянешься вокругъ себя — и невольно склонишь голову предъ ихъ доблестью. Около нихъ со всѣхъ сторонъ тѣснятся враги, ихъ окружаетъ безчисленное войско рутинистовъ, невѣждъ, негодяевъ, пошляковъ всякаго рода, и несмотря на то — благородные герои смѣло подымаютъ новое, враждебное злу знамя, и самоотверженно подвергаютъ себя всѣмъ опасностямъ неравнаго боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и въ нѣкоторой части непріятельскаго лагеря даже проявляется движеніе въ пользу отважныхъ героевъ и желаніе стать подъ ихъ знамя. Еще немного — и вотъ, кажется, совершится одна изъ тѣхъ чудесныхъ побѣдъ, о ко-

торыхъ разсказывается намъ въ богатырскихъ сказкахъ...

Но времена богатырскихъ сказокъ давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаемъ примѣнять ихъ міросозерцаніе къ настоящему времени. Воображеніе наше, еще въ раннемъ дѣтствѣ разстроенное фантастическими бреднями нянюшекъ, нерѣдко обливаетъ для насъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ простыя явленія дѣйствительной жизни; но зато, какъ приходится намъ краснѣть и стыдиться, когда эти явленія вдругъ предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ!

Насъ лично нельзя упрекнуть въ особенной наклонности къ увлеченіямъ розовыми надеждами. Мы не разъ отзывались холодно и даже насмѣшливо о такихъ явленіяхъ, отъ которыхъ другіе ожидали чуть не установленія всеобщаго благоденствія. Но и мы не остались совершенно чистыми отъ ребяческихъ увлеченій. Со стыдомъ и прискорбіемъ пришлось намъ недавно вспомнить объ одномъ изъ нихъ, и мы спѣшимъ очистить себя публичнымъ покаяніемъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла.

Начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ объясненій.

Извѣстно, что въ послѣднее время обнаружилось въ Россіи много хорошихъ литераторовъ во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности — въ полицейской, въ медицинской, въ комиссаріатской, въ судебной, въ откупной, и пр., и пр. Современные Фамусовы, полагающіе, что

Написано — и съ плечъ долой,

возложили на этихъ литераторовъ твердыя надежды относительно всѣхъ предстоявшихъ усовершенствованій русскаго быта. Мы съ самаго нача-

ла смотрѣли довольно недовѣрчиво на эти надежды, и дѣйствительно, когда доходило въ чемъ-нибудь до дѣла, то спеціальные литераторы оказывались по большей части или совсѣмъ неподходящими къ своимъ теоретическихъ убѣжденіямъ, или по крайней мѣрѣ весьма податливыми на *уступки*. Уступокъ этихъ мы могли бы здѣсь указать много, но не считаемъ этотъ предметъ такимъ мало-извѣстнымъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. При томъ же практическая уступчивость рьяныхъ теоретиковъ не представляетъ сама по себѣ ничего необычайнаго: она, напротивъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Человѣкъ выступаетъ на битву и вдругъ видитъ, что противъ него тысяча враговъ: естественно, что онъ долженъ — или бѣжать совсѣмъ, или сдѣлать нѣсколько такихъ уступокъ, послѣ которыхъ хотя часть противниковъ перешла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самыхъ закоснѣлыхъ враговъ. Начальникъ, преслѣдующій взятки, но чувствующій себя безсильнымъ для ихъ искорененія, наконецъ допускаетъ *благодарность*, и ограничивается тѣмъ, что запрещаетъ лишь *вымогательство*. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, дѣйствительно ли примѣнима и практична предположенная имъ грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною*. Да можно еще сожалѣть о той средѣ, которая принуждаетъ начальника, желающаго добра, къ подобнымъ уступкамъ... А впрочемъ и на эту *среду* напускаться особенно — тоже не стоитъ: ея развитіе зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыхъ она не могла до сихъ поръ ни отвратить, ни измѣнить. Стало быть, съ которой стороны ни

возьми дѣло, — волноваться не стоитъ, а слѣдуетъ только, подобно старому подъячему при назначеніи новаго, неумѣлаго начальника, сказать совершенно спокойно: «приняться-то нашъ герой хочетъ какъ будто и прытко, да концовъ-то не сведетъ; упрыгается на первыхъ же порахъ, угомонится, и пойдетъ все опять по старому...».

Такъ большею частью мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали намъ какую-нибудь статейку и восклицали: «Смотрите, *что написано!* смотрите, *какъ написано!* Теперь эта часть у насъ отлично пойдетъ: о ней ужъ такъ много *написано*...» и т. п. Но разъ и мы уподобились Фамусову; это было въ началѣ нынѣшняго года, когда въ литературѣ нашей уже замиралъ, сопровождаемый «Свисткомъ», одинъ изъ горячихъ вопросовъ нашей литературы, — вопросъ *о розгахъ, о томъ: быть или не быть.*

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, еще въ 1857 г. обслуживался въ «Земледѣльческой Газетѣ» г. Орловымъ-Давыдовымъ и рѣшался положительно: *быть!* «Современникъ» имѣлъ тогда наивность удивиться такому явленію въ литературѣ, ставящей себѣ въ главную заслугу свои гуманныя стремленія. Но другимъ статейка г. Орлова-Давыдова показалась нисколько не странною, и вскорѣ послѣ нея начали появляться другія статейки, трактовавшія о томъ,

Какъ человѣка разложить, —
По строгимъ правиламъ науки...

Извѣстно, что въ защитѣ розогъ отличались, между прочимъ, гг. Петрово-Соловово и Рощаковскій, но что вся отвѣтственность пала на князя Черкасскаго, предложившаго 18 ударовъ... Противъ

него написаны были весьма краснорѣчивыя *замѣтки* и *письма,* которыя до того убѣдили его, что онъ печатно отрекся отъ своихъ положеній. А г. Аксаковъ, кромѣ того, объявилъ, что требованіе восемнадцати розогъ княземъ Черкасскимъ было не что иное какъ *уступка* съ его стороны, изъ снисхожденія къ господствующимъ понятіямъ большинства дворянъ. Конечно, по ходу дѣла, *уступка* эта оказалась ненужною и слишкомъ уже издалека предусмотрѣнною, но тѣмъ не менѣе, послѣ *сказанія объ уступкѣ,* поведеніе князя Черкасскаго въ этомъ вопросѣ оказалось такимъ же, — ни хуже, ни лучше, — какъ и поведеніе почти всѣхъ нашихъ публицистовъ и передовыхъ людей нашей словесности — почти во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Вскорѣ послѣ образца такой уступки въ дѣлѣ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ мы увидѣли подобную же уступчивость одного изъ передовыхъ людей нашихъ — въ вопросѣ о сѣченіи дѣтей. Въ февралѣ прошлаго года, разбирая «Отчетъ о московской коммерческой академіи» г-на Киттары, мы замѣтили, что онъ, не одобряя собственно розогъ, сѣкъ однакоже воспитанниковъ академіи «*въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда*». Насъ очень поразило это странное обстоятельство, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были платиться своею кожею за то, что подвертывались инспектору съ проступками въ тѣ минуты, когда онъ «сомнѣвался въ непогрѣшимости своего взгляда». Насъ очень опечалило тогда не только самое открытіе, что дѣтей сѣкутъ еще въ заведеніи, ввѣренномъ начальству такого человѣка, какъ г. Киттары, но и то, что этотъ человѣкъ такъ легко и

наивно отзывается объ этомъ предметѣ... Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній прочитали мы брошюрку г. Пирогова, въ которой, между прочимъ, была статейка «*Нужно ли сѣчь дѣтей?*» — и прониклись восторженнымъ удивленіемъ къ твердости и ясности воззрѣній знаменитаго хирурга и педагога. Мы поспѣшили выразить свой восторгъ, сопоставивши сомнѣнія г. Киттары съ твердою и простою рѣчью г. Пирогова, убѣжденнаго и убѣждавшаго тогда, что розга всегда и для всякаго — вредна, позорна и безнравственна. Указывая на г. Пирогова какъ на образецъ непреклонной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ, какъ на одну изъ личностей, на которыхъ дѣйствительно могутъ покоиться надежды общества, — мы говорили:

Мы, конечно, не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости: мы не съ тѣмъ указываемъ на него, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь. Вовсе нѣтъ: у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту [illegible]*лость и безпристрастіе взгляда*, ту искренность [illegible] знаніи недостатковъ, [illegible] *обществу*, которыя у другихъ находимъ въ горазд[illegible] слабѣйшей степени... („Совр." 1859, № 2, Библіогр. 282. Стр. 273 наст. изд.).

Къ этому отзыву мы прибавляли еще слѣдующее замѣчаніе: «разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, *пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла*». Слѣдовало бы прибавить: «и никогда не осмѣлимся никого превозносить за кажущуюся твердость и послѣдовательность взгляда, пока это не выкажется рѣшительно въ практи-

ческой дѣятельности». Но мы тогда, въ своемъ восторгѣ, не сообразили этого. Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія г. Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ такъ же неуклонно, какъ проводятся въ его статейкахъ. Мы надѣялись, что по своему положенію, находясь въ обстоятельствахъ сравнительно очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи. Но всего болѣе мы были увѣрены въ томъ, что въ заведеніяхъ, ввѣренныхъ попечительству г. Пирогова, не будутъ сѣчь дѣтей...

За свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ!

Въ № IX «Журнала для Воспитанія» за 1859 г. напечатаны «*Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа*», изданныя г. Пироговымъ 22 іюля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и назначеніе самыхъ наказаній. Цѣль эта выражена г. Пироговымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

Нехорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя *развиться чувству законности* въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе въ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности".

Чтобы предовратить такое печальное явленіе, г. Пироговъ считаетъ необходимымъ — не только составленіе общихъ правилъ для всѣхъ гимназій, но и ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, для того, «чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ и что *каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка*».

Читая это вступленіе къ «Правиламъ», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивленіе къ непреклонности и твердости г. Пирогова въ проведеніи своихъ общихъ принциповъ. Мы видѣли во фразахъ, подчеркнутыхъ нами выше, полнѣйшее отрицаніе розги, которая никакъ ужъ не можетъ служить къ развитію въ дѣтяхъ *чувства законности* и никакъ не принадлежитъ къ числу раціональныхъ наказаній, *вытекающихъ изъ сущности самого проступка*. Читая далѣе, мы еще болѣе утвердились въ своей увѣренности, увидѣвши, что «Правила о наказаніяхъ» составлены были подъ предсѣдательствомъ г. Пирогова цѣлымъ комитетомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя Кіевскаго округа, директоры гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора (исторіи — В. Шульгинъ, педагогики — Гогоцкій) и нѣкоторые учителя. Такой составъ комитета не могъ внушать никакихъ опасеній, и мы читали далѣе «Правила», въ полной увѣренности найти въ нихъ только раціональныя, естественныя, гуманныя мѣры, пользу которыхъ всегда проповѣдывалъ г. Пироговъ. Тѣмъ тяжелѣе было наше разочарованіе.

Насъ очень непріятно поразила уже и таблица

о числѣ высѣченныхъ въ 1858 г. гимназистовъ въ Кіевскомъ округѣ. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ г. Пироговымъ изъ разныхъ дирекцій, оказалось слѣдующее:

Въ 1858 г. наказано было розгами:

1)	Въ кіевской 2-й гимназіи	изъ	625	„	43
2)	„ житомирской	„	600	„	290
3)	„ немировской	„	600	„	67
4)	„ подольской	„	400	„	37
5)	„ полтавской	„	399	„	39
6)	„ ровенской	„	300	„	6
7)	„ нѣжинской	„	260	„	20
8)	„ новгородсѣверской	„	250	„	8
9)	„ черниговской	„	240	„	18
10)	„ бѣлоцерковской	„	220	„	38
11)	„ кіевской 1-й	„	215	„	3

Одна эта таблица способна уже убѣдить внимательнаго педагога въ томъ, какъ напрасно и неразумно употребляется розга въ нашемъ воспитаніи. Одно сравненіе этихъ данныхъ можетъ оправдать самое рѣшительное изгнаніе розги изъ гимназій. Мы видимъ, напр., что въ житомирской гимназіи сѣкутъ въ *семь* разъ чаще, чѣмъ въ кіевской 2-й, и въ 35 разъ чаще, чѣмъ въ кіевской 1-й. Въ кіевской 1-й было *три* случая, когда понадобились розги, въ житомирской же ихъ было 290, т. е. половина изъ всего числа гимназистовъ была пересѣчена! А если мы припомнимъ § 205 училищнаго устава 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять *только въ трехъ низшихъ классахъ*, то окажется, что *каждый* мальчикъ былъ (по среднему разсчету) непремѣнно разъ высѣченъ въ теченіе года, а если кто избѣжалъ этого удовольствія, то, значитъ, вмѣсто него, надо считать за другимъ

двойное или *тройное* и т. д. розочное наставленіе... Да еще изъ выраженія, употребленнаго въ Правилахъ, не видно, считается ли въ этой таблицѣ *каждый разъ*, или только *каждый человѣкъ*. Не сказано: «было *столько-то случаевъ* сѣченья», а говорится только: «*столько-то учениковъ* высѣчено»... т. е. можетъ быть, если одинъ и тотъ же ученикъ 50 разъ въ году высѣченъ, такъ все это считается за *единицу*... Но даже если и такъ, то все-таки — какой ужасъ и мракъ должна представлять собою житомирская гимназія! Въ году менѣе двухсотъ учебныхъ дней; а тутъ 290 человѣкъ подвергаются поркѣ; значитъ каждый Божій день въ житомирской гимназіи порютъ, да еще и не по одному человѣку!.. И все это дѣлается въ 1858 г., который кромѣ того что вообще принадлежитъ *настоящему времени, когда* и пр., — замѣчателенъ въ этомъ случаѣ еще и тѣмъ, что въ теченіе второй его половины (съ августа) Кіевскій учебный округъ находился подъ попечительствомъ г. Пирогова! И замѣтьте еще, что цифра 290 стоитъ въ отчетѣ, доставленномъ попечителю самою дирекціею. Между тѣмъ кто же не знаетъ, что, гдѣ наказанія такъ обыкновенны и часты, тамъ почти нѣтъ возможности свести имъ вѣрный счетъ за цѣлый годъ. Другое дѣло — 1-я кіевская гимназія, ровенская и новгородсѣверская: тамъ въ цѣлый годъ случилось высѣчь — въ одной трехъ, въ другой — 6, въ третьей — 8 человѣкъ. Тутъ сосчитать не трудно, и мы не имѣемъ причинъ прямо сомнѣваться въ вѣрности показаній. Но 290 въ годъ— тутъ весьма нетрудно сбиться въ счетѣ! Да и едва ли кому-нибудь изъ начальства житомирской гимназіи казалось особенно важнымъ вести точный

счетъ экзекуціямъ, которыя оно раздавало такъ щедро и которымъ, какъ видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайнаго значенія.

Но г. Пироговъ довѣрчиво останавливается на цифрѣ, показанной дирекціею, и дѣлаетъ слѣдующія соображенія: «разность въ численности тѣлесныхъ наказаній нельзя объяснить различною численностью учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ одинаково многолюдныхъ и при сходныхъ условіяхъ число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому *этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ какъ неопредѣленностью взглядовъ г.г. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ*. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й кіевской, напримѣръ, и житомирской гимназіи такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (625—600), высѣчены были въ прошломъ году *только* [только!] 43, а въ другой почти 300 учениковъ!»

Какъ видите, г. Пироговъ чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленные ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ злодѣяніе, регулярно совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній; онъ имѣетъ духъ сказать даже: «*только*» въ приложеніи къ той гимназіи, въ которой сѣкутъ нѣсколько меньше. Всего болѣе озабочиваетъ его то обстоятельство, что взгляды разныхъ директоровъ не приведены къ единству... Признаемся, не такого тона, не такихъ чиновническихъ разсужденій ожидали мы отъ автора «Вопросовъ жизни»!

Но окончательно пристыжены мы были въ своемъ прежнемъ восторгѣ отъ г. Пирогова, когда дошли до того мѣста «Правилъ», гдѣ почтенный педагогъ доходитъ до изложенія теоретическихъ и практическихъ соображеній своихъ относительно тѣлеснаго наказанія. Тутъ происходитъ въ «Правилахъ» такое неловкое и неуклюжее балансированіе на розгахъ, что невольно сердце замираетъ со страха за шаткое положеніе балансирующихъ. Сначала говорится, что розга — «гнусна, вредна», что ее *нужно* вовсе изгнать; потомъ, что изгнать ее *нельзя;* потомъ, что это *трудно,* наконецъ — что ее слѣдуетъ употреблять, только рѣдко... Все это такъ плохо вяжется съ прежними убѣжденіями автора «Вопросовъ жизни», такъ несообразно само по себѣ, такъ противорѣчитъ основной цѣли составленія «Правилъ», что мы для полнаго вразумленія нѣсколько разъ прочитали этотъ странный пунктъ и наконецъ, убѣдившись въ печальной истинѣ и вспомнивъ прежнюю защиту дѣтей отъ розогъ г. Пироговымъ, могли только воскликнуть внутренно: tu quoque, Brute!!

Но постараемся прослѣдить съ нѣкоторой обстоятельностью эту странную игру фантазіи и остроумія г. Пирогова. Постараемся сдѣлать свои замѣчанія возможно спокойными и умѣренными. Предметъ самъ по себѣ, правда, таковъ, что о немъ спокойно говорить почти невозможно; тутъ нужно — или оплакивать паденіе человѣка и принципа, или добродушнѣйшимъ образомъ смѣяться надъ иллюзіями и разочарованіями человѣчества. Мы болѣе были бы наклонны къ послѣднему; но насъ отчасти останавливаетъ слѣдующее заключеніе, которымъ оканчивается первая часть «Правилъ» г. Пирогова:

Я долженъ объявить дирекціямъ, что и таблицу и мнѣнія, обсужденныя комитетомъ о проступкахъ и наказаніяхъ, нисколько не разсматриваю я какъ совершенно уже законченныя и не подлежащія улучшеніямъ и измѣненіямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому я *прошу всѣхъ и каждаго изъ воспитателей* сообщить мнѣ, чрезъ педагогическій совѣтъ, или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній, сдѣланныя имъ замѣчанія, замѣченные недостатки и указать на придуманныя каждымъ исправленія.

Такимъ образомъ г. Пироговъ самъ проситъ, чтобы на его «Правила» дѣлали замѣчанія всѣ воспитатели. Мнѣнія и указанія онъ желаетъ принять къ свѣдѣнію. Но кромѣ того, г. Пироговъ самъ печатаетъ свои «Правила» въ журналѣ и слѣдовательно подвергаетъ ихъ обсужденію не однихъ уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвѣщеннаго и благороднаго воззрѣнія на свое дѣло, что уже ею одной значительно умѣряется раздраженіе, которое способны возбудить во многихъ сами «Правила». Г-нъ Пироговъ не ошибся, рѣшившись обнародовать все, что ни предпринимаетъ онъ въ администраціи Кіевскаго учебнаго округа. Теперь многія изъ его распоряженій могутъ быть критикованы, могутъ обнаружиться ошибки, указываться уклоненія отъ его собственныхъ воззрѣній, и т. п. Но никогда нападенія на него не могутъ достичь той степени ожесточенія и судорожной ярости, до какой они дошли бы непремѣнно, если бы все дѣло велось втихомолку, и литература должна была бы выискивать посторонніе предлоги, чтобы добраться до г. Пирогова. Теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло чистое, и никто не можетъ быть обманутымъ. Публика видитъ, что напечатано г. Пироговымъ, видитъ и то, что печатается противъ него. Слѣдовательно, какъ бы ни жестоки были на-

падки, все-таки г. Пироговъ въ общемъ мнѣніи получаетъ лишь то, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Приведемъ же въ подлинникѣ фатальную страницу «Правилъ», трактующую о розгахъ, — чтобы читатели, не имѣющіе подъ руками «Журнала для Воспитанія», сами могли провѣрить наши замѣчанія. Вотъ сентенціи «Правилъ»:

Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ *не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется неоткрытымъ и безнаказаннымъ.* Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ *строгія тѣлесныя наказанія.* Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе *не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка.* Идеалъ справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы *оно проистекало,* такъ сказать, *само собою изъ сущности самого поступка.* Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія

робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ непадежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ роднаго отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ вначалѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію („Жур. для Восп." 1859 г. № XI, стр. 115.)

Сообразите этотъ пунктъ съ общей цѣлью «Правилъ», прослѣдите отдѣльныя положенія этой самой тирады, и вамъ представится изумительная путаница понятій, безтолковѣйшій разладъ противорѣчащихъ мыслей. Какъ будто вы читаете нелѣпѣйшую хрію начинающаго обучаться реторикѣ семинариста, — гдѣ всѣ основанія подобраны для подтвержденія вывода, совсѣмъ противнаго тому, какой дѣйствительно сдѣланъ имъ въ заключеніи, сообразно заданной темѣ. Возьмите, напримѣръ, хоть слѣдующія положенія изъ «Правилъ».

Первая посылка. «При господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ, первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія *можетъ служить только развитіе*

чувства законности и справедливости между учащимися» (Журн. для Восп.», стр. 115).

Вторая посылка. «Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. *А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится»* (стр. 115).

Можно, конечно, спорить противъ второй посылки, можно спросить: отчего же развитіе чувства законности даетъ привилегію на розгу? И что это за странное правило: пока въ человѣкѣ нѣтъ чувства законности, такъ его пороть не слѣдуетъ; а какъ только это прекрасное чувство появилось — пори его: *не вредно,* дескать . . . Но оставимъ это въ сторонѣ, станемъ безпрекословно на точку зрѣнія г. Пирогова и повторимъ его слова:

«Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ между тѣмъ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи. [Стр. 110.] Поэтому при воспитаніи общественномъ *надо какъ можно болѣе стараться о развитіи чувства законности. Для развитія этого чувства розга не годится».*

Ясно, стало быть, — возрадуемся: въ Кіевскомъ округѣ дѣтей не будутъ пороть, потому что розга совершенно противорѣчитъ достиженію тѣхъ благихъ цѣлей, какія имѣлъ г. Пироговъ при составленіи своихъ «Правилъ». Не такъ ли?

Выходитъ, что не такъ! . . Весьма краснорѣчиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пироговъ вдругъ поражаетъ насъ крутымъ оборотомъ: *«но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розгу изъ употребленія».*

Отчего же нельзя? спрашиваете вы въ изумле-

ніи. — Оттого *нельзя*, что «*трудно* придумать что-нибудь другое для наказанія въ гимназіи дѣтей, уже прежде сѣченныхъ дома...».

Но скажите пожалуйста, — неужели это удовлетворительный отвѣтъ? И во-первыхъ — развѣ *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое; — но значитъ, все-таки *можно?* Ну, и потрудитесь. На то вѣдь и существуютъ всѣ эти педагогическіе совѣты, инспекторы, директоры, попечители, и т. д... Не за исправностью же пуговицъ смотрѣть они поставлены; не могутъ же они ограничивать свою дѣятельность только механическимъ примѣненіемъ къ новому поколѣнію старой рутины... Не въ томъ же только и состоитъ ихъ задача, чтобы составлять полицейскія расписанія, за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и цѣлаго обѣда, за какой проступокъ держать его подъ арестомъ одинъ день, за какой — три. Всѣ эти подвиги на пользу воспитанія слишкомъ жалки, чтобы изъ-за нихъ уволить себя отъ другихъ заботъ — напримѣръ о томъ, чтобы пріискать новые способы наказаній въ училищахъ, болѣе раціональные и менѣе позорные (особенно для наказывающаго), чѣмъ розги...

Далѣе — что это значитъ: «нельзя *вдругъ* изгнать розгу»? Какая же тутъ можетъ быть постепенность? Уменьшать число ударовъ, что ли? Такъ вѣдь тутъ дѣло не въ числѣ ударовъ, а въ самомъ способѣ наказанія. Или вы хотите соблюсти постепенность тѣмъ, чтобы не опредѣлять розогъ даже и за нѣкоторые такіе случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но въ опредѣленіи частныхъ случаевъ вы должны руководиться уже частными педагогическими соображеніями, которыя

во всякомъ случаѣ должны согласоваться съ принятыми въ нашемъ кодексѣ принципами. Если вы допустили розгу въ своемъ принципѣ воспитанія, то вы тѣмъ самымъ признали уже законность ея, какъ полезной педагогической мѣры. Значитъ, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамѣстъ не измѣнится нашъ взглядъ на сущность самыхъ проступковъ, признанныхъ по вашему достойными розогъ... Такимъ образомъ ваше *вдругъ* не имѣетъ никакого практическаго смысла, потому что ни одна человѣческая голова не въ состояніи вывести разумной постепенности, которой вы повидимому добиваетесь въ отмѣненіи розогъ... Кажется, это ясно...

Намъ могутъ замѣтить, что г. Пироговъ, — или кіевскій комитетъ, что одно и то же, — вовсе не признаетъ *пользы* розогъ, а только видитъ *невозможность* отъ нихъ избавиться. — Но мы съ этимъ никакъ не можемъ согласиться. Помилуйте, какая же можетъ быть *невозможность—не сѣчь?*.. Если бы сѣченіе мальчиковъ было такою же настоятельной, естественной потребностью и необходимымъ условіемъ жизни, какъ напр. пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не ѣсть, не пить — дѣйствительно нельзя; но не сѣчь — это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, — и не будутъ сѣчь... И безъ всякаго сомнѣнія г. Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ признавалъ розги рѣшительно ни къ чему не годными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что

призналъ ихъ пользу хотя до нѣкоторой степени. Иначе сказать — онъ призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ розга составляетъ самое лучшее наказаніе, какое только возможно *въ настоящее время*.

И выходитъ, стало быть, что розги торжествуютъ въ кіевской педагогикѣ потому, что оказалось въ нихъ какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было ихъ отмѣнить!

Да тутъ, впрочемъ, даже и выводить-то нечего: г. Пироговъ самъ сознается, что розгу и можно бы замѣнить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея!..

Въ чемъ же однако состоитъ это удобство розги по мнѣнію кіевскаго педагогическаго комитета? Онъ не объясняетъ своихъ воззрѣній, но дѣло ясно само по себѣ. Тѣмъ-то именно и хороша розга, что избавляетъ почтенныхъ педагоговъ отъ придумыванья новыхъ, болѣе гуманныхъ и толковыхъ, педагогическихъ пріемовъ. «Нельзя же вдругъ», говорятъ «Правила», и въ этомъ восклицаніи является передъ вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, какъ Обломовъ говоритъ: «да какъ же это вдругъ?», когда ему является надобность перемѣнить квартиру. Онъ, въ своей барской наивности и лѣни, воображаетъ, что квартиру мѣнять можно исподволь, понемножку, — сначала переднюю сдѣлать въ другомъ домѣ, потомъ кухню перенести на новую квартиру, такъ чтобы обѣдъ оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображаютъ, что розги отмѣнить можно какъ-то исподволь, не вдругъ... Можетъ быть, на слѣдующій годъ въ житомирской гимназіи высѣкутъ ужъ не 290, а только 289 человѣкъ, потомъ 288 и т. д. Посмотришь—

черезъ три столѣтія дойдетъ до того, что и вовсе перестануть сѣчь. Значитъ, дѣло-то само собою обдѣлается! А то — шутка ли? — сиди да думай чѣмъ и какъ замѣнить розгу! А это такъ *трудно!* . .

Скажутъ, что мы преувеличиваемъ, — что самъ г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ вовсе не хочетъ розогъ, что онъ ихъ оставляетъ только какъ временное, необходимое зло, что *вдругъ* имѣетъ значеніе — «сейчасъ же, въ сію минуту», — т. е. до тѣхъ поръ, пока еще не придуманы другія мѣры въ замѣну розогъ . . . Да, мы сами желали бы такъ думать; но, къ сожалѣнію, все это не ладится съ «Правилами», — исключая, разумѣется, того, что кіевскій комитетъ дѣйствительно самъ не хочетъ розогъ . . . Дѣло, видите ли, въ томъ, что г. Пироговъ отрекается отъ всякой инціативы въ этомъ дѣлѣ, не только теперь, но и въ будущемъ, на неопредѣленныя времена. Онъ говоритъ, что розгу нельзя изгнать изъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, «*пока сѣченыя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія*». Значитъ, учрежденія эти не подадутъ благого примѣра, а будутъ попрежнему пороть дѣтей — болѣе или менѣе — до тѣхъ поръ, пока поронье это не будетъ истреблено во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Россіи! . . Какая утѣшительная перспектива! И какъ она хорошо отвѣчаетъ тѣмъ надеждамъ, какія мы имѣемъ на близкое будущее, въ отношеніи къ развитію народнаго образованія! Теперь, какъ извѣстно, гимназическимъ ученіемъ пользуются почти исключительно дѣти дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. Съ развитіемъ промышленности и освобожденіемъ крестьянъ можно ожидать, что въ гимназіи будетъ

поступать значительное число дѣтей мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ всякаго рода и земледѣльцевъ. Ежели теперь изъ привилегированныхъ классовъ общества поступаютъ въ гимназіи дѣти, уже сѣченныя дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ низшихъ классахъ розга очень скоро вывелась въ семейномъ воспитаніи. Слѣдовательно, сѣченныя дома дѣти будутъ еще очень долго поступать въ наши заведенія, и на этомъ основаніи наша родная педагогика останется вѣрною розгѣ!.. А можетъ, для ускоренія возможности изгнать розгу запретятъ поступать въ гимназіи дѣтямъ ремесленниковъ и вообще низшихъ классовъ?

Что жъ? — судя по основательности и дальновидности, какія обнаружены кіевскимъ комитетомъ, можно думать, что еще и эта мѣра когда-нибудь будетъ пущена въ ходъ, — если не въ видахъ изгнанія розги, то по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ...

А на какомъ основаніи, — спросимъ еще, — кіевскіе педагоги рѣшили, что съ дѣтьми уже разъ сѣченными иначе нельзя обойтись какъ посредствомъ розги?.. Этого они опять не объясняютъ въ своихъ «Правилахъ». А такъ ужъ, видно, — коли прежде пороли, такъ и потомъ надо пороть... Способъ воззрѣнія, какъ видите, тотъ же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «нельзя мужика на волю отпустить, пока онъ коснѣетъ въ своей грубости и не имѣетъ чувства законности и сознанія собственнаго достоинства». Милые мыслители не хотѣли и слышать о томъ, что мужикъ до тѣхъ поръ и не пріобрѣтетъ всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей, пока не будетъ на волѣ. Такъ точно и кіевскіе педагоги — ни подъ какимъ

видомъ не хотятъ, какъ видно, допустить, что натура «сѣченныхъ дома дѣтей» тогда только и смягчится и сдѣлается чувствительною къ наказаніямъ болѣе человѣчнымъ, когда хоть въ школѣ-то не станутъ ихъ драть, а будутъ обращаться съ ними по-человѣчески. А то, разумѣется, — дома дерутъ, въ гимназіи дерутъ, вездѣ розочная круговая порука, — поневолѣ тутъ огрубѣешь!..

И вѣдь хоть бы что-нибудь устранвалось и обезпечивалось этимъ умилительнымъ допущеніемъ розогъ въ педагогику кіевскихъ воспитателей! А то рѣшительно ничего, кромѣ разрушенія прямой цѣли «Правилъ» (розга мѣшаетъ «развитію чувства законности», для котораго составлены «Правила»)... Вѣроятно, тѣ практики, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290, остались очень довольны уступкою, сдѣланною въ пользу ихъ постоянныхъ воззрѣній, и, признаемся, — только желаніемъ сдѣлать имъ угодное и можемъ мы объяснить торжество розогъ, допущенное г. Пироговымъ въ сонмѣ педагоговъ Кіевскаго учебнаго округа. Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать ту страшную легкомысленность и противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ» тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи. Заглянемъ въ *табличку* проступковъ и наказаній, которая, по словамъ г. Пирогова, должна быть развѣшена на стѣнахъ во всѣхъ классахъ гимназій Кіевскаго округа, и къ которой провинившагося ученика должно подводить и молча указывать ему то мѣсто, гдѣ поименованъ его проступокъ съ соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ. Въ этой табличкѣ мы найдемъ рѣ-

шительное уничтоженіе всѣхъ общихъ фразъ, сказанныхъ г. Пироговымъ въ пользу розогъ въ гимназіяхъ.

Г-нъ Пироговъ утверждаетъ, что поневолѣ приходится дѣтей, уже сѣченныхъ дома, сѣчь и въ гимназіи — «*по крайней мѣрѣ вначалѣ*». Изъ этихъ словъ можно заключить, что розги принимаются въ гимназіи собственно для того, чтобы не слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ жесткаго домашняго воспитанія къ гуманному обращенію въ гимназіи. Сначала мальчика станутъ посѣкать понемножку, а потомъ постепенно будутъ отставать отъ этого пріятнаго упражненія... Если бы такъ, то въ такомъ образѣ дѣйствіи была бы еще нѣкоторая послѣдовательность. Но посмотрите въ таблицу, и вы увидите совсѣмъ не то: каждый мальчикъ можетъ быть наказанъ розгами *только одинъ разъ*, и затѣмъ, послѣ вновь сдѣланнаго проступка, *увольняется изъ заведенія*. Значитъ, какой же смыслъ имѣетъ отговорка г. Пирогова, что сѣчь *нужно — по крайней мѣрѣ вначалѣ?* Какія же тутъ «*по крайней мѣрѣ*», когда положено: высѣчь разъ мальчика, а потомъ въ слѣдующій разъ — уже выгнать изъ заведенія? «Вначалѣ» — хорошо начало!

Недурно также и общее опредѣленіе случаевъ, когда розга необходима. Она, видите, необходима «въ случаяхъ, *не терпящихъ отлагательства*, и должна слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія*».

Да проститъ насъ почтеннѣйшій кандидатъ филологическихъ наукъ Н. А. Миллеръ-Красовскій, котораго мы такъ рѣзко упрекали въ прошломъ году

за изобрѣтенное имъ *моментное дѣйствіе!* Намъ не шутя совѣстно передъ нимъ... Мы почли его тенденціи чудовищно-рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ нашихъ педагоговъ; мы имѣли наивность выразить мнѣніе, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его отъ подобныхъ нелѣпостей. Каемся: мы тогда имѣли слишкомъ розовый, слишкомъ лестный взглядъ на нашихъ педагоговъ вообще. Теперь мы видимъ, что г. Миллеръ-Красовскій былъ только однимъ изъ представителей этого почтеннаго и премудраго сословія, — не болѣе. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже послѣдовательнѣе многихъ изъ своихъ собратій. Такъ напр., проводя свою идею о «моментномъ сотрясеніи», онъ находитъ, что розга беретъ все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вмѣсто нея употреблять пощечину. Это по крайней мѣрѣ логично. Въ «Правилахъ» Кіевскаго округа и того нѣтъ. Тамъ положено, что розги (долженствующія собственно слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, для произведенія *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія)* назначаются не иначе какъ «по опредѣленію педагогическаго совѣта, по большинству трехъ четвертей голосовъ по закрытой баллотировкѣ». Скажите же, скоро ли вся эта исторія можетъ быть произведена въ гимназіи? И возможно ли по поводу каждаго изъ подобныхъ проступковъ немедленно собирать педагогическій совѣтъ? Да при томъ же многіе изъ проступковъ, подлежащихъ розгамъ, могутъ, по самому существу своему, нуждаться въ предварительномъ разслѣдованіи, во время котораго, по кодексу г. Пирогова, для виновнаго назначается арестъ. Гдѣ же тутъ *непосред-*

ственное слѣдованіе наказанія за проступкомъ? Гдѣ тутъ *мгновенное* сотрясеніе? Нѣтъ, ужъ, право, лучше пощечина г. Миллеръ-Красовскаго!

А не угодно ли полюбоваться, какіе проступки наказываются розгами. Мы ихъ сейчасъ перечислимъ; замѣтимъ только напередъ, что всѣ наказанія имѣютъ три степени, опредѣляемыя разными обстоятельствами проступка. Розгами наказывается: *воровство, къ которому причисляется и кража собакъ*[1], — во второй степени. Затѣмъ розги опредѣлены, — въ третьей степени, — «за оскорбленіе постороннихъ и принадлежащихъ къ заведенію лицъ внѣ ихъ службы (т. е. начальниковъ, надзирателей, чиновниковъ и прислуги) — словомъ, письмомъ и дѣломъ, за оскорбленіе товарищей — словомъ, письмомъ и дѣломъ; во второй степени «за оскорбленіе начальствующихъ лицъ во время исправленія ими служебныхъ обязанностей, — словомъ, письмомъ и дѣломъ». Наконецъ, розгами же наказывается — что бы вы думали?.. этого, кажется, и самому г. Миллеръ-Красовскому никогда бы въ голову не пришло! — розгами наказывается — дико повторить! — «*оскорбленіе товарищей за вѣру (фанатизмъ)*»!!! Мы долго не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ; но наконецъ не могли не убѣдиться. Въ графѣ проступковъ, подъ № 27, стоитъ въ таблицѣ: «*оскорбленіе товарищей за вѣру*»; въ скобкахъ поставлено: «*фанатизмъ*». Въ графѣ наказаній стоитъ противъ этого отмѣтка «*наказывается, какъ оскорбленіе постороннихъ лицъ, — см. № 14*». Смотримъ № 14, тамъ стоитъ «оскорбленіе постороннихъ лицъ», и пр., — наказывается:

[1] Такъ замѣчено въ „Правилахъ"!

въ первой степени — *выговоромъ*, во второй — *выговоромъ съ угрозою розогъ*, въ третьей — *розгами!..* Итакъ, дѣйствительно, «Правила» предписываютъ *сѣчь за религіозный фанатизмъ!!*

Оставимъ пока въ сторонѣ все инквизиціонное безобразіе послѣдняго случая, и спросимъ объ одномъ: какія изъ указанныхъ *преступленій* могутъ быть подведены подъ тѣ основанія, которыми утверждаетъ г. Пироговъ необходимость розги. Отчего именно за воровствомъ, къ которому причисляется и кража собакъ, за оскорбленіемъ разнаго начальства и за фанатизмомъ должно слѣдовать безотлагательное, мгновенное сотрясеніе посредствомъ розги? И припомните еще, что розга назначается только въ трехъ низшихъ классахъ, да и тамъ уже дѣлается изъятіе для 16-лѣтнихъ, если таковые случатся. Значитъ, въ большинствѣ случаевъ будутъ пороть мальчиковъ, которыхъ проступки еще не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Мальчикъ разъ стащилъ у товарища карандашъ, — ему выговоръ отъ совѣта; въ другой разъ онъ завелъ къ себѣ чужую собаку — его выпорютъ. Поссорился мальчикъ съ гувернеромъ, который самъ его на это вызвалъ, — подъ арестъ мальчика; опять поссорился, уже безъ вызова съ той стороны, — его сѣкутъ. А за розгами — не надо забывать — слѣдуетъ непремѣнно удаленіе изъ гимназіи послѣ вновь сдѣланнаго проступка! И это, при просвѣщенныхъ «Правилахъ», можетъ произойти вслѣдствіе брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназіи. «Правила» явно узаконяютъ эту брюзгливость и всѣ капризы начальства, когда въ графѣ обстоятельствъ, *опредѣляющихъ три степени вины и на-*

казанія, ставятъ, противъ оскорбленія начальства, *вызовъ со стороны начальника!!* Это, конечно, признается за circonstance atténuante и *уменьшаетъ наказаніе.* Какое великодушіе! Мальчика не сѣкутъ за то, къ чему его сами же принудили! А намъ кажется, что ужъ если непремѣнно хочется сѣчь кого-нибудь, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гораздо было бы основательнѣе — высѣчь этого начальника, который такъ ловко умѣетъ вести себя съ воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясеніе, чтобы заставить его образумиться. Да при томъ, видя такое безпристрастіе со стороны «Правилъ», гимназисты дѣйствительно подвигнулись бы къ уваженію закона. А то вѣдь стоитъ только повторить слова того же г. Пирогова въ тѣхъ же самыхъ «Правилахъ», чтобы видѣть, какъ эта казнь за обиду, вызванную начальникомъ, разрушаетъ все зданіе законности, которое г. Пироговъ желалъ построить на своемъ кодексѣ проступковъ и наказаній. «Произволъ и капризъ воспитателя, — говоритъ г. Пироговъ, — вызываетъ, по закону противорѣчія, такой же произволъ и капризъ и въ воспитанникѣ.» Стало быть, сколько вы воспитанниковъ ни сажайте подъ арестъ, сколько ни сѣките, сколько ни исключайте, — но пока у васъ остаются воспитатели капризные и вызывающіе на грубость, до тѣхъ поръ въ остальныхъ воспитанникахъ (хотя бы ихъ послѣ вашего разгрома осталась только десятая доля) неминуемо будетъ проявляться и дерзость, и оскорбленіе начальства, и произволъ.

И — странное дѣло! — «Правила» *начертаны* для того, чтобы развить въ воспитанникахъ чувство законности и справедливости опредѣленіемъ

точныхъ, положительныхъ и одинакихъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ; а между тѣмъ произволу начальства вездѣ оставленъ самый широкій просторъ, и именно за проявленіе личности воспитанника, за его нежеланіе подчиняться произволу каждое гимназическое начальство можетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, выдрать его, а потомъ выгнать безъ дальнихъ словъ. Обязанности начальниковъ всякаго рода и учителей въ отношеніи къ гимназистамъ не опредѣлены; напротивъ, самъ кодексъ говоритъ, что начальникъ можетъ быть безразсуденъ и грубъ — можетъ *самъ вызвать* на обиду. Представьте же теперь положеніе мальчика, воспитывающагося въ одной изъ гимназій Кіевскаго округа. У него въ классѣ на стѣнѣ виситъ *таблица проступковъ и наказаній;* возлѣ этой таблицы стоитъ или сидитъ взбалмошный учитель (или такихъ ужъ не бываетъ никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможнымъ оскорбленіямъ. Но учитель въ это время все-таки *исправляетъ свою служебную обязанность;* за грубость ему — строгій арестъ, розги, исключеніе... Мальчикъ это знаетъ, что ему дѣлать? Скрѣпиться и вынести все безропотно. А какія мысли, какія чувства прорѣжутъ въ это время его молодую голову и сердце? Вѣроятно, въ немъ будетъ развиваться въ эти минуты благоговѣніе къ кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!.

Опредѣляя значеніе своего кодекса, г. Пироговъ боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба ихъ зависитъ отъ мертвой буквы, и для того говоритъ: «Напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что самое главное дѣло — *точное из-*

слѣдованіе и правосудное приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю — *все-таки предоставлено воспитателямъ*». Замѣтимъ, что воспитателямъ предоставлено кодексомъ *не только правосудное, но и совершенно не правосудное* приложеніе правилъ: они ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, личность ихъ строжайшимъ образомъ ограждена отъ всякаго протеста гимназистовъ. Но положимъ, что воспитатели всѣ идеально-хороши; мы все-таки не понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ условіи кодексъ г. Пирогова можетъ достигать своей цѣли — развитія чувства законности. Вѣдь самъ же г. Пироговъ сознается, что истинно-справедливое наказаніе есть только то, «которое естественно, само собою проистекаетъ изъ сущности проступка» . . . А изъ какого же проступка естественно проистекаетъ розга? И какимъ образомъ случилось, что большинство наказаній тѣлесныхъ опредѣляется за оскорбленіе начальства? Не въ правѣ ли воспитанники уже въ самомъ этомъ опредѣленіи видѣть — не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произволъ? Кажется, у начальства и безъ розогъ довольно много средствъ оградить свою личность отъ оскорбленій воспитанниковъ. Да и наконецъ, кто же мѣшаетъ начальству всякой гимназіи поставить востанника въ такое положеніе: «Ты къ намъ поступилъ, такъ насъ уважай и слушайся; если же не хочешь исполнять этого условія, то убирайся вонъ». Мы знаемъ, что многіе хорошіе учителя употребляютъ эту мѣру въ классахъ. Если ученикъ шалитъ и шумитъ, они говорятъ ему: «Если не хотите слушать, то не угодно ли вамъ выйти изъ класса!» И послѣ этого уче-

никъ обыкновенно присмирѣетъ... Скажутъ, что выгнать изъ гимназіи — вовсе не то, что выслать изъ класса; увольненіе во многихъ случаяхъ можетъ доканать мальчика, если онъ не имѣетъ возможности поступить въ другое заведеніе. Но вѣдь, во-первыхъ, мы предполагаемъ начальство идеально-хорошее, неуваженіе къ которому вполнѣ заслуживаетъ подобнаго распоряженія, во-вторыхъ, и по кодексу г. Пирогова за розгами слѣдуетъ непремѣнно удаленіе ученика изъ гимназіи, — да еще не просто увольненіе, а *исключеніе,* которое всегда соединено съ отмѣткою неодобрительнаго поведенія и съ повѣщеніемъ по всѣмъ гимназіямъ округа. Это значитъ, — если примѣнить къ учителю, — по-нашему учитель просто высылаетъ ученика изъ класса, а по кодексу — прибьетъ сначала, потомъ выгонитъ, да еще въ педагогическомъ совѣтѣ пожалуется. Разумѣется, такимъ образомъ дѣйствій учитель доказываетъ только свой мстительный характеръ и отсутствіе всякаго уваженія къ самому себѣ.

А какова соразмѣрность наказаній въ «Правилахъ»!.. Воровство, какъ мы видѣли, наказывается въ первой степени — *выговоромъ отъ совѣта съ угрозою розогъ,* во второй — *розгами,* въ третьей — *исключеніемъ. Лихоимство же — черной доской, черной книгою* и наконецъ — *увольненіемъ по прошенію!..* А между тѣмъ, что же такое лихоимство какъ не самый гнусный видъ воровства? И не должно ли его наказывать строже ужъ и потому, что въ жизни всякаго гимназиста, когда онъ будетъ служить, представится гораздо болѣе поводовъ къ лихоимству, нежели къ простому воровству, слѣдовательно, при самомъ воспитаніи, въ са-

мыхъ юныхъ лѣтахъ, нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за проявленіемъ этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображеніями руководился г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ, когда воровство такъ грозно каралъ сравнительно съ лихоимствомъ? Точно также оскорбленіе начальства требуетъ *розогъ* и *исключенія*, а «уничтоженіе письменныхъ распоряженій начальства» — только *карцера* и *увольненія*, которыя могутъ быть назначены, напримѣръ, и за *куреніе табаку*, наказываемое по «Правиламъ» какъ «нарушеніе благочинія и формы въ школѣ». Вотъ какого свойства *законность*, вводимая «Правилами»!

Такихъ несообразностей много въ «Правилахъ», но мы ужъ не станемъ разбирать ихъ въ подробности, потому что всѣ «Правила» — въ своей общности — составляютъ одну изумительнѣйшую несообразность съ здравымъ смысломъ. Предоставляемъ разборъ ихъ записнымъ педагогамъ. Мы же остановимся только на томъ, что прямо относится къ розгамъ, которыми мы занялись спеціально въ этой замѣткѣ . . . Въ отношеніи къ этому предмету есть еще весьма любопытныя вещи въ «Правилахъ».

Какъ вамъ понравится, напримѣръ, то, что г. Пироговъ заставляетъ самихъ же гимназистовъ низшихъ классовъ сѣчь своихъ товарищей, — то есть не руками сѣчь, а опредѣлять имъ наказаніе розгами. Странно, какъ это учрежденіе преслову-таго Ehrengericht могло совмѣститься съ розочными понятіями; но это совмѣщеніе — несомнѣнный фактъ. Подъ № 15 за оскорбленіе товарищей опредѣлено, кромѣ прошенія извиненія у обиженнаго

съ удовлетвореніемъ его, — въ первой степени для всѣхъ классовъ *выговоръ отъ совѣта*, во второй — выговоръ отъ совѣта съ угрозою розогъ для низшихъ классовъ и съ угрозою исключенія для высшихъ, въ третьей — розги для низшихъ, а для высшихъ исключеніе. Внизу этого номера приписано: «*Опредѣленіе степени вины и наказанія предоставляется товарищамъ*». Такимъ образомъ бѣдные мальчики принуждены выбирать одну изъ трехъ казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, опредѣляя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой миръ и согласіе должны послѣ этого господствовать въ классѣ!.. И вотъ какъ прививаются нашимъ дѣтямъ гуманныя чувства!..

Не забудемъ еще, что къ числу этихъ оскорбленій товарищей отнесенъ потомъ и *фанатизмъ*. Вспомнимъ и то, что такое постановленіе сдѣлано въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ католиковъ въ гимназіяхъ едва ли не больше, чѣмъ православныхъ. По крайней мѣрѣ въ кіевскомъ университетѣ въ прошломъ году было православныхъ только 376, а католиковъ 525, а извѣстно, что большая часть поступающихъ въ университетъ выходитъ изъ гимназій (въ нынѣшнемъ году въ кіевскомъ университетѣ — 864). Слѣдовательно, религіозные споры и столкновенія могутъ быть весьма часты; ихъ нужно бы устранять, примирять. А тутъ г. Пироговъ велитъ ученикамъ разсудить самимъ, высѣчь ли товарища ихъ за религіозный фанатизмъ, или только выговоръ ему дать. Само собою разумѣется, что при этомъ классъ раздѣлится на два враждебные лагеря; католики будутъ говорить свое, русскіе — свое, и которыхъ больше, тѣ и побѣдятъ. Два-три

случая такихъ — и раздраженіе товарищей другъ противъ друга дойдетъ до неимовѣрной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Намъ самимъ стало какъ-то скверно, когда мы погрузились въ этотъ грязный и темный омутъ, названный «Правилами о проступкахъ и наказаніяхъ». Боимся, чтобы того же самаго не сдѣлалось съ читателемъ... Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что кодексъ г. Пирогова вполнѣ противорѣчитъ той цѣли, какая объявлена самимъ его составителемъ. Втиснувъ всѣ дѣтскіе проступки въ 27 номеровъ и въ три степени, оговоривъ для каждаго по 2—4 смягчающихъ и усиливающихъ обстоятельства, г. Пироговъ надѣется устранить этимъ произволъ и разнообразіе взглядовъ на проступки въ разныхъ гимназическихъ начальствахъ. Какая наивность, достойная скорѣе какого-нибудь московскаго публициста, нежели автора «Вопросовъ жизни»! Какъ будто разница наказаній въ школахъ зависитъ главнымъ образомъ отъ разницы взгляда начальства на тотъ *родъ* проступковъ, къ которому данный случай относится!.. Вовсе нѣтъ. Всѣ начальники могутъ быть согласны въ теоретическомъ воззрѣніи на преступность, напримѣръ дерзости. Но одинъ можетъ видѣть дерзость въ нарушеніи ученикомъ основныхъ правилъ школы, другой — въ противорѣчивомъ отвѣтѣ, третій — въ томъ, что мальчикъ смотритъ ему прямо въ глаза... То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. И повѣрьте, что и при вашемъ кодексѣ вовсе не устраняется возможность того, что въ гимназіяхъ будутъ сѣчь отъ 40 до 300 человѣкъ изъ 600!.. Повѣрьте, что не одни наказанія зависятъ отъ наказывающихъ, а не отъ наказываемыхъ, но

и значительная доля самыхъ проступковъ. Не оттого только въ одной гимназіи больше дерутъ, а въ другой меньше, — что въ одной смотрятъ на проступки иначе, чѣмъ въ другой... Нѣтъ, въ нихъ и ведутъ воспитанниковъ различно: къ чему въ одной гимназіи не подаютъ ни малѣйшаго повода, о чемъ въ ней и понятія не имѣютъ, съ тѣмъ ученики другой гимназіи сталкиваются каждый день, и часто поневолѣ должны измѣнять свое поведеніе. Съ человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ и благожелательнымъ трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбленіе. Но человѣкъ грубый, взбалмошный, безтолковый — хоть кого выведетъ изъ терпѣнья и вызоветъ на дерзость и даже на оскорбленіе болѣе существенное... Это одинъ видъ школьныхъ проступковъ; но въ жизни училища много и другихъ видовъ, которые точно также обусловливаются общей организаціей школы и той обстановкой, въ какой находятся воспитанники... Вотъ на это-то и слѣдовало бы обратить вниманіе г. Пирогову. Какъ попечитель округа, онъ имѣлъ къ этому полную возможность.

Но оставимъ г. Пирогова съ его «Правилами» и скажемъ теперь нѣсколько словъ о себѣ и о той общественной морали, какая выводится изъ кіевскихъ розогъ. Для этого обратимся къ началу нашей статьи и повторимъ: «Время сказочныхъ богатырей давно прошло! Не нужно намъ ни сказокъ, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сихъ поръ возлагаетъ свои надежды на какихъ-то современныхъ Добрынь и Еруслановъ!»

Да, стыдно человѣку современнаго общества быть столько малодушнымъ и наивнымъ, стыдно — это мы сами первые сознаемъ и заявляемъ публич-

но. Не то горько намъ, что мы, превознося въ прошломъ году г. Пирогова, показали себя легковѣрными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось нѣсколько незаслуженныхъ преувеличеній. Нѣтъ, насъ смущаетъ совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его послѣдовательностью и твердостью — мы имѣли полное право, и въ этомъ отношеніи намъ не въ чемъ раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то въ родѣ надежды на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Мы сами впали тогда въ примѣненіе къ нашему времени старинныхъ сказокъ о богатырѣ, побившемъ цѣлое войско... Сами не понимаемъ, какъ мы не сообразили тогда, что вѣдь это только въ сказкахъ и бываетъ... и намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться въ своей ошибкѣ, которую самъ же первый и замѣтилъ, хотя и поздновато. Главное горе вотъ въ чемъ: наши прошлогодніе восторги сдѣлали насъ участниками въ созиданіи того пьедестала мудрости, на которомъ возвышается теперь г. Пироговъ. Мы поставили его въ примѣръ практическимъ педагогамъ, мы указали одному изъ нихъ, сомнѣвавшемуся въ отвратительности розогъ, на непреклонныя, незыблемыя убѣжденія г. Пирогова, рѣшительно отвергшаго тѣлесное наказаніе, какъ педагогическую мѣру, и заклеймившаго розги рядомъ энергическихъ, неопровержимыхъ силлогизмовъ... Теперь этотъ сомнѣвающійся пе-

дагогъ съ торжествомъ скажетъ намъ: «Вы опирались на авторитетъ Пирогова; смотрите же, къ чему пришелъ онъ, какъ только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу въ гимназіяхъ!».. И сотни, тысячи подобныхъ сомнѣвающихся педагоговъ покончатъ съ своимъ сомнѣніемъ и рѣшатъ дѣло въ пользу розогъ, узнавъ о томъ, что *самъ Пироговъ* призналъ ихъ нужными и полезными... А сотни и тысячи другихъ, давно увѣренныхъ въ благотворности всякихъ экзекуцій, поднимутъ голову и, подъ защитою имени Пирогова, яростно накинутся на тѣхъ *мальчишекъ*, которые кричатъ противъ розогъ, — до тѣхъ поръ, какъ говорятъ, пока еще чувствуютъ боль отъ розогъ, ими самими полученныхъ... И сами эти *мальчишки*, при всей своей увѣренности, все-таки будутъ немало сконфужены, когда увидятъ, что противъ нихъ выставленъ любимый авторитетъ ихъ, что ихъ поражаютъ ихъ же собственнымъ оружіемъ... Можетъ быть, многіе *мальчишки* и не найдутся что сказать, и можетъ быть — нѣкоторые потеряютъ бодрость и согласятся съ почтенными старцами розгораздателями.

Вотъ что надѣлали восхваленія и надежды, повсюду раздававшіяся въ честь г. Пирогова со времени появленія «Вопросовъ жизни», и мы, мы въ этомъ сдѣлались участниками!!.. Какъ хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя отъ этого тяжелаго грѣха составляетъ для насъ нравственную необходимость. Вотъ почему мы поспѣшили обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя тенденціи г. Пирогова, проявившіяся уже въ практической сферѣ. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, для

предупрежденія дальнѣйшихъ недоразумѣній подобнаго рода, высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ здравомыслящему человѣку слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на такъ называемыхъ общественныхъ дѣятелей и насколько примыкать къ нимъ свою собственную дѣятельность.

Человѣкъ, сдѣлавшій, или даже только сказавшій что-нибудь хорошее, есть, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротивъ, нужно сказать, что его поступокъ хорошъ, или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на вѣтеръ, не легкомысленно, а съ полнымъ сознаніемъ той общей идеи, въ силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дѣло хорошо. Не предавайте своей задушевной мысли, своего внутренняго убѣжденія — ни за какія всенародныя благодѣянія, ни за какіе всемірные подвиги, совершенные человѣкомъ. Если человѣкъ, спасшій отъ смерти тысячи голодныхъ бѣдняковъ, станетъ васъ увѣрять, что слѣдуетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ для собственнаго обогащенія, — не вѣрьте ему, не считайте этихъ понятій правильными потому только, что вы слышите ихъ отъ *такого* человѣка. Не будьте дѣтьми и дикарями, и внутренней, прекрасной истины не превращайте въ безобразный кумиръ. Разсудите: вы уважали этого человѣка за то, что видѣли въ немъ *любовь* къ бѣднякамъ, желаніе *дать* имъ средства къ жизни, только въ силу этого пріобрѣлъ онъ свой авторитетъ предъ вами, внушилъ вамъ уваженіе къ себѣ. Не забывайте же этого. Какъ скоро вы видите въ немъ черты противоположныя, какъ скоро оказывается, что онъ возстаетъ *противъ* трудящихся бѣд-

няковъ, что онъ хочетъ *отнять* у нихъ средства къ жизни, добываемыя ими, — вы уже не смотрите на него какъ на авторитетъ и т. п., а судите его какъ и всякаго обыкновеннаго человѣка. Можетъ еще оставаться тутъ вопросъ личный: что же значитъ это противорѣчіе — перемѣну ли, слабость ли характера, или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человѣка этого какъ лицемѣра и негодяя; если же просто окажется онъ слабымъ или перемѣнчивымъ, то можно пожалѣть о немъ... Но все это будетъ дѣломъ чисто-личнымъ и никакъ не должно быть примѣшиваемо къ суду объ общественномъ дѣлѣ, котораго онъ является защитникомъ или противникомъ... Тамъ нужно судить только о дѣлѣ, несмотря на то, кѣмъ оно защищается и кѣмъ оспаривается. Всѣ личныя уваженія здѣсь въ сторону! Если можно, то слѣдуетъ воздержаться и отъ всякаго увлеченія блестящею формою, въ которую иной умѣетъ облечь темное дѣло. Но ужъ на это, разумѣется, у кого умѣнья хватитъ... Очень многіе могутъ придти въ восторгъ отъ плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличнымъ музыкантомъ, и за это нельзя строго винить такихъ любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесѣ, то, конечно, лучше отдѣлить личность исполнителя отъ сущности пьесы, потому что какъ бы исполнитель ни былъ хорошъ, но пьеса сама по себѣ не слѣлается отъ этого лучше, чѣмъ какою она сотворена своимъ авторомъ...

Что же касается до опредѣленія собственной дѣятельности сообразно съ дѣятельностью извѣстнаго общественнаго авторитета, — тутъ, кажется, нужно еще болѣе осторожности и строгости, не-

жели при простомъ обсужденіи дѣла. Разумѣется, нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять безполезно на мѣстѣ, нужно идти за кѣмъ-нибудь, и для этого выбирать себѣ руководителя. Но отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятіе о цѣли пути и о самой дорогѣ. Кромѣ того, мы не должны думать, что въ этой дорогѣ руководитель нашъ будетъ насъ кормить, поить, одѣвать, и пр.... Поэтому необходимо все-таки самимъ работать для себя, ни на мигъ не опускать руки и зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету, — нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно и даже, можетъ быть, не безполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все-таки само дѣло должно быть впереди. Какъ скоро является предложеніе сѣчь дѣтей за фанатизмъ, да еще по суду товарищей, тутъ уже все равно, кто бы ни сдѣлалъ это предложеніе — г. Миллеръ-Красовскій, г. Орловъ-Давыдовъ, или г. Пироговъ. Смущаться тутъ не слѣдуетъ, и тотъ, кто изъ уважаемаго человѣка не дѣлаетъ себѣ идола, никогда не смутится этимъ...

Но (послѣднее замѣчаніе) намъ могутъ сказать,

что иногда слѣдуетъ прощать почтеннымъ личностямъ отдѣльные ихъ недостатки и даже не мѣшать ихъ ошибкамъ, изъ уваженія къ тому добру, которое они дѣлали и дѣлаютъ... Иногда это возможно, правда; но чрезвычайно рѣдко, и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то, если ошибки и недостатки болѣе касаются личности, нежели общаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую поблажку, нужно строго и строго разсудить: до такой ли степени важна и могуча дѣятельность такого-то почтеннаго лица въ общемъ ходѣ дѣлъ и до такой ли степени значительны мы сами въ ряду общественныхъ явленій, чтобы отъ нашего болѣе или менѣе лицемѣрнаго и потачливаго обращенія съ такимъ-то лицомъ могъ измѣниться ходъ событій... Тутъ можно бы распространиться вообще о значеніи личностей въ исторіи; но это было бы ужъ слишкомъ длинно и, можетъ быть, неумѣстно. Удовольствуемся повтореніемъ того, что времена сказочныхъ богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, Иванушкину прошенью, и что отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться и самыя лучшія личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самимъ собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллера-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ.

V.

Отъ дождя да въ воду.

Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.

И. Дмитріевъ.

По случаю прощанья Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, 4 апрѣля нынѣшняго года, русская журналистика сочла нужнымъ вспомнить и меня съ моею статейкою: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», напечатанныя въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута тріумфальнаго удаленія его будетъ очень удобна для того, чтобы бросить нѣсколько комковъ грязи въ темнаго журналиста, осмѣлившагося когда-то жестко отозваться объ одномъ изъ распоряженій г. Пирогова [1].

---

[1] Впрочемъ, какъ бы опасаясь не попасть въ такую маленькую цѣль, нѣкоторые господа придумали — къ подписи моей статьи *бо г* прибавить еще три слога и такимъ образомъ обращались уже не къ имени, которымъ написана статья, а къ г. *Добролюбову*. Такъ, напримѣръ, сдѣлалъ г. Драгомановъ, въ № 51 „Русской Рѣчи". Г-нъ Драгомановъ (какъ видно изъ брошюрки: „Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ") — студентъ одного изъ первыхъ курсовъ университета, и потому для будущей его дѣятельности въ литературѣ (къ которой онъ повидимому имѣетъ наклонность) не мѣшаетъ ему узнать кое-что о литературныхъ приличіяхъ. Видите что. Мы всѣ желаемъ, конечно, самой рѣшительной и полной гласности во всѣхъ дѣлахъ

Долгое время не бывши въ Петербургѣ, я только на-дняхъ могъ прочитать нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ противъ меня по поводу кіевскихъ «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ». Не ради этихъ статей, слишкомъ легкихъ и бездоказательныхъ, и не ради самого г. Пирогова, навѣрное лучше другихъ понявшаго сущность моихъ возраженій, — но ради самого дѣла, которое теперь, по удаленіи г. Пирогова, остается въ большей опасности, чѣмъ какъ было при немъ, — я рѣшаюсь снова поднять старый вопросъ, пользуясь для своихъ объясненій полемическими статейками противъ меня.

общественныхъ, и жаловаться на нее въ этихъ случаяхъ я считаю недостойнымъ человѣка, хотя сколько нибудь уважающаго себя. Но въ отношеніяхъ частныхъ, семейныхъ и личныхъ усердіе къ гласности должно быть по-моему сдерживаемо нѣкоторымъ чувствомъ деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли въ моихъ словахъ уголовное преступленіе, пусть начинаютъ судебный искъ — я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь къ суду и не буду противиться обнародованью процесса съ моимъ полнымъ именемъ. Если по мнѣнію господъ, вооружающихся противъ меня, поступокъ мой не подходитъ подъ тѣ, которые караются закономъ, но тѣмъ не менѣе остается оскорбительнымъ и невыносимымъ для нихъ, — пусть требуютъ отъ меня какихъ угодно личныхъ удовлетвореній: я опять не откажусь объявить мое имя и адресъ. Но покамѣстъ дѣло остается въ предѣлахъ литературнаго спора, я не могу признать за моими возражателями право называть меня произвольными именами. Кромѣ того, что эта бретерская привычка не хороша уже сама по себѣ, какъ свидѣтельство полицейскаго неуваженія къ инкогнито, — я нахожу въ ней слѣдующія два неудобства для моей личности. Во первыхъ, разъ допустивши произвольную подстановку фамиліи писателя, нельзя уже будетъ остановить порывовъ журнальнаго остроумія... Вотъ, напримѣръ, г. Драгомановъ, припомнивъ, кажется, одну изъ комедій фонъ-Визина („Бригадиръ“: *Добролюбовъ, любовникъ Софьи*), называетъ меня Добролюбовымъ, а какой-то другой господинъ въ „Сынѣ Отечества“, кажется, или, можетъ быть, въ „Иллюстраціи“, вдохновляясь очевидно другою комедіею фонъ-Визина („Недоросль“: *Скотининъ, сестра Кутейкина*?) — увѣрялъ, что моя фамилія — *Крючкодѣевъ*. Третій послѣ этого скажетъ, что я — *Держимордовъ*, четвертый — *Недолюбовъ*, и т. д. Все это будетъ, конечно, ни мало не остроумно, но тѣмъ и дурно... Второе обстоятельство вотъ какое: пока вы говорите о — *бовѣ*, вы говорите о его статьѣ и о томъ, что можно заключить изъ статьи, — и только. Тутъ я вовсе не боюсь: вы можете меня не понять, исказить,

Я не знаю, долженъ ли оправдываться противъ обвиненій, будто я написалъ свою статейку съ намѣреніемъ унизить и оскорбить г. Пирогова. Можетъ быть, и надо бы: вѣдь рѣдко кто захочетъ провѣрить обвиненія и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назадъ, — въ этомъ положеніе мое передъ обвинителями очень невыгодно. При томъ же «Современникъ» вообще извѣстенъ тѣмъ, что находитъ ехидное наслажденіе въ попираніи всякихъ заслугъ, въ опозореніи всего священнаго и возвышеннаго, въ «облаяніи» всякой благородной личности? Объ этомъ такъ часто и такъ усердно кричали, что робкихъ людей

оклеветать — вамъ же хуже. Публика имѣетъ предъ глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы вмѣсто моей подписи называете полную фамилію (вѣрно или невѣрно — все равно), публика видитъ, что у васъ были какія то частныя свѣдѣнія объ авторѣ, кромѣ того, что извѣстно всѣмъ изъ печати. И если вы, говоря о статьѣ *бога*, увѣряете, что г. *Добролюбовъ* умный человѣкъ, но поборникъ либеральнаго деспотизма, и затѣмъ даете видѣть, что онъ легкомысленъ и неблагонамѣренъ, то вѣдь читатель-то имѣетъ правъ подумать, что вы все это говорите — или по личному знакомству съ г. Добролюбовымъ, или по достовѣрнымъ частнымъ свѣдѣніямъ. И вслѣдствіе того читатель можетъ рѣшить: „конечно, изъ статьи *бога* не видно того, что выводитъ объ авторѣ г. Драгомановъ; но какъ видно, онъ имѣетъ и другія данныя для характеристики г. Добролюбова, — надо ему повѣрить...“ И вамъ не совѣстно было бы, г. Драгомановъ, подобнымъ путемъ пріобрѣсть довѣріе читателя, когда вы и сами то, вѣроятно, имѣете обо мнѣ развѣ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, перешедшія черезъ Богъ знаетъ сколько рукъ!.. Кстати, для предостереженія публики отъ подобныхъ вамъ господъ, я замѣчу здѣсь (преодолѣвая неохоту говорить о себѣ), что кромѣ трехъ или четырехъ литераторовъ, съ которыми одними и по моимъ занятіямъ веду постоянныя сношенія, хотъ мнѣ и приходилось встрѣчаться со множествомъ другихъ, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вѣжливостями, и въ разсужденія обо мнѣ и моихъ литературныхъ занятіяхъ я никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ не пускался. Изъ печатныхъ же отзывовъ обо мнѣ (въ послѣднее время довольно частыхъ) я вижу, что эти господа не имѣютъ понятія не только о моемъ характерѣ, но даже и объ образѣ мыслей. Поэтому мнѣ очень странно, что такъ безцеремонно поступили со мною г. Драгомановъ, о существованіи котораго узналъ я изъ его статейки, и „Русская Рѣчь“, ни одного изъ редакторовъ которой я и въ глаза не видывалъ.

можетъ быть и увѣрили... Поэтому неудивительно, что иные читатели весьма серьезно примутъ, напримѣръ, такія выходки: «Отечественныя Записки» говорятъ, что г. Пироговъ «былъ предметомъ *оскорбительной* статьи» въ «Современникѣ», и затѣмъ даютъ мнѣ совѣтъ: «не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они (люди подобные г. Пирогову) дѣйствуютъ, *бросать въ нихъ камнемъ и грязью*» («Отечественныя Записки», IV, стр. 62). Въ VI № тѣ же «Отечественныя Записки» «съ искреннею благодарностью» помѣщаютъ письмо какого-то г. Е. Суд., который выражается такъ: «*самымъ неделикатнымъ образомъ*, во имя либерализма и гуманности, г. —*бовъ* отнесся къ г. Пирогову» (стр. 138). Не больно ли, когда какой-нибудь *журнальный крикунъ*, во имя либерализма и гуманности, *вздумаетъ посягать* на такую личность, какъ Пироговъ?» (стр. 142.) Г-нъ Драгомановъ также читаетъ мнѣ свысока назиданіе: «Не мѣшало бы *имѣть побольше дѣйствительнаго уваженія къ личности* и долго подумать, прежде нежели окрестить человѣка *обиднымъ прозвищемъ плантатора*. А то мы всѣ какъ-то много фразерствуемъ о гуманности, а между тѣмъ *слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ лицами*, особенно во имя гуманной идеи. Это наконецъ начинаетъ надоѣдать. Пора отъ этого отдѣлаться» («Русск. Рѣчь», № 54, стр. 29).

Ну, словомъ, я — обидчикъ, крикунъ, клеветникъ; мое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы *посягать* на благородныя личности и бросать въ нихъ грязью и каменьями... Что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Защищаться? Противно очень, да по всей вѣроятности и безполезно: вѣдь кого интересуетъ задѣтый вопросъ, тотъ можетъ и справиться съ мо-

ей прошлогодней статьей, а кто не интересуется, такъ для того что же и хлопотать? Меня же лично эти обвиненія нисколько не безпокоятъ: крики о страсти журнала, въ которомъ я пишу, къ поруганію всего высокаго сдѣлались уже такимъ неизбѣжнымъ общимъ мѣстомъ всякой полемики противъ насъ, что я бы очень удивился, если бы журнальная братія не воспользовалась такимъ великолѣпнымъ случаемъ, какъ моя статья «Всероссійскія иллюзіи».

Да впрочемъ, что же и за дѣло публикѣ до моихъ тайныхъ намѣреній? Я могъ бы доказать, положимъ, — что писалъ статью свою съ наилучшими расположеніями; но если она вышла несправедливо-оскорбительна, все-таки мнѣ пришлось бы сознаться въ дурномъ поступкѣ и просить прощенія. Отсутствіе злонамѣренности могло бы служить только облегчающимъ обстоятельствомъ. Но я беру самый фактъ и утверждаю, что статья моя не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для честнаго и правдиваго дѣятеля, какимъ представляется намъ г. Пироговъ, — и несмотря на всѣ противные крики, несмотря на послѣдующія объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, несмотря на охлажденіе первыхъ впечатлѣній, — я ничего не могу взять назадъ изъ этой статьи.

Часто случалось мнѣ слышать упреки, что я обращаюсь къ почтеннымъ лицамъ въ небрежномъ и насмѣшливомъ тонѣ: тонъ статейки о г. Пироговѣ не можетъ подвергнуться даже этому упреку. Въ серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уваженіе, которое питалъ я къ г. Пирогову, и то огорченіе, которое почувствовалъ я при видѣ жалкаго факта, допущеннаго и освя-

щеннаго его авторитетомъ. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора «Вопросовъ жизни» и свѣтлымъ его взглядомъ, я вмѣстѣ съ другими предавался, противъ моего обычая, безразсудной иллюзіи, что вотъ *этотъ-то* человѣкъ можетъ неуклонно провести свои взгляды на практикѣ и одолѣть сопротивленіе среды. Это я высказалъ тогда и печатно, въ назиданіе профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутаціи, показался мнѣ на практикѣ весьма несостоятельнымъ. Но горькій опытъ разрушилъ восторженныя иллюзіи: и г. Пироговъ оказался слабымъ передъ средою, и онъ уступилъ, уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявлялъ свое мнѣніе прежде. Я увидѣлъ, что, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, я преувеличивалъ свои надежды, увидѣлъ, что напрасно считалъ возможнымъ для одного человѣка побѣду надъ мрачною средою, окружающею всѣхъ насъ, и счелъ нужнымъ высказать это для заявленія своего мнѣнія предъ тѣми, которые, можетъ быть, мною же отчасти введены были въ ошибку, подобную моей. Поэтому смыслъ всей статьи вышелъ таковъ: вотъ мы бѣгаемъ за разными авторитетами, воображая получить отъ нихъ все, чего желаемъ: увлеченіе, достойное наивнаго дѣтства! Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности: посмотрите — вотъ одна изъ лучшихъ, Н. И. Пироговъ, — а между тѣмъ съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за

нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ... И заключеніе статьи состояло въ предостереженіи, которое я позволю себѣ выписать здѣсь:

«Нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать дѣло сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками... Времена сказочныхъ богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, Иванушкину прошенью, — отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться даже самыя лучшія личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самими собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллеръ-Красовскаго даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ.»

Чѣмъ же могъ бы тутъ оскорбиться г. Пироговъ? Неужели тѣмъ, что изъ него не дѣлаютъ и не совѣтуютъ дѣлать кумира? Неужели тѣмъ, что убѣждаютъ принимать сознательно и съ критикою его мнѣнія? Неужели тѣмъ, что вызываютъ свѣжія силы — не откликнутся ли онѣ изъ той самой среды, мертвящему вліянію которой долженъ былъ уступить самъ г. Пироговъ, дѣйствительно пріобрѣтшій себѣ на Руси репутацію характера твердаго и непреклоннаго.

«Нѣтъ,—говорятъ намъ наши противники,—не то было оскорбительно въ статьѣ, а вотъ что: въ

ней нападали на Пирогова, какъ будто на измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ имъ вовсе не измѣнялъ, а только уступилъ — во-первыхъ, большинству комитета, а во-вторыхъ, статьямъ училищнаго устава, которыхъ онъ не въ правѣ былъ отмѣнить.» По мнѣнію г. Праздношатающагося, въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Пироговъ этимъ обстоятельствомъ совершенно оправдывается, а по увѣренію г.г. Е. Суд. и М. Драгоманова даже особенно возвышается. Г-нъ Драгомановъ пространно разсуждаетъ, что «это подчиненіе коллегіи не отрицательно только хорошій фактъ, не порокъ только, но добродѣтель. Пироговъ не только подчинился рѣшенію коллегіи, которую создалъ, — *онъ не хотѣлъ иначе дѣйствовать какъ посредствомъ коллегіи*[1]. На коллегіальномъ принципѣ основана была вся его дѣятельность, въ этомъ главная его заслуга» . . . и пр. . . . То же говоритъ и г. Е. Суд. «Пироговъ уступилъ большинству. За такія уступки его еще болѣе стали уважать люди, разумно слѣдившіе за ходомъ его общественной дѣятельности. Мы видѣли въ Пироговѣ начальника, который уважаетъ общее мнѣніе, никому не навязываетъ своего», и пр., и пр.

Изъ этого, разумѣется, и выходитъ, что я — поборникъ либеральнаго деспотизма, что по-моему Пироговъ долженъ былъ произвольно отвергнуть мнѣніе комитета и заставить всѣхъ насильно быть гуманными. Характеризуя мое направленіе, г.г. Е. Суд. и М. Драгомановъ доходятъ до удивительнаго и трогательнаго *единогласія*. Одинъ гласитъ:

«Пора намъ понять, что мало пользы приносятъ

---

[1] Курсивъ у автора.

и возмутительны Калиновичи, которые, считая себя «высшими организмами относительно всей этой массы», ломятъ ее съ озорниковскимъ pour leur bien, что недалеко ушли эти господа цивилизаторы отъ ремесленниковъ, которые бьютъ своихъ учениковъ, говоря: «тебя же, дурака, добру учатъ» («Русск. Рѣчь», стр. 30).

Такъ же точно и г. Е. Суд. провозглашаетъ, что по-моему Пироговъ долженъ былъ «оказаться либеральнымъ черезчуръ, или пожалуй, щедринскимъ озорникомъ, высшимъ организмомъ относительно всей этой массы, благодаря неусыпному попечительству котораго мужикъ понимаетъ, что и снъ — ничего, и сходъ его — ничего . . . и только просвѣщенный взглядъ администратора можетъ освѣтить этотъ хаосъ», и пр. («Отеч. Зап.», стр. 140). Все это почтенный г. Е. Суд., для большей убѣдительности, пропечаталъ даже курсивомъ.

«Мы много фразерствуемъ о гуманности, а сами торопимся слишкомъ негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи; пора отъ этого отдѣлаться», — восклицаетъ г. Драгомановъ. Да, г. Драгомановъ, — пора: вотъ хоть бы вамъ, или г. Суд., прежде чѣмъ бросать въ меня стрѣлы своего краснорѣчія, чтобы хоть перелистовать мою статейку! . . Вы бы тогда и увидѣли, что краснорѣчіе ваше тратится понапрасну, мало того — что оно даже отзывается недобросовѣстностью. Кто васъ прочтетъ, тотъ вѣдь подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обрушился на одного г. Пирогова, что о комитетѣ и коллегіальномъ принципѣ я, можетъ быть, и не зналъ и не думалъ совсѣмъ . . . А между тѣмъ въ статейкѣ моей нападенія вовсе не обращены исключительно на г. Пирогова: иной разъ говорится:

«г. Пироговъ», а въ другой — «кіевскій комитетъ», «кіевскіе педагоги», или просто «правила», или же — «г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ». Мало того,— вѣдь весь смыслъ статейки состоялъ въ томъ, что «вотъ какъ подчиняется у насъ вліянію неблагопріятной среды дѣятельность даже самыхъ лучшихъ людей». Выходитъ, что ярые защитники благородной личности г. Пирогова совершенно напрасно поторопились обозвать меня озорникомъ, Калиновичемъ (и далъ же имъ этотъ Калиновичъ! Точно безсмертный типъ какой!) и пр. Выходитъ, что я нападалъ не на личность, а на комитетъ, и на Пирогова, какъ на его предсѣдателя, слѣд. какъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ, да еще при томъ заявившаго себя незадолго передъ тѣмъ цѣлой Россіи отвращеніемъ отъ тѣхъ мѣръ, какія въ комитетѣ были допущены. Въ попыхахъ негодованія мои жаркіе противники просмотрѣли это обстоятельство и не могли придумать для моей статьи лучшаго мотива, какъ «теорію либеральнаго деспотизма». Вотъ попали-то! . .

А впрочемъ я даю поводъ подозрѣвать, что я увертываюсь: вѣдь статья моя точно отзывается очень жестко о г. Пироговѣ, какъ будто о человѣкѣ, имѣвшемъ возможность поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ. А поступить иначе онъ могъ, только послѣдовавъ «теоріи либеральнаго деспотизма», или, что все равно, «принципамъ г. Добролюбова», выведеннаго на свѣтъ Божій г. Драгомановымъ. Ясно, стало быть, что я осердился на благородную личность именно за то, что она не оказалась такимъ «озорникомъ», какъ я . . .

На это я могъ бы возразить, что не всѣ такъ узко понимаютъ меня: «Отеч. Записки», напримѣръ,

сообразили, что, по моимъ требованіямъ г. Пироговъ долженъ былъ бы выйти въ отставку, видя невозможность провести на практикѣ свои убѣжденія. Поэтому они возражаютъ: «Что будетъ съ нами, если честные дѣятели, изъ-за того, что имъ невозможно вдругъ, всецѣло осуществить свои благородныя стремленія, покинутъ дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ къ сожалѣнію, они и безъ того не остаются?» . . . Вотъ то-то и есть, что не остаются, — замѣчу я кстати: не оттого ли и не остаются, что уже слишкомъ податливы? Вѣдь если бы всѣ умные и честные дѣятели приняли за правило — вступать въ общественную дѣятельность не иначе какъ съ условіемъ развивать свою программу, такъ ихъ программа скорѣе пошла бы въ ходъ, потому что, какъ хотите, а безъ честныхъ и умныхъ дѣятелей никакъ не обойдешься ни въ какой отрасли общественной жизни. Самое ихъ удаленіе было бы, во-первыхъ, живымъ протестомъ, во-вторыхъ, свидѣтельствомъ ихъ независимой силы, и въ-третьихъ, горькимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ привыкли пользоваться ихъ услугами, въ то же время налагая различныя «уступки» на ихъ убѣжденія» . . .

Впрочемъ рѣчь шла и не объ этомъ. Радикальная теорія могла бы конечно доказать, что для г. Пирогова и для Россіи, или по крайней мѣрѣ для Кіевскаго учебнаго округа, было бы вовсе не безполезно, если бы г. Пироговъ рѣшился скорѣе отказаться отъ своей должности, нежели допускать водвореніе нелѣпости, противъ которой самъ же вооружался . . . Но я, признаюсь, даже и этого не имѣлъ въ виду: куда намъ до такихъ воззрѣній . . . Мотивъ моихъ нападеній, насколько они касались г. Пиро-

гова, былъ гораздо проще и ближе къ обыкновенному, житейскому пониманію. Онъ состоялъ вотъ въ чемъ:

Г-нъ Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился предъ необходимостью... Онъ не сталъ просто въ пассивное положеніе человѣка, которому связали руки; нѣтъ, онъ и со связанными руками бросился впередъ, чтобы заслонить собою тѣхъ, которые его связали... Ну, естественно, что сильнѣйшіе удары и пришлись по нему... Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ «Таблицѣ наказаній»?—Н. И. Пироговъ.—Отъ чьего лица пишетъ онъ? Коллективно или нѣтъ? — Нѣтъ, онъ говоритъ: «*Я* предполагаю», «*я* нахожу»... Значитъ, основанія «Правилъ» — его. Мало того,— въ заключеніе предисловія онъ говоритъ: «Я предлагаю директіямъ... слѣдующія положенія комитета, *вполнѣ раздѣляемыя и мною*» «Журн. для Воен.», 1859 г., № XI, стр. 112). И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой оговорки. Скажите, добрые люди, — такой образъ дѣйствій тоже необходимо требовался, чтобы не впасть въ «либеральный деспотизмъ», не сдѣлаться «озорникомъ», и пр.?.. Кажется, никто, ни въ какихъ комитетахъ, никогда не обязывался мгновенно дѣлаться рыцаремъ противныхъ убѣжденій, какъ скоро они утверждены большинствомъ. Г-нъ Пироговъ могъ уступить рѣшенію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить пункты своего несогласія съ нимъ. Тогда бы вышло совсѣмъ другое: отсталость кіевскаго комитета и училищнаго устава не покрывалась бы гуманнымъ авторитетомъ г. Пирогова, и не было бы намъ съ г. Е. Суд. никакой причины горячиться... Но г. Пироговъ этого не сдѣлалъ...

да что же я говорю — не сдѣлалъ?.. Онъ, напротивъ, постарался мотивировать ненавистный параграфъ о розгахъ . . . Чѣмъ же? Тѣмъ ли, что комитетъ желаетъ ихъ удержать, и что попечитель не имѣетъ права измѣнять училищнаго устава? Нѣтъ, а тѣмъ, что 1) нельзя *вдругъ* вывести розгу изъ употребленія, 2) *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея, 3) въ школу поступаютъ дѣти, *уже сѣченныя дома,* 4) въ нѣкоторыхъ случаяхъ проступки требуютъ *сильнаго мгновеннаго сотрясенія* . . .

Такимъ образомъ г. Пироговъ дѣлался предъ судомъ публики (имѣющей полное право не знать интимностей комитета) не человѣкомъ, «съ болью въ сердцѣ вырвавшимъ у самого себя уступку», а просто-напросто сообщникомъ кіевскихъ педагоговъ (мудрость которыхъ мы еще увидимъ впереди, — по подлиннымъ свидѣтельствамъ самихъ кіевлянъ). И послѣ этого я виноватъ, что не отдѣлилъ тайныхъ убѣжденій г. Пирогова отъ того, что онъ редижировалъ для комитета? Да какое же мнѣ-то было дѣло до тѣхъ его убѣжденій, которыхъ онъ самъ знать не хотѣлъ? Вы можете кричать на меня, сколько вамъ угодно, а я, по совѣсти говоря, не раскаиваюсь теперь даже въ тѣхъ ироническихъ фразахъ, въ которыхъ говорилось, что, вѣроятно, среди кіевскаго комитета г. Пироговъ дѣйствительно нашелъ какое-то удобство въ розгѣ и быстро убѣдился въ ея полезности.

Но если ужъ пошло на то, чтобы пристыдить насъ, господа противники «принциповъ г. Добролюбова», я вамъ скажу, что я въ своей статейкѣ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ меня требовалось: я проникъ въ то, во что могъ бы и не заглядывать. Видите ли, въ одномъ мѣстѣ моей статьи (стр. 266) я го-

ворилъ: «*только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно* до нѣкоторой степени *оправдать* тѣ *противорѣчія,* какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ» тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи». Въ числѣ этихъ противорѣчій было указано мною слѣдующее: причиною допущенія розги выставлена, между прочимъ, потребность сильнаго, *мгновеннаго* сотрясенія, и потому оно должно слѣдовать *непосредственно, безотлагательно* за проступкомъ; а между тѣмъ розга назначается не иначе какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, послѣ разслѣдованія и обсужденія дѣла . . . Въ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія «Правилъ»» (рекомендуемомъ мнѣ г. Драгомановымъ, который даже сожалѣетъ, что я не читалъ его, когда писалъ свою статью!), г. Пироговъ самъ сознается въ слѣдующемъ: «Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ «Правилахъ», относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно, и вслѣдъ за проступкомъ, а между тѣмъ опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. *Это дѣйствительно противорѣчіе,* но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то *это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все*» («Журн. для Восп. 1861 г., № IV, стр. 216).

Прочли ли это мѣсто мои возражатели? Если прочли, то какъ же они не замѣтили, какъ оно для

меня благопріятно? Вѣдь нельзя не согласиться, что *протестъ* г. Пирогова былъ уже слишкомъ тонокъ, такъ что кромѣ меня дѣйствительно едва ли кто и замѣтилъ его. А я замѣтилъ и указалъ печатно— позвольте ужъ похвалиться этимъ!.. Или, напротивъ, и тутъ я виноватъ въ чемъ-нибудь?

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили о неприличіи моего обращенія съ г. Пироговымъ, — дѣло разъясняется въ мою пользу, или, лучше сказать, въ пользу самого дѣла: издавая свои «Правила», г. Пироговъ не только не протестовалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, но даже сказалъ, что *вполнѣ раздѣляетъ* мнѣнія комитета, даже принялся ихъ оправдывать; это многихъ могло ввести въ заблужденіе (и вводило) и заставить думать, что г. Пироговъ дѣйствительно оправдываетъ розгу, какъ полезную мѣру наказанія. Теперь г. Пироговъ уже положительно объявляетъ, что онъ питаетъ къ розгѣ прежнее отвращеніе, и никогда не переставалъ питать его, но что ему дѣлать было нечего противъ комитета. Съ этой стороны, значитъ, можно быть спокойнымъ: педагоги розочныхъ принциповъ не имѣютъ за себя по крайней мѣрѣ авторитета г. Пирогова.

Вотъ я и покончилъ съ моими строгими судьями. Но дѣло мое только что начинается. Вообразите, — вѣдь розгу все-таки отстаиваютъ!..

«Какъ же это однако, — восклицаетъ читатель: — послѣ всего, что сказали сами поборники г. Пирогова, послѣ его собственныхъ признаній, — кто же еще можетъ осмѣлиться отстаивать розгу? Вѣдь они ужъ всѣ объяснились, что рады бы, да не-

льзя, или, какъ говоритъ г. Сухаревъ (это тоже нашъ антагонистъ) въ «Русской Рѣчи»: «хотѣли бы, да Фатей не велитъ!» . . . Ну, послѣ этого ужъ и молчи» . . .

Читатель оказывается недогадливымъ: онъ забываетъ *среду*. *Среда* требуетъ, читатель; какъ же ея не послушаться?

Вы опять удивляетесь: «Какъ, законодатель долженъ постановлять нелѣпые законы, если среда нелѣпа, долженъ освящать закономъ всякія гадости, если къ нимъ среда привыкла! . . Да вѣдь онъ на то и законодатель, чтобы . . .»

Позвольте, читатель, — вы слишкомъ торопитесь. Я сейчасъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Въ моей статейкѣ было замѣчено, что остановить сѣченіе въ школахъ вовсе не такая ужъ невозможность, какъ многимъ кажется: «попечитель могъ положить, чтобъ не сѣкли, — и не стали бы сѣчь». Эта послѣдняя фраза дѣйствительно слишкомъ отважная и вызванная именно преувеличеннымъ довѣріемъ къ моральной силѣ и вліянію г. Пирогова, — послужила, кажется, однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ возстанію на меня. Разумѣется, если бъ мнѣ просто сказали: «Гдѣ же, дескать, попечителю усмотрѣть за всѣми въ одиннадцати гимназіяхъ округа», — такъ мнѣ бы и возражать нечего было. Но нѣтъ, г. Драгомановъ, подхвативши мою фразу, не съ этой стороны напалъ на нее, а забралъ гораздо выше: «воспрещать сѣчь, это, видите ли, значитъ приказывать учителямъ насильно быть либералами», т. е. опять таки «дѣйствовать по принципамъ г. Добролюбова». А ужъ это — чего хуже! . .

Мы съ вами, простосердечный читатель, думали

до сихъ поръ, что есть разница между положительными и отрицательными фактами. Оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть вашъ кошелекъ, — вы, значитъ, насильно заставляете его быть честнымъ человѣкомъ; вамъ запрещаютъ драться, — хотятъ изъ васъ насильно сдѣлать либерала... Если вы встрѣтите на улицѣ г. Козлянинова, тузящаго женщину или ребенка, — вы, можетъ быть, почувствуете порывъ отнять у него беззащитную жертву? Удержите же вашъ порывъ, если не хотите заслужить обвиненіе «въ послѣдованіи принципамъ г. Добролюбова». Вы разсудите, что вѣдь у насъ *среда такая:* дерутся, да и только... Ну, положимъ, вы и прекратите безобразіе на улицахъ, — что же изъ того? Вѣдь дома — мужья женъ бьютъ, отцы — дочерей, разные франты — своихъ любовницъ; а ужъ если дома дерутся, то какъ же на улицѣ-то воспретить? Оно хорошо бы, слова нѣтъ, — очень бы хорошо, да еще никакъ нельзя: хоть и воспретишь на бумагѣ, а на дѣлѣ все будетъ продолжаться... Обратитесь къ городовымъ и опросите: есть ли возможность предупредить драки на улицахъ и оскорбленіе женщинъ? — «Никакой возможности, — отвѣтятъ вамъ городовые, по большинству голосовъ, — ибо, дескать, у насъ ужъ грубость нравовъ такая». Что дѣлать въ этомъ случаѣ?.. Ясно, что: разсмотрѣть различные случаи публичныхъ ссоръ и оскорбленій, подвести ихъ подъ рубрику и, по совѣщаніи съ городовыми, постановить правило, въ какихъ случаяхъ г. Козлянинову имѣетъ право тузить публично женщинъ и дѣтей, въ какихъ нѣтъ.

Вы думаете, мы это на смѣхъ выдумали? — вовсе нѣтъ. Я думаю, что если бы спросить объ

этомъ мнѣнія, напр., г. Драгоманова, такъ онъ разсудилъ бы именно такимъ образомъ. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ необходимость узаконенія розги.

«Намъ могутъ привесть еще одно возраженіе: какъ ни толкуй, а дѣтей все-таки сѣкутъ. — *Это конечно очень прискорбно.* Но [внимайте же!] во-первыхъ, сѣкутъ гораздо меньше [радость-то какая!]. Во-вторыхъ, количество высѣченныхъ въ гимназіяхъ (27 гимназистовъ) — капля въ морѣ сравнительно съ высѣченными дома [ну, да, — количество побитыхъ г. Козлянниновымъ съ компаніею, — что же значитъ въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, кому дома задаютъ потасовку!]: родители, все-таки, не перестаютъ сѣчь своихъ дѣтей. *Что дѣлать, если общество такъ не развито* [конечно, другого нечего и дѣлать, какъ утвердить его закономъ въ его неразвитости]! Вотъ два примѣра [г. Левъ Камбекъ могъ бы насчитать и больше.] Въ Полтавской губерніи, говорилъ намъ человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, многіе родители взяли своихъ дѣтей изъ одного уѣзднаго училища, заслышавъ, что тамъ ужъ не сѣкутъ; въ К—ѣ процвѣтаетъ *частный* пансіонъ, въ которомъ воспитываются мальчики довольно богатыхъ родителей и въ которомъ ученикамъ дѣлается систематическая порка [ясно, что именно этотъ пансіонъ и долженъ служить образцомъ для кіевскихъ педагоговъ!]. Въ-третьихъ — наказаніе розгами такъ ограничено «Правилами», назначается за такіе проступки, что оно достается только тому, кого дома любезные родители разъ по 5 въ годъ сѣкутъ (это *въ-третьихъ* рѣшительно совпадаетъ съ *первымъ* и *вторымъ*, но г. Драгомановъ въ жару защиты забываетъ требованія логики; не будемъ

слишкомъ требовательны къ юношѣ). *Наконецъ*, скажемъ мы съ Пироговымъ, самые драконовскіе законы не будутъ страшны, если будутъ законно примѣняться (т .е. неудобство розги г. Драгомановъ видитъ только въ излишней строгости этого наказанія, а не въ моральномъ его безобразіи: вѣдь такъ надо понимать его, если только онъ изучалъ древнюю исторію и помнитъ, въ чемъ упрекали драконовскіе законы)». («Русск. Рѣчь», стр. 30.)

Я бы не привелъ отзыва г. Драгоманова, если бы не нашелъ подобной же мысли въ самомъ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ»», писанномъ г. Пироговымъ. Онъ тоже оправдываетъ свой образъ дѣйствій тѣмъ обстоятельствомъ, что «нравы общества не приготовлены еще къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія». Предложивъ сначала эту отмѣну, но «не нашедъ сочувствія въ большинствѣ членовъ», — г. Пироговъ «вскорѣ убѣдился, что безполезно было бы уничтожить на одной бумагѣ, подъ видомъ гуманности и современности, средство, которое и многіе воспитатели и большая часть родителей признаютъ еще необходимымъ». Далѣе «Отчетъ» приводитъ, что еще въ прошломъ столѣтіи тѣлесныя наказанія въ училищахъ отмѣнялись, но это не удержалось именно потому, что убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей». Въ уставѣ 1828 г. опять введены тѣлесныя наказанія, и какъ нельзя болѣе пришлись по вкусу общества: «отцы и теперь еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей, а сами сѣкутъ дома; ученики 6-го и 7-го классовъ, не нынче, такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства.

за поступки противъ чести сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества» («Восп.», т. II стр. 60).

Въ статейкѣ «Всероссійскія иллюзіи» я уже опровергалъ круговую поруку домашняго сѣченія съ гимназическимъ. Здѣсь повторю только, что именно потому и важно отмѣненіе тѣлеснаго наказанія въ школахъ, что оно сильно употребляется въ домашнемъ воспитаніи. Если бы общество все чувствовало отвращеніе къ этому роду наказаній, тогда не было бы особенной важности въ существованіи его гдѣ-нибудь на бумагѣ. Это говоритъ самъ г. Пироговъ: «Если, — говоритъ, — дѣйствительно общественное мнѣніе вопіетъ и громко требуетъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, — чего же лучше и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ, и *что за дѣло тогда, будутъ ли наши правила угрожать виновному розгой или нѣтъ, все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила, и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ,* а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ». Эти соображенія были бы совершенно логичны и неопровержимы въ устахъ человѣка, отличающагося умѣньемъ искусно поддерживать старую рутину и даже дѣлать въ ней кое-какія починки. Но не такія слова хотѣли бы мы слышать отъ Н. И. Пирогова, человѣка, на котораго съ такой увѣренностью обращались общія надежды, какъ на человѣка, умѣющаго пролагать новые пути и проводить новыя начала въ общественной дѣятельности. Онъ могъ бы и не ожидать, пока общественное мнѣніе *не будетъ уже терпѣть розги;* онъ могъ дать толчекъ общественному мнѣнію, могъ и долженъ былъ всѣми силами стремиться къ тому, что-

бы преобразовать его сообразно съ своими началами. Въ этомъ смыслѣ принятіе на себя тѣхъ пунктовъ «Правилъ», съ которыми онъ былъ самъ несогласенъ, составляетъ, на мой взглядъ, важную ошибку, которая и теперь едва искупается сдѣланными объясненіями.

Г-нъ Пироговъ замѣчаетъ въ «Отчетѣ», что бороться противъ предразсудковъ и ложныхъ взглядовъ онъ предпочитаетъ въ жизни, а не на бумагѣ. «Мы боремся,—говоритъ онъ,—да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и самой школы, еще не далеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и письменными правилами. Потому мы возстаемъ противъ розги и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ. Все это прекрасно, и общее мнѣніе уже успѣло воздать должное благородной и плодотворной практической дѣятельности г. Пирогова. Но какъ же *предписанія-то?* Развѣ ужъ онъ ихъ ни во что не ставитъ? А они иногда бываютъ важны. Вотъ, напримѣръ, хоть бы въ этомъ же вопросѣ: по положеніямъ 1794 г. отмѣнено было въ училищахъ тѣлесное наказаніе; въ уставѣ 1828 г. возстановлено. Въ 1859 г. г. Пироговъ снова находитъ это наказаніе излишнимъ, но отмѣнить его не можетъ— и самое первое, высшее и непреклонное препятствіе находится въ статьяхъ устава. Онъ спрашиваетъ комитетъ: «не лучше ли отмѣнить розгу?» — но самъ тотчасъ же замѣчаетъ: «собственно я и не

имѣлъ права объ этомъ спрашивать, потому что существующій уставъ училищъ признаетъ еще ея необходимость» («Восп.», № II, стр. 59). Видите ли все-таки, какъ существующія на бумагѣ правила связываютъ дальнѣйшій прогрессъ: вѣдь нельзя не сознаться, что не будь въ уставѣ положенія о тѣлесномъ наказаніи, г. Пироговъ могъ бы дѣйствовать по этому вопросу нѣсколько свободнѣе, да и комитету не было бы легальной опоры для отрицательнаго отвѣта.

Никто не споритъ, что при дурныхъ нравахъ искажаются самые лучшіе законы. Но все же нельзя узаконять дурныхъ нравовъ. Теперь, напримѣръ, никакими предписаніями нельзя въ конецъ искоренить по всей Россіи взяточничество; съ этимъ мы согласны. Но неужели поэтому нужно дать ему законную силу? Неужели возвратиться къ старинному порядку *кормленія,* на томъ основаніи, что сущность этого порядка до сихъ поръ не исчезла изъ нравовъ? И если бы гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи уцѣлѣло еще установленіе кормленія, то неужели *новое* законодательство должно было бы поддерживать его, покамѣстъ сами *кормящіеся* отъ него не откажутся? Вѣдь, слѣдуя такой системѣ, пришлось бы пожалуй и *произволъ* оставить въ покоѣ, на томъ основаніи, что, по свидѣтельству самого же г. Пирогова, онъ слишкомъ сильно распространенъ былъ въ гимназіяхъ еще въ очень недавнее время. А между тѣмъ г. Пироговъ смѣло пошелъ противъ произвола, созвалъ комитетъ, постановилъ правила, несмотря даже на возгласы нѣкоторыхъ педагоговъ, что правила вовсе не нужны. Вотъ за это, разумѣется, честь и слава г. Пирогову . . .

Все это я говорю, возражая только противъ

мнѣнія г. Пирогова, будто законодательство должно выжидать, пока жизнь предупредитъ законъ, то есть иначе говоря, — когда нарушенія прежняго закона сдѣлаются такъ сильны и повсемѣстны, что ужъ стараго закона нельзя будетъ удерживать. Мнѣ кажется, что если, напримѣръ, кто-нибудь при составленіи проекта новаго училищнаго устава будетъ руководствоваться этимъ мнѣніемъ, то поступитъ очень неосмотрительно. Конечно, при неразвитости общества часто не достигаютъ цѣли самые лучшіе законы; но, съ другой стороны, надо замѣтить, что чѣмъ человѣкъ неразвитѣе, тѣмъ чаще дѣйствуетъ онъ безъ сознанія, по рутинѣ, и слѣдовательно тѣмъ болѣе расположенъ (разумѣется, тамъ, гдѣ не мѣшаетъ личная выгода) въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться съ тѣмъ, что ему положено свыше. Поэтому узаконите розгу — это розочникамъ на много лѣтъ придастъ бодрости; отмѣните ее — и на дѣйствіяхъ ихъ все-таки хоть сколько-нибудь отразится сознаніе, что установленная надъ ними сила закона — не въ ихъ пользу.

«Но въ практической дѣятельности, — возражаютъ намъ, — г. Пироговъ достигъ самыхъ лучшихъ результатовъ, какихъ только возможно было желать. Вотъ доказательство, что всѣ теоретическія умствованія противъ его системы — совершенно несостоятельны».

Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Противъ практической дѣятельноси г. Пирогова, противъ его личности мы рѣшительно ничего неимѣемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что онъ былъ связанъ въ своей дѣятельности существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возмвожности явиться реформаторомъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ

теперь, что онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, — но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Въ-третьихъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя рьшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ.

Но признавши все это и присоединивъ свой отдаленный голосъ къ благодарнымъ голосамъ, раздававшимся вокругъ г. Пирогова при его проводахъ, я все-таки не могу отстать отъ своихъ нападеній на *систему* и на нѣкоторыя положенія, допущенныя въ «Правилахъ». Сначала скажу о частностяхъ; объ опасности грозящей самому дѣлу отъ принятой системы, поговорю въ заключеніе.

Въ «Правилахъ» не одно *допущеніе* розги мною признано несправедливымъ, но и то, *за что* она допущена. Ею наказываются *воровство и дерзость* или вообще — *оскорбленіе*. Судя по «Правиламъ», я заключалъ, что тѣлесное наказаніе положено также и за *фанатизмъ*, такъ какъ противъ него въ таблицѣ стоитъ то же наказаніе, какъ и за оскорбленіе постороннихъ лицъ, то есть розги, въ третьей степени, — для низшихъ классовъ, и исключеніе — для высшихъ. Это было бы уже слишкомъ нелѣпо, и теперь г. Пироговъ объясняетъ въ «Отчетѣ», что тутъ былъ «недостатокъ редакціи», а на самомъ дѣлѣ за фанатизмъ никогда не предполагалось сѣчь, такъ какъ въ низшихъ классахъ не считаются возможными серьезныя его проявленія [1].

[1] Это, впрочемъ, тоже кажется мнѣ не вполнѣ основательнымъ. Г-нъ Пироговъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывается о моей замѣткѣ по этому поводу. Нѣкоторые рецензенты, — говоритъ онъ, — безъ дальнѣйшаго размышленія хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленія товарищей за вѣру, хотя въ

Но почему же за *воровство* — тѣлесное наказаніе? Какое соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ? Вотъ что спрашивалъ я еще въ прошломъ году, и чего никто до сихъ поръ не объяснилъ хорошенько. Почему также и дерзость или оскорбленіе заслуживаютъ розгу по преимуществу? Да и какъ опредѣлить степени оскорбленія, какъ подвести подъ одинъ уровень взглядъ наставниковъ на дерзость? Если-жъ въ самомъ комитетѣ большинство отличалось такою мудростью, что, напр., за лихоимство постановило наказаніе меньше, чѣмъ за простое воровство (о

нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово „фанатизмъ", въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что *ни одинъ воспитатель* не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, *т. е. дѣтей 10—12 лѣтъ*, противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. *Такъ можно сказать все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ*" („Восп.", № III стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ — я былъ злонамѣренъ и глупъ... *Ни одинъ воспитатель*, благодаря Бога, таковъ не будетъ... А впрочемъ посмотримте, что же это такое... Вотъ № IV того же „Воспитанія": тутъ напечатано окончаніе „Отчета" г. Пирогова; на стр. 213 г. Пироговъ, самъ же г. Пироговъ, пишетъ: „Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленныя „Правилами" за оскорбленіе за вѣру, *не только были переполкованы воспитателями*, но вмѣнены намъ *даже* въ преступленіе нѣкоторыми журналами". Значитъ, не я одинъ подумалъ, что „Правила" велятъ сѣчь за фанатизмъ? И между *воспитателями* нашлись такіе? Какъ же послѣ этого г. Пирогову могло казаться, что *„ни одинъ воспитатель"*, и пр. (см. выше)?.. Правда, впрочемъ, что воспитатели, предполагавшіе фанатизмъ въ дѣтяхъ *10—12 лѣтъ*, должны были быть ужъ очень плохи... Вѣдь въ гимназіяхъ Кіевскаго округа, въ первыхъ трехъ классахъ бываютъ *только* дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ... Однако — какъ же это... мы помнимъ въ „Правилахъ" общую оговорку, что розга назначается только до 16 лѣтъ, а ученики старше 16 лѣтъ, хотя бы и въ низшихъ классахъ, наказываются уже не розгою, а увольненіемъ. Значитъ, въ низшихъ классахъ могутъ быть ученики и старше 16 лѣтъ? Въ нихъ вѣдь ужъ и фанатизмъ можетъ быть? Да, но это, вѣрно сказано только на всякій случай, въ дѣйствительности же вовсе не бываетъ... Да впрочемъ вотъ, въ томъ же III № „Воспитанія", гдѣ такъ презрительно сказано о моемъ — либо тупоуміи, либо неблагонамѣренности, — тутъ же, на стр. 113, указаны самимъ г. Пироговымъ лѣта нѣкоторыхъ наказанныхъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ ученикъ подольской гимназіи — 19 лѣтъ... Что же это?. Онъ долженъ былъ находиться въ 3-мъ классѣ 15 лѣтъ?

чемъ я тоже замѣтилъ въ прошломъ году [5], то какихъ подчасъ премудрыхъ соображеній можно ожидать отъ иныхъ педагогическихъ совѣтовъ! И сколько тутъ можетъ быть произвола, объ уничтоженіи котораго такъ хлопочетъ г. Пироговъ.

На первый разъ, подъ управленіемъ Пирогова, при «Правилахъ» дѣйствительно умѣрились наказанія. Это видно изъ одной таблицы высѣченныхъ за 1858-й (до кодекса) и за 1859—60 г. (послѣ кодекса). Вотъ эта таблица:

	Въ 1858 г.		Въ 1859—60 г.	
Въ кіевской 1-й гимназіи изъ	215	3; изъ	201	1.
„ „ 2-й „ „	625	44; „	650	2.
„ бѣлоцерковской „ „	220	38; „	266	0.
„ волынской „ „	600	290; „	635	5.

Нѣтъ, онъ вѣроятно перешелъ изъ 3-го въ 4-й — 12 лѣтъ, а потомъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года.. Вотъ другой ученикъ 5-го класса 18 лѣтъ... Этотъ же какъ? Если онъ въ 4-мъ и 5-мъ сидѣлъ по два года, а все-таки въ 3-мъ-то былъ уже 14 лѣтъ... Ну, ужъ это я не знаю какъ... А вотъ еще ученикъ немировской гимназіи 1-го класса 13 лѣтъ... Значитъ, сколькихъ же лѣтъ будетъ онъ въ 3-мъ классѣ, 12 или 15?.. Нѣтъ, едва ли не напрасно г. Пироговъ такъ свысока отзывается о непониманіи рецензентовъ... Просто признаться въ просмотрѣ было бы, вѣроятно, благоразумнѣе, а то вѣдь я и не утерпѣлъ, чтобы не вывести новыхъ недосмотровъ — на этотъ разъ уже прямо самого г. Пирогова. Оскорблять я никого не хочу, но не могу выносить, когда сваливаютъ что-нибудь съ больной головы на здоровую.

Кстати здѣсь замѣчу еще о стихотвореніи, въ которомъ осмѣивалось сѣченіе за фанатизмъ. Признаюсь, я принимаю на себя полнѣйшую за него отвѣтственность, потому что предметъ стоилъ только осмѣянія, и въ этомъ случаѣ малодушно было бы удерживаться даже уваженіемъ къ такой личности, какъ г. Пироговъ. А кто знаетъ, можетъ быть эти стихи, вмѣстѣ съ моими нападками, и послужили еще къ разъясненію дѣла для тѣхъ *воспитателей*, которые *перетолковали* положеніе „Правилъ". Г. Драгомановъ толкуетъ, будто стихи заключаютъ тотъ смыслъ, что „присужденіе розогъ совѣтомъ установлено Пироговымъ для большей торжественности церемоніи, а не для ограниченія произвола". Ну, такъ вѣдь вольно ему такъ толковать...

[5] Вообще моимъ обвинителямъ не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчанія моей статьи не были серьезно опровергнуты никѣмъ, а подтвержденій, напр. тивъ, получили довольно много. Крича противъ моей непрактичности и легкомыслія, они забываютъ это.

		Въ 1858 г.	Въ 1859—60 г.
Въ ровенской	гимназіи изъ	300 — 6;	изъ 354 — 5.
„ подольской	„ „	400 — 37;	„ 470 — 7.
„ немировской	„ „	600 — 67;	„ 568 — 5.
„ черниговской	„ „	240 — 18;	„ 276 — 0.
„ новгородсѣверск.	„ „	250 — 8;	„ 288 — 0.
„ нѣжинской	„ „	260 — 2;	„ 264 — 2.
„ полтавской	„ „	399 — 39;	„ 338 — 0.
Во всѣхъ	„ „	4,109 — 561;	„ 4,310 — 27.

Одно сличеніе цифръ въ этой таблицѣ показываетъ, какъ несправедливы увѣренія, будто розгу нельзя вывести изъ воспитанія, будто общественное мнѣніе этому противится. Гимназіи не опустѣли. Пироговымъ остались всѣ довольны, несмотря на то, что его дѣйствіями произведена была такая рѣзкая перемѣна, какъ напр. въ волынской гимназіи, гдѣ число высѣченныхъ вдругъ вмѣсто 290 стало 5. Замѣчательно еще, что *вовсе перестали сѣчь* тѣ гимназіи, въ которыхъ до того *наиболѣе сѣкли*. Пропорція высѣченныхъ всѣхъ выше была (послѣ волынской) въ бѣлоцерковской и полтавской гимназіи, — а теперь тамъ не было ни одного случая. Мы не знаемъ, чему это приписать, — перемѣнѣ ли личностей начальственныхъ, «Правиламъ» ли, — но вѣрно одно: нравы населенія въ этихъ мѣстностяхъ и натура гимназистовъ не получили же мгновеннаго волшебнаго превращенія. А между тѣмъ вѣдь начальство этихъ гимназій въ прежнее, еще столь недавнее, время имѣло конечно свои резоны для оправданія необходимости тѣлеснаго наказанія тамъ, гдѣ оно было употреблено... Вѣрьте же послѣ этого ихъ отзывамъ и основывайте на нихъ ваши законы!

Насъ спрашиваютъ: «Да что же вы придумаете вмѣсто розги?» И видя, что мы ничего не придумываемъ, торжествуютъ... Но въ сущности это довольно

забавно: мы — профаны, а вы, призванные во святилище педагогики, вы берете на себя руководить дѣтей нашихъ, — и руководите ихъ, между прочимъ, розгой. Мы говоримъ: «Это намъ не нравится, этакъ-то и безъ васъ можно бы воспитывать; а вы придумайте что-нибудь другое, если ужъ взялись». А вы намъ отвѣчаете: «Да что жъ придумать-то? Скажите намъ, мы тогда и придумаемъ» ... И затѣмъ вы глумитесь надъ нами, что мы ничего не умѣемъ придумать, а туда же — смѣемъ быть недовольны ... Почтенные педагоги! войдите же наконецъ въ ваше собственное положеніе и разсудите: кто къ кому долженъ обращаться съ требованіями въ вопросахъ о воспитаніи, — вы къ намъ или мы къ вамъ?

Впрочемъ вѣдь, если нужна не радикальная перемѣна всей системы воспитанія, а только улучшеньица въ старой системѣ, такъ тутъ и мѣры нужно придумывать не особенно замысловатыя. А напримѣръ (если бы въ вашихъ рукахъ была власть отмѣнить розги, — разумѣется) — отчего бы прямо не замѣнить розги увольненіемъ? Жестоко, скажете? — Нѣтъ, не такъ жестоко, какъ кажется. Вѣдь вы только разъ допускаете розги, а потомъ увольняете; сѣчете за воровство во-первыхъ. За воровство мальчика сѣчь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имѣетъ не характеръ шалости, а обнаруживаетъ испорченность воли. Въ такихъ мальчикахъ, имѣющихъ серьезную наклонность къ чужому съ дѣтства, прокъ бываетъ рѣдко; держаться за нихъ нечего ... Жаль, что въ «Отчетѣ» г. Пирогова не сказано, всѣ ли высѣченные за воровство исправились, и вообще какія послѣдствія имѣло сѣченіе на характеръ и по-

веденіе высѣченныхъ. Это было бы очень любопытно. Но даже если и замѣчены были исправленія, то здравый смыслъ не позволялъ отнести ихъ къ тѣлесной боли отъ розги, развѣ къ стыду... но стыда навѣрное было больше во время открытія и разслѣдованія поступка, нежели во время экзекуціи. При томъ же позволительно думать, что во многихъ случаяхъ наказаны были мальчики, не имѣвшіе положительной испорченности въ этомъ смыслѣ, а таскавшіе чужое просто по глупости... Этихъ можно бы унять и безъ розги.

Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не безчеловѣчно ли бороть за нее, какъ бы становиться самому ребенкомъ и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбленіе, имѣетъ серьезный видъ, происходя либо отъ испорченнаго нрава ученика, либо отъ его антагонизма съ начальникомъ. Въ этихъ случаяхъ увольненіе — самое лучшее; потому что если послѣ розги ученикъ и сдѣлается тише въ отношеніи къ нелюбимому наставнику, такъ вѣдь тайная-то ненависть загорится еще сильнѣе. Скрытность и лицемѣріе — самые прямые результаты употребленія розги въ подобномъ случаѣ.

Но, говорятъ, сами родители часто просятъ, чтобы ихъ дѣтей сѣкли... Ну, вотъ для этихъ случаевъ и сохраните вашу розгу, если ужъ вамъ такъ жалко съ нею разстаться. Можете даже положить, что если еще останется хоть какая-нибудь надежда на возможность исправленія мальчика, если онъ обнаружилъ полное раскаяніе при полученіи увольненія, и родители его упрашиваютъ лучше высѣчь, но оставить въ гимназіи, — то можно, усту-

пая ихъ просьбѣ, дѣлать опытъ. Вотъ вамъ и требованія *среды* будутъ удовлетворены.

«Да такъ навѣрное придется больше сѣчь, чѣмъ теперь, при «Правилахъ»», — доносятся до меня восклицанія г.г. Е. Суд., Драгоманова, Сухарева и мало ли еще кого... Но я не смущаюсь. Очень можетъ быть, говорю я; но только навѣрное количество случаевъ сѣченія будетъ быстро уменьшаться, потому что отцы возьмѣютъ же наконецъ амбицію, и потомъ всѣ эти случаи сѣченія будутъ походить на случаи самопроизвольнаго отравленія или голодной смерти преступниковъ. У насъ вѣдь не казнятъ ни ядомъ, ни голодною смертью, — а иной возьметъ да и отравится или уморитъ себя голодомъ въ тюрьмѣ. Ну, что же съ этимъ дѣлать? Такъ ужъ ему, стало быть, понравилось...

Что же касается до системы, принятой при Н. И. Пироговѣ — дѣйствовать лично, на дѣлѣ, а въ законъ допустить то, чего среда требуетъ, — за эту систему я очень боюсь. Пока г. Пироговъ былъ въ Кіевѣ, все шло отлично, — слова нѣтъ. И произвола было меньше, и сѣкли меньше, и учились лучше, и пр., и пр. Но что тутъ дѣйствовало, — «Правила» или личность? Вѣдь изъ самыхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову на прощаньи, даже изъ выходокъ противъ насъ, видно, что тутъ *личность* покрывала все. Дерзнули не согласиться съ «Правилами» г. Пирогова, — и никто даже не вздумалъ вникнуть въ пункты несогласія, а всѣ увидѣли только то, что о Пироговѣ говорится какъ-то не то чтобъ совсѣмъ неуважительно, а такъ, — не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ. Въ разныхъ рѣчахъ безпрестанно говорится: «вы ограничили произволъ», «вы эмансипировали дѣтей отъ безумнаго и уни-

жающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія», «вы укрѣпляли приверженцевъ добра, увлекали ихъ теплотою чувствъ и закрѣпляли ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ», «вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность», и пр., и пр. Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что онъ не остался дольше на своемъ мѣстѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ его и общему желанію, чтобъ его вліяніе продолжалось какъ можно дольше въ Кіевскомъ учебномъ округѣ и во всей Россіи, если можно. Но вѣдь вотъ его нѣтъ... и мы что имѣемъ предъ собою? Все-таки (ограничиваясь лишь нашимъ вопросомъ) «Правила» весьма неудовлетворительныя, допускающія розгу и дающія широкій просторъ произволу воспитателей въ ихъ примѣненіи...

Произволъ выказывался уже и при г. Пироговѣ, какъ видно изъ «Отчета»: изъ 27 случаевъ тѣлеснаго наказанія про двухъ еще неизвѣстно, наказаны ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ наказаніе было опредѣлено несообразно «Правиламъ», а въ четырехъ другихъ директоръ поступилъ произвольно («Восп.», № III, стр. 111). Г-нъ Пироговъ умѣлъ остановить эти безпорядки, и директоръ, поступивши произвольно, перешелъ уже въ 1860 г. (по замѣчанію «Отчета») въ другой округъ. Но всѣ ли сумѣютъ и захотятъ останавливать?

При Пироговѣ, разумѣется, гимназіи старались отличить себя малымъ количествомъ или отсутствіемъ экзекуцій. Но чѣмъ, кромѣ подобнаго гуманнаго вліянія начальства, обезпечено такое стремленіе на будущее время? Вѣдь только благодарною памятью о Пироговѣ. А «Правила»-то даютъ

полную волю — пороть за дерзость, даже *вызванную* самимъ начальникомъ или наставникомъ. Кажется, въ этомъ случаѣ логичнѣе было бы поставить, положимъ, замѣчаніе... да нѣтъ, впрочемъ, и замѣчанія не нужно для ученика... но зато для учителя или гувернера непремѣнно строжайшій публичный выговоръ, а затѣмъ — при новомъ разѣ — прямо увольненіе. А вѣдь въ «Правилахъ» за оскорбленіе начальника на должности положено, въ самой низшей степени вины, т. е. при всѣхъ облегчающихъ обстоятельствахъ, даже при вызовѣ со стороны самого начальника, строгій арестъ съ угрозою розогъ, а во второй степени розги, а тамъ исключеніе. Какую дисциплину можно завести въ гимназіи на основаніи одного этого правила, которое при Пироговѣ, конечно, не смѣли примѣнять къ дѣлу!..

«Но педагоги, бывшіе подъ вліяніемъ г. Пирогова, будутъ всегда вѣрны его началамъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ имъ на прощаньи: мои убѣжденія въ сущности — ваши убѣжденія; моя заслуга только въ томъ, что я угадалъ ваши взгляды, и пр.

Конечно, такъ г. Пироговъ говорилъ это. А все бы вѣрнѣе, кабы «Правила»-то получше существовали... Вѣдь когда г. Пироговъ говоритъ не дружескія фразы, а самое дѣло, такъ и онъ тоже оказывается не слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ вообще, а слѣдовательно и о кіевскихъ. Говоря о журнальныхъ разборахъ «Правилъ», онъ именно упрекаетъ ихъ за слишкомъ высокія требованія. Слова его вовсе не утѣшительны.

Въ правѣ ли мы требовать, — говоритъ г. Пироговъ, — отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни

самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образецъ высокихъ качествъ? У прежнихъ ли ихъ наставниковъ, въ жизни ли общества, въ окружающей ли ихъ средѣ, въ семьѣ ли своей, въ воспитательныхъ ли заведеніяхъ?.. Требовательные идеологи вовсе позабыли, что нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже было имъ невозможно... Можно ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директоры покуда все-таки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде, — одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500—600 учениками, поневолѣ ограничиваются одною офиціальностью?.. Не ясно ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ въ глаза, что мы вводили наши „Правила“, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей? („Восп.“ II стр. 57—58).

Далѣе находимъ, что и на розгу г. Пироговъ согласился главнымъ образомъ въ уваженіе *неискусства* педагоговъ нашихъ: «тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большого вреда и безъ большого искусства [!], соображаясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой, животной чувственности и прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ». Чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры, продолжаетъ «Отчетъ», нужно воспитателю гораздо болѣе развитія и искусства: а можно ли этого требовать отъ нашихъ педагоговъ?.. Потому, конечно, и не удивительно замѣчаніе г. Пи-

рогова: «Съ одной стороны, судя по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало, *отмѣнить розгу въ училищахъ;* но съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педагогическихъ совѣтовъ, а слѣдовательно также общества, да еще самаго правогласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить *совсѣмъ противное*» (стр. 62). Вообще г. Пироговъ сознается, что «какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью и какъ ни поняла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ» (стр. 64).

Послѣ этихъ признаній я замѣчаю въ прошлогодней моей статьѣ ошибку, которой замѣчать никому не приходило въ голову. Правда, отъ г. Е. Суд. я уже заслужилъ что-то въ родѣ упрека за то, что «обрушился на *среду*, морально разслабляющую самыя лучшія личности»; но мнѣ именно слѣдовало въ десять разъ усилить ту часть статьи, гдѣ говорилось о гибельномъ вліяніи среды. Изъ признаній г. Пирогова вы видите, какъ она уже сама по себѣ, своей пошлостью, ограничиваетъ дѣятельность передовыхъ людей. Но не надо забывать, что она не всегда остается пассивною, она тоже принимаетъ порою участіе въ этой дѣятельности, и тогда происходятъ явленія до того странныя, до того нелѣпыя, что здравый смыслъ рѣшительно теряется въ ихъ путаницѣ. За примѣрами ходить недалеко, —возьмемъ хоть нашу полемику съ поклонниками г. Пирогова и представимъ изъ нея главныя черты.

Человѣкъ въ теоріи отвергаетъ розгу и формализмъ; у него множество послѣдователей и поклонниковъ; онъ хочетъ провести свою теорію въ практикѣ, но по несчастію долженъ отказаться отъ

этого намѣренія и уступить противнымъ вліяніямъ; вслѣдъ за этой уступкой раздаются рѣзкія возраженія и упреки за такой образъ дѣйствій, высказанные подъ вліяніемъ той же теоретической мысли, которой держится и самъ упрекаемый. Какъ вы полагаете, каково должно быть въ этомъ случаѣ впечатлѣніе людей, *сознательно* принимающихъ ту же теорію? Какъ эти возраженія должны быть приняты въ кругу людей,

Служащихъ дѣлу, а не лицамъ?

Перенесемтесь въ старое время, когда еще у насъ формально существовало крѣпостное право. Смѣлый эманципаторъ искренно и горячо говоритъ объ освобожденіи и увлекаетъ за собою толпу послѣдователей. Вдругъ ему достается наслѣдство; онъ, разумѣется, немедленно хочетъ отпустить крестьянъ на волю, но встрѣчаетъ сильныя препятствія и *покамѣстъ* уступаетъ. Вдругъ въ толпѣ ему сочувствовавшихъ раздается обличительный голосъ, изображающій крѣпостное право такъ, какъ оно стоитъ, провозглашающій святость свободныхъ принциповъ и укоряющій эманципатора за уступку. Какъ вы думаете, что почувствуютъ при этомъ голосѣ искренніе, сознательные приверженцы эманципаціи? Осердятся на смѣльчака, сочтутъ слова его посягательствомъ, обидой? Нѣтъ, какъ бы они ни любили своего друга-эманципатора, но если они любятъ и понимаютъ также и самое дѣло, то не могутъ они не сообразить, что вѣдь въ этомъ голосѣ для нихъ помощь, новое средство обороны, что онъ увеличиваетъ ихъ силу, что съ нимъ они смѣлѣе могутъ идти противъ обскурантовъ, мѣшающихъ дѣлу эманципаціи. Что за дѣло, если

даже нѣсколько рѣзкихъ выходокъ и задѣнетъ ихъ друга и учителя, — но вѣдь зато самое дѣло выигрываетъ, зато обскуранты знаютъ, что вотъ какіе голоса подымаются даже за одну невольную и временную уступку ихъ требованіямъ. И разумные приверженцы эманципатора, равно какъ и самъ онъ, радуются возраженіямъ, довольны упреками, желаютъ, чтобы какъ можно больше раздавалось подобныхъ голосовъ: вѣдь они выходятъ изъ тѣхъ же началъ, высказываютъ тѣ же идеи, которымъ служатъ и сами эти эманципаторы, — только высказываются рѣзче и прямѣе, раздаются громче и внятнѣе, не будучи заглушаемы противнымъ скрипомъ обоза практическихъ мелочей.

Чего бы естественнѣе, кажется, такое отношеніе либеральныхъ практическихъ педагоговъ въ полемикѣ о розгахъ? Но дѣло вышло совершенно не такъ.

О самомъ г. Пироговѣ я не говорю: онъ вездѣ трактуетъ журналистовъ свысока, и потому, конечно, и мою статью не удостоилъ счесть ни обидой, ни поддержкой для себя. Можетъ быть, онъ и ошибается въ своихъ понятіяхъ о журналистикѣ, — но это другой вопросъ. Собственно же въ этой полемикѣ г. Пироговъ остается въ сторонѣ. Предъ нами одни его послѣдователи.

Они, какъ оказывается, поняли все дѣло совершенно *лично*. Какія могли быть, напримѣръ, хотя у г.—*бова* личности съ г. Пироговымъ, способенъ ли такой-то человѣкъ изъ-за личностей искажать дѣло, можетъ ли согласиться такой-то журналъ сдѣлаться органомъ чьихъ-нибудь антипатій, наконецъ, такой ли характеръ, такую ли цѣль имѣетъ статья, — объ этомъ разсудить никому какъ будто

не пришло въ голову. Возраженіи на мои замѣчанія, серьезнаго разбора статьи никто не напечаталъ, а напечатали только какія-то беззубыя выходки противъ моей *негуманности* (!) въ обращеніи съ г. Пироговымъ... Мнѣ и всей русской публикѣ — сообщали за новость, что «онъ можетъ ошибаться и ошибается, какъ всякій человѣкъ, но ошибки *не отнимаютъ у него* высокаго ума, благородно либеральныхъ стремленій и сильнаго характера для возможныхъ у насъ разумныхъ реформъ»... А я-то, видите ли, отнималъ у него всѣ прописанныя качества!

Таковы-то оказались господа, оскорбившіеся за Пирогова и *напечатавшіе* свои возраженія на мою статью...

А то были еще другіе господа, тоже оскорбившіеся и писавшіе что-то такое, но нигдѣ не напечатавшіе своихъ писаній. Объ этомъ сообщаютъ намъ г.г. Е. Суд. и М. Драгомановъ. Нѣсколько статей и писемъ, по ихъ словамъ, послано было изъ Кіева въ столичные журналы для опроверженія «Всероссійскихъ иллюзій», но ни одна изъ нихъ не была напечатана. Читателей «Современника», вѣроятно, удивитъ это еще больше, чѣмъ самого г. Е. Суд., восклицающаго изъ глубины души: «Чудныя дѣла дѣлаются на Руси! Одинъ журналъ взноситъ нелѣпости на человѣка *слишкомъ* [?] почтеннаго, а остальные журналы, какъ бы по взаимному уговору, не хотятъ принимать никакихъ опроверженій» («Отечественныя Записки», № VI, стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ чудно, — я этому удивляюсь едва ли не больше всѣхъ. Извѣстно положеніе «Современника» въ нашей журналистикѣ, извѣстно, съ какимъ рвеніемъ всѣ журналы стремятся предохранить пу-

блику отъ его нелѣпыхъ тенденцій, въ особенности же отъ его посягательствъ на всевозможные авторитеты. Не довольствуясь собственнымъ трудолюбіемъ по этой части, разныя редакціи обогащаютъ русскую литературу этюдами г.г. Цвѣтовъ, Н. Ч. Воскобойниковыхъ, подыскиваютъ даже волюминозные трактаты въ скромныхъ стѣнахъ кіевской духовной академіи . . . Ужъ отъ кіевскихъ ли педагоговъ не приняли бы статьи! «Положимъ, онѣ были дурно изложены, — скажемъ словами г. Драгоманова, — почему же г.г. редакторы не обратили вниманія хоть на факты, которые были представлены въ нихъ вѣрно, и не отвѣтили г. Добролюбову (то есть —*бову*) отъ себя? — Благородный общественный дѣятель былъ оскорбленъ, и въ защиту его было сказано только нѣсколько словъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и то мимоходомъ, въ письмѣ изъ Полтавы. Что заключить изъ такого факта?» Для насъ возможно только одно заключеніе: вѣроятно статьи были ужъ такъ плохи, что редакціи поняли, что выступать съ ними противъ «Современника» значило бы только срамить себя. Да вѣрно и факты-то въ нихъ были въ томъ родѣ, что Н. И. Пироговъ — благородный человѣкъ, что въ уставѣ удержана розга, и что при Пироговѣ въ гимназіяхъ сѣкутъ меньше. А впрочемъ нѣтъ, вѣрно и того не было . . . Вѣдь вотъ теперь напечатаны же статьи и г.г. Драгоманова и Е. Суд., а въ нихъ вѣдь тоже никакихъ другихъ фактовъ нѣтъ, да еще и логики недостаетъ . . . Должно быть, другія-то возраженія были ужъ еще хуже, хоть это и трудно себѣ представить.

А то нашлись еще такіе господа — тоже хороши! — которые возблагоговѣли предъ статейкою

(тоже не понявъ ея) и внезапно почувствовали... потерю уваженія къ г. Пирогову!.. Такое открытіе дѣлаетъ г. Е. Суд., и г. Драгомановъ подтверждаетъ его. Въ замѣткѣ г. Е. Суд. объясняется: «Бойкая статейка г. —*бова* производила свое *желанное* [?] вліяніе даже на кіевлянъ, на тѣхъ людей, которые могли бы кажется получше присмотрѣться къ характеру общественной дѣятельности своего попечителя»...

Какое же это было *желанное* (вѣроятно мною?) вліяніе? А вотъ какое: «статейка, *по виду* весьма гуманная и либеральная, *соблазнительно* дѣйствовала не *неопытную* публику [бѣдняжка публика: точно бѣдная Лиза!], подрывая во многихъ уваженіе къ тому, котораго она уже привыкла уважать». *Неопытность* соблазненной публики дошла до того, что она «заподозрила въ отсутствіи *грамотности* [вѣроятно надо читать: *гуманности*] и истиннаго либерализма не г. —*бова* (какъ слѣдовало бы, разумѣется), а Пирогова, и *малодушно отвернулись отъ него даже тѣ, которые уважали его, соотвѣтственно своей степени умственнаго и нравственнаго развитія*»... А въ статейкѣ-то, между тѣмъ, даже среди самыхъ горячихъ тирадъ, при выраженіяхъ, которыя могли бы показаться наиболѣе непріятными для самолюбія, — все-таки безпрестанно проглядываетъ мотивъ всей этой горячности, состоящій въ томъ, что авторъ чрезвычайно высоко цѣнитъ Пирогова и что именно такого-то человѣка тяжело ему видѣть слабѣющимъ и падающимъ подъ гнетомъ среды, въ которую онъ поставленъ. Да, *слабѣющимъ и падающимъ* — я не боюсь повторить это: въ отсутствіи яснаго протеста противныхъ его кореннымъ убѣжденіямъ пунктовъ комитетскихъ

«Правилъ» видно уже послабленіе, а въ согласіи мотивировать, справдывать ихъ и провозгласить, что вполнѣ ихъ «раздѣляетъ», — было его паденіе въ этомъ случаѣ. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ: «тутъ нейдите, господа, говорилъ я: — тутъ самъ *Пироговъ* упалъ» . . . И вѣдь я писалъ не для идіотовъ, а для людей разсуждающихъ, которые могли бы понять, что въ статьѣ дѣло идетъ о дѣлѣ, о фактѣ, въ которомъ Пироговъ принялъ участіе, а вовсе не объ общей и окончательной оцѣнкѣ всѣхъ его общественныхъ заслугъ, талантовъ, характера, и пр. Я указалъ на его ошибку, положимъ даже преувеличивъ ея значеніе; я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству новыхъ, разумныхъ началъ надъ рутиною; но признаюсь, — никакъ не разсчитывалъ я на такой эффектъ, какой указывается г. Е. Суд. И отчего это? Вѣдь не оттого же въ самомъ дѣлѣ, что статейка была уже до невозможности соблазнительна, irrésistible, такъ сказать, а просто по причинѣ самихъ же господъ соблазненныхъ. Я ихъ никого не знаю, но г. Е. Суд., кіевлянинъ, рисуетъ ихъ характеристику вотъ какими лестными красками: «большинство сослуживцевъ его (Пирогова), *не сознавая самихъ принциповъ*, подчиняется вліянію личности, стремится къ общественной пользѣ *только потому*, что исполняетъ желанія попечителя, человѣка прославленнаго, знаменитаго, всѣми уважаемаго» . . . И какъ только оказался, видите ли, человѣкъ, который не преклоняется безусловно предъ «человѣкомъ прославленнымъ» и пр., — эти господа сейчасъ же и перемѣнили свои расположенія, и перестали «стремиться къ общественной пользѣ» . . . И все это — замѣтьте — отъ «раздражительныхъ

выходокъ» журнальнаго крикуна, озорника, который и желалъ бы быть Калиновичемъ, да соотвѣтственнаго чина не имѣетъ, и потому принужденъ озорство свое ограничивать литературою... Что же теперь будетъ, — спрашиваю я безпристрастныхъ читателей, не исключая кіевлянъ, очень склонныхъ къ искреннимъ признаніямъ, — что же будетъ, если на нихъ насядетъ, уже не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, какой-нибудь Калиновичъ, если ихъ *соблазнять* станетъ уже не журнальный, а какой-нибудь другой крикунъ? Въ какой мѣрѣ и надолго ли удержится тогда благодѣтельное вліяніе благородной личности г. Пирогова? Что станется съ самими педагогическими совѣтами, если ихъ будутъ составлять такія личности, которыя, «не сознавая принциповъ, подчиняются личности» и стремятся къ общественной пользѣ *только потому*, да, *только потому*, что этого желаетъ начальство... И вѣдь такихъ *большинство*... Можетъ быть, г. Е. Суд. судитъ слишкомъ строго, скажете вы; — но вѣдь его слова согласны въ сущности съ тѣмъ, что написано въ «Отчетѣ» самого г. Пирогова. А то вотъ еще отзывъ г. Драгоманова, «недавняго гимназиста», какъ о немъ было сказано въ одной изъ прощальныхъ рѣчей: «Старое поколѣніе (воспитателей), — говоритъ онъ, — дѣйствуетъ по отсталымъ принципамъ, а молодое пока умѣетъ только говорить о новыхъ. Это, конечно, очень прискорбно, но тѣмъ не менѣе это фактъ, фактъ, фактъ... [Видите, какъ сильно!]... Если все предоставить нравственному вліянію, то необходимо положиться исключительно на педагогическій смыслъ и любовь къ дѣлу воспитателей. Ну, а положитесь-ко на смыслъ

и любовь къ искусству нашихъ воспитателей... *Мы не можемъ удержаться отъ улыбки*»... Въ началѣ письма г. Драгомановъ въ силлогизмѣ (котораго первая посылка, вслѣдствіе опечатки, потеряла впрочемъ всякій смыслъ) доказываетъ, что если бы г. Пироговъ хотѣлъ заставить учителей дѣйствовать сообразно его началамъ, то «долженъ былъ бы выгнать *почти всѣхъ* учителей»... Таковы они были... Изъ этого г. Драгомановъ, съ свойственною ему послѣдовательностью, выводитъ: «что сталось бы съ преобразованіями Пирогова, если бы онъ основывалъ ихъ на личномъ, а не на коллегіальномъ началѣ?»... И разумѣется, конечно, что тогда преобразованіямъ пришлось бы плохо.

Но какую же прочность и достоинство имѣетъ это коллегіальное начало между воспитателями, не имѣющими ни педагогическаго смысла, ни любви къ дѣлу, или дѣйствующими по отсталымъ началамъ, или только умѣющими говорить о новыхъ, не сознающими здравыхъ принциповъ и только изъ угожденія начальству дѣлающими что-нибудь порядочное? Чѣмъ сдѣлаются пресловутыя «Правила» и «Таблицы» при отсутствіи личнаго вліянія г. Пирогова, при сохраненіи административнаго начала въ воспитаніи, при неопредѣленности нѣкоторыхъ пунктовъ, при просторѣ, предоставленномъ воспитателямъ въ опредѣленіи проступковъ, при узаконеніи въ «Правилахъ» «безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія?» Смотря на «Правила» просто какъ на кодексъ, совершенно независимо отъ личности г. Пирогова, наблюдавшаго за ихъ исполненіемъ, — на нихъ нельзя возлагать большихъ надеждъ: г. Пироговъ сознается, что они

«несовершенны»; я уже говорилъ и доказывалъ, что мнѣ они кажутся очень и очень несовершенны. Г-нъ Пироговъ однако доказываетъ фактами, что они принесли пользу; но изъ фактовъ этихъ не видно одного: дѣйствовали ли тутъ «Правила», или болѣе, — а можетъ быть *только* — и «желаніе угодить попечителю, человѣку прославленному», и пр... Подождемъ, что будетъ безъ г. Пирогова, дождемся слѣдующихъ двухъ-трехъ отчетовъ, — тогда и окажется, до какой степени полезны сами «Правила», безъ личнаго участія г. Пирогова въ примѣненіи ихъ...

Вотъ опасность, о которой я намекнулъ выше, что она грозитъ дѣлу, отъ системы принятой г. Пироговымъ, то есть отъ системы уступокъ большинству, которое, по словамъ его же поклонниковъ, ничего лучше не желало, какъ сдѣлать угодное начальнику... Положеніе должно было представляться тѣмъ болѣе комическимъ, что г. Пироговъ не могъ же предоставить большинству, или вообще коллегіямъ, всѣхъ правъ и всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшности ихъ дѣйствій: административное начало, учебная формалистика, прежніе уставы и законоположенія — все это оставалось и связывало свободную дѣятельность коллегій, если бы онѣ даже и оказались наклонны къ какимъ-нибудь свободнымъ нововведеніямъ... Я опять не осуждаю здѣсь г. Пирогова (считаю не лишнею эту оговорку); я вѣрю, что въ его положеніи онъ не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ... Но я опять не вѣрю и громадности тѣхъ послѣдствій отъ «Правилъ» и коллегіальнаго начала, которыя высчитаны въ дюжинѣ торжественныхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову. Если къ отмѣнѣ

розги нельзя было вдругъ привести педагоговъ и общество, то можно ли въ два съ половиною года (время попечительства г. Пирогова) привести ихъ къ отмѣнѣ произвола и къ строгому уваженію законности.

«Вотъ мы и правы были, — кричатъ г.г. Е. Суд. и М. Драгомановъ: — вотъ г. —*бовъ* и самъ договорился до теоріи либеральнаго деспотизма, утверждая, что система уступокъ коллегіямъ со стороны г. Пирогова была не хороша и даже грозитъ какою-то опасностью дѣлу . . . »

Нѣтъ, господа, вы все-таки не правы. Я уже сказалъ, что меня занимаютъ не личныя достоинства г. Пирогова, а самое дѣло. Г-нъ Пироговъ дѣйствовалъ отлично, насколько могъ; но дѣло оттого мало подвинулось . . . Что оно мало подвинулось, это ужъ не отъ г. Пирогова зависѣло, а отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Можетъ быть, если бъ онъ дѣйствовалъ иначе, было бы хуже, можетъ быть — вышло бы въ концѣ концовъ то же самое; но во всякомъ случаѣ погодите кричать о великихъ прогрессахъ, о неизмѣримо-благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, о внезапномъ перерожденіи, и пр. . . Этого, господа, не бываетъ . . . На торжественныхъ проводахъ можно говорить что угодно, особенно если это пріятно г. Пирогову: отчего же не воздать честь человѣку? Но честь честью, а дѣло дѣломъ. А дѣло могло бы пойти успѣшно только тогда, когда бы — Пироговъ ли или кто другой — направилъ всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше требованіе отъ передовыхъ общественныхъ

дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальныя требованія, — весьма почтенныя сами по себѣ, — кажутся намъ слабы и мелки... Но мы сами ошибались, думая нѣкогда, что такое требованіе выполнимо хоть до нѣкоторой степени для единичной личности; теперь на примѣрѣ же г. Пирогова мы убѣдились, что оно рѣшительно невыполнимо даже для самыхъ лучшихъ личностей, если онѣ дѣйствуютъ только сами собой... Нужно, чтобъ общество, чтобъ сама *среда* обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость измѣнить его. Среда же — это всѣ мы: и г. Пироговъ, и г. Е. Суд., и я, и г. Драгомановъ — всѣ принадлежимъ къ этой средѣ и всѣ обязаны хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья, о существенномъ измѣненіи нашего положенія, чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій. Вотъ смыслъ и цѣль какъ предыдущей, такъ и настоящей моей статьи по поводу кіевскихъ «Правилъ».

Поймутъ ли меня г. Драгомановъ и компанія? Не очень надѣюсь, но желалъ бы, чтобъ поняли: въ людяхъ молодыхъ и свѣжихъ все же больше силы даже для того, чтобъ, не стыдясь прежнихъ увлеченій, перейти къ новымъ требованіямъ.

Но зачѣмъ же я самъ составилъ такое жалкое изображеніе этой среды, къ которой еще разъ обращаюсь? Вѣдь если прежде сказали, что я написалъ статью для оскорбленія г. Пирогова, такъ теперь рѣшатъ, пожалуй, что я писалъ для оскорбленія всѣхъ кіевскихъ педагоговъ, всего учебнаго округа... Пожалуй, что и рѣшатъ. Но вѣдь это не мое изобрѣтеніе, — я сгруппировалъ лишь нѣкоторыя черты, сообщенныя самими кіевлянами... А

зачѣмъ я группировалъ ихъ? . . Да положимъ хоть затѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе видѣть потомъ ошибочность моихъ мрачныхъ предположеній . . . Можетъ быть, на зло этой статейкѣ, кіевляне дѣйствительно проникнутся *истинными* началами г. Пирогова, будутъ смѣло, во имя ихъ, идти противъ всякаго крикуна, разумно и гуманно разбирать проступки гимназистовъ и совсѣмъ выведутъ изъ употребленія розгу. Когда наступитъ этотъ безмятежный вечеръ въ кіевской педагогикѣ (что мы узнаемъ изъ будущихъ отчетовъ), тогда я съ радостью похвалю утро, принесенное въ Кіевъ г. Пироговымъ.

Р. 1938
Акт № 25/с
Вкладн. л. 29

Собраніе сочиненій

Ѳ. М. Достоевскаго.

Многочисленные портреты автора, его автографъ, художеств. приложенія.

21 томъ. Цѣна 28 р., въ изящн. коленкор. переплетахъ 38 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Г. А. Мачтета.

Съ портретомъ автора.

10 т. по 1 руб., въ изящн. коленк. перепл. 15 р.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

В. Г. Тана.

Съ портретомъ автора.

10 т. по 1 р., въ изящн. коленк. перепл. 15 р.

Допускается разсрочка платежа отъ 1 р. въ мѣсяцъ.

Собраніе сочиненій

Ольги Шапиръ.

Съ портретами автора и вступительной статьей проф. **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.**

10 томовъ по 1 руб. 50 коп., въ изящныхъ коленкор. перепл. 20 руб.

Допускается разсрочка платежа по 1 р. въ мѣсяцъ.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе“ высылается, по требованію, безплатно.

Ч238/2
П2/54-6

ЦѢНА 1 РУБЛЬ

Акціонерное Общество
«Просвѣщеніе»
Цѣна 2 руб. — к.

Обращаемъ вниманіе подписчиковъ на изготовленные нами

изящные переплеты

для нашего изданія классиковъ.

По желанію, подписчики могутъ получать дальнѣйшіетомы уже переплетенными, чѣмъ ими будутъ сбережены издержки, которыя должны бы впослѣдствіи потребоваться на выписку и отдѣльную пересылку крышекъ и на вплетеніе въ нихъ книгъ.

Цѣна переплетеннаго тома на **50 коп.** дороже цѣны книги. Цѣна крышки отдѣльно — **40 коп.**

Товарищество „Просвѣщеніе“

Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. С.-Петербургъ, Забалканскій пр., д № 75.

112
/54-6.